Звѣріада

романъ

Юрій Галичъ





ЮРІЙ ГАЛИЧЪ

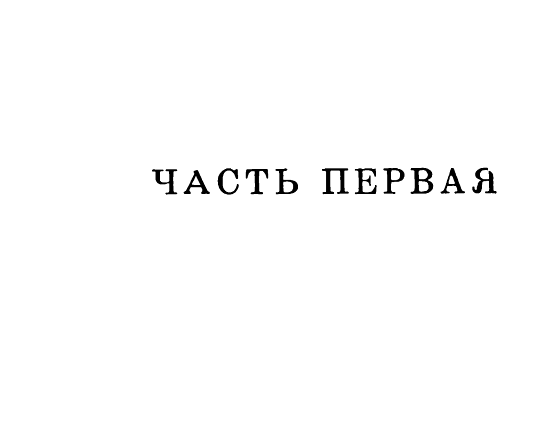
ЗВѢРІАДА

ЗАПИСКИ ЧЕРКЕСОВА

Романъ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ“
РИГА, ПЕТРОЦЕРКОВНАЯ ПЛОЩАДЬ 37
1931

Эта книга напечатана
въ типографіи „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ“
Рига, Петроцерковная площ. 25-27.



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

Утро было, какъ утро, ясное и румяное, съ бодрою свѣжестью, съ солнечными улыбками.

Къ вечеру опустились блѣдныя сумерки.

Хмурое, точно свинцовое, небо висѣло тяжелымъ ковромъ. Въ раскрытое окно вѣяло цѣпкою сыростью. Все стало сѣрымъ, непривлекательнымъ, сиротливымъ. И еще тоскливѣе казались заболоченные луга, пожни, торфяники, пашни и нивы, березы и ельникъ, чухонскія мызы, тонувшія въ мглистомъ туманѣ.

Пролетали верстовые столбы. Безконечною сѣткой, то опускаясь, то подымаясь, тянулись телеграфные провода. Поѣздъ катился на сѣверъ, отбивая однообразно-утомительный ритмъ:

— Трахъ-тахъ-тахъ!.. Трахъ-тахъ-тахъ!..

Потомъ, сквозь пелену дымнаго марева, сверкнули таинственные огни. Они разростались все больше и вскорѣ образовали огненный кругъ, надъ которымъ горѣло причудливое сіяніе багроваго цвѣта, незамѣтно переходившее въ темноту.

Громыхая на стрѣлкахъ, колеса замедлили бѣгъ.

— Ту-туу! — запѣли сторожевые рожки. Замелькали огни семафоровъ. Низкія каменныя строенія поползли съ обѣихъ сторонъ. Тяжелый товаро-пассажирскій составъ втянулся подъ сводчатую галлерею варшавско-петербургскаго вокзала — и сердце затрепыхалось отъ непередаваемаго волненія...

Всю дорогу я былъ почти совершенно спокоенъ.

Въ теченіе послѣднихъ сутокъ, по крайней мѣрѣ наружно, я ничѣмъ не выдавалъ своихъ чувствъ и даже подтрунивалъ надъ нѣкоторыми изъ моихъ одноклассниковъ, для которыхъ, такъ же какъ для меня, начиналась новая жизнь.

Но если бы сейчасъ кто-нибудь, какимъ-нибудь образомъ, заглянулъ подъ мою кургузую курточку изъ чернаго кадетскаго драпа, въ то мѣсто, гдѣ стучится мое маленькое сердчишко, что бы онъ обнаружилъ?

— Господи, куда дѣлось все мое мужество, хладнокровіе, стойкость?

Въ эту минуту почувствовалъ я себя слабенькимъ, жалкимъ мальчонкомъ, поблѣднѣвшимъ отъ волненія и тревоги, нуждавшимся въ прочной опорѣ. Машинально, вслѣдъ за другими, я поднялся со скамьи, снялъ съ полки старый кожаный чемоданъ и машинально же, передвигая съ нѣкоторымъ усиліемъ ноги, протиснулся къ выходу.

— Неужели — конецъ?

Какъ быстро, съ какой ужасающей скоростью пробѣжали послѣднія сутки!

Ахъ, если бы еще нѣсколько дней, хотя бы даже часовъ, провести на той же деревянной скамьѣ, въ обществѣ закадычныхъ друзей, съ ихъ мыслями, планами, думами, укрытыми подъ кадетской фуражкой!...

Но сорокъ человѣкъ, въ черныхъ плащахъ въ накидку, вываливъ на перронъ, уже слѣдуютъ въ парадный, ярко освѣщенный залъ перваго класса.

Среди нихъ, преобладающее большинство, составляютъ — „павлоны“, будущіе пѣхотные юнкера, простые, скромные, неискушенные жизнью здоровяки, съ кадетскихъ дней питающіе влеченіе къ ружейнымъ пріемамъ, шагистикѣ, строевой муштрѣ.

Это подлинные военные.

Вотъ — „первые ученики“, математики, будущіе инженерные юнкера, солидные молодые люди въ очкахъ, равнодушные къ строевой дисциплинѣ, занятые разрѣшеніемъ болѣе высокихъ проблемъ.

Вотъ, наконецъ, наши „пай-мальчики“, въ мѣру серьезные, въ мѣру отдающіе должное всѣмъ радостямъ жизни, уравновѣшанные сангвиники, будущіе молодцы-артиллеристы — михайловцы и константиновцы.

Всѣ они, безъ исключенія, если судить по озабоченнымъ и слегка растеряннымъ лицамъ, взволнованы не меньше меня. Всѣхъ насъ, въ одинаковой степени, томятъ смутныя, неясныя, совершенно неопредѣленныя ожиданія...

Впереди идетъ „Бобъ“, онъ же — полковникъ Василій Алексѣевичъ Давыдовъ, гроза и гордость кадетскаго корпуса, волшебный стрѣлокъ, непревзойденный инструкторъ церемоніальнаго марша, знаменитый солистъ, выступающій, въ качествѣ баса-профундо, на кадетскихъ спектакляхъ съ дивертисментомъ. „Ночной смотръ“ занимаетъ первое мѣсто въ его репертуарѣ:

„Въ двѣнадцать часовъ по ногамъ
Выходитъ трубачъ изъ могилы,
И скачетъ онъ взадъ и впередъ,
И громко трубитъ онъ тревогу...“

Этотъ молчаливый, суровый и требовательный до крайней степени человѣкъ является сейчасъ нашимъ единственнымъ заступникомъ, покровителемъ, кѣмъ-то вродѣ нѣжнаго, ласковаго, отзывчиваго отца. Всю дорогу онъ провелъ въ сосѣднемъ вагонѣ, встрѣчался съ нами только урывками и. тѣмъ не менѣе, близокъ намъ, какъ никто.

Въ залѣ перваго класса „Бобъ“ останавливается, выстраиваетъ насъ въ одну шеренгу, окидываетъ строгимъ взглядомъ. Затѣмъ откашливается, отставляетъ въ сторону лѣвую ногу, а правую руку, съ какимъ-то бумажнымъ листомъ, вытягиваетъ передъ собой, на подобіе нотъ, точно въ самомъ дѣлѣ собирается рявкнуть свою знаменитую балладу:

„И съ сѣвера, съ юга летятъ,
Съ востока и съ запада мчатся,
На легкихъ воздушныхъ коняхъ,
Одинъ за другимъ эскадроны...“

Но вмѣсто нотъ, въ рукахъ у „Боба“ алфавитный списокъ, который онъ оглашаетъ своимъ густымъ, медленнымъ басомъ. Нѣтъ-ли отбившихся или случайно отставшихъ, или, неровенъ часъ, сознательно увильнувшихъ въ пути?

И сразу у всѣхъ сорока человѣкъ просыпается бодрость.

Четко, увѣренно звучатъ юные голоса. Перекличка закончена. Ни отбившихся, ни отставшихъ, ни тѣмъ болѣе умышленно нарушившихъ долгъ — нѣтъ.

Все въ полномъ порядкѣ...

А дальнѣйшее протекаетъ съ такой быстротой, передъ которой даже путешествіе по желѣзной дорогѣ кажется вѣчностью.

— Кавалерія! — командуетъ „Бобъ“.

Онъ пробѣгаетъ вторично списокъ и, по очереди, бросаетъ:

— Громовъ!..

— Дробышъ-Дробышевскій!..

— Черкесовъ!..

Мы выходимъ изъ общей шеренги и смыкаемся въ маленькую группу изъ трехъ человѣкъ. Сзади слышно шушуканье. Публика съ любопытствомъ смотритъ на насъ. Плотный буфетчикъ, съ коротко стриженной на татарскій ладъ головой, перекинулся черезъ стойку.

— Вотъ! — говоритъ „Бобъ“, роясь въ портфелѣ и передавая документы. — Явитесь сами!.. Это рукой подать!... Изъ-за васъ троихъ не будемъ задерживаться!.. А завтра я съ вами прощусь!... Съ Богомъ!

Мы козыряемъ и поворачиваемся.

Съ вещами въ рукахъ, провожаемые взорами друзей и публики, направляемся къ выходу.

— Черкесовъ, прощай! — летитъ вдогонку. Кто мнѣ кричитъ, я не могу разобрать.

Сердце сжимается.

Отъ безсонной ночи, волненія и тревоги я готовъ разрыдаться...

2.

Моросить дождь.

Тускло горятъ вокзальные фонари, и блѣдный желтоватый свѣтъ дрожитъ на мокромъ гранитѣ.

Вереница пролетокъ и дрожекъ, съ поднятымъ верхомъ, поглощаетъ очередныхъ сѣдоковъ и уноситъ въ сырой хлипкій туманъ.

Громовъ нанимаетъ за цѣлковый карету, настоящія потребальныя дроги, запряженныя парой вороныхъ, тощихъ, понурыхъ, съ костистыми моклоками коней. Дробышъ-Дробышевскій пытается отпустить по этому поводу шутку, но шутка не встрѣчаетъ сочувствія.

Молча, согнувшись, лѣземъ по очереди въ карету. Черезъ минуту желѣзныя шины дребезжатъ по булыжнику мостовой...

Дождь усиливается, и хлещетъ, какъ изъ ведра.

Въ залитыя стекла глядятъ сѣрыя громады домовъ, черный каналъ, пустынныя, еле освѣщаемыя ночными огнями, панели. На поворотѣ, возлѣ моста, мелькаетъ фигура городового въ клеенчатой накидкѣ, вотъ блеснули рельсы городской конки, пробѣжала вывѣска чайной...

Мы сидимъ рядомъ, плотно прижавшись другъ къ другу, молчаливые, безсловесные, точно преступники въ ожиданіи казни. Четверть часа тому назадъ мы еще находились среди друзей. Сейчасъ покинули ихъ навсегда. Мы чувствуемъ, какъ оторвались отъ чего-то близкаго, родного и всецѣло предоставлены теперь собственнымъ силамъ.

— Елки-палки! — не выдерживаетъ и ругается Громовъ.

Дробышевскій молчитъ и пытливо всматривается въ окошко.

Я тоже молчу и пытаюсь подавить разростающееся, съ каждой минутой, волненіе.

Въ самомъ дѣлѣ, наше положеніе не изъ очень веселыхъ.

Три кадета провинціальнаго корпуса попадаютъ въ первый разъ въ императорскую столицу. Прямо съ вок-

зала, едва очнувшись отъ неожиданности, отъ разлуки съ друзьями, въ тяжеломъ рыдванѣ, подъ унылую дробь дождя, въ порядкѣ полной самостоятельности, мы совершаемъ свой первый этапъ.

Какъ приметъ насъ Школа подъ свои кавалерійскіе своды?

Что ожидаетъ насъ въ теченіе ближайшихъ минутъ?

Тысяча мыслей и предположеній, острыхъ, жуткихъ, сумбурныхъ, роятся въ головѣ, переплетаются между собой, подымаютъ тревожное настроеніе до предѣла...

Но вотъ и Новопетергофскій проспектъ.

Карета продолжаетъ тарахтѣть по булыжнику. Въ лѣвое, сплошь исхлестанное дождемъ окно виднѣется мрачный пустырь, съ лужами посреди. Въ правомъ окнѣ уже протянулась высокая металлическая рѣшетка, съ сѣкирами и мечами, съ побѣдными вѣнками изъ лавровъ и прочей боевой арматурой.

А сквозь порѣдѣвшую листву сквера выростаетъ сѣрое старинное зданіе, съ огнями во всѣхъ трехъ этажахъ, съ длиннокрылымъ орломъ и смутно выдѣляющейся подъ нимъ надписью на фронтонѣ:

Николаевское Кавалерійское Училище.

Ночной сторожъ вылѣзаетъ изъ будки, кряхтя отмыкаетъ ключомъ ворота, и тяжелый рыдванъ плетется къ подъѣзду.

— Стопъ! — командуетъ Дробышевскій.

— Имѣю честь поздравить!

— Станція НКУ съ буфетомъ перваго и второго класса.

Громовъ ругается. Мнѣ положительно не до шутокъ. Нѣкоторымъ усиліемъ воли привожу себя въ порядокъ и вылѣзаю изъ колесницы.

Дождь прекратился, но сырость прохватываетъ насквозь.

Одинъ за другимъ, съ вещами въ рукахъ, подымаемся по ступенямъ подъѣзда, толкаемъ тяжелую дверь и прохо-

димъ въ училищный вестибюль, въ которомъ сразу обдаетъ свѣтомъ, уютомъ, тепломъ.

Первое впечатлѣніе достаточно благопріятное.

Низенькій потолокъ, убранныя портретами стѣны, ярко навощенный паркетъ — все это напоминало скорѣе частный пріютъ, образцовую богадѣльню, можетъ быть, даже дѣвичій пансіонъ.

Швейцаръ, не въ парадной ливреѣ, а въ ночномъ рабочемъ кафтанѣ, снимаетъ галунную шапку, степенно отвѣшиваетъ поклонъ, поздравляетъ съ прибытіемъ. Потомъ, принявъ вещи, указываетъ кивкомъ на комнату дежурнаго офицера.

А надъ головой разносится топотъ, крики, звяканье шпоръ.

Точно, по меньшей мѣрѣ, пятьдесятъ паръ танцуютъ мазурку изъ „Жизни за Царя“ или табунъ молодыхъ жеребятъ галопируетъ по паркету.

Двѣ отлогія лѣстницы, однимъ маршемъ, ведутъ наверхъ, въ нашу будущую обитель, о которой не имѣемъ ни малѣйшаго представленія. Съ затаеннымъ дыханіемъ стоимъ у входа въ дежурную и прислушиваемся къ несущимся сверху звукамъ.

— Господи, благослови!

Въ дежурной комнатѣ, склонившись надъ стаканомъ чая, сидитъ пожилой ротмистръ, съ сѣдѣющими драгунскими бакенбардами, въ мундирѣ, при лядункѣ и шашкѣ.

При нашемъ появленіи, онъ приподымается, убираетъ со стола бутылку, съ благодушнымъ видомъ выслушиваетъ наши рапорты, принимаетъ бумаги.

— Одну минуточку! — кидаетъ хриплымъ голосомъ ротмистръ.

Онъ погружается въ чтеніе документовъ. Потомъ, отхлебнувъ изъ стакана, величественнымъ жестомъ расправляетъ подусники и повторяетъ:

— Одну минуточку, господа!

Ротмистръ выходитъ изъ дежурной комнаты въ вестибюль, оглядывается, ловитъ кого-то, кричитъ:

— Юнкеръ Пушкинъ, пожалуйте-ка сюда!..

3.

Дзыннь-дзыннь!..

Звонко лязгаютъ шпоры, и передъ нами, точно изъ-подъ земли, выростаетъ маленькое видѣніе въ куцомъ кавалерійскомъ мундирѣ, расшитомъ золочеными галунами на воротникѣ, на погонахъ, на рукавахъ „стрѣлкой", въ синихъ кавалерійскихъ рейтузахъ, плотно обхватывающихъ мускулистыя ляжки и задъ, въ низенькихъ лакированныхъ ботикахъ.

Видѣніе держитъ себя независимо, пятитъ толстыя губы, улыбается насмѣшливою улыбкой.

— Юнкеръ Пушкинъ! — обращается къ нему „Одна Минуточка". — Отведете звѣрей наверхъ!

— Слушаю, господинъ ротмистръ! — чеканитъ Пушкинъ и, повернувшись круто налѣво-кругомъ — дзыннь-дзыннь!, снова лязгаетъ шпорами, выходитъ изъ комнаты и ведетъ за собой. Въ пути онъ пріостанавливается, съ любопытствомъ разглядываетъ наши погоны, алые съ бѣлыми кантиками.

— Полочане! — хохочетъ Пушкинъ и покровительственно хлопаетъ меня по плечу. Гибкій, ловкій, подвижный, точно сработанный изъ резины, вихляя туго стянутымъ задомъ и шаркая шпорами по паркету, онъ взбирается съ нами наверхъ...

То, что мы увидали, было до того неожиданно, точно совершенно иной міръ развернулся передъ глазами.

Въ углахъ просторной площадки горѣло нѣсколько фонарей, и тяжелая люстра опускалась отъ потолка. Въ простѣнкѣ, непосредственно передъ нашими взорами, виднѣлся портретъ императора, въ широкой золотой рамѣ.

А по стѣнамъ жалось десятка четыре юношей, съ блѣдными, тревожными, растерянными улыбками, въ скромныхъ кадетскихъ курткахъ, опоясанныхъ черным ремнемъ, съ мѣдною бляхой. Одни изъ нихъ были въ бѣлыхъ погонахъ, другіе въ синихъ и алыхъ, третьи въ черныхъ съ бѣлыми или желтыми кантами. Были тутъ кіевляне, пол-

тавцы, орловцы и псковичи, кадеты столичныхъ корпусовъ, симбирцы, воронежцы, тифлисцы, нижегородцы.

Было нѣсколько лицеистовъ, правовѣдовъ и даже студентовъ.

Все это были „звѣри", такіе же точно, какъ мы, жалкіе „звѣри", съ угловатыми движеніями, съ неувѣренною походкой, дикіе, несчастные „звѣри", которыхъ ожидаетъ юнкерская шлифовка.

Жестокая муштра!

Свирѣпый кавалерійскій цукъ!...

А по паркету площадки, въ раззолоченныхъ галунами мундирахъ, въ синихъ кавалерійскихъ рейтузахъ и низенькихъ сапогахъ, изъ лакированной, или изъ тонкой шагреневой кожи, щелкая шпорами, носились юнкера старшаго класса — наши „корнеты".

Одни изъ нихъ, обхвативъ другъ дружку, кружились въ вальсѣ или скакали, откалывая, въ самомъ дѣлѣ, нѣчто вродѣ мазурки, опускаясь на колѣно въ каждомъ углу и церемонно обводя „даму" вокругъ себя.

Другіе, съ важнымъ видомъ, прогуливались въ офицерскихъ фуражкахъ, подходили къ отдѣльнымъ „звѣрямъ", задавали вопросы, съ крикомъ и хохотомъ поворачивали налѣво-кругомъ:

— Молодой Экземплярскій, стоянка Ямбургскаго полка?

— Ничего подобнаго!

— Кру-гомъ!

— Ать-два!.. Ногу выше!... Отчетливѣй!

— Молодой Зарубаевъ, что такое прогрессъ?

— Ничего подобнаго!

— Кругомъ!

— Пачку нарядовъ!

— Молодой графъ Паленъ, кто сидѣлъ на Гохкирхенской колокольнѣ?

— Кругомъ!

— Явитесь вахмистру!

— Сугубые звѣри!.. Вандалы!.. Сарматы!.. Скифы!

— Тррепещи, молодежь!...

Суетились дежурные портупей-юнкера, при шашкахъ и кушакахъ, съ лихо надѣтыми на бокъ драгунками, съ алымъ донышкомъ и гвардейской звѣздой. Сквозь шумъ, гамъ, крики и смѣхъ доносилось пѣнье и звуки гитары. Кто-то невидимый, дергая струны, заливался жиденькимъ баритономъ:

„А помнишь, какъ бывало,
Ты пѣсни мнѣ пѣвала,
Въ заката тихій часъ,
Въ заката тихій часъ?..“

Но все рѣшительно покрывало лязганье шпоръ, самыхъ разнообразныхъ фасоновъ, съ тяжелою жандармской музыкой, съ нѣжнымъ малиновымъ звономъ. Это было основною мелодіей, подобно звуку кавалерійской трубы:

— Тр-дамъ, тр-дамъ, тр-дамъ, тр-дамъ...

Въ первый разъ въ жизни звенитъ у самаго уха ея граціозный мотивъ, легкій и быстрый, разливающійся серебристымъ журчаніемъ, столь отличающійся отъ звука кадетскаго горна и барабана:

— Тр-дамъ, тр-дамъ, тр-дамъ, тр-дамъ...

Въ дверяхъ появляется сухая фигура эскадроннаго вахмистра:

— Сми-и-рнаа!

И все мгновенно смолкаетъ...

Полуэскадроны, одинъ противъ другого, стоятъ неподвижно на „средней площадкѣ“. Впереди, вытянувшись въ струнку, круто выпятивъ грудь, стоятъ взводные портупей-юнкера, съ тремя желтыми лычками на алыхъ погонахъ, бравые, самоувѣренные, щеголеватые.

За ними кое-какъ жмутся, въ переднихъ шеренгахъ, кадеты, лицеисты, студенты, въ длинныхъ брюкахъ, въ разнообразныхъ курткахъ и сюртукахъ.

Въ заднихъ шеренгахъ, прислонясь поясницей къ периламъ лѣстницы, стоятъ веселые, улыбающіеся „корнеты“.

„Одна Минуточка“ медленно подымается на площадку.

Снова гремитъ команда.

Эскадронный вахмистръ читаетъ приказъ, дѣлаетъ перекличку, командуетъ:

— На молитву!

Оглушительно звеня шпорами, эскадронъ поворачивается и марширует по длинному коридору на ужинъ.

А потомъ — первая ночь на жесткомъ юнкерскомъ тюфякѣ, короткая безпросыпная ночь въ стѣнахъ „славной гвардейской школы“...

„И мгались мы куда-то,
Откуда нѣтъ возврата,
Куда дороги нѣтъ,
Куда дороги нѣтъ!..“

4.

Эта ночь вводитъ насъ въ преддверіе нашей юнкерской жизни, весьма отличающейся отъ тѣхъ блѣдныхъ, тусклыхъ, однообразныхъ лѣтъ, которыя мы провели въ кадетскомъ монастырѣ...

„Плѣшакъ“ — такъ зовутъ нашего эскадроннаго командира, полковника гвардіи, Николая Александровича Сухомлинова.

Это пожилой человѣкъ, съ тучной фигурой, съ голой, какъ бильярдный шаръ, головой, съ закрученными кверху усами, съ коротко подстриженной клинушкомъ, на модный образецъ, рыжеватой бородкой. Онъ не говоритъ, а точно лаетъ визгливыми, хриплыми, срывающимися фразами, суетится, быстро воспламеняется и такъ же быстро отходитъ.

Подъ его наблюденіемъ, въ присутствіи училищныхъ офицеровъ, съ утра происходитъ медицинскій осмотръ, пригонка обмундированія, разбивка на взводы и смѣны. Въ лазаретѣ, стоя въ чемъ мать родила, мы подвергаемся взвѣшиванію, ощупыванію, выслушиванію дыханія. Въ гимнастическомъ залѣ облекаютъ насъ въ новую, кавалерійскую форму.

Горы казенной одежды лежатъ на столахъ.

Каптенармусъ Нарѣжный, бравый вахмистръ изъ полтавскихъ хохловъ, съ помощью подручныхъ, закройщиковъ, мастеровъ, пригоняетъ бушлаты, рейтузы, сѣрыя юнкерскія шинели, высокіе кавалерійскіе сапоги:

— Самый разъ!

— Здаэтся що узковато! — говоритъ каптенармусъ Нарѣжный, окидывая зоркимъ окомъ фигуру.

— Не хвасонисто, господинъ!

— Шинэлку треба безпремѣнно перемѣнить!..

Одновременно выдается шашка, винтовка, боевой ремень, аммуниція. Во взводѣ каждому указана его койка и столикъ. Въ классной комнатѣ или, по школьному выраженію, въ „капонирѣ", занято мѣсто на партѣ.

Къ завтраку мы принимаемъ вполнѣ юнкерскій видъ и отличаемся отъ „корнетовъ" развѣ только отсутствіемъ шпоръ. Шпоры будутъ выданы намъ впослѣдствіе, въ зависимости отъ успѣховъ въ верховой ѣздѣ...

О, нѣтъ, не однѣ только шпоры обличаютъ „корнета"!

Вся его внѣшность, начиная отъ ладно скроенной, ловкой, изящной фигурки, тщательно пригнанныхъ рейтузъ и мундира, въ большинствѣ случаевъ не казенныхъ, а собственныхъ, изъ гладкаго ворсованнаго сукна, вплоть до особой, легкой кавалерійской походки „развальцемъ" и самодовольной улыбки на чистомъ, здоровомъ, выхоленномъ лицѣ, свидѣтельствуетъ, что это существо иного, болѣе высокаго, нежели мы, порядка.

Въ самомъ дѣлѣ, прислушайтесь, какъ онъ говоритъ! Какъ небрежно роняетъ слова, какъ цѣдитъ французскія фразы?

Какъ щеголяетъ спеціальными выраженіями и словечками, о которыхъ мы не имѣемъ никакого понятія!

— Кентеръ!

— Брокъ!

— Стипль-чезъ!

— Ирландскій банкетъ въ адскомъ посылѣ!

„Корнетъ“ — это совершенно особое существо, которому слѣдуетъ подражать, которымъ можно невольно залюбоваться. Между нимъ и „сугубымъ звѣремъ“, если говорить откровенно — дистанція огромнѣйшаго размѣра...

Я попалъ, при разбивкѣ, вмѣстѣ съ Дробышъ-Дробышевскимъ, въ четвертый взводъ, или иначе въ „малину“. Громовъ, по причинѣ крупнаго роста, назначенъ въ первый взводъ, къ „верблюдамъ“. Это не мѣшаетъ намъ ежедневно встрѣчаться.

— Ну, дѣтки, что вы скажете? — говоритъ Дробышевскій, уже видимо нѣсколько освоившійся съ своимъ положеніемъ:

— Трррепещи, молодежь?

Я улыбаюсь.

Громовъ хохочетъ.

Мы вспоминаемъ нашъ монастырь и должны придти къ заключенію, что обстановка въ училищѣ чрезвычайно разнится отъ кадетской.

Никто изъ насъ не помянетъ корпусъ худымъ словомъ.

Съ нимъ связано много воспоминаній. Много зеленыхъ, беззаботныхъ, отроческихъ дней протекло въ его толстыхъ стѣнахъ, украшенныхъ, со времени великой Отечественной войны, знаменитой эмблемой — французской гранатой Сенъ-Сира.

И все же это была не настоящая жизнь, а какое-то сѣренькое существованіе, дѣлившееся между классами и церковными службами.

Тамъ мы были дѣтьми.

Здѣсь смотрятъ на насъ, какъ на взрослыхъ.

Тамъ насъ опекали.

Здѣсь, во многихъ отношеніяхъ, мы предоставлены самимъ себѣ.

Здѣсь несравненно больше свободы. Намъ разрѣшаютъ извѣстныя вольности. Такъ, напримѣръ, мы не обязаны больше стричь голову подъ машинку, а можемъ но-

сить, при желаніи, коротенькій ежикъ и даже прическу съ проборомъ.

Куреніе табака не преслѣдуется и къ услугамъ курильщиковъ имѣется даже спеціальное помѣщеніе — „курилка“.

Намъ разрѣшается держать на рукахъ деньги.

Наконецъ, у насъ есть собственная прислуга.

Вспомнить только, что въ теченіе семи лѣтъ мы были обязаны сами чистить себѣ сапоги, пуговицы, одежду!... Въ зимнее тусклое утро, разбуженный отъ сладкаго сна грохотомъ кадетскаго барабана, уже мчишься, бывало, въ уборную, чтобы вооружиться сапожною щеткой и до небеснаго глянца отполировать свою грубую казенную обувь.

А потомъ, ухвативъ гербовкой пуговицы мундира, плюешь на собственную ладонь и, при помощи растертаго въ порошокъ кирпича, придаешь пуговицамъ золотой блескъ.

А если, сохрани Боже, лопнетъ прорѣха на брюкахъ, тутъ приходится бѣжать къ самому Іоськѣ, работающему иглой и наперсткомъ въ углу спальной камеры, и терпѣливо ожидать своей очереди, съ рискомъ опоздать къ утреннему осмотру и угодить подъ арестъ.

Теперь всѣ эти обязанности исполняютъ наши лакеи — Антонъ, Францъ, Тимофей Крутилинъ, Матвѣй, съ длинными министерскими бакенбардами — по одному на группу въ пять-шесть человѣкъ.

Все это преимущества, которыя приводятъ насъ въ хорошее настроеніе.

Неизвѣстно, впрочемъ, что еще ожидаетъ насъ впереди?...

„Бобъ“ сдержалъ слово и заѣхалъ проститься.

Онъ вызвалъ насъ въ пріемную комнату, оглядѣлъ со всѣхъ сторонъ, подалъ каждому руку.

— Молодцы! — сказалъ „Бобъ“, на прощанье крѣпко расцѣловалъ и прибавилъ:

— Вѣрьте въ Бога, служите честно царю, помните родной корпусъ!..

— Милый „Бобъ“!

Съ его отъѣздомъ оборвалось послѣднее звено...

„Средняя площадка“ — центральный нервъ, сборный пунктъ и арена неизмѣннаго цука.

Здѣсь можно наскочить на дежурнаго эстандарта, контролирующаго свѣжесть перчатокъ или носового платка, и подвергнуться самому неожиданному экзамену:

— Молодой Черкесовъ, отличія лейбъ-Павлоградскаго полка?

— Что такое банкетъ?

— Кто сидѣлъ на Гохкирхенской колокольнѣ?

— Ничего подобнаго!

— Кругомъ!!

— Ать — два... Ногу выше!.. Отчетливо!..

— Корнетъ строгъ, но справедливъ!.. Шутить не любитъ!..

Здѣсь можно напороться на взводнаго вахмистра, по неожиданности или по разсѣянности не стать ему во фронтъ и получить три наряда не въ очередь:

— Зѣваетъ, молодежь!

— Вандалы... Сарматы... Скифы!..

— Молодой Черкесовъ, явитесь вахмистру!..

По этимъ причинамъ, средняя площадка не пользуется у насъ симпатіями и посѣщается лишь въ случаѣ крайней необходимости и на кратчайшій отрѣзокъ времени. Среднюю площадку рекомендуется посѣщать лишь во всеоружіи знаній, имѣя обѣ руки вытянутыми по швамъ, а голову круто повернутою то въ одну, то въ другую сторону.

Между тѣмъ, это небольшая, весьма уютная двусвѣтная зала, украшенная портретами императоровъ, въ натуральный ростъ, въ тугихъ гвардейскихъ мундирахъ, въ яркихъ кирасирскихъ доспѣхахъ, въ бѣлыхъ лосинахъ, въ расшитыхъ шнурами доломанахъ гусарскихъ полковъ.

Двѣ широкія лѣстницы ведутъ въ нижній этажъ и такія же лѣстницы устремляются наверхъ, въ помѣщеніе казачьей сотни.

Прямо противъ площадки имѣется дверь, съ зажженной лампадкой надъ нею, ведущая въ домовую цер-

ковь. По бокамъ прибиты мраморныя доски съ фамиліями юнкеровъ Школы, вытравированными золочеными буквами, за „успѣхи въ наукахъ“.

Съ обѣихъ сторонъ площадки — входы въ полуэскадроны.

Каждый полуэскадронъ, въ свою очередь, длиннымъ коридоромъ раздѣляется на два взвода — двѣ просторныя комнаты, съ рядами коекъ и проходами между ними.

Окна четвертаго взвода выходятъ на Новопетергофскій проспектъ.

Впереди виденъ скверъ, за нимъ металлическая ограда, а дальше, по сосѣдству съ Обводнымъ каналомъ, лежитъ небольшой плацъ для эскадронныхъ ученій.

Въ мокрые осенніе дни пейзажъ этотъ представляетъ довольно тоскливое зрѣлище...

Въ нижнемъ этажѣ помѣщается квартира начальника, пріемная и дежурная комнаты, гимнастическая зала съ цейгаузомъ и карцерами, наконецъ — „гербовая зала“, съ висящими на стѣнахъ гербами кавалерійскихъ полковъ.

Эта послѣдняя пользуется нашимъ особымъ вниманіемъ. Здѣсь можно, въ короткій срокъ, ознакомиться съ біографіей любого полка, съ годомъ его рожденія, формой одежды, боевыми заслугами. Здѣсь же, въ примыкающемъ къ залѣ буфетѣ, можно за пятачокъ серебромъ получить стаканъ чая съ сдобною булочкой.

Но самымъ важнымъ является, пожалуй, то обстоятельство, что посѣщеніе гербоваго зала благороднымъ корнетствомъ производится въ исключительныхъ случаяхъ. Это нашъ „домъ“, въ которомъ мы чувствуемъ себя въ сравнительной безопасности, застрахованные отъ корнетскаго цука.

Здѣсь же, одновременно съ изученіемъ кавалерійскихъ гербовъ, имѣемъ возможность наполнять наши досуги самымъ разнообразнымъ содержаніемъ. Къ нашимъ услугамъ — шахматы, шашки и домино, кромѣ того рояль, піанино и другіе музыкальные инструменты.

Внизу же помѣщается и столовая.

Что касается класснаго флигеля, послѣдній соединенъ съ главнымъ зданіемъ особою галлереей. Въ отдѣльной комнатѣ помѣщается „лермонтовскій музей“. Затѣмъ, уже на дворѣ, разбросаны многочисленныя постройки — баня, конюшни, манежи, офицерскіе флигеля...

Помѣщенія невелики, но уютны.

Вся Школа заключаетъ не болѣе ста двадцати юнкеровъ эскадрона и такого же количества казаковъ сотни. Въ этомъ отношеніи, мы значительно уступаемъ любому военному училищу, съ его большимъ личнымъ составомъ.

Кормятъ насъ недурно, четыре раза въ день.

Мы не голодаемъ, какъ это случалось порою въ кадетскомъ корпусѣ. Кромѣ того, какъ указано выше, къ нашимъ услугамъ имѣется эскадронный буфетъ, въ которомъ можно пріобрѣсти закуску и бутерброды въ любомъ количествѣ. Украдкой, можно послать служителя за пивомъ и даже за водкой...

Науки преподаютъ намъ профессора и лучшіе столичные лекторы.

Въ качествѣ руководителей и инструкторовъ состоятъ образцовые кавалерійскіе офицеры.

Занятія продолжаются въ теченіе всего дня.

Съ утра до завтрака сидимъ въ классныхъ „капонирахъ“. Послѣ завтрака начинаются строевыя занятія — верховая ѣзда, волтижировка, сѣдловка, рубка, ковка, гимнастика, пѣше-по-конному. Послѣ обѣда идетъ подготовка къ лекціямъ и репетиціямъ.

И, наконецъ, круглый день занятъ муштровкой и цукомъ:

— Молодой Бѣлогорскій, что такое брокдаунъ?

— Молодой Молоствовъ, что такое механика?

— Сугубый Шмидтъ, что вы знаете о безсмертіи души рябчика?

— Ничего подобнаго!

— Кру-гомъ!.. Отчетливо!

— Присяга не за горами!

— Тррепещи, молодежь!..

Мы обязаны усвоить все то, что считается „традиціей“ Школы. Другими словами, должны лихо отдавать честь и становиться во фронтъ, быть одѣтымъ съ иголочки, знать боевыя отличія, формы, стоянки, всѣ особенности кавалерійскихъ полковъ.

Мы обязаны безпрекословно подчиняться всему ритуалу „славной гвардейской Школы“, начиная отъ изученія лермонтовской „Звѣріады“, кончая забавными шалостями, проказами, эскападами.

Оскорбляетъ-ли это меня?

Пока, нисколько!

Я подчиняюсь всему безъ малѣйшаго возраженія.

Я не нахожу въ этомъ ничего унизительнаго для моего самолюбія. Больше того, за комической на первый взглядъ внѣшностью, угадываю кое въ чемъ факты воспитательнаго значенія.

Это „традиція“, которую я вполнѣ одобряю и которую такъ же бережно постараюсь сохранить для другихъ...

6.

Сегодня, въ первый разъ, я назначенъ дневальнымъ по взводу.

Я надѣваю шашку и безкозырку и, въ теченіе сутокъ, являюсь въ нѣкоторомъ родѣ отвѣтственнымъ должностнымъ лицомъ.

Мои обязанности не очень сложны. Я долженъ слѣдить за чистотой въ помѣщеніи, наблюдать, чтобы не курили во взводѣ, чтобы юнкера не валялись по койкамъ, чтобы ихъ вещи содержались въ порядкѣ.

О всемъ замѣченномъ обязанъ тотчасъ докладывать дежурному по полуэскадрону портупей-юнкеру.

Само собой разумѣется, все это относится лишь къ юнкерамъ младшаго класса, ибо для „корнетовъ“ законъ не писанъ.

Уже недѣля, какъ я нахожусь въ Школѣ.

Между тѣмъ, кажется, будто пробѣжалъ всего одинъ день. Время летитъ съ поразительной быстротой. Впечатлѣній такъ много, что не успѣваешь въ нихъ разобраться...

Сегодня — суббота.

Юнкера старшаго класса, по окончаніи строевыхъ занятій, отправляются въ городъ. Одинъ за другимъ, въ новыхъ мундирахъ, въ длинныхъ шинеляхъ съ кавалерійскимъ разрѣзомъ и косыми обшлагами на рукавахъ, въ бѣлоснѣжныхъ перчаткахъ и портупеяхъ, въ драгункахъ, украшенныхъ андреевской звѣздой, гремя шашками и шпорами, покидаютъ училище.

Я наблюдаю изъ окна взвода, какъ выходятъ они изъ воротъ, то въ одиночку, то вдвоемъ усаживаются на лихачей и скрываются за угломъ.

И я завидую этимъ счастливымъ людямъ.

Молодежи, вплоть до присяги, отпускъ не разрѣшенъ...

Моимъ смѣннымъ офицеромъ состоитъ поручикъ Борисъ Александровичъ Гиппіусъ, офицеръ лейбъ-гвардіи Конногренадерскаго полка. Онъ совсѣмъ юнъ, лѣтъ двадцати пяти, не больше, и своимъ нѣжнымъ, безусымъ, дѣвичьимъ лицомъ напоминаетъ бѣлокураго херувима.

Между тѣмъ, Борисъ Александровичъ считается весьма опытнымъ строевымъ офицеромъ и сидитъ на конѣ, какъ „маленькій богъ“.

Онъ чрезвычайно деликатенъ и милъ. Мы не слышимъ отъ него ни одного грубаго слова или какой либо рѣзкости. Когда онъ дѣлаетъ замѣчаніе, его хорошенькое лицо покрывается легкимъ румянцемъ. Онъ такъ моложавъ, что способенъ сойти за юнкера, и офицерскіе погоны на его плечахъ, съ тремя звѣздочками, кажутся какимъ-то страннымъ недоразумѣніемъ...

Въ нашей смѣнѣ шестнадцать человѣкъ.

Всѣ мы быстро сошлись. Всѣ мы — бывшіе кадеты,

хотя и различныхъ корпусовъ, но общаго военнаго воспитанія, взглядовъ и вкусовъ.

Только одинъ изъ насъ статскій — студентъ духовной академіи Экземплярскій, сынъ почтеннаго кіевскаго архіерея. Онъ держится отъ смѣны особнякомъ, ненавидитъ училищныя традиціи и, по слухамъ, уже собирается покинуть Школу.

Что касается остальныхъ, всѣ станутъ въ будущемъ, безъ сомнѣнія, бравыми кавалерійскими юнкерами.

Вотъ, напримѣръ, князь Леонидъ Елецкій.

Онъ происходитъ изъ древняго рода, коренной рюриковичъ по крови, а по натурѣ очень милый, скромный, старательный юноша. Онъ идетъ первымъ по всѣмъ наукамъ, но нѣсколько слабоватъ въ верховой ѣздѣ. Мало-по-малу, онъ, конечно, выправитъ свой недостатокъ.

Вотъ мой землякъ — славный полтавецъ Валентинъ Синегубъ... Круглый, какъ шарикъ, петербуржецъ Саша Бабкинъ... Тощій, какъ штыкъ, прожорливый одесситъ — долгоносый Рогуля...

Вотъ общій любимецъ смѣны, балагуръ, затѣйникъ и лодырь — Герасимъ Андреевъ, съ небольшою фигуркой, съ огромными черными пушистыми усами, которымъ позавидовалъ бы любой гусарскій ротмистръ...

Я долженъ еще отмѣтить веселаго хорошенькаго князя Вову Андроникова и серьезнаго не по возрасту Невѣровскаго — правнука героя Отечественной войны... И слегка ехиднаго, плутоватаго Лутовинова, и благодушнаго, отличающагося музыкальными способностями, Гессъ де Кальве... И красиваго блондина Скалона, иначе — „Кута", и краснорожаго пьяницу Зарубаева, и маленькаго Ронжина, и длинноногаго витебскаго помѣщика, милаго, компанейскаго, настоящаго „душу-парня" — Мишу Плена и, наконецъ, моего однокашника, неунывающаго молодца Дробышъ-Дробышевскаго...

Въ результатѣ, я перечислилъ, кажется, всѣхъ.

Со всѣми придется тѣсно связать свои дни...

Моя койка стоитъ крайнею у прохода, за которымъ расположены койки старшаго класса. Проходъ этотъ носитъ названіе „корнетскаго“ и, по этой причинѣ, является для насъ „табу“ — намъ запрещено по нему проходить. Мнѣ приходится обходить свою койку и дѣлать значительный крюкъ, прежде чѣмъ выйти изъ взвода.

Въ головахъ, надъ кроватью, стоитъ желѣзная планка съ зеленой дощечкой, на которой бѣлой эмалевой краской написана моя фамилія. Тутъ же, на отдѣльномъ крюкѣ, виситъ полотенце, шашка и амуниція. Винтовка помѣщается въ пирамидѣ, подъ ключомъ взводнаго вахмистра.

Сбоку стоитъ небольшой столикъ съ вещами, туалетными принадлежностями, стеариновой свѣчкой. Въ ногахъ стоитъ табуретка, на которую, при отходѣ ко сну, складывается бѣлье и одежда.

Даже такая пустяковая вещь, какъ умѣнье сложить въ порядкѣ бѣлье, дается не сразу. По традиціи Школы, бѣлье — дневная сорочка, кальсоны, носки — должно быть сложено точнымъ квадратомъ.

Первое время это доставляло намъ крупныя непріятности. Однако, мы быстро усвоили это искусство и теперь уже просто на глазъ, не прибѣгая къ помощи циркуля и линейки, придаемъ бѣлью требуемую геометрическую фигуру.

Сохрани Богъ пренебречь этимъ правиломъ!

Бѣлье, въ теченіе ночи, будетъ скинуто на полъ, а ослушникъ подвергнется суровому наказанію — постановкѣ „подъ-шашку“, по приказанію взводнаго вахмистра...

7.

Хлипкими слезами плачетъ петербургскій сентябрь.

Небо задернуто саваномъ.

Пожелтѣвшіе листья кружатся въ воздухѣ и золотыми червонцами устилаютъ дорожки сквера.

Еще не поздно, а на улицахъ уже кое-гдѣ вспыхнули

фонари. Глухо доносятся шумы столицы, тарахтѣнье извозчиковъ, свистки паровозовъ, фабричные гулы...

Мой міръ заключается пока въ четырехъ стѣнахъ училища. Иногда, впрочемъ, я выхожу на прогулку въ нашъ маленькій садикъ и, сквозь рѣшетку, созерцаю внѣшнюю жизнь. Она не представляетъ особаго интереса. Школа расположена на окраинѣ города, въ весьма неприглядной части столицы, по сосѣдству съ Балтійскимъ вокзаломъ.

День протекаетъ строго по расписанію, отъ классныхъ занятій къ строевымъ упражненіямъ, отъ парты къ сѣдлу, съ небольшимъ промежуткомъ на завтракъ и на обѣдъ...

Мѣрнымъ шагомъ, въ шинеляхъ въ накидку, смѣна направляется въ манежъ. Онъ расположенъ въ углу училищнаго двора, рядомъ съ конюшнями.

У входа въ манежъ стоитъ школьный берейторъ, старый уланскій вахмистръ Бѣлявскій, въ коротенькомъ полушубкѣ, отороченномъ черным барашкомъ. Бѣлявскій покручиваетъ усы, щелкаетъ хлыстомъ по кожанымъ леямъ, отдаетъ приказанія унтерамъ и „штатскимъ изъ манежа“, обслуживающимъ конскій составъ.

— Куда прешь, свынячая морда... У, стерва... Холера... Чередниченко, вертай коней у тую манэжъ! — гремитъ Бѣлявскій и загибаетъ крѣпкое слово по адресу вѣстовыхъ, этихъ несчастныхъ людишекъ, вѣчно голодныхъ, забитыхъ, въ какихъ-то рваныхъ отрепьяхъ, настоящихъ выходцевъ изъ ночлежекъ, по непонятнымъ соображеніямъ взятыхъ, по вольному найму, для ухода за лошадьми.

„Штатскіе изъ манежа“!

Это названіе прочно закрѣпилось за ними...

Въ предманежникѣ, окутанные облакомъ пара, съ влажной отъ пота, сбившейся, мохнатою шерстью, вываживаются вереницы коней.

Очередная смѣна уже выстроена въ манежѣ.

— По конямъ! — раздается команда поручика Гиппіуса. Мы бросаемся къ лошадямъ, разбираемъ поводья и стоимъ, въ ожиданіи новой команды.

— Са-ди-и-сь! — протяжно командуетъ поручикъ.

Смѣна взбирается на лошадей и усаживается въ сѣдлѣ.

— Справа по одному, на двѣ лошади дистанціи, шагомъ...

— Ма-а-ршъ!

Верховая ѣзда является нашимъ главнымъ занятіемъ.

Это, въ нѣкоторомъ родѣ, священнодѣйствіе, которое мы отправляемъ ежедневно, въ теченіе полутора часовъ.

Верховая ѣзда — это высшее достиженіе, по которому судятъ о нашихъ общихъ успѣхахъ. Хорошій ѣздокъ становится на виду у начальства. Ему сходятъ съ рукъ проказы и шалости. Хорошій ѣздокъ завоевываетъ симпатіи самыхъ строгихъ „корнетовъ“.

Большинство изъ насъ уже знакомо съ этимъ искусствомъ.

Тѣмъ не менѣе, согласно устава верховой ѣзды, мы проходимъ всю начальную азбуку, начиная отъ разборки поводьевъ и посадки въ сѣдлѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней насъ заставляютъ продѣлывать самыя легкія упражненія — движеніе смѣной, вольты и полувольты, перемѣну направленія.

Потомъ у насъ отнимаютъ стремена и, вплоть до самаго Рождества, мы будемъ трястись въ сѣдлѣ, удерживаясь на немъ сѣдалищной частью и шлюзомъ. Это не такъ легко, въ особенности на англійской или „облегченной“ рыси, которая порой становится невыносимой и растираетъ тѣло до крови.

Но зато мы прочно „усаживаемся“ въ сѣдло и пріобрѣтаемъ необходимый балансъ...

Верховая ѣзда протекаетъ въ полной тишинѣ и спокойствіи.

Слышится только отчетливая команда поручика, звяканье трензелей, мягкое пофыркиваніе коней.

— Разъ—разъ—разъ—разъ...

Въ центральной ложѣ сидитъ командиръ эскадрона.

Онъ слѣдитъ за нашей ѣздой, за нашей посадкой и

управленіемъ и, время отъ времени, визгливымъ голосомъ, бросаетъ сердитыя замѣчанія:

— Юнкеръ Бабкинъ, колѣно назадъ!

— Невѣровскій!

— Рогуля, дистанцію!

Я сижу на „Египтянкѣ“, кровной рыженькой кобылицѣ, которая, какъ вѣтерокъ, несетъ меня въ хвостѣ смѣны. Она очень капризна, нервна, кидается въ сторону отъ малѣйшаго прикосновенія шенкелей.

Я долженъ быть на чеку, чтобы не свалиться отъ неожиданнаго прыжка и не закопать „рѣпы“.

Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего позорнаго.

Но мнѣ бы не хотѣлось подать примѣръ...

8.

Классные „капониры“ начинаются тотчасъ, послѣ чая.

Тусклое утро наполняетъ аудиторію скуднымъ зеленоватымъ свѣтомъ.

Склонившись надъ партами, сидятъ юнкера.

На кафедрѣ, одинъ за другимъ, смѣняются профессора, статскіе и военные, французы и нѣмцы, преподаватели химіи и механики, лекторы военныхъ наукъ — тактики, артиллеріи, топографіи, иппологіи, фортификаціи.

Химія и механика считаются „сугубыми“ науками.

Артиллерійскій академикъ, чернобородый капитанъ Козловскій, и заслуженный профессоръ университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фицтумъ фонъ Экстедтъ, каждый по очереди, пытаются внѣдрить въ наше сознаніе всю значительность этой премудрости.

Но сложныя химическія формулы и значеніе функціи не надолго удерживаются въ нашихъ легкомысленныхъ головахъ. Къ обѣимъ наукамъ мы относимся съ оскорбительною небрежностью.

Прикасаться къ „сугубымъ“ учебникамъ голыми руками считается преступленіемъ. Мы изучаемъ ихъ въ перчаткахъ изъ бѣлой замшевой кожи.

Такова традиція Школы.

Получившій по химіи или механикѣ единицу, переходитъ, въ теченіе одного дня, на „корнетское положеніе", другими словами, освобождается отъ всѣхъ запретовъ, налагаемыхъ на „звѣрей". Такимъ образомъ, онъ можетъ свободно разгуливать по „корнетскимъ" проходамъ и лѣстницамъ, держать руки въ карманахъ, валяться на койкѣ.

Получившій, по какой-либо случайности, полный баллъ — по окончаніи репетиціи становится въ своемъ взводѣ „подъ-шашку".

Это тоже традиція...

Мы слушаемъ лекціи по русской словесности старика Мохначова, передающаго, съ удивительнымъ пафосомъ, страданія карамзиновской Лизы.

— Бѣд-ная Ли-за!

Старикъ увлекается, нервно оглаживаетъ свои сѣденькія жидкія бакенбарды, а голосъ его, въ отдѣльныхъ мѣстахъ, переходитъ въ рыданія. Тогда классъ тянется за платками и, по командѣ, начинаетъ сморкаться.

Другой профессоръ, подслѣповатый Бакшеевъ, читаетъ Законовѣдѣніе. По преданію, онъ числится лекторомъ Школы съ шестидесятыхъ годовъ. На репетиціяхъ у него происходятъ крайне забавныя сцены.

Когда появляется батюшка, прозванный нами въ шутку „корнетомъ" Жилинымъ, настроеніе еще болѣе повышается. Теперь можно заниматься чѣмъ угодно — строчить письма, читать французскія повѣсти и романы, перекидываться въ картишки, при желаніи даже спать. Школьный батюшка отличается необыкновенной кротостью и смиреніемъ...

Только къ военнымъ наукамъ мы относимся съ интересомъ и уваженіемъ. Въ особенности увлекаетъ насъ Тактика, въ талантливомъ изложеніи генеральнаго штаба капитана Морица.

Онъ входитъ въ классъ, здоровается, въ теченіе десяти минутъ протираетъ стекла пенснэ, послѣ чего, заложивъ

руки въ карманы рейтузъ, въ теченіе другихъ десяти минутъ совершаетъ прогулку. Затѣмъ, поигравъ аксельбантомъ, взбирается на кафедру и приступаетъ къ чтенію лекціи.

— Въ бытность мою командиромъ шестого эскадрона лейбъ-гвардіи Конногренадерскаго полка...

Этими словами начинается каждая лекція.

Круглое, сытое, лоснящееся лицо капитана Александра Арнольдовича сіяетъ отъ удовольствія. Онъ подробно разбираетъ кавалерійскіе строи и тутъ-же, на доскѣ, графически, дѣлаетъ имъ оцѣнку, ставя „плюсы" и „минусы", въ зависимости отъ удобства примѣненія къ мѣстности и потеръ отъ огня.

Капитанъ Александръ Арнольдовичъ, въ отличіе отъ знаменитаго саксонскаго полководца, извѣстенъ у насъ подъ именемъ Морица-Кавелахтскаго.

Александръ Арнольдовичъ пользуется широкою популярностью.

Его требованія не отличаются строгостью. Онъ мягокъ и благодушенъ, питаетъ пристрастіе къ выправкѣ, красивой фигурѣ, щеголеватости и, за появленіе передъ кафедрой въ изящно сшитыхъ рейтузахъ и въ лакированныхъ сапогахъ, склоненъ прибавить лишній баллъ за „отчетливость".

Администрацію читаетъ полковникъ Даровскій, педантичный и нѣсколько суховатый профессоръ, утомляющій насъ интендантскими мелочами и укладкой пѣхотнаго вещевого мѣшка.

Иппологію преподаетъ краснощекій порнографъ-анекдотистъ, магистръ ветеринарныхъ наукъ Соколовъ. Съ Топографіей знакомитъ школьный библіотекарь, полковникъ Трамбицкій, иначе „Тромбонъ" — веселый беззастѣнчивый лгунъ, не лазящій за словомъ въ карманъ и, по собственному признанію, „ситуирующій на полевомъ галопѣ".

Фортификацію преподаетъ извѣстный инженеръ-академикъ Несторъ Буйницкій, меланхолическій капитанъ

Коллонтай и старый сердитый, брызгающійся слюной, полковникъ Шейманъ.

Послѣдній часто является мишенью комическихъ выходокъ.

Въ разгарѣ лекціи о „полигональномъ фронтѣ, вынесенномъ за гласисъ“, беззвучно открывается дверь и чья-то таинственная нога начинаетъ звенѣть шпорой. Шейманъ взрывается, точно фугасъ, подлетаетъ къ дверямъ и мчится по коридору за ускользающимъ преступникомъ.

Аудиторія грохочетъ отъ хохота.

Курсъ Артиллеріи читаетъ генералъ Христичъ, глухой, нервный, раздражительный, склонный къ язвительнымъ выпадамъ старикъ, обезсмертившій себя знаменитою фразой:

„Порохъ сгораетъ быстро, но не мгновенно“.

Военную Исторію преподаетъ Николай Алексѣевичъ Епанчинъ. Наконецъ, въ блестящемъ изложеніи генеральнаго штаба полковника Владимира Александровича Дедюлина, знакомимся съ нашимъ любимымъ предметомъ — Исторіей Конницы.

И грезимъ о конныхъ атакахъ, о подвигахъ, о славѣ...

9.

Пушкинъ является первымъ „корнетомъ“, съ которымъ я познакомился въ день прибытія въ Школу и, вѣроятно, по этой причинѣ, онъ оказываетъ мнѣ покровительство.

Кромѣ того, онъ мой сосѣдъ по койкѣ, что въ свою очередь содѣйствуетъ нѣкоторому сближенію.

Вотъ онъ лежитъ сейчасъ передо мною, разстегнувъ воротникъ мундира, задравъ къ потолку мускулистыя ноги, плотно обтянутыя синимъ сукномъ. Въ его рукахъ старая, разбитая гитара. Перебирая струны, позванивая въ

тактъ шпорами, онъ поетъ свой любимый романсъ. Этотъ романсъ я слышу изъ его устъ не менѣе десяти разъ въ день:

„Голубка моя,
Умчимся въ края,
Гдѣ все, какъ и мы, совершенство...“

Я гляжу на него, и мнѣ невольно приходитъ въ голову его дѣдъ, великій русскій поэтъ, Александръ Сергѣевичъ. Фамильное сходство выражено во всемъ, до мелочей. Тѣ же русыя, слегка вьющіяся кудри, тотъ же характерный оваль смуглаго выразительнаго лица, толстыя африканскія губы, насмѣшливые сѣро-голубые глаза:

„И будемъ мы тамъ
Дѣлить пополамъ
И миръ, и любовь, и бла-же-ен-ство...“

Сергѣй Александровичъ заканчиваетъ романсъ и сладко потягивается на койкѣ. Замѣтивъ мою улыбку, швыряетъ гитару и, принявъ строгое выраженіе, кричитъ:

— Молодой Черкесовъ!

— Видъ веселый, но безъ улыбокъ!

— Тррепещи, молодежь!

Я тотчасъ перестаю улыбаться и Пушкинъ хохочетъ...

Сергѣй Александровичъ Пушкинъ не имѣетъ къ наукамъ ни способностей, ни влеченія.

Но зато — превосходный ѣздокъ.

Я иначе его не представляю, какъ только въ манежѣ, берущимъ головоломныя препятствія, или же въ дортуарѣ второго, „Лермонтовскаго“ взвода, сидящимъ верхомъ на деревянной кобылѣ и предлагающимъ на пари — à discretion, выдернуть изъ-подъ его плотно прижатой ляжки носовой платокъ.

Это удается не всякому, даже обладающему значительной физической силой, взводному капралу перваго взвода, великому князю Борису.

Ибо шлюзъ у Пушкина весьма развитъ.

Пушкинъ прекрасный товарищъ и пользуется общей любовью. Особыя симпатіи питаетъ къ нему вахмистръ Бѣлявскій:

— Господинъ Пушкинъ мае добрые шенкеля!... Господинъ Пушкинъ буде большой енералъ!... Чи „Хвортуна“, чи „Эхваторъ“ — для господина Пушкина усе единственно! — съ достоинствомъ произноситъ Бѣлявскій, покручивая усы и щелкая хлыстомъ по кожанымъ леямъ...

Пушкинъ вѣчно разгуливаетъ по эскадрону въ кавалергардской фуражкѣ. Въ этотъ полкъ онъ разсчитываетъ выйти по окончаніи Школы:

„Бренчатъ кавалергарда шпоры!...“

Впрочемъ, онъ едва-ли подозрѣваетъ кому принадлежатъ эти знаменитыя строфы. Пушкинъ не увлекается поэзіей, даже произведеніями своего дѣда. Въ наукахъ же совершенно слабъ. Даже въ языкахъ, за исключеніемъ развѣ французскаго, спотыкается и хромаетъ на всѣ четыре копыта.

Вообще, науку онъ игнорируетъ и отношеніе къ ней опредѣляетъ краткой юнкерской формулой:

„Никакихъ языковъ — кромѣ копченыхъ!
Никакихъ тѣлъ — кромѣ женскихъ!
Никакихъ картъ — кромѣ игральныхъ!
Никакихъ исторій — кромѣ скандальныхъ!“

На вечернихъ перекличкахъ онъ стоитъ всегда въ задней шеренгѣ, небрежно прислонясь поясницей къ периламъ „корнетской“ лѣстницы. Когда эскадронный вахмистръ выкликаетъ, по списку, его фамилію:

— Пушкинъ?

Онъ отвѣчаетъ забавнымъ фальцетомъ, по козлиному:

— Э!

Пушкинъ весьма добросовѣстно поддерживаетъ тра-

диціи Школы и по отношенію къ молодежи — „строгъ, но справедливъ“.

Онъ безжалостно поворачиваетъ насъ двадцать разъ налѣво-кругомъ, контролируетъ свѣжесть перчатокъ, портупеи, носового платка. Спрашиваетъ про отличія кавалерійскихъ полковъ — серебряныя трубы, литавры, георгіевскія петлицы, ленты и кресты на полковыхъ штандартахъ:

— Молодой Черкесовъ, что на вальтрапѣ Кавалергардовъ?

— Правильно, молодой!

— Кру-гомъ!... Отчетливо!... Ногу выше!

— Доложите капралу, что корнетъ Пушкинъ вами доволенъ!

Кромѣ того, онъ спрашиваетъ про „безсмертіе души рябчика“ и требуетъ безукоризненнаго знанія „Звѣріады“, кажется единственнаго стихотворенія, которое, съ грѣхомъ пополамъ, знаетъ самъ наизусть.

Впрочемъ, онъ знаетъ еще нѣсколько шансонетокъ.

И вотъ, какъ сейчасъ, лежитъ снова на койкѣ, рветъ струны гитары и распѣваетъ:

„Брюнетка жена, мужъ брюнетъ,
Къ нимъ вхожъ бѣлокурый кор-не-етъ...“

10.

Съ другимъ сосѣдомъ по койкѣ, съ Дробышъ-Дробышевскимъ, меня связываетъ старая кадетская дружба.

Онъ да еще Громовъ — для меня ближе всѣхъ.

Семь безконечныхъ лѣтъ провели мы въ одномъ классѣ, подъ одной кровлей, въ обстановкѣ родного корпуса, соединенные тысячью самыхъ разнообразныхъ воспоминаній. Дѣтскія игры, проказы, горькій корень науки и ея сладкіе плоды, дортуары и классы, конференцъ-зала и кадетскій, обсаженный тополями бульваръ — все у насъ общее, не-

истребимое, навѣки запечатлѣнное въ нашемъ сознаніи, спаявшее насъ прочною дружеской цѣпью.

Дробышевскій старше меня на полгода.

На его верхней губѣ уже хорошо видны небольшіе рыжеватые усики. Онъ тщательно слѣдитъ за ними и ежедневно смазываетъ какою-то особой помадой. Вообще, уходу за своею наружностью онъ удѣляетъ много вниманія.

Дробышевскій сынъ зажиточнаго кіевскаго помѣщика, получаетъ отъ отца крупныя деньги, любитъ кутнуть, отдать должную дань „эстетическимъ“, какъ онъ выражается, развлеченіямъ, а при случаѣ, даже поволочиться за женщинами.

Отъ него вѣчно пахнетъ одеколономъ и шипромъ. Послѣ верховой ѣзды, онъ долго плещется въ умывалкѣ и растирается туалетнымъ уксусомъ. Къ класснымъ занятіямъ относится равнодушно, а къ „сугубымъ“ наукамъ питаетъ особое отвращеніе, вслѣдствіе чего, весьма часто, получивъ по химіи или механикѣ единицу, переходитъ на „корнетское“ положеніе.

Тогда онъ распоясывается и позволяетъ себѣ цукать своихъ же пріятелей-однокурсниковъ:

— Молодой Волынскій, стоянка Орденскаго полка?

— Ничего подобнаго!

— Кру-гомъ!

— Получите два наряда!

— Молодой Гюббенетъ, зицу больше!

— Молодой Чайковскій, присяга не за горами!

— Трррепещи, молодежь!...

А въ общемъ, это тоже славный товарищъ, въ такой же мѣрѣ, какъ я, неравнодушный къ военному мундиру, питающій такое же влеченіе къ кавалерійской службѣ...

Дробышевскому давно не сидится въ Школѣ.

У него много разнообразныхъ плановъ, которые онъ собирается привести въ исполненіе въ ближайшемъ будущемъ.

Во-первыхъ, по его мнѣнію, необходимо заказать собственную одежду.

Наша казенная форма, мундиръ и синія полушаровары, сработаны изъ прочнаго матеріала, но скроены грубо. Наша драгунка съ высокимъ краснымъ колпакомъ, обшитымъ барашкомъ, а особенно сапоги, съ широкими тупыми носами, которые едва пролѣзають въ стремена, не удовлетворяютъ нашему вкусу. „Корнеты" засмѣютъ любого, кто въ подобномъ видѣ позволилъ бы себѣ показаться на улицѣ.

Дробышевскій уже навелъ необходимыя справки и рѣшилъ остановиться на портномъ Родіоновѣ.

Я вполнѣ съ нимъ согласенъ.

По свѣдѣніямъ, это лучшій юнкерскій портной въ Петербургѣ. Никто искуснѣй его не сумѣетъ сшить кавалерійскій мундиръ и придать фигурѣ особый „родіоновскій" шикъ. А по части рейтузъ является подлиннымъ спеціалистомъ. Недаромъ повидимому шахъ персидскій избралъ его своимъ придворнымъ поставщикомъ.

Дробышевскій написалъ портному записку и закройщикъ долженъ появиться въ любую минуту...

Во-вторыхъ, не взирая на вполнѣ приличный юнкерскій столъ, Дробышевскому уже давно хочется пообѣдать въ настоящемъ, столичномъ или, какъ онъ выражается, въ „аристократическомъ" ресторанѣ. Само собой разумѣется, не въ общей залѣ, куда входъ юнкерамъ воспрещенъ, а въ отдѣльномъ кабинетѣ, укрытомъ отъ постороннихъ глазъ.

Обѣдъ, понятно, долженъ быть съ водкой, закусками, тонкими винами... Наконецъ, Дробышевскій считаетъ своимъ долгомъ посѣтить знакомую барышню, воспитанницу Смольнаго института, и отвезти ей, по меньшей мѣрѣ, фунта четыре шоколадныхъ конфетъ.

— Черкесовъ!... Ты не можешь себѣ представить, какая чудная дѣвочка! — говоритъ Дробышевскій и мечтательно закатываетъ глаза. — Чистый розанъ!... Шатенка!... Сложена, какъ богиня!... Говоритъ по французски, какъ парижанка!... Я влюбленъ!... Я страдаю!... Прин-

ципіально!... Честное благородное слово!... Пароль д'оннеръ!...

Передъ сномъ, лежа на койкахъ, мы дѣлимся вполголоса нашими впечатлѣніями, вспоминаемъ старыхъ друзей, мечтаемъ о будущемъ.

Только бы прошелъ этотъ годъ, въ теченіе котораго, волей-неволей, мы находимся въ подчиненномъ, безправномъ, пожалуй даже въ нѣсколько унизительномъ положеніи!

Это въ особенности испытываютъ тѣ юнкера, по преимуществу изъ студентовъ, которымъ недостаетъ ловкости, удали въ строевыхъ упражненіяхъ, или же тѣ, которые, по разнымъ причинамъ, не могутъ преодолѣть наши школьныя „заповѣди".

„Корнеты" смѣются надъ ними, поворачиваютъ безсчетное число разъ налѣво-кругомъ, щедро раздаютъ внѣочередныя дневальства, ставятъ „подъ-шашку" и прочее.

Въ концѣ концовъ, бѣдняга Экземплярскій не выдерживаетъ этого испытанія и подаетъ рапортъ объ отчисленіи.

По примѣру отца, онъ собирается идти въ монахи...

Вчера, кстати, я получилъ, наконецъ, письмо отъ матушки.

При первомъ взглядѣ на знакомый почеркъ, такой мягкій, расплывчатый и какъ бы нѣсколько неувѣренный, съ такимъ милымъ хвостикомъ надъ буквою „б", мною овладѣла нѣжность и одновременно необъяснимая грусть.

Мнѣ такъ живо представилась наша Павлиновка, которая отстоитъ отъ меня сейчасъ на полторы тысячи верстъ. Тамъ, далеко на югѣ, среди пшеничныхъ полей, лежитъ мое родовое гнѣздо со всѣми тѣми, кого я оставилъ — съ матушкой, сестрой Валею, Жанчикомъ и другими...

„Письмо твое мною получено съ опозданіемъ!" — такъ, между прочимъ, пишетъ матушка. „Можетъ быть виновато здѣсь почтовое вѣдомство, а можетъ быть не

удосужился, мой милый мальчикъ, отписать во-время самъ все, какъ слѣдуетъ. Да хранитъ тебя Господь Богъ, а при случаѣ сходи, однако, къ тетушкѣ Маріи Васильевнѣ.

P. S. Триста рублей на обмундировку одновременно высылаю отдѣльнымъ пакетомъ."

Я перечитываю письмо, улыбаюсь и бережно кладу его въ столъ, гдѣ хранятся туалетныя принадлежности и прочія вещи...

11.

Сегодня, съ утра, насъ охватываетъ нѣкоторое волненіе.

Во время лекцій, каждый изъ насъ, украдкой, извлекаетъ помятый листокъ и пробѣгаетъ слова юнкерской пѣсни — знаменитой „Звѣріады", сложенной болѣе полувѣка тому назадъ славнѣйшимъ корнетомъ Школы, Михаиломъ Юрьевичемъ Лермонтовымъ.

Во второмъ, „лермонтовскомъ" взводѣ его портретъ въ лейбъ-гусарскомъ, увитомъ густыми золотыми шнурами мундирѣ, въ пышномъ ментикѣ, надѣтомъ на-опашь, украшенъ цвѣтами. Точно живое глядитъ некрасивое, слегка скуластое лицо „Маешки" изъ этой цвѣточной рамы, и вдохновеннымъ огнемъ пылаютъ глаза поэта.

Восемнадцати лѣтъ отъ роду, „просящійся на службу лейбъ-гвардіи въ Гусарскій полкъ, недоросль изъ дворянъ Михаилъ Лермонтовъ" былъ зачисленъ въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ.

Пріятели его по Школѣ были примѣрно тѣхъ же лѣтъ. Многіе смѣнили домашнюю опеку прямо на суровую школьную дисциплину. Но если не годами, то понятіями и общимъ развитіемъ Лермонтовъ былъ много старше окружающихъ его сверстниковъ.

Поэтическую извѣстность въ Школѣ молодой юнкеръ завоевалъ, главнымъ образомъ, вдохновенной барковщиной. Протекло болѣе полувѣка, но всѣмъ намъ близко знакома его „Уланша", „Монго" и прочія шутливыя вирши, въ звучной, крайне легкомысленной формѣ, воспѣвающія маленькія любовныя шалости:

„Идетъ нашъ пестрый эскадронъ
Шумящей пьяною толпою...“

Или напримѣръ:

„Друзья, вы помните, конечно,
Нашъ петергофскій гошпиталь?...“

Или, еще:

„Однажды, послѣ долгихъ преній
И, осушивъ бутылки три,
Князь Б., любитель наслажденій,
Съ Лафою сталъ держать пари...“

Процитировать полностью эти строфы возможно лишь, въ мужскомъ обществѣ, да и то только въ совершенно интимной компаніи...

Юнкерское удальство, первенство въ любой выходкѣ, изощренность въ козняхъ начальству доставляли ему почтительное восхищеніе однокашниковъ.

Ему прощали и неловкость осанки и невидность во фронтѣ. Его считали хорошимъ товарищемъ, но съ нимъ не сходились. Развѣ только кузенъ Столыпинъ, воспѣтый подъ именемъ „Монго“, его будущій однополчанинъ, могъ похвастать пріятельской близостью.

Одни боялись его несдержаннаго и остраго языка. Другихъ отпугивала непріятная, раздраженная, злая насмѣшливость надъ всѣмъ и надъ всѣми. По вечерамъ, послѣ учебныхъ занятій, онъ часто уходилъ въ классные „капониры“ и нерѣдко просиживалъ надъ писаньемъ всю ночь.

22 ноября 1834 года, высочайшимъ приказомъ императора Николая I, юнкеръ Михаилъ Лермонтовъ былъ произведенъ въ корнеты лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка.

Такова коротенькая страничка изъ школьной жизни поэта...

Между тѣмъ, день проходитъ въ томительномъ ожиданіи, въ робкомъ шушуканьи молодежи, въ грозныхъ окрикахъ портупей-юнкеровъ, въ холодныхъ и молчаливыхъ, а потому еще болѣе страшныхъ, улыбкахъ эскадроннаго вахмистра, Дмитрія Ивановича Иловайскаго.

Онъ подавляетъ насъ своимъ таинственнымъ ореоломъ, манерами, странной походкой, вообще, всѣмъ своимъ видомъ, начиная отъ узкихъ приподнятыхъ плечъ съ „мертвой головой“, кончая носками шагреневыхъ ботиковъ съ венгерскими шпорами.

Этотъ человѣкъ внушаетъ намъ истинный ужасъ, передъ которымъ блѣднѣетъ всякое наказаніе...

И вотъ, по окончаніи ужина, когда эскадронъ разошелся по взводамъ, а дежурный офицеръ заперся въ своей комнатѣ, начался первый актъ еще неизвѣстнаго намъ священнодѣйствія, чтенія перваго „Приказа по Курилкѣ“.

Мы сидимъ у своихъ коекъ.

Затѣмъ, по какому-то неслышно переданному сигналу, срываемся съ мѣстъ и, обгоняя другъ друга, мчимся въ „курилку“.

— Пулей! — летитъ вдогонку.

— Послѣднему пачка нарядовъ!

— Трррепещи, молодежь!...

„Курилка“ полна. Эскадронъ собирается въ этой маленькой комнаткѣ ярко освѣщаемой полусотней огарковъ, пылающихъ въ нашихъ рукахъ. Мы стоимъ на вытяжку, плотно прикасаясь другъ къ дружкѣ, не смѣя пошевелиться, не смѣя вздохнуть.

„Корнеты“ окружаютъ насъ живописной толпой.

Каждый изъ нихъ въ головномъ уборѣ будущаго полка. Виднѣются бѣлыя съ алымъ околышемъ фуражки Кавалергардовъ и Конной Гвардіи, желтыя и синія шапки кирасирской бригады, фуражки уланскія и гусарскія, фуражки драгунскія, всѣхъ пятидесяти двухъ полковъ русской армейской конницы.

— Трррепещи, молодежь!

И вотъ, изъ толпы „корнетовъ“ отдѣляется и выходитъ на середину Костя Скуратовъ, самый лихой, самый

отчетливый, въ фуражкѣ скроенной изъ двадцати разноцвѣтныхъ лоскутовъ. Рядомъ съ нимъ, точно двое архангеловъ, становятся два ассистента, два славныхъ „маіора“ — Пушкинъ и Стефановичъ, одновременно извлекая изъ ножонъ обнаженныя шашки и держа ихъ прямо передъ собой, въ положеніи „на-караулъ“.

Тишина, точно въ могилѣ.

Костя Скуратовъ вытаскиваетъ изъ-за пазухи бумажный листокъ, обводитъ насъ грознымъ взоромъ, откашливается и четкимъ, зычнымъ, глубокимъ басомъ читаетъ:

„Приказъ по Курилкѣ за № 1“.

Пунктъ за пунктомъ, фраза за фразой вылетаютъ изъ его устъ, встрѣчаемыя въ отдѣльныхъ мѣстахъ криками и возгласами „корнетовъ“:

— Правильно!

— Видъ веселый, но безъ улыбокъ!

— Тррепещи, молодежь!

Въ пунктахъ приказа слѣдуетъ рядъ указаній — какъ должно вести себя на улицѣ, въ обществѣ, при посѣщеніи публичныхъ мѣстъ, цѣлый кодексъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для юнкера Школы, дабы съ честью и славой носить свой гвардейскій мундиръ:

§ *11 „На променадахъ по Невскому прошпекту не останавливаться передъ паштетными и отнюдь не щелкать зубами!“*

§ *12 „Дефилируя мимо пѣхотныхъ училищъ, гнать извощика аллюромъ не ниже галопа!“*

§ *13 „Бесѣдуя на ассамблеяхъ съ молодыми особами женскаго пола, отнюдь не хватать оныхъ за грудь и за прочія неприсутственныя мѣста!“*

Много, очень много различныхъ свѣдѣній, на всѣ случаи жизни приводитъ „Приказъ по Курилкѣ за № 1“,

выслушиваемый въ благоговѣйномъ молчаніи, съ соблюденіемъ самаго серьезнаго выраженія. Необходимо обладать большой выдержкой, чтобы не улыбнуться, не разсмѣяться, не фыркнуть отъ всей души.

Этого нельзя себѣ позволить. Подобное преступленіе автоматически влечетъ за собой примѣрное наказаніе — постановку „подъ-шашку" и три наряда не въ очередь...

Но гаснутъ внезапно свѣчи и водворяется ночь, черная глубокая ночь.

И снова откашливается Костя Скуратовъ, и дѣлаетъ умышленно долгую паузу, и своимъ изумительнымъ басомъ начинаетъ прологъ.

Глухо, точно изъ мрачной бездны, вылетаетъ рифмованная поэма объ арапѣ, о филинѣ, о Дудергофѣ... Жутко, зловѣще, таинственно... Но мало-по-малу ночь проходитъ и загорается ясный разсвѣтъ:

„Какъ наша Школа открывалась,
Тогда разверзлись небеса,
Завѣса на-двое распалась
И были слышны голоса..."

„Корнеты" подхватываютъ дальнѣйшія строфы и, точно пулеметная дробь, сыплются короткіе, четкіе, односложные звуки:

„Капралъ,
Капралъ,
Капралъ, капралъ, капралъ!..."

И снова вспыхиваетъ яркій огонь и, буйнымъ хоромъ изъ ста двадцати глотокъ, гремитъ знаменитая пѣсня:

„Пора начать намъ „Звѣріаду",
Собрались звѣри всѣ толпой..."

Но въ самый разгаръ дверь неожиданно распахнулась и на порогѣ появилась зловѣщая тѣнь — его превосходительство генералъ-маіоръ Павелъ Адамовичъ Плеве...

12.

Павелъ Адамовичъ Плеве сравнительно недавно принялъ училище и тотчасъ заключилъ его въ свои ежовыя рукавицы.

Трудно представить себѣ лицо, которое находилось бы въ болѣе рѣзкомъ противорѣчіи съ „славной гвардейской Школой", съ ея духомъ, съ ея укладомъ и вѣковыми традиціями.

Когда-то окончившій Школу съ отличіемъ, запечатлѣвшій свое имя на мраморѣ золочеными буквами, Павелъ Адамовичъ не отвѣчалъ представленію о бравомъ кавалеристѣ.

Маленькій, приземистый, коренастый, съ очками на близорукихъ глазахъ, съ длиннымъ носомъ, съ круглой фигуркой и толстыми несгибающимися деревянными ногами, въ сюртукѣ генеральнаго штаба, въ тяжелыхъ охотничьихъ сапогахъ съ огромными казенными шпорами, онъ производилъ впечатлѣніе какого-то гнома изъ дѣтской сказки или даже самого „Кота въ сапогахъ"...

Утверждаютъ, будто Павелъ Адамовичъ Плеве принадлежитъ къ числу выдающихся офицеровъ, съ блестящимъ образованіемъ. По нашему мнѣнію, это образецъ кабинетнаго дѣятеля, узкаго и сухого педанта, лишеннаго всякихъ душевныхъ импульсовъ.

Павелъ Адамовичъ распространяетъ свою тяжкую длань на всѣ стороны училищной жизни. Онъ задается цѣлью вытравить наши традиціи, искоренить муштру, уничтожить наши завѣты.

Весь блескъ, весь лоскъ, всю красоту нашей жизни онъ изгоняетъ суровѣйшимъ образомъ. Всю внутреннюю

сущность нашей юной кавалерійской души Павелъ Адамовичъ пытается втиснуть въ узкія рамки устава внутренней службы, инструкцій и наставленій.

Боже, сколько затаенной ненависти и злобы, сколько откровенныхъ проклятій обрушиваетъ на свою голову этотъ высокообразованный академикъ и, можетъ быть, вовсе не дурной человѣкъ, не сумѣвшій, однако, подойти къ нашей душѣ, озарить ее красивымъ свѣтомъ, протянуть нить взаимной симпатіи!

Мы ненавидимъ его, рисуемъ на него злобныя каррикатуры, насмѣхаемся надъ нескладной фигурой. Мы не можемъ примириться съ его уродливой посадкою на конѣ. Насъ раздражаетъ его мелкая, торопливая походка съ пристукиваніемь длинныхъ каблучковъ, съ похлопываніемъ пальцевъ правой руки по сжатому кулачку лѣвой.

Непріязнь къ этому исключительному педанту мы переносимъ невольно даже на его семью. И старшая дочь генерала, такая же безцвѣтная, не блистающая внѣшними достоинствами дѣвица, извѣстна у насъ подъ именемъ Инструкціи Павловны.

Каждое появленіе начальника въ стѣнахъ эскадрона встрѣчается уже издали шумомъ, свистомъ, непристойными криками:

— Павелъ Плеве!... Фуй!...

Но Павелъ Адамовичъ твердъ, упоренъ, настойчивъ. Къ тому же, страдаетъ нѣкоторой глухотой и крайнею близорукостью, и въ двухъ шагахъ разстоянія не отличаетъ юнкера отъ коня.

О, не только мы, простодушная, неискушенная молодежь, но и всѣ школьные офицеры, безъ исключенія, питаютъ къ этому тяжелому человѣку чувства искренней непріязни!

Все это онъ знаетъ и, тѣмъ не менѣе, съ чисто тевтонскою методичностью, съ холодной безжалостной неумолимостью, продолжаетъ свою разрушительную борьбу.

Эта борьба ведется съ перемѣннымъ успѣхомъ.

Мы имѣемъ многихъ союзниковъ и, во всякомъ случаѣ,

уступаемъ свои позиціи послѣ кровопролитнаго боя. А затѣмъ, со свѣжими силами, переходимъ вновь въ наступленіе...

Теперь прошу представить картину, которая возникла при неожиданномъ появленіи Павла Адамовича въ „курилкѣ“, во время исполненія „Звѣріады“?

Моя кисть безсильна хотя бы приблизительно передать эту сцену. Ни одинъ художникъ не воплотитъ ее, съ достаточной яркостью, ни на холстѣ, ни на бумагѣ.

Это было появленіе стараго кровожаднаго тигра среди стада кроткихъ газелей.

Это былъ взрывъ пироксилиновой бомбы въ священномъ храмѣ, наполненномъ вѣрующими.

Словомъ, это было торжество нечистаго духа...

Въ общей кутерьмѣ, въ созерцаніи грозной опасности, я сохранилъ необходимое самообладаніе.

Въ одно мгновенье, подобно большинству юнкеровъ, загасилъ свой огарокъ, сунулъ его въ карманъ и, пользуясь спасительнымъ сумракомъ, едва не сбивъ Павла Адамовича съ ногъ, ринулся къ выходу.

Звонъ безчисленныхъ шпоръ аккомпанировалъ этому бѣгству.

А сзади доносился торжествующій кличъ начальника, крѣпко удерживавшаго въ объятьяхъ какого-то несчастливца...

13.

Само собой разумѣется, трагическій эпизодъ въ „курилкѣ“ не прошелъ безнаказаннымъ.

Многіе понесли возмездіе отъ тяжкой десницы Павла Адамовича.

Юнкеръ Ильенко, столь неудачно попавшій въ объятья начальника, былъ немедленно заключенъ подъ замокъ на трое сутокъ въ училищный карцеръ.

Эскадронный вахмистръ и взводные портупей-юнке-

ра получили предупрежденіе и, въ будущемъ, при очередномъ преступленіи, имъ угрожаетъ разжалованіе.

Оба дежурные эстандарты лишились лычковъ.

Весь эскадронъ, въ теченіе одной недѣли, оставленъ безъ отпуска.

А вмѣсто „Приказа по Курилкѣ", на вечерней перекличкѣ былъ прочитанъ приказъ по училищу, въ которомъ высказывалось суровое осужденіе юнкерамъ и всему командному персоналу:

„Категорически воспрещаю устраивать впредь какія-либо собранія!" — такъ гласилъ параграфъ приказа. — „Во внутренней жизни училища предписываю неукоснительно руководствоваться утвержденной мною Инструкціей, въ соотвѣтствіи съ обще-воинскимъ уставомъ внутренней службы. Виновные въ нарушеніи моихъ указаній будутъ немедленно отдаваемы мною подъ судъ"...

Однако, болѣе всѣхъ пострадалъ дежурный офицеръ, штабсъ-ротмистръ Пономаревъ, милая бирюзовая „Балалайка", сознательно закрывшій глаза и уши въ этотъ драматическій вечеръ.

„Балалайка" лишенъ смѣны и назначенъ завѣдывать „штатскими изъ манежа".

Намъ его искренно жаль.

Спеціально избранная депутація, во главѣ съ Костей Скуратовымъ, выразила ему сочувствіе.

„Балалайка" растрогался, прослезился и далъ новую клятву въ вѣрности школьнымъ традиціямъ...

Всѣ офицеры, безъ исключенія, отнеслись къ суровой карѣ начальника неодобрительно.

И бѣлый Смоленскій драгунъ, штабъ-ротмистръ Саша Сорокинъ, человѣкъ добрѣйшихъ правилъ и сердца... И желтый варшавскій уланъ — маленькій „рипапуйка" Сергѣй Григорьевичъ Лишинъ... И влюбленный въ себя и въ свои малиновыя чакчиры — Гродненскій гусаръ Юрій Александровичъ Ковако... И даже нашъ грозный инструк-

торъ, ѣздокъ, рубака и вольтижеръ — конногренадерскій ротмистръ Давыдъ Давыдовичъ Дитерихсъ...

Борисъ Александровичъ Гиппіусъ горячился больше другихъ.

Онъ всегда является нашимъ заступникомъ. Такъ же, какъ мы, недоумѣваетъ и возстаетъ противъ ломки традицій. И въ этихъ случаяхъ, нерѣдко ставитъ на карту свое служебное положеніе...

Въ частности, я ему даже немножко обязанъ.

Конечно, это пустякъ, мелочь, трень-брень, совсѣмъ незначительный фактъ, имѣвшій мѣсто вскорѣ послѣ прибытія моего въ Школу. Я упоминаю о немъ съ единственной цѣлью, чтобы лишній разъ охарактеризовать моего смѣннаго офицера.

Однажды командиръ эскадрона вызвалъ меня въ дежурную комнату.

Это не предвѣщало ничего добраго.

— Черкесовъ, гдѣ ваши кадетскія брюки? — нахмурившись, спрашиваетъ полковникъ.

— Я сдалъ каптенармусу! — отвѣчаю, въ недоумѣніи, робкимъ, нѣсколько разстроеннымъ тономъ.

Эскадронный командиръ нервно теребитъ маленькую бородку, продолжаетъ допытывать и даже покрикивать, при улыбкахъ присутствующихъ офицеровъ.

— Гдѣ ваши брюки?.. Потрудитесь сказать?... Я васъ посажу подъ арестъ!

Тогда подходитъ Борисъ Александровичъ.

— Господинъ полковникъ! — смѣло заявляетъ поручикъ. — Черкесовъ не могъ быть безъ штановъ!... На немъ были штаны!... Я ручаюсь, что онъ пріѣхалъ въ штанахъ!

Офицеры хохочатъ.

— Ммм!... Пожалуй! — соглашается мрачно „Плѣшакъ“ и отпускаетъ меня съ миромъ...

14.

Вотъ онъ, наконецъ, день присяги, долгожданный, торжественный день!

Этотъ день — событіе въ нашей жизни.

Уже съ утра, какъ-то сами собой, умолкаютъ шутки, остроты, дурачества, веселыя пѣсни. Прекращаются, на время, шалости „корнетскаго" цука. Всѣхъ охватываетъ сосредоточенное, серьезное настроеніе.

Въ новой парадной формѣ, сверкая ремнями боевого убора, въ парадныхъ шапкахъ, въ высокихъ сапогахъ со шпорами, съ тяжелыми драгунскими шашками черезъ плечо, эскадронъ, построенный на средней площадкѣ, вводится въ церковь.

Налицо все начальство, начиная отъ генералъ-маіора Павла Адамовича Плеве, кончая младшимъ офицеромъ юнкерской смѣны. Тутъ же, со спискомъ въ рукѣ, адъютантъ Школы, штабсъ-ротмистръ Княжевичъ.

Послѣ воскресной литургіи, начинается торжественный актъ.

Поднявъ правую руку съ двуперстіемъ, мы повторяемъ за батюшкой слова присяги:

> *„Обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ, передъ Святымъ Его Евангеліемъ, въ томъ, что хощу и долженъ Его Императорскому Величеству, Самодержцу Всероссійскому..."*

— Обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ! — проносится по рядамъ, точно вѣтерокъ, ворвавшійся въ чащу молодого березняка.

> *„вѣрно и нелицемѣрно служить, не щадя живота своего, до послѣдней капли крови, и всѣ права и преимущества, узаконенія и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности исполнять..."*

— Узаконенія и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію исполнять! — снова проносится по рядамъ.

„Въ баталіяхъ, въ партіяхъ, осадахъ и штурмахъ, и въ прочихъ воинскихъ случаяхъ, храброе и сильное чинить сопротивленіе и во всемъ стараться споспѣшествовать, что къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ...“

Формула присяги длинна и выражена высокимъ древнимъ церковно-славянскимъ штилемъ. Два вѣка протекли со дня созданія этой формулы, въ которой великій императоръ Петръ I принималъ непосредственное участіе.

Мы клянемся въ вѣрности Царю и Отечеству... Клянемся въ готовности блюсти интересы Верховнаго Вождя... Клянемся стойко переносить голодъ, холодъ, всѣ нужды солдатскія, быть мужественными въ бояхъ, драться съ врагомъ, во славу Вѣры, Царя и Отечества.

„Въ чемъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ Всемогущій. Въ заключеніе же сей клятвы, цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь!“

Затѣмъ, слѣдуютъ выдержки изъ того же регламента императора Петра I, которыя, при внезапно воцарившейся тишинѣ, читаетъ адъютантъ Школы. Здѣсь перечисляются преступленія противъ воинской дисциплины и слѣдуемыя за нихъ наказанія, въ большинствѣ случаевъ, смертная казнь.

Присяга заканчивается чтеніемъ выдержекъ изъ статута ордена святого Георгія Побѣдоносца.

Длинной колонной, по очереди, подходимъ къ священнику и цѣлуемъ Распятіе.

И старый, побурѣвшій въ походахъ, штандартъ Конной Гвардіи является свидѣтелемъ этой торжественной церемоніи.

Съ момента присяти мы становимся настоящими солдатами, носителями воинской чести и долга.

Съ этой минуты кончается наша прежняя безотвѣтственная вольная жизнь.

Начинается служба воина, готоваго, по первому требованію, сложить свою голову на полѣ брани...

Гремя шпорами, эскадронъ выходитъ изъ церкви.

Всѣ приносятъ намъ поздравленія — начальникъ училища, суровый Павелъ Адамовичъ, командиръ эскадрона, смѣнные офицеры. „Корнеты" пожимаютъ намъ руки. Мы еще тѣснѣе входимъ въ юнкерскую семью.

Въ этотъ же день насъ впервые отпускаютъ въ городъ...

15.

У школьныхъ воротъ уже ожидаютъ извозчичьи пролетки на резиновомъ ходу, съ лихачами на козлахъ, которые вотъ такъ же, можетъ быть, обслуживали нашихъ старшихъ братьевъ, кузеновъ, отцовъ:

—Пожалуйте, ваше сіятельство!

— Прокачу на совѣсть.

— Только держитесь!

Черезъ какую нибудь минуту, длинною вереницей, уже мчимся по Новопетергофскому проспекту, радостные, довольные, предвкушающіе удовольствія перваго отпуска.

Ахъ, какое это великое наслажденіе вырваться, наконецъ, на свободу и пріобщиться, хотя бы на единственный день, къ буйной жизни столицы!...

Вмѣстѣ съ Дробышъ-Дробышевскимъ заѣзжаемъ къ портному.

Старикъ Родіоновъ, изъ кантонистовъ-евреевъ, извлекаетъ изъ шкапа наши собственные мундиры, съ тяжелымъ кованымъ галуномъ, синія рейтузы, щегольскія шинели съ длиннымъ кавалерійскимъ разрѣзомъ, драгунки съ гвардейской звѣздой, стильные трехполосные ало-черно-алые ку-

шаки, портупеи, перчатки, наконецъ, сапоги блестящаго французскаго лака.

— Лучше нельзя! — говоритъ увѣренно Родіоновъ, смахивая пушинки. — Слава-те Господи, тридцать лѣтъ работаю на господъ... Много черезъ мои руки прошло... Вонъ его сіятельство князь Гагаринъ нонеча въ генералъ-адъютанты попалъ... Вотъ какъ!

Яркое сентябрьское солнце заливаетъ комнату огненнымъ свѣтомъ, отражается отъ лысой головы Родіонова, отъ сотенъ золотыхъ пуговицъ, отъ затканныхъ золотомъ воротниковъ, рукавовъ, доломановъ. Въ высокихъ шкапахъ, за стекломъ, десятки мундировъ, юнкерскихъ, офицерскихъ, темнозеленыхъ, синихъ, бѣлыхъ и красныхъ, всѣхъ формъ и типовъ, висятъ спокойными правильными рядами.

Въ комнатѣ стоитъ какой-то особенный духъ, запахъ клея, сукна, нафталина. На длинномъ столѣ лежатъ огромныя портняжныя ножницы, раскинуты обрѣзки подкладочнаго холста, валяются плоскіе, овальной формы, напоминающіе мыло, мѣлки.

Отчищая помѣтки, застегивая тугіе крючки, старикъ погружается въ воспоминанія. Въ самомъ дѣлѣ, кого только не зналъ портной Родіоновъ на своемъ долгомъ вѣку?

Мы вертимся передъ зеркаломъ, любуемся собой и, въ концѣ концовъ, должны придти къ заключенію, что ничего болѣе изящнаго еще не видѣли.

— Что ты скажешь? — улыбается Дробышевскій, принимая въ десятый разъ эффектную позу, оглядывая себя со всѣхъ сторонъ, въ профиль, анфасъ, а труа каръ, отставляя то правую, то лѣвую ногу, отвѣшивая свѣтскій поклонъ, посылая своему изображенію въ зеркалѣ воздушные поцѣлуи. — Недурно, право недурно!.. Это называется шикъ, чортъ меня побери!.. Пароль д'оннеръ!

Дѣйствительно, мундиръ съ золотымъ галуномъ, съ щедро наваченной грудью, съ тоненькой, какъ у дѣвушки, таліей, — чтобы застегнуть нижній крючокъ, приходится выдохнуть воздухъ и сдѣлать маленькое усиліе — лежитъ, точно вылитый.

Узкія рейтузы изъ темносиней кавалерійской діаго-

нали плотно обтягивают наши худощавыя, прямыя и стройныя, какъ кирасирскіе палаши, ноги.

А сапоги съ звонкими венгерскими шпорами, безъ единой морщинки и складки, модные, элегантные и фасонистые, твердые, какъ кусокъ стали, сверкаютъ точно огонь.

Драгунка, портупея и сапоги заказаны у другихъ, такихъ же извѣстныхъ столичныхъ спеціалистовъ, и только хранятся у Родіонова.

Его портняжное ателье, расположенное на углу Измайловскаго проспекта и Двѣнадцатой Роты, является, въ нѣкоторомъ родѣ, промежуточной базой для юнкеровъ. Здѣсь можно съ удобствомъ переодѣться, отдохнуть послѣ веселаго кутежа и даже, при случаѣ, перехватить у старика сотню-другую въ долгъ.

Въ этомъ отношеніи, портной Родіоновъ является человѣкомъ высокой полезности и, въ соединеніи съ личными душевными качествами, пользуется у насъ большимъ уваженіемъ...

16.

Бородатый лихачъ мчитъ по Измайловскому проспекту, мимо гвардейскихъ, вытянувшихся въ струнку казармъ, мимо собора и высокаго обелиска изъ турецкихъ орудій, круто сворачиваетъ на Фонтанку и несетъ, вдоль канала, къ центру столицы.

— Чудный, дивный, блистательный Санктъ-Петербургъ!

Что видѣли мы до сихъ поръ, маленькіе провинціалы, замурованные въ четырехъ стѣнахъ глухого кадетскаго монастыря?

Столица насъ подавляетъ.

Величественные дворцы, грандіозные монументы, роскошные храмы, отели и магазины, нарядная столичная публика — представляются чѣмъ-то необычайнымъ, изумительною феерiей, волшебною сказкой.

А день, какъ нарочно, яркій, солнечный, теплый.

Весь городъ залитъ огненнымъ свѣтомъ. Точно драго-

цѣнные камни сверкаютъ стекла барскихъ особняковъ. Шапкой червоннаго золота горитъ куполъ Исаакіевскаго собора. Гудятъ перезвоны колоколовъ. Четкимъ рокотомъ разносится стукъ копытъ по торцамъ.

А рядомъ — рѣка, широкая, могучая, полноводная, мѣрно катящая въ море величавыя струи.

Гулко свистятъ невскіе пароходы. Остро пахнетъ канатами и смолой, точно дышитъ у лица свѣжій бодрящій вѣтеръ. Въ сизую даль уходитъ безконечная вереница дворцовъ. Желтѣютъ массивы Сената. А въ позолоченномъ дыханіемъ осени скверѣ, Мѣдный Всадникъ, на могучемъ вздыбленномъ конѣ, простираетъ царственную десницу.

„Петру Первому Екатерина Вторая.“

Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, лихачъ мчитъ насъ по петербургскимъ проспектамъ, по набережнымъ, бульварамъ и площадямъ. Мы растворяемся въ столичномъ потокѣ и точно переживаемъ страницу какого-то новаго, еще неизвѣданнаго романа.

Зоркими взорами, на лету, ловимъ офицеровъ и генераловъ, и одновременно, какъ по командѣ, повернувъ головы, лихо отдаемъ честь. Еще большее развлеченіе доставляетъ случайная встрѣча съ кѣмъ-либо изъ „корнетовъ“. Мы обмѣниваемся взаимнымъ привѣтствіемъ и разлетаемся вполнѣ удовлетворенные другъ другомъ...

На Невскомъ проспектѣ, разставшись съ пролеткой, предпринимаемъ небольшую прогулку.

— Разъ—два!.. Разъ—два! — звонко отбивая шагъ, придерживая шашку лѣвой рукой, а правую держа наготовѣ вскинуть, въ одно мгновенье, къ драгункѣ, лавируемъ въ веселой, нарядной, щеголеватой толпѣ.

Часто встрѣчаемъ на себѣ сочувственныя улыбки.

Иногда, по нашему адресу, доносятся отдѣльныя восклицанія:

— Николаевцы!..

— Юнкера славной Школы!...

— Симпомпончики!..

Но кончается короткій осенній день. Дрожащіе круги солнца таютъ на красноватомъ гранитѣ... Тройной рядъ фонарей вспыхиваетъ на Невскомъ проспектѣ и начинается вечеръ...

Тогда мы снова беремъ извозчика и направляемся на Офицерскую.

Громовъ живетъ у дяди, пожилого инженера-холостяка, находящагося въ постоянныхъ служебныхъ разъѣздахъ. Это создаетъ для Громова удобную обстановку. Вся квартира, изъ девяти комнатъ, находится въ его полномъ распоряженіи.

— Елки-палки! — встрѣтилъ насъ Сашка, уже съ нетерпѣніемъ поджидавшій въ теченіе получаса. По обыкновенію, онъ былъ нѣсколько навеселѣ и, какъ всегда, въ благодушно-приподнятомъ настроеніи.

Черезъ двадцать минутъ сидимъ втроемъ въ маленькомъ кабинетѣ „аристократическаго" ресторана Мильбретъ, въ Кирпичномъ переулкѣ.

Дробышевскій принимаетъ на себя роль главнаго распорядителя.

Вечеръ былъ звонкій и пестрый...

17.

Въ четвертомъ взводѣ мерцаютъ керосиновыя коптилки.

Гдѣ-то, въ „корнетскомъ" углу, слышится возня, смѣхъ, придушенный шопотъ. Въ коридорѣ, время отъ времени, раздаются тяжелые шаги дневальнаго. Эскадронъ спитъ...

„Крѣпко спитъ,
И на вершинѣ Дудергофа
Филинъ жалобно кричитъ..."

Я лежу на койкѣ, укрытый тонкимъ байковымъ одѣяломъ, охваченный разнообразными впечатлѣніями дня и, сквозь дремоту, пытаюсь воскресить ихъ въ логической послѣдовательности.

Все смѣшалось въ какой-то хаосъ. Вдобавокъ, отъ выпитой водки, мадеры и финь-шампань болитъ и кружится голова.

Это мое первое испытаніе.

Я вышелъ изъ него сравнительно съ честью, въ то время, какъ Дробышевскаго пришлось оттирать нашатырнымъ спиртомъ и камфорой. Иначе онъ не поспѣлъ бы къ сроку явиться въ училище и могъ бы жестоко поплатиться.

Что касается Громова, у него положительно луженый желудокъ. Никакой финь-шампань его не пройметъ!

Въ окно выплываетъ луна.

Въ мглистомъ сумракѣ катится широкое, улыбающееся лицо и подмигиваетъ лукавымъ глазомъ. Лунный свѣтъ меня раздражаетъ. Я укрываюсь съ головой и засыпаю...

Не знаю, сколько времени я спалъ.

Неожиданный толчокъ заставляетъ меня проснуться.

— Вставай! — кричитъ Дробышевскій, корчитъ испуганную гримасу и продолжаетъ толкать меня въ бокъ. — Вставай, идіотъ!.. Да проснись же!... Возьми глаза въ руки!

Онъ лихорадочно копается въ столикѣ, зажигаетъ огарокъ и, вскочивъ на койку въ одной сорочкѣ, заставляетъ меня тотчасъ послѣдовать его примѣру. Съ сосѣднихъ кроватей, одна за другой, подымаются сонныя, разбуженныя фигуры. Черезъ какихъ-нибудь пять минутъ, весь взводъ стоитъ на койкахъ, въ ночныхъ рубашкахъ, съ зажженными свѣтильниками въ рукахъ.

Между тѣмъ, издалека доносится шумъ.

Онъ приближается съ каждымъ мгновеньемъ. Среди крика, смѣха, лязганья шпоръ, явственно различаются звуки какой-то похоронной мелодіи. Бренчитъ гитара, тренькаетъ балалайка, дребезжитъ цитра. Въ двери четвертаго

взвода вваливается группа „корнетовъ“, человѣкъ двадцать пять, можетъ быть, тридцать.

Одни изъ нихъ въ мундирахъ, при драгункахъ, шашкахъ и боевой амуниціи, но безъ рейтузъ, въ сапогахъ, надѣтыхъ прямо на голыя ноги. Другіе въ мундирахъ, накинутыхъ на плечо, на подобіе гусарскаго ментика. У третьихъ настоящій маскарадный костюмъ, а кое-кто даже въ женскомъ платьѣ, въ буклях, въ длинныхъ косахъ и локонахъ.

А посерединѣ двѣ пары поддерживаютъ носилки, на которыхъ покоится „мертвое тѣло“.

Впереди выступаетъ Костя Скуратовъ, въ поповской шапкѣ, имѣя взамѣнъ облаченія темнозеленый школьный вальтрапъ, надѣтымъ на рукава. Время отъ времени, онъ останавливается, пріостанавливая кортежъ, и мощнымъ протодьяконскимъ басомъ бросаетъ:

— Закатился мѣсяцъ гвардейской Школы, рцемъ, недостойная братія!.. Восплачемъ и возрыдаемъ зѣло гласомъ веліимъ и сотворимъ ему вѣчную память!...

— Вѣч-на-я па-а-мять!..

— Вѣч-на-я па-а-мять! — гремитъ хоръ и слѣдуетъ далѣе.

Похоронный кортежъ демонстрируетъ передъ нами, обходя кругомъ взводъ, хохоча во все горло, распѣвая очередные куплеты:

„Циргъ уѣхалъ заграницу
Обозрѣть Европу...“

Бренчитъ гитара, цитра и балалайка... Звенятъ шпоры и на весь взводъ разносятся слова пѣсенки и крики „корнетовъ“.

— Сми-и-рна!

— Видъ серьезный, но безъ слезъ!

— Тррrепещи, малина!..

Каждый мѣсяцъ, въ теченіе учебнаго года, школьный инспекторъ классовъ, старенькій, добродушный, выслужив-

шій всѣ сроки на пенсію, генералъ Циргъ, является мишенью этой комической клоунады.

Уже болѣе нежели двадцать пять лѣтъ, изъ года въ годъ, каждый учебный сезонъ, повторяется эта маленькая комедія, составляющая нашу очередную забаву.

Предварительно, передъ вечернею перекличкой, кто либо изъ „корнетовъ", во всеуслышаніе, объявляетъ эскадрону, что „Циргъ заболѣлъ".

Черезъ нѣсколько дней, другой „корнетъ" сообщаетъ, что „Циргъ опасно боленъ".

Наконецъ, становится извѣстнымъ, что на выздоровленіе Цирга „нѣтъ ни малѣйшей надежды".

Серія трагическихъ бюллетеней заканчивается „похоронами".

Генералъ Циргъ вполнѣ освѣдомленъ объ этомъ и, какъ утверждаютъ, не обижается ни въ какой мѣрѣ. Говорятъ, будто онъ бываетъ въ претензіи лишь тогда, если его „похороны", по какимъ либо причинамъ, откладываются. Суевѣрный старикъ привыкъ связывать съ ними свое благополучіе...

Кортежъ обходитъ взводъ и скрывается.

Все глуше доносятся куплеты, треньканье гитары и балалайки, пока звуки не гаснутъ окончательно въ тишинѣ ночи.

Тушатся свѣчи.

Молодежь стремительно падаетъ на свои койки.

Теперь мы можемъ уснуть спокойно...

18.

Всетаки нѣтъ ничего тоскливѣй классныхъ занятій.

Науками, правда, насъ не особенно допекаютъ. Всего какихъ нибудь три или четыре часа въ день. Вдобавокъ, имѣются такіе предметы, какъ Исторія Конницы, привлекающая неизмѣнно наше вниманіе.

Но, Боже, какъ ненавидимъ мы химію и механику!

Эти науки ничего не говорятъ нашему сердцу. Онѣ

абсолютно не нужны для нашей будущей службы. Это балластъ, который засоряетъ наши мозги.

Всѣ съ этимъ согласны.

Однако, наши жалобы и петиціи не встрѣчаютъ необходимаго отклика, и мы продолжаемъ долбить сложныя формулы и вызубриваемъ, съ грѣхомъ пополамъ, не менѣе сложные выводы о функціяхъ и ускореніяхъ.

Все это дѣлается кое-какъ, спустя рукава, безъ малѣйшаго желанія, порыва, энтузіазма. Но обязательно въ бѣлыхъ перчаткахъ...

Мой ближайшій сосѣдъ, „корнетъ" Сергѣй Александровичъ Пушкинъ, подаетъ намъ достойный примѣръ.

Когда капитанъ Козловскій вызываетъ его къ доскѣ, Пушкинъ выводитъ мѣломъ — H2O, и познанія его этимъ исчерпываются. Капитанъ Козловскій лукаво ухмыляется въ свою черную ассирійскую бороду и тоненькимъ голоскомъ говоритъ:

— Это все?.. Очень хорошо, Пушкинъ!.. Но стихи вы пишете, безъ сомнѣнія, еще лучше?

И ставитъ ему шестерку...

Когда въ классъ приходитъ батюшка, „корнетъ" Жилинъ, произведенный нами за отличіе по службѣ въ „поручики" и даже въ „штабсъ-ротмистры", Пушкинъ обращается къ нему съ неизмѣнною фразой:

— Господинъ штабсъ-ротмистръ, разскажите намъ о скопцахъ?

Классъ давится отъ хохота.

— Пушкинъ, оставьте ваши непристойныя шутки! — съ доброй улыбкой отвѣчаетъ каждый разъ батюшка. — Я уже бесѣдовалъ съ вами объ этихъ зловредныхъ сектантахъ!

Исторію Конницы читаетъ полковникъ Дедюлинъ.

Онъ вызываетъ Пушкина, предлагаетъ ему разсказать о битвѣ подъ Россбахомъ, въ 1757 году, и знаменитой атакѣ Зейдлица. Попутно задаетъ нѣсколько летучихъ вопросовъ:

— Ну, а скажите намъ, Пушкинъ, почему Петръ Великій не могъ принять участія въ этомъ славномъ сраженіи?

— Петръ Великій былъ занятъ великими реформами! — бойко отвѣчаетъ Пушкинъ, при дружномъ хохотѣ класса.

— Правильно! — говоритъ Дедюлинъ и ставитъ ему шестерку...

Въ концѣ концовъ это не важно.

Пушкинъ — лучшій ѣздокъ въ Школѣ и, вмѣстѣ съ Драгославомъ Груичемъ, сыномъ сербскаго посланника при царскомъ дворѣ, составляетъ украшеніе эскадрона.

Кромѣ того, Пушкинъ добросовѣстно поддерживаетъ традиціи, хорошо одѣвается, не пропускаетъ въ циркѣ ни одной субботней премьеры.

Въ частности, въ лицѣ Пушкина, я нашелъ добраго друга, взявшаго меня подъ свое покровительство.

По всѣмъ этимъ причинамъ, я считаю Пушкина образцовымъ „корнетомъ“ и въ такой же степени образцовымъ нахожу его любимый стишокъ:

„Голубка моя,
Умчимся въ края,
Гдѣ все, какъ и мы, совер-ше-енство...“

Я говорилъ только что о классныхъ занятіяхъ.

Къ нимъ нужно еще прибавить вечернія подготовки къ лекціямъ и къ репетиціямъ. Послѣднія происходятъ два раза въ недѣлю, по вторникамъ и по пятницамъ. Получившій на репетиціи неудовлетворительный баллъ, лишается отпуска.

Каждую субботу, цѣлая пачка такихъ несчастливцевъ съ завистью смотритъ, какъ мы надѣваемъ парадный мундиръ, облекаемся въ тугія шинели и съ сіяющими лицами разсаживаемся на поджидающихъ насъ лихачей...

Но однажды былъ такой день, когда всѣ подбодрились.

Тянулись скучныя лекціи. Въ окно глядѣло октябрь-

ское утро, ясное, чистое, съ первыми заморозками. До субботы было еще далеко.

И вотъ, совсѣмъ неожиданно, грянулъ пушечный выстрѣлъ, отъ котораго задребезжали всѣ стекла:

— Боммъ!

За первымъ выстрѣломъ послышался рядъ другихъ:

— Боммъ-боммъ!

Орудійная канонада заставила насъ насторожиться.

У царя родилась дочка, великая княжна Ольга.

По этому случаю мы отпущены на цѣлыхъ три дня...

19.

Тетушка Марія Васильевна, проживавшая по 6-ой линіи Васильевскаго Острова, въ небольшомъ домѣ, по сосѣдству съ Андреевскимъ соборомъ, приходилась близкою родственницей. Рядомъ, дверь въ дверь съ тетушкиной квартирой, жила вдова погибшаго со всѣмъ экипажемъ „Русалки", капитана второго ранга Іениша.

Я засталъ тетушку дома.

Мы не видѣлись три или четыре года, со времени посѣщенія ею Павлиновки, въ которой, какъ помнится, проѣздомъ на кислыя воды, въ Эссентуки, она провела нѣсколько дней.

Дверь открыла прислуга Глаша.

Изъ сосѣдней комнаты, шлепая мягкими, войлочными туфлями, выползла маленькая сухая старушка, англичанка Шарлотта Ивановна.

Потомъ раздался громкій и властный голосъ, и на порогѣ появилась величественная фигура Маріи Васильевны.

Всѣ три женщины глядѣли на меня съ недоумѣніемъ, пока я не разсмѣялся и, подойдя къ тетушкѣ, не приложился къ ея рукѣ.

— Господи Боже мой! — произнесла тантъ Мари и на ея строгомъ лицѣ растянулось нѣчто, напоминающее улыбку. — Жоржъ Черкесовъ?.. Ну, батюшка, ни за что бы тебя не признала!

Тетушка съ любопытствомъ оглядѣла меня, прикоснулась къ рукаву шинели, „да снимай же пальто!“ — крикнула Глашѣ, и всѣ трое принялись хлопотать...

Тетушка Марія Васильевна не отличалась особо выгодной внѣшностью, и чертами лица, крупной, тяжелой фигурой да, пожалуй, и всѣмъ складомъ характера, напоминала скорѣе мужчину.

Дочь именитаго сановника, тантъ Мари, въ свое время, получила воспитаніе въ извѣстномъ петербургскомъ аристократическомъ пансіонѣ, въ томъ именно, про который любила иногда вспоминать въ шутливомъ куплетѣ:

„Въ нашу невскую столицу,
Какъ боярскую дѣвицу,
Занесла меня судьба
Въ пансіонъ м-мъ Труба...“

Тантъ Мари далеко перешагнула тотъ возрастъ, съ которымъ еще связываются мечты о семейномъ счастьи. По словамъ матушки, она пережила въ юности тяжелое сердечное испытаніе. Будучи увлечена молодымъ камеръ-юнкеромъ, къ сожалѣнію, безъ взаимности, тетушка Марія Васильевна сохранила вѣрность первому чувству и, такимъ образомъ, пребывала въ дѣвичествѣ, промѣнявъ радости материнства на полезную дѣятельность въ области свѣтской благотворительности.

Она состояла дамою-патронессою нѣсколькихъ воспитательныхъ учрежденій и предсѣдателемъ комитета въ основанномъ ею дѣтскомъ пріютѣ — „Кружка молока“.

Тетушка выразила полное удовлетвореніе по поводу моего визита, долго и подробнѣйшимъ образомъ разспрашивала меня о домашнихъ и, время отъ времени, всплескивая руками, бросала:

— Ну, право, ни за что бы тебя не признала!.. Вытянулся-то какъ, скажите пожалуйста!.. Совсѣмъ молодцомъ сталъ!.. Женить тебя скоро пора!

Шарлотта Ивановна трясла старушечьей головой, въ черной наколкѣ, одобрительно улыбалась, шамкала что-то по англійски:

— O, yes!... Very good!... Beautiful!

Стоявшая на порогѣ Глаша, подперевъ щеку полной рукой, глядя на меня, откровенно смѣялась.

За ужиномъ тетушка разспрашивала о юнкерской жизни — сытъ-ли, доволенъ, преуспѣваю-ли въ научныхъ предметахъ, не сломалъ-бы, чего добраго, головы на верховыхъ экзерсисахъ?

— Знаю васъ! — сказала тетушка. — Вѣдь вы, джигиты, всѣ однимъ миромъ мазаны?.. Звонари!.. Шелопаи!.. Безпутники!..

Тетушка взяла съ меня обѣщаніе приходить къ ней еженедѣльно. Она охотно мнѣ предоставитъ уголокъ, въ которомъ я могу распоряжаться, какъ у себя дома. Самое лучшее, если я помѣщусь въ запасномъ будуарѣ. Тамъ никто меня не потревожитъ. А широкое французское канапэ съ успѣхомъ замѣнитъ кроватъ.

Весь вечеръ я провелъ въ бесѣдѣ съ тетушкой Маріей Васильевной.

Со свойственной ей прямотой и рѣшительностью, она высказалась, что отнынѣ беретъ меня подъ свою опеку. Что это ея долгъ по отношенію къ матушкѣ, съ которой, кромѣ родства, ее связываютъ общія воспоминанія юности...

Уже было довольно поздно, когда, поцѣловавъ на сонъ грядущій руку обѣимъ старухамъ, я перешелъ въ отведенную мнѣ комнату. Она была невелика, обставлена мягкою мебелью и примыкала къ прихожей.

Я скинулъ мундиръ и на минуту задумался.

Все складывается, какъ нельзя лучше!.. Начальство, друзья, родные, знакомые, словомъ, всѣ, кто меня окружаютъ, относятся ко мнѣ съ сердечностью и радушіемъ... Право, я не могу быть въ претензіи на судьбу!...

Я подошелъ къ окну, отвелъ рукой тяжелую бархатную портьеру и посмотрѣлъ на улицу.

Длинный рядъ фонарей уходилъ въ темноту. Гдѣ-то дребезжала пролетка. Проходили одинокіе пѣшеходы. Отбрасывая густую черную тѣнь, неподвижно стояли фасады домовъ.

Потомъ, усѣвшись въ кресло, я принялся снимать сапоги.

Случилось то, что я невольно предчувствовалъ. Мои щегольскіе сапоги французскаго лака зажали ногу, точно тисками. Послѣ ряда усилій, пришлось обратиться за содѣйствіемъ къ Глашѣ.

Ухватившись обѣими руками за сапогъ, кухарка, со смѣхомъ, возила меня вмѣстѣ съ кресломъ по комнатѣ. На ея зовъ приплелась Шарлотта Ивановна.

Въ концѣ концовъ, привлеченная шумомъ и смѣхомъ, появилась тантъ Мари.

Приказавъ Глашѣ и англичанкѣ удерживать меня въ креслѣ, ея высокопревосходительство, тетушка Марія Васильевна, понатужилась, рванула нѣсколько разъ и, едва не стянувъ меня съ кресла, стащила сапогъ.

— Ma foi! — съ трудомъ отдышавшись, произнесла тантъ Мари. — Это же казнь египетская!.. Въ другой разъ, сударь, вмѣстѣ съ сапогами изволь-ка привозить лакея!

Я былъ смущенъ...

20.

Поручикъ Борисъ Александровичъ Гиппіусъ заболѣлъ гриппомъ и, по этому случаю, смѣну временно принялъ бирюзовый штабсъ-ротмистръ Пономаревъ.

„Балалайка“ состоитъ въ Школѣ на положеніи затычки. Онъ не пользуется ни малѣйшимъ авторитетомъ.

Начальникъ училища и командиръ эскадрона относятся къ нему съ явнымъ пренебреженіемъ.

Юнкера хотя и любятъ его за мягкую, покладистую натуру, но порой не прочь надъ нимъ подшутить. А самъ Владиміръ Петровичъ, послѣ того, какъ принялъ подъ свою

высокую руку „штатскихъ изъ манежа“, сталъ вовсе мраченъ и пьетъ каждый день.

„Балалайка“ пытается на занятіяхъ держать фасонъ, пѣтушится, дѣлаетъ замѣчанія, угрожаетъ намъ даже карцеромъ. Его хволая, щупленькая фигурка, на тонкихъ журавлиныхъ ногахъ, приводитъ насъ въ игривое настроеніе. Его испитое, потрепанное житейскими бурями и спиртомъ лицо, длинный и острый, съ красными прожилками носъ вызываютъ улыбку.

Не угодно-ли взглянуть, какъ мы ведемъ себя въ классѣ, на занятіяхъ „уставомъ внутренней службы“?

И смѣхъ и грѣхъ!..

„Балалайка“ взгромоздился на кафедру и выглядываетъ оттуда совсѣмъ крошечнымъ. Въ его рукахъ перочинный ножикъ, которымъ онъ лѣниво разрѣзаетъ страницы Устава. Юнкера, одинъ за другимъ, подходятъ къ кафедрѣ, окружаютъ руководителя, задаютъ вопросы.

„Балалайка“ сперва огрызается, но мало-по-малу увлекается самъ и начинаетъ бесѣдовать о скачкахъ, объ экстерьерѣ, о постылой жизни въ маленькихъ гарнизонахъ.

Это его любимая тема.

— Рыпинъ?.. Кто сказалъ Рыпинъ?.. Славный Украинскій полкъ стоитъ въ Рыпинѣ!.. Не говорите мнѣ больше про эту дыру!..

Гася Андреевъ подходитъ къ кафедрѣ и подымаетъ по-школьнически руку:

— Господинъ штабсъ-ротмистръ, разрѣшите сказать?

„Балалайка“ предчувствуетъ шалость, принимаетъ свирѣпый видъ, хватается за книжку устава:

— Ну, что вамъ нужно?.. Говорите, юнкеръ Андреевъ!

Гася Андреевъ наклоняется и повторяетъ:

— Господинъ штабсъ-ротмистръ, разрѣшите сказать?

— Да, говорите же!.. Что вамъ угодно, юнкеръ Андреевъ?

— Господинъ штабсъ-ротмистръ, я васъ люблю! —

шепчетъ Гася Андреевъ, обнимаетъ „Балалайку“ за тонкую морщинистую шею и тянется къ губамъ своими пушистыми усами.

— Юнкеръ Андреевъ! — кричитъ „Балалайка“. — Вы забываете дисциплину!.. Я посажу васъ въ карцеръ!

Смѣна хохочетъ навзрыдъ...

Въ эту минуту открывается дверь и — топъ-топъ-топъ, мелкими шажками, въ сопровожденіи эскадроннаго командира, входитъ Павелъ Адамовичъ Плеве. Его появленіе всегда внезапно. Онъ обладаетъ какою-то удивительною способностью выростать, точно изъ-подъ земли, въ самыя неожиданныя минуты.

Смѣна срывается съ кафедры и бѣжитъ къ партамъ.

— Встать, смир-на-а! — командуетъ „Балалайка“.

Павелъ Адамовичъ стоитъ въ нѣкоторомъ недоумѣніи. Потомъ, поздоровавшись съ нами, обращается къ „Балалайкѣ“:

— Штабсъ-ротмистръ, что у васъ происходитъ?

— Классныя занятія, ваше превосходительство!.. Уставъ внутренней службы! — не моргнувъ глазомъ, бойко рапортуетъ Владимиръ Петровичъ.

— Хорошо!.. Очень хорошо! — говоритъ начальникъ училища, пощелкивая пальцами правой руки по кулаку лѣвой, и тянется за неразрѣзанной книжкой.

Къ нашему благополучію, звенитъ труба.

Отбой!..

Черезъ десять минутъ, накинувъ шинели, смѣна направляется въ манежъ, на верховую ѣзду. Посѣдланные кони уже ожидаютъ насъ въ предманежникѣ.

— Чередниченко, вертай коней у тую манэжъ! — гремитъ вахмистръ Бѣлявскій и щелкаетъ хлыстомъ по кожанымъ леямъ. — У, стерва! — угрожающе бросаетъ онъ вѣстовымъ. — Свынячая морда!

Еще черезъ десять минутъ, справа по одному, на двѣ лошади дистанціи, смѣна вытягивается вдоль стѣнокъ манежа. Снова начинаются вольты и полувольты, перемѣны

направленія черезъ манежъ, повороты и остановки. Проѣзжая мимо стѣнного зеркала, мы поворачиваемъ украдкой головы и стараемся принять правильную посадку.

— Облегченной рысью, ма-а-аршъ! — командуетъ „Балалайка“ хриплымъ, осипшимъ отъ спирта голосомъ.

Головной номеръ, ударивъ коня шенкелями, ведетъ смѣну рысью. Середина замялась. Маленькій Ронжинъ, желая подравнять дистанцію, выносится широкимъ махомъ впередъ, срѣзаетъ уголъ и мчится по короткой стѣнѣ манежа.

Неизвѣстно по какой причинѣ его гнѣдой „Сибаритъ“ даетъ внезапно козла и маленькій Ронжинъ, трижды перевернувшись въ воздухѣ, шлепается на землю. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ сидитъ на землѣ, смотритъ на смѣну балдѣющими глазами и очищаетъ набитый опилками ротъ.

Это — первая „рѣпа“.

По этому случаю, герой дня будетъ сегодня кормить смѣну сладкими пирожками.

Смѣна же поднесетъ „герою“ жетонъ, въ видѣ маленькой золотой рѣпы, съ соотвѣтствующею датой и иниціалами...

21.

Эпидемія гриппа распространяется все шире и въ лазаретѣ уже не менѣе двадцати больныхъ юнкеровъ.

Нѣсколько дней тому назадъ заболѣлъ и старый инспекторъ классовъ, генералъ Циргъ. По случаю болѣзни, мы не устраиваемъ ему больше очередныхъ „похоронъ“, хотя иногда, передъ вечернею перекличкой, кто нибудь изъ корнетовъ, по традиціи, сообщаетъ о ходѣ болѣзни:

— Трррепещи, молодежь!

— Видъ серьезный, но безъ слезъ!

— Генералъ Циргъ опасно боленъ!..

Время отъ времени, эскадронъ продолжаетъ собираться для чтенія очередного „Приказа по Курилкѣ“. Но теперь,

на всякій пожарный случай, приняты серьезныя мѣры. Выбирается подходящій день. Собраніе происходитъ въ строгой тайнѣ. На всѣхъ углахъ стоятъ „махальные“, обязанные предупредить о малѣйшей опасности.

Ярко пылаютъ свѣчи...

Сверкаютъ корнетскія шапки, гусарскія, драгунскія, кирасирской дивизіи...

Настроеніе торжественное, сосредоточенное...

И снова выходитъ Костя Скуратовъ, имѣя по бокамъ двухъ архангеловъ, въ качествѣ ассистентовъ, двухъ славныхъ „маіоровъ“ — Пушкина и Стефановича, откашливается и читаетъ новый приказъ:

— Приказъ по Курилкѣ за № 5...

Снова перечисляется рядъ пунктовъ, параграфовъ, правилъ, на всѣ случаи жизни юнкера „славной гвардейской Школы“... Со всѣхъ сторонъ раздаются возгласы одобренія — правильно, трррепещи, молодежь!... „Звѣри“ стоятъ плотными шеренгами, застывъ на мѣстѣ, держа передъ собой пылающіе огарки...

Костя Скуратовъ выдерживаетъ долгую паузу, откашливается и продолжаетъ:

— Бѣ день и бѣ ночь... Померкли свѣтила небесныя и земля разверзошася подъ ногами, и воды морскія выступаша изъ береговъ...

Въ этой стихійной катастрофѣ повинны, разумѣется, мы, жалкіе, сугубые „звѣри“, съ нашими преступленіями, промахами, осѣчками, косматые варвары, вандалы, скифы, не мѣняющіе до сихъ поръ своего „звѣринаго“ облика, нарушающіе вѣковые завѣты, пятнающіе чистоту школьныхъ традицій...

Но вотъ, гаснутъ огни и гремитъ стройнымъ хоромъ знаменитая пѣсня:

„Молгите, трепетные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ —
Сердца корнетовъ полны муки,
Сугубствамъ звѣрскимъ мѣры нѣтъ!..

На средней площадкѣ звенитъ труба:

— Тр-дамъ, тр-дамъ, тр-дамъ, тр-дамъ...

„Звѣри“, всунувъ огарки въ карманъ, вылетаютъ стремительно изъ „курилки“. За ними, не торопясь, звеня шпорами самыхъ разнообразныхъ фасоновъ, венгерскихъ и корибутовъ, бальныхъ и скаковыхъ, арабскихъ, французскихъ, съ нѣжнымъ малиновымъ звономъ, съ тяжелой жандармскою музыкой, выходятъ „корнеты“:

— Пулей, молодежь!

— Послѣднему пачка нарядовъ!

— Красивые въ переднюю шеренту!

Эскадронъ строится на вечернюю перекличку...

Изъ третьяго взвода, держа по привычкѣ руки въ карманахъ рейтузъ, вялой, лѣнивой, безжизненною походкой выползаетъ „генералъ-маіоръ“ Ивановъ. Про него даже сложена пѣсенка:

„Генералъ-маіоръ Ивановъ
Выньте ручки изъ каргановъ!...“

Ивановъ, по причинѣ тихихъ успѣховъ въ наукахъ, зазимовалъ въ старшемъ классѣ и носитъ почетное „генеральское“ званіе...

Передъ первымъ взводомъ стоитъ взводный капралъ, великій князь Борисъ.

Онъ средняго роста, съ плотной фигурой, въ короткомъ бушлатѣ съ тремя нашивками на погонахъ, въ узкихъ рейтузахъ, туго обтягивающихъ его толстыя ляжки и задъ. Его упитанное, выхоленное лицо не особенно выразительно, но красиво. Къ своимъ обязанностямъ, къ строевымъ и классньімъ занятіямъ, онъ относится равнодушно. Онъ „справедливъ“, вовсе не „строгъ“ и, вообще, симпатичный и покладистый паренъ.

На правомъ флангѣ стоятъ наши „верблюды“ — огромный, съ длинной лошадиною головой графъ Паленъ, тонкіе, какъ ивовый хлыстъ — Линдеръ, Бискупскій, Случев-

скій, золотокудрый, съ осанкой античнаго божка — высокій „корнетъ“ Бутурлинъ, милый и благодушный, нѣсколько развинченный Безобразовъ, суровый эстандартъ Рудневъ, грузный баронъ Сталь фонъ Гольстейнъ.

Послѣдній считается самымъ солиднымъ по возрасту изъ всѣхъ юнкеровъ эскадрона, обладаетъ основательной лысиной и, по свѣдѣніямъ, уже имѣетъ пятокъ незаконныхъ дѣтей.

Обращаетъ на себя вниманіе сантиментальная „мамочка“, капралъ Давыдовъ, и гроза младшаго класса, красивый „корнетъ“ — Владиміръ Эдуардовичъ Фуксъ...

Вотъ первый кавалеръ и танцоръ, мечта всѣхъ институтокъ — бѣлокурый весельчакъ Гудима...

Вотъ взводный четвертаго взвода, красивый капралъ Велитоновъ, женоподобный Романъ Якобсъ, стройный сербъ Груичъ, мазочка Карцовъ, беззаботный Трушковскій, отдѣленный эстандартъ Спиридоновъ, задумчивый Ознобишинъ и баронъ Неттельгорстъ, маленькій, хорошенькій, какъ куколка, князь Баратовъ...

Вотъ вислоухій молодой Папенгутъ, котораго, въ шутку, зовутъ „Маменшлехтомъ“.

Вотъ худощавый юнкеръ съ татарскимъ лицомъ — Сергѣй Юматовъ, смазливый моншеръ Голубовъ, лихой Купреяновъ, бѣленькій Шкотъ, пылкій лезгинъ Таучеловъ, красивый брюнетъ Насоновъ, веселый, вѣчно подъ легкимъ газомъ, неунывающій „маіоръ“ Стефановичъ...

Ну, и въ первую голову, конечно, Костя Скуратовъ, лейбъ-трубачъ, регентъ церковнаго хора, непревзойденный виртуозъ и мастеръ на всѣ руки, самый лихой, самый отчетливый, съ коротенькимъ ежикомъ, съ слегка припухшими вѣками, съ своею особой раскачивающейся походкой

— Трррепещи, молодежь!...

Еще не вышелъ эскадронный вахмистръ изъ своей „вахмистерской“, и благородное „корнетство“ занимается обычной муштровкой:

— Видъ веселый, но безъ улыбокъ!

— Молодой Панютинъ, разскажите исторію вашей первой любви!

— Кто сидѣлъ на Гохкирхенской колокольнѣ?
— Капитанъ Годи!
— Правильно, молодой!

22.

Въ субботу я не предполагалъ идти въ отпускъ. Я хотѣлъ посвятить вечеръ подготовкѣ къ очередной репетиціи по тактикѣ и заработать у Морица-Кавелахтскаго полный баллъ.

Однако, Дробышевскій уговорилъ составить ему компанію и принять, по его выраженію, „маленькую порцію кислорода“.

Къ полуночи было рѣшено вернуться въ Школу.

Одѣвшись, мы вышли на улицу, отказались отъ услугъ поджидавшихъ извозчиковъ и направились пѣшкомъ по проспекту.

Пройдя Египетскій мостъ, съ привставшими на чугунныхъ лапахъ, красными сфинксами на углахъ, мы вышли на Рижскій проспектъ...

Вечерѣло.

На улицахъ, одинъ за другимъ, зажигались фонари. Желтый свѣтъ дрожалъ на влажныхъ панеляхъ, по которымъ, взадъ и впередъ, по всѣмъ направленіямъ, катилась уличная толпа.

Проходили пожилые чиновники въ форменныхъ фуражкахъ съ кокардами на тульѣ, въ очкахъ, съ кожаными туго набитыми портфелями, спѣшившіе изъ департаментовъ, консисторій и другихъ учрежденій къ спокойному семейному очагу.

Стремительно мчались малые изъ булочныхъ и пивныхъ, половые изъ чайныхъ, трактировъ и ресторановъ. Шли тяжелой, размѣренною походкой носильщики, разносчики, почтальоны. Торговки, сидя подлѣ ларей, голосисто зазывали прохожихъ:

— Баранки!
— Бублички!

— Пряничкы вяземскіе!

У цирюленъ и лабазовъ, у настежь распахнутыхъ мясныхъ, зеленныхъ и овощныхъ лавокъ, стояли приказчики, глазѣли на публику, ржали молодымъ жеребинымъ смѣхомъ. Проходившія женщины толкали локтями въ бокъ, шуршали юбками, подмигивали глазами.

На Садовой улицѣ движеніе было еще бойче.

Съ тяжелымъ грохотомъ ползли телѣги, груженыя желѣзнымъ ломомъ, мебелью, кожей, мясными тушами. Тряслись извозчики, мчались пролетки на резиновыхъ шинахъ, и кареты, запряженныя парами крутобокихъ коней. По мѣрѣ приближенія къ Гостинному Двору, улица все болѣе оживлялась. Густая толпа становилась пестрѣе, разнообразнѣе. Безчисленные огни горѣли со всѣхъ сторонъ. Отъ Сѣнного Рынка тянуло сырыми, острыми запахами...

Дробышевскій неожиданно свернулъ въ переулокъ, остановился и закурилъ папиросу.

— Черкесовъ, будь другомъ? — произнесъ онъ послѣ затяжки и просительно посмотрѣлъ на меня:

— Завернемъ на минутку!... Если не желаешь, можешь не участвовать въ удовольствіи! Принципіально!... Ты вѣдь еще святой! — добавилъ онъ небрежнымъ тономъ и грубо захохоталъ.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился передъ воротами.

Мы вошли во дворъ, скупо освѣщаемый газовымъ фонаремъ. По темной лѣстницѣ, спугнувъ кота, стремительно нырнувшаго подъ ноги, поднялись на второй этажъ.

— Фу, дьяволъ! — выругался Станиславъ Станиславовичъ, сорвавшись со скользкой ступени. — Темно, какъ у арапа!

Дробышевскій остановился передъ дверьми, прислушался, заглянулъ въ щелку, потянулъ ручку звонка. Пахло кухней, зеленымъ мыломъ, сырымъ бѣльемъ.

Дверь открыла намъ дѣвушка, почти ребенокъ, хрупкая, тоненькая, свѣтловолосая, съ испуганными голубыми

глазами, въ простомъ ситцевомъ платьицѣ, со сборками на груди.

— Здравствуй, Таня! — сказалъ Дробышевскій и, обращаясь ко мнѣ, церемонно представилъ:

— Татьяна Андреевна Сладкодухова!... Графъ Бенгальскій!... Будьте знакомы!

Я протянулъ руку. Таня застѣнчиво улыбнулась, нерѣшительно подала ручку и повела за собой.

Въ низкой маленькой комнатѣ, съ грязными, закопченными обоями, было неприбрано и убого.

На кругломъ столѣ горѣлъ керосиновый ночничокъ, валялись остатки ѣды, альбомъ въ затрепанномъ переплетѣ, щипцы для завивки волосъ.

На комодѣ стояло разбитое зеркальце, пудреница, граненый флакончикъ изъ-подъ духовъ. Въ углу, накрытая стеганымъ одѣяломъ, смутно бѣлѣла кровать съ горой взбитыхъ подушекъ, съ жиденькимъ коврикомъ на полу, съ рядомъ фотографическихъ карточекъ, прикрѣпленныхъ къ стѣнѣ.

— Да ты не робѣй, Танюша! — произнесъ Дробышевскій, покровительственно хлопая дѣвушку по плечу. — Свои люди!... Не правда-ли, графъ?... Что ты скажешь?

Я промычалъ въ отвѣтъ, искоса взглянулъ на Таню и придвинулъ альбомъ.

Дробышевскій снялъ шашку, скинулъ шинель, досталъ изъ кармана рейтузъ бутылку и поставилъ на столъ.

— Ну, дѣтки мои, угощайтесь! — продолжалъ Дробышевскій, играя роль хозяина и, мало-по-малу, разсѣивая общее замѣшательство: — Будьте, какъ дома!

Онъ громко смѣялся, помогалъ дѣвушкѣ убрать столъ, раздобылъ откуда-то пару рюмокъ и чайный стаканъ, напѣвалъ и кружился по комнатѣ, съ лукавымъ видомъ, на ципочкахъ, подходилъ къ кровати, и съ размаху садился на нее, отчего трещали пружины и звенѣло стекло на столѣ.

— Графъ, твое здоровье!... Танюша!... Пей до дна, пей до дна! — кричалъ Дробышевскій, чокаясь полнымъ стаканомъ.

Таня боязливо пригубливала ликеръ. Вспыхивая и наливаясь румянцемъ, отвѣчала на мои фразы, которыя я съ усиліемъ выжималъ, пытаясь расположить къ себѣ дѣвушку и развѣять ея смущеніе.

Я даже отпустилъ по ея адресу какой-то дешевенькій комплиментъ, но тотчасъ смутился и покраснѣлъ, въ свою очередь. Затѣмъ, углубившись въ альбомъ, сталъ разсматривать карточки.

Дробышевскій подливалъ въ рюмки, хмѣлѣлъ и съ каждой минутой приходилъ въ большее возбужденіе.

— Танюша, поди-ка сюда!... Я тебѣ кое-что скажу! — обратился онъ къ дѣвушкѣ и, схвативъ за руку, привлекъ къ себѣ. Потомъ, не взирая на сопротивленіе, усадилъ дѣвушку на колѣни и, внезапнымъ движеніемъ, погасилъ ночникъ.

Въ темнотѣ слышался шопотъ, возня, шорохъ скидываемой одежды.

Въ окно, сквозь тонкую занавѣску, мерцали городскіе огни...

Звенѣли звонки...

Доносились заглушенные шумы...

23.

— Тикъ-такъ, тикъ-такъ! — вызваниваетъ маятникъ часовъ въ четвертомъ взводѣ и бѣгутъ минуты, часы, дни, недѣли.

Лекціи, репетиціи, верховая ѣзда — смѣняются одно другимъ, а въ промежуткѣ бесѣда въ „чайной компаніи", воспоминанія о далекомъ родномъ гнѣздѣ, кратковременныя прогулки по городу...

Неожиданное приключеніе на Садовой, въ теченіе нѣсколькихъ дней, продолжало меня волновать.

Это было для меня совсѣмъ ново.

Физическая близость къ женщинѣ была мнѣ незнакома.

Обстановка, въ которой протекло мое дѣтство, отро-

чество и первая юность, оберегала меня отъ этихъ соблазновъ, противопоставляя имъ увлеченія иного рода, въ видѣ охоты и рыбной ловли, коллекціонированіи марокъ, старинныхъ монетокъ, въ чтеніи захватывающихъ воображеніе авантюрныхъ романовъ.

Женщина же представлялась мнѣ обыкновенно или въ образѣ матушки, или сестры, въ веселыхъ хохотушкахъ-сверстницахъ, порхавшихъ на паркетѣ женской гимназіи, въ бальныхъ залахъ кадетскаго корпуса, или въ юныхъ подругахъ, съ бантиками и золотыми косичками — участницахъ безхитростныхъ деревенскихъ забавъ.

Дробышевскій ознакомилъ меня впервые съ чѣмъ-то загадочнымъ, жуткимъ своею таинственной сущностью, въ области отношеній двухъ различныхъ половъ.

Непосредственно на моихъ глазахъ произошла сцена, въ одно мгновенье наполнившая сознаніе новымъ, острымъ, тревожно-влекущимъ чувствомъ. Точно весь міръ раздѣлился на двѣ четкія, совершенно разныя половины, которыя до сихъ поръ были слиты въ одинъ общій человѣческій хаосъ.

Было страшно, было неотразимо-волнующе и любопытно это открытіе и, одновременно, что-то неясное закопошилось въ душѣ...

Между прочимъ, почему-то распространено мнѣніе, будто мы, юнкера Школы, въ отношеніяхъ къ женщинамъ создали нѣкій культъ?

Будто являемся, якобы, ихъ первѣйшими кавалерами, покорителями сердецъ, волокитами, ухажорами, непревзойденными ловеласами, чичисбеями, срывателями цвѣтовъ наслажденій?

Это не совсѣмъ вѣрно.

Мы не простираемъ своихъ увлеченій къ слабому и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ говорится, къ прекрасному полу, дальше обычнаго участія на свѣтскихъ балахъ, на институтскихъ и гимназическихъ вечеринкахъ и относимся къ

женщинамъ, въ большинствѣ, съ долею снисходительности и даже нѣкотораго пренебреженія.

Разговоры о женщинахъ, объ ухаживаніи, о любви — въ нашей юнкерской жизни занимаютъ сравнительно скромное мѣсто. Такъ называемые, дамскіе кавалеры, бабники, шаркуны не пользуются у насъ большимъ уваженіемъ.

Женщина — олицетвореніе слабости, духовной и физической немощи, сантиментальныхъ капризовъ, вѣтренности, кокетства.

Это не отвѣчаетъ нашему идеалу.

Иной культъ — культъ лихости, силы, молодечества и бравады, культъ верхового коня, играетъ у насъ главную роль и составляетъ наше призваніе:

„Золото купитъ четыре жены,
Конь же лихой не имѣетъ цѣны:
Онъ и отъ вихря въ степи не отстанетъ,
Онъ не измѣнитъ, онъ не обманетъ.“

Нашъ культъ — служба конницѣ, служба „оружію боговъ“. Это профессія, которой мы себя посвятили и поклоняемся. Мы любимъ ее страстной любовью и одинаково любимъ все то, что съ нею связано — ржанье коней, запахъ конюшни, пѣніе кавалерійскихъ сигналовъ.

Все остальное отступаетъ у насъ на второй планъ.

Во имя этой любви мы сознательно переносимъ два года тяжелой работы, строевую муштровку, цукъ юнкеровъ старшаго класса, которые, не переставая, продолжаютъ заниматься нашей шлифовкой и являются, въ сущности, нашими главными наставниками и учителями.

Они хранители священныхъ завѣтовъ, блюстители кавалерійскаго духа и славныхъ традицій, пронесенныхъ черезъ длинный рядъ поколѣній, одновременно съ шутливой юнкерскою молитвой поэта:

„Царю Небесный,
Спаси меня
Отъ куртки тѣсной,

Какъ отъ огня.
Отъ фланкировки
Меня избавь,
Въ парадировки
Меня не ставь.
Пускай въ манежѣ
Алехинъ гласъ
Какъ можно рѣже
Тревожитъ насъ.
Я, Царь Всевышній,
Хорошъ ужъ тѣмъ,
Что просьбой лишней
Не надоѣмъ!“

Мы грезимъ о подвигахъ, мечтаемъ о славѣ...

О конныхъ атакахъ Домбровскаго подъ Соммсю-Сіеррой, ротмистра Бехтольсгейма въ бою подъ Кустоццой, пруссака Бредова въ кровавой схваткѣ подъ Марсъ-ла-Туромъ...

Мы мечтаемъ о рейдахъ Моргана, о великолѣпныхъ кавалерійскихъ броскахъ Зейдлица, Цитена и Мюрата, Латуръ-Мобура и Нансути, о дерзкихъ набѣгахъ партизановъ Отечественной войны — Давыдова и Сеславина, Дорохова и Фигнера...

Вотъ нашъ истинный культъ!...

Время отъ времени, я продолжаю, однако, размышлять о Танечкѣ Сладкодуховой.

Все съ большею силой меня начинаетъ охватывать любопытство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какая-то необъяснимая тревога, какой-то острый, волнующій интересъ и цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ, противорѣчащихъ другъ другу чувствъ, въ которыхъ не могу разобраться.

Все это такъ ново и неожиданно.

Я не въ претензіи на Дробышевскаго. Но въ слѣдующій разъ все же попрошу его избавить меня отъ прогулки въ направленіи къ Гостинному Двору...

24.

— Тропъ-тропъ-тропъ-тропъ!

Четвертая смѣна младшаго курса трясется строевой рысью. Мягко звенятъ трензеля, щелкаетъ бичъ, поручикъ Борисъ Александровичъ Гиппіусъ кидаетъ короткія замѣчанія:

— Князь Елецкій, приверните колѣно!

— Юнкеръ Зарубаевъ, каблукъ!

— Рогуля, дистанцію!

Верховая ѣзда производится ежедневно, день въ день, не взирая ни на какую погоду или случайныя обстоятельства. Мало-по-малу, мы „усаживаемся“ прочно въ сѣдло, держимъ правильную посадку, пріобрѣтаемъ балансъ. Уже отъ простого толчка мы не вылетаемъ, какъ это случалось какой нибудь мѣсяцъ тому назадъ, изъ сѣдла. Командиръ эскадрона замѣчаетъ наши успѣхи и, вмѣсто суровыхъ окриковъ, находитъ порой иныя слова.

Но все же, еще въ теченіе многихъ недѣль, вплоть до самаго Рождества, мы будемъ трястись безъ стременъ, на однихъ трензеляхъ, ежедневно мѣняя коня, пересаживаясь съ „Египтянки“ на „Баядерку“, съ „Сибарита“ на рыжаго „Кабардинца“ или на вороного „Экватора“, или на злобнаго, дикаго, способнаго выкинуть любое колѣно, нестерпимо тряскаго „Идіота“.

А шпоры?

О, до шпоръ еще далеко!.. Мы носимъ ихъ лишь при городской формѣ, а при возвращеніи изъ отпуска обязаны тотчасъ снимать...

Падаетъ тусклый вечеръ.

Мы возвращаемся изъ манежа слегка утомленные, съ болью въ суставахъ, въ поясницѣ и въ мускулахъ. Быстро проходитъ обѣдъ. Черезъ полчаса начинаются репетиціи...

Сегодня въ нашемъ классѣ „Законовѣдѣніе“.

Это легкій предметъ и читаетъ его, вдобавокъ, крот-

кій, благодушный, слѣпой старецъ Бакшеевъ. Уже за одинъ выходъ онъ ставитъ шестерку. Если выжать нѣсколько фразъ, можно разсчитывать на вполнѣ сносный баллъ.

При всемъ томъ, имѣются юнкера, которые прибѣгаютъ къ различнымъ уловкамъ.

Чаще всего у Бакшеева продѣлывается такой номеръ.

— Юнкеръ князь Андрониковъ! — вызываетъ профессоръ.

Вова Андрониковъ, съ лукавой улыбкой на кругломъ румяномъ лицѣ, подходитъ къ кафедрѣ, бойко отвѣчаетъ на заданную тему и, получивъ полный баллъ, садится на мѣсто.

— Юнкеръ Поповъ! — вызываетъ Бакшеевъ.

Но вмѣсто Попова, надѣвъ фуражку и нацѣпивъ шашку дневальнаго, снова выходитъ Андрониковъ, мѣняетъ голосъ, походку, манеру и отвѣчаетъ за своего друга.

Бакшеевъ ставитъ десятку и, одобрительно кивнувъ головой, отпускаетъ: „Хорошо, юнкеръ Поповъ, садитесь!"

— Юнкеръ Бабкинъ! — вызываетъ близорукій профессоръ.

Въ третій разъ выходитъ Вова Андрониковъ. Теперь онъ въ очкахъ, а голова повязана чернымъ фуляромъ. У него чертовски болятъ зубы и, по этой причинѣ, фразы произносятся глухо, невнятно, со свистомъ и пришепетываніемъ. Однако, профессоръ вполнѣ удовлетворяется отвѣтомъ и, изъ состраданія къ больному юнкеру „Бабкину", ставитъ ему двѣнадцать.

Классъ, едва удерживаясь отъ хохота, съ любопытствомъ слѣдитъ за спектаклемъ. Тутъ нужно быть на чеку. Самое опасное, въ этомъ случаѣ, неожиданное появленіе эскадроннаго командира, инспектора или, въ особенности, Павла Адамовича Плеве.

Комическій фарсъ можетъ закончиться печальною драмой...

Репетиція кончилась.

Юнкера разошлись.

И во всѣхъ взводахъ, на средней площадкѣ и въ коридорахъ, уже идетъ обычная муштра:

— Молодой Соколовъ, что такое прогрессъ?

— Прогрессъ есть константная эксибиція секулярныхъ новаторовъ! — отвѣчаетъ Соколовъ, растекаясь въ улыбку.

— Безъ улыбокъ, молодой Соколовъ!.. Пачку нарядовъ!.. Явитесь вахмистру!

— Молодой баронъ Врангель, что такое брокдаунъ?

— Правильно, молодой!.. Кру-гомъ!.. Ногу выше!

— Молодой Офросимовъ, что такое механика?

— Механика есть экстрактъ феноменальной глупости, господинъ корнетъ!

— Правильно, молодой!.. Примите корнетское спасибо!

А со стѣнъ средней площадки глядятъ мраморныя скрижали съ золочеными буквами, хранящія, въ назиданіе поколѣніямъ, славныя имена:

Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка
Прапорщикъ
Николай Махотинъ.

Это было давно, полвѣка тому назадъ, когда училище называлось „Школой гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ". Прапорщикъ Махотинъ сталъ впослѣдствіе главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, генераломъ-отъ-инфантеріи Махотинымъ...

Лейбъ-Гвардіи Уланскаго Его Величества полка
Корнетъ
Павелъ Плеве.

Да, нашъ суровый педантъ, столь нелюбимый нами начальникъ, тоже былъ нѣкогда юнкеромъ Школы, косматымъ „звѣремъ", лохматымъ вандаломъ, сарматомъ, скифомъ... И вѣроятно не разъ стоялъ „подъ-шашкой" за полный баллъ по „сугубымъ" наукамъ...

Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго Его Величества полка
Корнетъ
Евгеній Миллеръ.

Звенитъ труба.

Эскадронъ строится на ужинъ.

Эскадронный вахмистръ читаетъ приказъ:

„Сегодня, въ шесть часовъ вечера, скончался инспекторъ классовъ ввѣреннаго мнѣ училища, генералъ-маіоръ Циргъ".

Мы поражены.

Это извѣстіе звучитъ для насъ чѣмъ-то неожиданнымъ, непонятнымъ.

Еще такъ недавно мы „хоронили" инспектора по нашему комическому обряду. Это казалось неизмѣннымъ и вѣчнымъ. Черезъ три дня мы похоронимъ его по настоящему.

— Бѣдный генералъ Циргъ!

Училище облеклось въ трауръ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней въ эскадронѣ умолкли пѣсни и веселыя шутки. И даже цукъ передъ лицомъ скорбнаго событія временно прекратился.

Въ сѣрый дождливый осенній день медленно двигалась погребальная колесница по Новопетергофскому проспекту, къ мѣсту послѣдняго упокоенія. Эскадронъ Школы и казачья сотня шли впереди прочихъ войскъ. Были депутаціи отъ разныхъ училищъ, ленты, вѣнки.

Прогрохоталъ прощальный залпъ:

— Ба-бахъ!

И генералъ Циргъ почилъ навсегда...

На должность инспектора классовъ былъ назначенъ генералъ Будаевскій, очень скоро завоевавшій наши симпатіи бѣлою подкладкою сюртука, конно-артиллерійскою лихостью и особенными словечками:

— Что за шумъ въ хвостѣ колонны?

— Разрядить коридоръ!

25.

Былъ ясный, погожій, октябрьскій день, совершенно не петербургскій.

Нѣжно голубѣло огромное небо, на которомъ, точно табуны бѣлыхъ коней, разбѣжалась цѣпь маленькихъ облачковъ. Солнце кидало пригоршнями полновѣсное золото на гранитъ, на воду каналовъ, на стекла и крыши домовъ и, казалось, улыбалось своей расточительности, точно счастливая, легкомысленная красотка...

Пройдя Поцѣлуевъ мостъ, я бойко шагалъ по Морской.

Было рано. На улицѣ было пустынно. Но городъ уже пробуждался отъ сна и надѣвалъ свои праздничныя одежды. Неожиданно показался кэбъ, запряженный парою рыжихъ нормановъ. На козлахъ сидѣло два офицера. Одинъ изъ нихъ правилъ, и былъ одѣтъ въ алый гусарскій мундиръ. Другой былъ въ адъютантскомъ сюртукѣ, при аксельбантѣ.

Кэбъ быстро мчался навстрѣчу.

Но онъ еще далеко не поровнялся со мной, когда, согласно воинскому уставу и традиціямъ Школы, я изготовился достойнымъ образомъ отдать честь.

Я укоротилъ шагъ, звонко ударяя ступней по панели — разъ-два! одной рукой подобралъ шашку, другую поднесъ къ головному убору, одновременно круто повернувъ голову въ сторону офицеровъ.

Кэбъ быстро промчался.

Я продолжалъ слѣдовать дальше.

Въ слѣдующее мгновенье, властный и рѣзкій, какъ металлическая труба, голосъ окликнулъ:

— Юнкеръ, пожалуйте сюда!

Кэбъ стоялъ на Морской. Офицеры, обернувшись, смотрѣли въ мою сторону.

Я подошелъ къ экипажу, взглянулъ на высокія козлы — и ноги мои приросли къ мостовой.

Офицеръ въ аломъ гусарскомъ мундирѣ, съ бичомъ и

возжами въ рукахъ, былъ — генералъ-инспекторъ кавалеріи, великій князь Николай Николаевичъ!..

Да, это былъ онъ, съ сухимъ, породистымъ, слегка надменнымъ лицомъ, съ подкрученными кверху усами, съ острой рыжеватой бородкой — столь знакомый мнѣ по портретамъ, развѣшаннымъ по всѣмъ угламъ эскадрона.

Онъ мрачно взглянулъ на меня и процѣдилъ:

— Юнкеръ, вы не стали во фронтъ!... Явитесь въ Школу и доложите дежурному офицеру!.. Ваша фамилія?

— Черкесовъ, ваше императорское высочество!

Великій князь недовольно покачалъ головой, щелкнулъ бичомъ по лошадямъ и умчался...

Повернувшись налѣво-кругомъ, я побрелъ обратно на Новопетергофскій проспектъ.

Боже, что пережилъ я за это короткое путешествіе?.. Какія мысли, какія чувства не терзали мою бѣдную душу?

— Конецъ! — думалъ я, ошеломленный, взволнованный сверхъ всякой мѣры, трепещущій въ ожиданіи неизбѣжнаго приговора.

Ахъ, здѣсь не можетъ быть ни малѣйшихъ сомнѣній!.. Не стать во фронтъ великому князю, августѣйшему генералъ-инспектору кавалеріи?.. Какой стыдъ, какой срамъ!.. Какъ покажусь я на глаза моимъ друзьямъ, „корнетамъ", офицерамъ „славной гвардейской Школы"?..

„Юнкеръ Черкесовъ, за нарушеніе воинскаго долга, исключается изъ списковъ училища!" уже читалъ я пунктъ рокового приказа.

Одно время я былъ въ колебаніи.

Какъ мнѣ явиться?.. Что мнѣ сказать?.. Чѣмъ оправдать свой поступокъ?..

Можетъ быть, лучше скрыться, исчезнуть навѣки и навсегда?...

Когда я явился въ Школу и доложилъ дежурному офицеру, поднялась суматоха. Командиръ эскадрона схватился за свою лысую голову и отъ ужаса не могъ вымолвить ни

единаго слова. Потомъ приказалъ дохнуть ему въ лицо, желая убѣдиться, что я не пьянъ.

Потомъ пришелъ начальникъ училища.

Павелъ Адамовичъ, наоборотъ, пыталъ меня на протяженіи цѣлаго часа, знакомясь съ деталями и мотивами преступленія.

— Какъ это случилось, юнкеръ Черкесовъ? — спрашивалъ Павелъ Адамовичъ, безпокойно поблескивая изъ-подъ стеколъ пенснэ своими маленькими глазками и, по привычкѣ, хлопая пальцами правой руки по кулаку лѣвой.

— Удивительно!.. Изумительно! — продолжалъ Павелъ Адамовичъ. — Вы забыли Инструкцію?.. Вы не считаете нужнымъ исполнять требованія устава внутренней службы?.. Нехорошо!.. Очень нехорошо!.. Мы съ вами еще поговоримъ!

Офицеры стыдили меня за разсѣянность. „Корнеты" ругали за посрамленіе школьныхъ традицій:

— Сугубый Черкесовъ, великихъ князей зѣваетъ!

— Скифы, вандалы!

— Лохматые, косматые, хвостатые звѣри!

— Трррепещи, молодежь!..

Вскорѣ меня вызвалъ „Плѣшакъ".

Онъ посмотрѣлъ на меня своими добрыми лошадиными глазами, обнялъ за талію и лично отвелъ подъ арестъ.

Я просидѣлъ въ карцерѣ пять томительныхъ сутокъ, предаваясь убійственнымъ размышленіямъ...

26.

Тетушка Марія Васильевна, обезпокоенная моимъ долгимъ отсутствіемъ, пріѣхала ко мнѣ на Новопетергофскій проспектъ.

Она вызвала меня въ пріемную и по моему грустному виду рѣшила, что я нездоровъ.

— Что съ тобою, Георгій? — спросила взволнованно тантъ Мари. — Да ты никакъ боленъ?.. Похудѣлъ, поблѣднѣлъ, на тебѣ лица нѣтъ!.. Tu est complètement malade?

— Я здоровъ, тетушка! — произнесъ я, почтительно прикасаясь губами къ рукѣ. — Произошелъ ужасный случай!

И я передалъ Маріи Васильевнѣ исторію у Поцѣлуева моста...

Къ моему изумленію, тантъ Мари отнеслась къ разсказу спокойно. Она пожурила меня слегка за разсѣянность. Какъ же это, дескать, принять великаго князя за обыкновеннаго человѣка?.. И ростъ, и фигура, и лицо его совсѣмъ исключительны!.. Въ столицѣ, да, пожалуй, во всей имперіи второго такого не сыщешь!...

— Ничего, успокойся, мой другъ! — произнесла ласково тантъ Мари и провела рукой по моимъ волосамъ. — Все это пустяки!.. Все образуется!..

Марія Васильевна на минуту задумалась:

— Вотъ только не понимаю я его императорское высочество!... Накричалъ, набурлилъ, распѣтушился... Ну къ чему?.. Зачѣмъ эти строгости?.. Ей-Богу, не понимаю!

Тантъ Мари задумалась снова:

— Ну, сдѣлалъ бы замѣчаніе, пристыдилъ, посовѣтовалъ бы въ другой разъ быть внимательнѣй... А то еще посадилъ бы къ себѣ на козлы, поговорилъ по душамъ, да и отвезъ бы ко мнѣ на Васильевскій... Много полезнѣе было бы и для тебя и для него... Знаетъ ли онъ точно вашу школьную жизнь?.. Сомнѣваюсь... А ужъ вспоминалъ бы ты его до конца дней съ великою нѣжностью... Не такъ ли?

— Тетушка, вы забываете, что это военная служба! — пытался я было оправдать поведеніе великаго князя.

— Нѣтъ, не понимаю я этого, мой дружокъ! — сказала съ рѣшительностью тантъ Мари. — Завтра же повидаюсь съ графиней Евдокіей Валерьяновной и разскажу... Она знакома съ грандюкомъ... Пускай-ка, при случаѣ, сдѣлаетъ ему репримандъ!

— Сохрани Боже, тетушка! — воскликнулъ я и, на

мгновенье, даже похолодѣлъ. — Прошу васъ, не дѣлайте этого!... Вы хотите меня окончательно погубить?

Марія Васильевна разсмѣялась:

— Обязательно разскажу!... Да чего ты волнуешься?.. Ну, ладно, ладно... Успокойся, мой другъ!.. Если не желаешь, буду молчать!

— Да, кстати, вотъ что! — произнесла тетушка, принявъ снова сосредоточенный видъ. — Евдокія Валерьяновна уже прослышана про тебя... Какой Черкесовъ?.. Не изъ Павлиновки?. Не Надежды-ли Николаевны сынъ?.. Вы вѣдь сосѣди?.. Графское всего вѣдь въ какихъ-нибудь тридцати верстахъ?.. Обѣщала тебя привезти... Устроятъ тебѣ смотрины... Не отвертишься, мой дружокъ!

Тантъ Мари посидѣла еще четверть часа, поцѣловала меня на прощанье и уѣхала.

И я снова погрузился въ свои размышленія...

Да, тетушка, пожалуй, права.

Вѣдь не нарочно же я совершилъ свое преступленіе?

Могъ ли я, жалкій провинціалъ, подозрѣвать, что великій князь способенъ сидѣть на козлахъ и управлять лошадьми, какъ простой смертный?

Въ этихъ случаяхъ мнѣ представлялась почему-то карета, съ золотыми коронами на фонаряхъ, толстый кучеръ съ медалями, форейторы впереди, лакеи на козлахъ и на запяткахъ... А изъ окна кареты выглядываетъ величественная особа, въ генеральскомъ мундирѣ, при эполетахъ, съ орденами и голубой андреевской лентой черезъ плечо...

Я просто принялъ великаго князя за гусарскаго офицера, совершающаго утреннюю прогулку.

Онъ такъ строенъ и моложавъ, при этомъ безъ всякихъ отличій на доломанѣ, ну совершенно, какъ субалтернъ-офицеръ, находящійся передъ взводомъ!...

Да, пожалуй, если бы, остановивъ, великій князь сказалъ мнѣ нѣсколько словъ, ласково пожурилъ за разсѣянность и

отпустилъ съ миромъ — о, какъ затрепетало бы мое юное сердце, съ какимъ восхищеніемъ я бы вспоминалъ эту встрѣчу!

Впрочемъ, онъ тоже правъ.

Военная дисциплина сурова и безпощадна...

27.

Громовъ, какъ я уже говорилъ, попалъ къ „верблюдамъ".

Вначалѣ это его нѣсколько огорчало. Мало-по-малу онъ, однако, привыкъ и даже подобралъ себѣ небольшую дружескую компанію.

Въ центрѣ этой „всепьянѣйшей компаніи" стоитъ Гаврюшка Мятлевъ, самый богатый изъ юнкеровъ эскадрона, получающій до тысячи рублей въ мѣсяцъ и пропивающій такую же сумму въ долгъ.

Не взирая на свой богатырскій ростъ и сложеніе, Громовъ обладаетъ чрезвычайно слабою волей и очень быстро подпадаетъ подъ вліяніе окружающихъ.

Я имѣю основанія за него безпокоиться.

Правда, сейчасъ, пока онъ состоитъ на положеніи „звѣря", ему волей-неволей приходится слѣдить за собой. Въ стѣнахъ Школы ему напиваться нельзя. Но я знаю, что по субботамъ, едва вырвавшись изъ училища, онъ тотчасъ направляется съ пріятелями въ одинъ маленькій облюбованный ресторанъ, занимаетъ отдѣльный кабинетъ и пьянствуетъ до разсвѣта.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда дядюшка Артемій Петровичъ уѣзжаетъ въ провинцію, на желѣзнодорожныя изысканія, Громовъ съ Гаврюшкой Мятлевымъ устраиваютъ пьяныя оргіи на квартирѣ.

Я участвовалъ въ нихъ нѣсколько разъ.

Компанія состоитъ изъ десяти-пятнадцати человѣкъ. Изъ юнкеровъ Школы неизмѣнными завсегдатаями являются краснорожій пьяница Валерьянъ Зарубаевъ, баронъ Штейнгель, красивый Скалонъ, „маіоръ" Гржибовскій и

„маіоръ“ Моласъ, сынъ богатаго бакинскаго нефтяника — „маіоръ“ Зубаловъ. Часто появляется пажъ Веригинъ, лицеистъ Вонлярлярскій, гардемаринъ Пилкинъ 12 и нѣсколько молодыхъ статскихъ людей, въ томъ числѣ — „Душа Общества“, баронъ Фердинандъ Фердинандовичъ Ашъ.

Иногда приглашаются „дамы“.

Баронъ Фердинандъ Фердинандовичъ или просто „Фрэдъ“ является, пожалуй, главной фигурой.

Не взирая на сравнительную молодость, онъ состоитъ чиновникомъ для порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, имѣетъ личныя средства, большія связи и, съ внѣшней стороны, служитъ образцомъ „хорошаго тона“.

Онъ носитъ моноклъ, одѣвается съ рѣдкою элегантностью, импонируетъ безукоризненными манерами, свѣтскимъ лоскомъ, детальнымъ знаніемъ столичнаго свѣта и полусвѣта.

Баронъ быстро сошелся со мной, въ первый же вечеръ предложилъ выпить на „брудершафтъ“, оказываетъ мнѣ знаки сердечной симпатіи.

Нужно ли упоминать, что баронъ вполнѣ въ курсѣ нашей кавалерійской жизни, живетъ нашими интересами и порой искренно сожалѣетъ, что не носитъ кавалергардскій мундиръ? Его лексиконъ не уступаетъ нашимъ юнкерскимъ выраженіямъ. Иногда представляется, будто онъ только-что соскочилъ съ нашей школьной скамьи и, лишь по недоразумѣнію, носитъ цилиндръ и визитку...

Вечеринки проходятъ обычно съ большимъ оживленіемъ.

Настроеніе царитъ самое непринужденное. Вино и водка льются рѣкой. Не переставая гремитъ хохотъ и смѣхъ, поцѣлуи, визгъ молодыхъ женщинъ, застольныя пѣсенки:

„Брюнетка жена. мужъ брюнетъ,
Къ нимъ вхожъ бѣлокурый корне-етъ...“

Иногда отдѣльныя парочки, подъ различными предлогами и безъ всякихъ предлоговъ, подымаются отъ стола и, на нѣкоторое время, скрываются во внутреннихъ аппартаментахъ.

„За ужи-номъ,
Въ компаніи веселой,
За ужиномъ,
Гдѣ кутятъ до зари...“

Я не чувствую, однако, влеченія къ этимъ шумнымъ попойкамъ, въ особенности, когда къ концу вечера онѣ превращаются въ дикую, буйную, совершенно безудержную вакханалію.

Въ этихъ случаяхъ я пытаюсь заблаговременно скрыться. Но это не всегда удается...

И вотъ, однажды, когда вечеръ былъ въ полномъ разгарѣ, когда уже чувствовалась нѣкоторая сонливость, а голова кружилась отъ выпитаго вина, баронъ съ таинственнымъ видомъ подошелъ ко мнѣ:

— Къ дьяволу! — шепнулъ онъ. — Перейдемъ въ сосѣднюю комнату!.. Насъ ожидаютъ!

Я искренно обрадовался.

— „Кутъ“! — обратился я къ сидѣвшему рядомъ Скалону. — Будь добръ, займи мою даму!

— Есть! — улыбнулся „Кутъ“, кивнулъ золотымъ ежикомъ и подсѣлъ къ хорошенькой, уже совсѣмъ разомлѣвшей, пѣвичкѣ изъ „Виллы Родэ“.

Я поднялся и послѣдовалъ за барономъ.

Въ просторномъ дядюшкиномъ кабинетѣ темнаго дуба уже сидѣло нѣсколько человѣкъ. За низкимъ круглымъ столомъ велась игра. На сукнѣ валялись карты, кредитки, золотыя и серебряныя монеты. Стояли наполовину опорожненные стаканы съ виномъ, бутылки съ сельтерскою водой. Табачный дымъ наполнялъ комнату мягкими голубоватыми клубами.

Баронъ присѣлъ со мною къ столу и тотчасъ принялъ участіе въ понтировкѣ.

Онъ игралъ смѣло, размашистою манерой, обнаружи-

вая искусство стараго игрока. Вдобавокъ, счастье ему благопріятствовало. Передъ нимъ образовалась цѣлая груда кредитокъ и вскорѣ перешелъ банкъ.

Баронъ улыбнулся краешкомъ рта и залпомъ выпилъ стаканъ.

— Черкесовъ! — произнесъ онъ, обращаясь ко мнѣ. — Принимаю въ компанію!.. Идетъ?

Я нерѣшительно кивнулъ головой.

Баронъ потребовалъ новыя карты, щелкнулъ колодой, „мессье, прошу дѣлать вашу игру!“, сказалъ преувеличенно оффиціальнымъ тономъ и заметалъ.

Счастье и здѣсь не покидало его.

Черезъ полчаса онъ поднялся, тщательно пересчиталъ деньги и передалъ мнѣ триста рублей.

Было поздно.

Одинъ за другимъ, игроки подымались отъ карточнаго стола, зѣвали, наполняли виномъ стаканы и исчезали.

Въ сосѣдней комнатѣ продолжалась пьяная оргія.

Громовъ, размахивая руками, на подобіе дирижера, ревѣлъ и велъ за собой хоръ, распѣвая куплеты изъ „Звѣріады“.

Другіе дремали въ глубокихъ креслахъ.

Уронивъ голову на обѣденный столъ, весь залитый ликерами и шампанскимъ, сладко, съ особымъ присвистомъ, храпѣлъ Гаврюшка Мятлевъ...

„И будутъ вѣрными друзьями
Солдатъ, корнетъ и генералъ...“

28.

Посѣдланный особымъ сѣдломъ, по кругу скачекъ плотный, крутой, отливающій атласомъ „Варваръ“.

Въ серединѣ круга стоитъ князь Леня Елецкій и держитъ корду. Герасимъ Андреевъ, съ бичомъ въ рукѣ, ходитъ за кордой и, время отъ времени, подстегиваетъ лѣниваго мерина.

Смѣна, по очереди, занимается волтижировкой.

Одни вскакиваютъ и соскакиваютъ съ сѣдла. Другiе дѣлаютъ „ножницы“. Наиболѣе ловкiе становятся на сѣдло во весь ростъ, держатъ балансъ, скачутъ на одной ногѣ, какъ цирковые наѣздники.

Здѣсь много смѣха, въ особенности, когда наскучивъ кружиться галопомъ, „Варваръ“ останавливается и, задравъ хвостъ, даетъ неожиданнаго „козла“...

Большимъ успѣхомъ пользуется у насъ рубка.

Въ томъ же предманежникѣ смѣна собирается у деревянной кобылы, рядомъ съ которой находится стойка. Въ стойку зажимается хворостяной прутъ, который всадникъ срѣзаетъ ударомъ отточенной шашки.

Еще интереснѣе рубка глины.

На стойку становится конусъ, сработанный вѣстовыми изъ вязкой глины. Искусство заключается въ томъ, чтобы нѣсколькими ударами шашки разрѣзать конусъ на рядъ тонкихъ пластинокъ, сохранивъ при этомъ конусъ въ его внѣшнемъ, якобы неповрежденномъ видѣ. Это требуетъ легкаго, быстраго, эластичнаго удара и достигается большимъ опытомъ.

Рубка глины насъ увлекаетъ. Мы заключаемъ другъ съ другомъ пари, обыкновенно на дюжину пирожковъ. Въ концѣ концовъ, доходимъ до такой виртуозности, что легко разрѣзаемъ конусъ на двѣнадцать частей.

И каждый разъ ѣдимъ за ужиномъ сладкiе пирожки...

Самое скучное занятiе — „пѣше-по-конному“.

Это происходитъ въ большомъ манежѣ, одинъ разъ въ недѣлю, по окончанiи верховой ѣзды. Мы вооружаемся длинными палками и, взявшись подвое за концы, изображаемъ взводъ. Впереди взводовъ стоятъ взводные командиры. Одинъ изъ юнкеровъ, по очереди, назначается командиромъ эскадрона.

Борисъ Александровичъ Гиппiусъ подаетъ знакъ трубачу.

Трубачъ играетъ сигналъ, мы повторяемъ его нараспѣвъ, командиръ эскадрона командуетъ:

— Справа по взводно, ма-а-а-ршъ!

Такимъ образомъ производится эскадронное ученье.

Занятіе это не доставляетъ намъ особаго удовольствія, но оно крайне необходимо. Кромѣ того, оно способствуетъ изученію кавалерійскихъ сигналовъ.

Ихъ очень много и они весьма отличаются отъ тѣхъ, которые мы, въ теченіе семи лѣтъ, слышали въ кадетскомъ корпусѣ. Сигналы нужно знать безошибочно, на зубокъ. Для этого существуетъ нѣкоторая сноровка. Каждый сигналъ содержитъ соотвѣтствующія слова. Необходимо лишь заучить эти слова — и дѣло въ шляпѣ.

Напримѣръ:

„Лѣвый шенкель приложи
И направо поверни!“

Это значитъ — поворотъ направо.

„Скорѣй, друзья, постройте фронтъ,
Чтобъ грудью идти на врага!“

Это — построеніе фронта.

„Скачи, лети стрѣлой!“

Это — карьеръ...

Существуетъ еще родъ занятій — стрѣлковое дѣло.

Поручикъ Гиппіусъ собираетъ насъ въ классномъ „капонирѣ“. Приносится учебная винтовка, отвертка, протирка, муфта, сало для смазыванія и прочая ружейная принадлежность.

Поручикъ Борисъ Александровичъ предлагаетъ кому нибудь разобрать винтовку. Разобрать ее не такъ трудно. Собираемъ же мы соединенными усиліями и иногда полу-

чается общій конфузъ, особенно съ отсѣчкою-отражателемъ.

Тогда вызывается спеціалистъ, прикомандированный къ училищу пѣхотный гвардеецъ, который, въ одно мгновенье, приводитъ винтовку въ полный порядокъ и получаетъ отъ насъ на чай.

Вообще, стрѣлковая часть находится у насъ въ нѣкоторомъ пренебреженіи. Почему-то установился взглядъ, что стрѣльба это дѣло пѣхоты. Кавалерія же создана исключительно для удара холоднымъ оружіемъ и сокрушительной атаки въ конномъ строю...

29.

Лермонтовъ и Пушкинъ — два имени, нерасторжимо связанныя въ нашемъ сознаніи, которыя здѣсь, въ стѣнахъ Школы, непостижимой игрой случая, такъ тѣсно переплелись между собой и ежедневно стоятъ передъ глазами.

Одно имя запечатлѣно въ образѣ юнаго офицера въ гусарскомъ мундирѣ, безмолвно опускающимъ на насъ свой мечтательный взоръ изъ пышной золотой рамы. Этимъ именемъ овѣянъ не только дортуаръ второго взвода и реликвіи „лермонтовскаго“ музея. Оно незримо распространяетъ свой особый, какой-то романтическій ароматъ на все училище, на весь школьный укладъ, на его бытъ, на тысячу мелкихъ деталей.

Другое имя, можетъ быть, еще болѣе славное и великое, въ одинаковой степени близко и дорого намъ. И оба они, презрѣвъ камень гробницы, въ яркомъ сіяніи выростаютъ изъ потусторонняго міра и нетлѣнной духовною мощью руководятъ нашими чувствами, мыслями, идеалами.

Подъ этимъ несомнѣннымъ вліяніемъ, мы воспитываемся въ духѣ нѣкоего рыцарскаго великодушія, благородства, уваженія къ окружающимъ, почтительности къ закону, къ религіи, любви къ русской исторіи, русскимъ искусствамъ, русской бытовой старинѣ...

Нужно сознаться, однако, что пребываніе въ „славной гвардейской Школѣ“ нѣкоторыми изъ насъ ощущается въ достаточно болѣзненной степени.

Такъ, всего лишь мѣсяцъ тому назадъ покинулъ наши ряды сынъ кіевскаго архіерея, молодой увалень Экземплярскій, не выдержавшій суровыхъ требованій строевой службы и скорпіоновъ „корнетскаго“ цука, смѣнившій кавалерійскій мундиръ снова на ученый сюртукъ студента духовной академіи.

— Бѣдняга Экземплярскій!

Что заставило его, въ сущности, сойти съ проторенной дороги и такъ неудачно, на столь кратковременный срокъ, пріобщиться къ военной профессіи?

Влеченіе къ конному спорту, къ военной романтикѣ, къ лаврамъ будущаго вождя?

Едва-ли...

Въ теченіе прошлой недѣли ушло еще двое — молодой Савинъ и Винклеръ, нанесшіе другъ другу оскорбленіе дѣйствіемъ.

Подобный конфликтъ, независимо отъ вызвавшихъ его причинъ, расцѣнивается нашимъ начальствомъ съ чрезвычайной суровостью и, приказомъ по Школѣ, молодые люди были исключены на другой день...

А недавно произошелъ эпизодъ, волнующій насъ до сихъ поръ, комментирующійся нами на всѣ лады, оставляющій широкое поле для всевозможныхъ догадокъ. Тѣмъ болѣе, что приказъ не обнажаетъ факта во всей полнотѣ, а лишь глухо констатируетъ какое-то „забвеніе долга“.

Дѣло въ томъ, что въ составѣ третьяго взвода числился отдѣленный эстандартъ Спиридоновъ, очень скромный, серьезный юноша, изъ богатой московской семьи. Замкнутый по натурѣ, ни съ кѣмъ особенно не сходившійся и не дѣлившій даже „чайной компаніи“, проводившій, по свѣдѣніямъ, всѣ училищные досуги у своего дяди, вице-адмирала Асланбегова, онъ былъ на отличномъ счету.

И вотъ, совсѣмъ неожиданно, третьяго дня прибылъ въ Школу жандармскій полковникъ.

Послѣ визита начальнику и эскадронному командиру,

онъ произвелъ, въ присутствіи послѣдняго, обыскъ въ столѣ бѣднаго юнкера, послѣ чего Спиридоновъ былъ немедленно арестованъ. Въ столѣ были, якобы, обнаружены брошюры революціоннаго содержанія.

Въ тотъ же вечеръ Спиридоновъ покинулъ училище и дальнѣйшая его судьба намъ неизвѣстна.

Такимъ образомъ, кромѣ общихъ, чисто военныхъ требованій, пребываніе въ Школѣ возлагаетъ на насъ суровыя обязательства, какъ этическаго, такъ и политическаго значенія. Малѣйшее уклоненіе въ сторону можетъ для каждаго изъ насъ закончиться катастрофой...

Нельзя не сказать нѣсколько словъ и про обязательства иного, напримѣръ, финансоваго характера.

Пребываніе въ Школѣ требуетъ наличія собственныхъ средствъ. Большинство изъ насъ находится на собственномъ содержаніи. Мы должны быть опрятно и чисто одѣты. Въ этомъ отношеніи, школьный кодексъ неумолимъ. Свои развлеченія мы оплачиваемъ съ извѣстною щедростью. Съ тою же щедростью платимъ нашимъ уборщикамъ, вѣстовымъ, трубачамъ.

Время отъ времени, по взводамъ гуляетъ подписной листъ — денежный сборъ въ пользу больного лакея, или для собирающагося вѣнчаться лазаретнаго фельдшера, или для „уходящаго кирасира".

Съ юной отзывчивостью, отъ чистаго сердца, мы кидаемъ свои полтинники и рубли въ протягивающіяся къ намъ скудныя, обездоленныя ладони.

И наибольшую инициативу проявляетъ, въ этомъ отношеніи, мой ближайшій сосѣдъ, Сергѣй Александровичъ Пушкинъ...

Вотъ онъ снова лежитъ передо мной, растянувшись на койкѣ, въ своей неизмѣнной позиціи, задравъ кверху мускулистыя ляжки, перебирая струны гитары:

„Голубка моя,
Умчимся въ края,
Гдѣ все, какъ и мы, совер-ше-енство!..“

Я украдкой гляжу на него, на русый вьющійся хохолокъ, на сочныя губы, на этотъ безконечно знакомый, смуглый ганнибаловскій профиль, и переживаю странное ощущеніе.

Да, конечно, онъ не удался въ полной мѣрѣ, этотъ маленькій бойкій юноша съ африканскимъ лицомъ... Умственное напряженіе дается ему съ трудомъ и притомъ онъ безмѣрно легкомысленъ, беззаботенъ, лѣнивъ... Если говорить откровенно, онъ даже пустъ, какъ висящая надъ его головой патронная сумка...

Но есть нѣчто, что, по крайней мѣрѣ въ моихъ глазахъ, искупаетъ всѣ его недостатки.

За нимъ стоитъ тѣнь великаго дѣда!..

Мысли мои переносятся къ родовому гнѣзду, къ моей далекой Павлиновкѣ, сладко пахнувшей мнѣ въ лицо своимъ ароматомъ. Я извлекаю изъ стола полученное письмо и перечитываю милыя материнскія строки:

„Спѣшу успокоить тебя, мой мальчикъ, что всѣ мы, слава Богу, здоровы и пребываемъ въ благополучіи.

Валечка собирается въ Полтаву, погостить у Сонечки Арцыбашевой и возможно, вмѣстѣ съ нею, поѣдетъ въ Давосъ. У бѣдной Сонечки оказался туберкулезъ въ легкой формѣ, врачи совѣтуютъ горное солнце и прочее.

Жанчикъ, съ твоимъ отъѣздомъ, сталъ много прилежнѣе, занимается съ репетиторомъ Павломъ Семенычемъ ежедневно, исключая праздничныхъ дней. Дастъ Богъ, наверстаетъ потерянное и поступитъ интерномъ въ четвертый классъ.

Очень порадовалъ ты меня извѣщеніемъ о тетушкѣ Маріи Васильевнѣ. Это высокообразованная особа и чудной души человѣкъ, ея общество будетъ для тебя небезпо-

лезно. Не откажи передать сердечный привѣтъ за оказанное тебѣ вниманіе.

Вотъ опять пишешь ты о присылкѣ денегъ на обмундировку, и не пойму я, мой другъ, откуда подобная расточительность? Не водилось за тобой этого раньше, былъ скроменъ въ расходахъ, упрекнуть тебя въ какихъ либо излишествахъ, по совѣсти, не могу.

А вотъ сейчасъ сталъ въ денежномъ отношеніи совсѣмъ инымъ, широкій размахъ наблюдаю, расточаешь средства необдуманнымъ образомъ. Между тѣмъ, знаешь самъ, урожай въ нынѣшнемъ году не ахти какой вышелъ, а пшеница и вовсе себя не оправдала.

Будь любезенъ, мой другъ, считаться съ достатками и сверхъ положеннаго тебѣ отъ меня ежемѣсячнаго пособія, въ размѣрѣ ста рублей серебромъ, не требовать дополнительнаго ассигнованія. Знаю, не мало въ столицѣ всякихъ соблазновъ имѣется и живете вы, шикари, свыше рессурсовъ.

P. S. Ну, да Богъ съ тобой, просьбу твою, на этотъ разъ, уважу, хотя и съ неодобреніемъ, и триста рублей на обмундировку высылаю вторично отдѣльнымъ пакетомъ...“

30.

Слава Создателю, сегодня выпалъ первый снѣжокъ и все побѣлѣло!

Сталъ бѣлымъ нашъ садъ, крыши манежа, конюшенъ и пышной бѣлой шубой укрылся даже плацъ для эскадронныхъ ученій. Снѣгъ выпалъ настолько обильный, что извозчики смѣнили дрожки на сани, и установился неожиданно первопутокъ.

„Зима!... Крестьянинъ торжествуя...“

Я проклинаю себя за слабость характера, за недостатокъ воли, за то, что съ такой легкостью подчиняюсь вліянію Дробышевскаго.

Словомъ, когда мы усѣлись въ сани и, проскочивъ Египетскій мостъ, повернули направо, случилось то, чего я меньше всего ожидалъ.

— Черкесовъ, будь другомъ! — сказалъ Дробышевскій и улыбнулся своею просительною улыбкой. — Надѣюсь, ты не разстроишь компаніи?..

— Въ чемъ дѣло?.. Не понимаю?.. Можетъ быть опять — „маленькую порцію кислорода“? — спросилъ я, желая его уязвить.

Дробышевскій захохоталъ:

— Браво!.. Ты удивительно догадливый малый!.. Но, постой, необходимо купить кое-какую закуску!

Здѣсь я не выдержалъ:

— Да ты, кажется, совсѣмъ съума сошелъ!.. За кого ты меня принимаешь?.. Прямо смѣшно!.. Ты будешь возиться съ дѣвкой, а я, какъ дуракъ, сидѣть впотьмахъ и облизываться?.. Слуга покорный!.. Будетъ съ меня!.. Довольно!..

Дробышевскій принялъ обиженный видъ.

— Пожалуйста безъ оскорбленій! — сухо произнесъ онъ. — Во первыхъ, не дѣвка, а милая и пріятная дѣвочка!.. Это принципіально!.. Во вторыхъ, никто не запрещаетъ тебѣ получить такое же удовольствіе!.. Наконецъ, въ темнотѣ ты сидѣть больше не будешь!.. Я принялъ мѣры!.. Если хочешь, можешь читать даже Евангеліе!

Я продолжалъ протестовать.

Но съ каждой фразой протесты мои слабѣли. Мои аргументы разбивались Дробышевскимъ безъ всякихъ усилій и, въ результатѣ, я сдался.

— Чортъ съ тобой! — отвѣтилъ я раздраженнымъ тономъ. — Въ послѣдній разъ!.. Вези куда хочешь!

Дробышевскій остановилъ извозчика, зашелъ въ лавку и вернулся съ объемистымъ сверткомъ въ рукахъ...

Таня встрѣтила насъ съ тою же боязливой улыбкой, смѣшалась, вспыхнула, протянула тонкую ручку и повела за собой.

На этотъ разъ въ комнатѣ было чисто. Столъ былъ накрытъ свѣжею скатертью. Вмѣсто ночника горѣла лампа подъ розовымъ колпакомъ. Кровать была отдѣлена высокою ширмой.

— Молодецъ, Танька! — весело крикнулъ Дробышевскій, бѣгло окинувъ комнату и положивъ на столъ пакетъ.

Откуда-то появился самоваръ, чайный приборъ, ложки, вилки, ножи, посуда. Дробышевскій бѣгалъ по комнатѣ, выскакивалъ за дверь, въ коридоръ, откупоривалъ бутылки, сыпалъ шутками, распѣвалъ опереточные куплеты:

„Красотки,
Красотки,
Красотки кабарэ —
Вѣру-си, Маню-си, Таню-си!..“

Потомъ, тѣмъ же фальшивымъ голосомъ, перескакивалъ на цыганскіе романсы, выводилъ школьныя пѣсенки, тянулъ оперныя мелодіи:

„Разскажите вы ей,
Цвѣты мои...“

Таня накрывала на столъ, хозяйничала и, на этотъ разъ, какъ будто меньше смущалась.

Только теперь я обратилъ вниманіе, что она недурна собой. Что не взирая на худенькую фигурку, ея грудь достаточно развита и двумя упругими выпуклостями очерчивается подъ легкою тканью. Что у нея стройныя ножки, а тоненькая икра переходитъ въ плотное, гладкое, красиво закругляющееся колѣно.

Я украдкой взглядывалъ на нее и ловилъ себя на волнующихъ мысляхъ.

Мнѣ хотѣлось раздѣть ее и увидѣть совсѣмъ обнаженною... Прикоснуться къ голому тѣлу, стиснуть въ объ-

ятьяхъ, впиться до боли въ алыя раздражающія уста... Я представилъ себѣ эту картину и внезапно ощутилъ легкое головокруженіе...

Одновременно же я почувствовалъ состраданіе, какую-то странную жалость къ этому слабому, беззащитному, презираемому общественнымъ мнѣніемъ существу.

— Бѣдная дѣвушка!

Что заставило ее покинуть семью, мать, маленькихъ братьевъ, сестеръ и выйти на улицу?

Какъ узнать эту тайну?

Какъ помочь, если только возможно, если я въ состояніи это осуществить?..

Мои размышленія оборвались.

— Готово! — сказалъ Дробышевскій, внося дымящійся самоваръ и ставя его на столъ. — Мосье и мадамъ, прошу занять ваши мѣста! — продолжалъ Дробышевскій, отвѣшивая поклонъ. — Ваше сіятельство, для васъ парадное мѣсто!... Татьяна Андреевна, вы сядете визави!

Ужинъ тянулся недолго.

Сначала мы пили водку, потомъ перешли на вино. Настроеніе поднялось очень скоро. Таня уже не стѣснялась меня. Вино ударило ей въ голову и, сидя на колѣняхъ у Дробышевскаго, она болтала ногами и заливалась хмѣльнымъ безпричиннымъ смѣхомъ.

Потомъ Дробышевскій поднялъ ее на руки и скрылся съ нею за ширмой...

Била полночь, когда мы подъѣзжали къ воротамъ Школы.

— Славная дѣвочка! — устало протянулъ Дробышевскій и зѣвнулъ. — Чистый розанъ!.. Я, кажется, возьму ее на содержаніе... Что ты скажешь?

Я ничего не отвѣтилъ...

31.

Наступаютъ рождественскія святки.

Впереди — двѣ недѣли сладкаго отдыха, забавъ, развлеченій. Школа временно опустѣетъ. Часть юнкеровъ, изъ числа тѣхъ, родители которыхъ проживаютъ поблизости, разъѣдутся по домамъ. Большинство остается въ столицѣ, числясь въ отпуску у родныхъ и знакомыхъ.

Весь городъ лежитъ въ бѣлой пуховой перинѣ.

Морозъ крѣпко сковалъ каналы, на которыхъ играетъ военная музыка и скользятъ на конькахъ веселыя парочки. Дымъ подымается къ небу вертикальными струйками. А закатъ какой-то особый, оранжевый, и наступаетъ съ необыкновенною быстротой...

Обычно, когда послѣ завтрака, мы направляемся на верховую ѣзду, уже зажигается газъ и ложатся синія тѣни. Снѣгъ мягко хруститъ подъ нашими каблуками. Морозъ щиплетъ уши и носъ. Въ манежѣ мы скидываемъ шинели, разбираемъ коней и согрѣваемся быстрой ѣздой.

О, теперь мы уже сдѣлали значительные успѣхи и считаемъ себя почти заправскими кавалеристами!

Какъ прочна стала наша посадка, какъ увѣренно сидимъ мы въ сѣдлѣ, какъ отчетливо исполняемъ команды руководителя!..

Съ шага переходимъ на рысь, дѣлаемъ принимакія по барьеру, остановки, осаживанія. Съ рыси подымаемъ коней въ галопъ, дѣлаемъ вольты и перемѣны направленія. Каждая ѣзда заканчивается прыжками черезъ препятствія...

— Тропъ-тропъ-тропъ-тропъ!

Смѣна идетъ крупной рысью. Поручикъ Борисъ Александровичъ Гиппіусъ стоитъ посрединѣ манежа, щелкаетъ бичомъ, третъ руками окоченѣвшія уши, время отъ времени подаетъ команду:

— Оправиться!.. Огладить лошадей!

Тогда мы перебрасываемъ поводья, принимаемъ вольную посадку, расправляемъ ноги въ сѣдлѣ. Въ манежѣ стоитъ туманъ отъ дымящихся конскихъ тѣлъ. Шипятъ фо-

нари съ вольтовою дугой и блѣдный свѣтъ отражается въ запотѣвшихъ зеркалахъ.

— Смѣна стой!.. Сми-и-рна-а-а!..

Въ ложѣ появляется командиръ эскадрона.

Снова звучитъ команда. Смѣна трогается шагомъ, рысью, переходитъ въ манежный галопъ.

Я сижу на „Экваторѣ“, въ „замкѣ“ смѣны.

Круто собравшись подъ шенкелями, онъ красиво выноситъ свой передъ, храпитъ при каждомъ прыжкѣ, плавно несетъ меня на могучей спинѣ.

Я люблю его больше другихъ лошадей за нарядный видъ, мягкій ротъ, добрый, послушный нравъ. Каждый разъ, по окончанія ѣзды, я угощаю его кусочкомъ сахара. Онъ смотритъ на меня выпуклымъ глазомъ, довѣрчиво трясетъ головой, тянется нѣжными розовыми губами.

— Разъ-разъ! — слѣдуютъ въ тактъ, одинъ за другимъ, плавные отчетливые прыжки и цѣлый фонтанъ опилокъ летитъ изъ подъ ногъ. „Экваторъ“ проноситъ меня мимо ложи, въ которой сидитъ „Плѣшакъ“.

— Черкесовъ! — кричитъ командиръ эскадрона, но последующую фразу я не могу разобрать.

Черезъ минуту я проскакиваю мимо ложи вторично и круто поворачиваю голову.

— Черкесовъ, надѣньте шпоры! — кричитъ „Плѣшакъ“.

Этотъ день былъ счастливѣйшимъ въ моей жизни..

32.

Тантъ Мари сдержала свое обѣщаніе и въ ближайшій воскресный день повезла меня къ графинѣ Евдокіи Валерьяновнѣ.

Я поѣхалъ безъ особеннаго желанія.

Наканунѣ у Громова была обычная вечеринка, съ ви-

номъ, съ женщинами, съ карточною игрой. Я понтировалъ довольно удачно, выигралъ восемьдесятъ рублей и вернулся домой на разсвѣтѣ. Отъ безсонной ночи, игры и выпитаго не въ мѣру вина чувствовалась усталость.

Подъ рядомъ предлоговъ я пытался было увильнуть отъ визита, но это не удалось. Марія Васильевна обнаружила, на этотъ разъ, исключительную настойчивость...

Было еще не поздно, но городъ быстро погружался въ мутныя сумерки, въ эту пору между „собакой и волкомъ", когда будто кончился день и начинается вечеръ.

На улицахъ, одинъ за другимъ, вспыхивали огни. Огненными гирляндами опоясывались невскія набережныя. На Невскомъ проспектѣ ярко сверкали рекламы, витрины магазиновъ, ресторановъ, отелей, банковъ. Оживленная толпа сновала по тротуарамъ, звенѣли звонки, катились придворныя кареты съ гербами, парныя запряжки подъ разноцвѣтными сѣтками, щегольскія одиночныя санки.

— Пади, пади! — ревѣли бородатые кучера, сдерживая породистыхъ рысаковъ, и во всѣ стороны летѣли хлопья пушистаго снѣга. Морозный воздухъ былъ крѣпокъ и бодръ. На перекресткахъ горѣли костры. Возлѣ нихъ, въ наушникахъ, въ башлыкахъ, въ грубыхъ валенкахъ, стояли городовые, похлопывая рукавицами, сметая алмазную пыль съ заиндевѣвшихъ усовъ...

Графъ Михаилъ Николаевичъ жилъ въ собственномъ домѣ на Моховой.

По внѣшнему виду это былъ тяжелый, мрачный, непривѣтливый особнякъ, сравнительно старинной постройки, съ лѣпными украшеніями по фасаду, съ глубокими глазницами оконъ, съ массивною входною дверью. Подобныхъ домовъ въ столицѣ наблюдается не такъ много.

Внутреннее убранство квартиры, помѣщавшейся во второмъ этажѣ, отличалось, однако, уютомъ, изяществомъ, какимъ-то особымъ утонченнымъ вкусомъ.

Послѣ морознаго воздуха было чрезвычайно пріятно окунуться въ это мягкое царство полутѣней, пышныхъ ков-

ровъ, огромныхъ медвѣжьихъ шкуръ, неяснаго аромата и тепла, излучавшагося изъ пылавшаго въ вестибюлѣ камина...

Графиня Евдокія Валерьяновна, по случаю припадка мигрени, приняла насъ въ будуарѣ.

— Очень мило! — произнесла она, слегка приподнявшись на шезлонгѣ, подставляя щеку Маріи Васильевнѣ и, одновременно, протягивая мнѣ руку для поцѣлуя.

— Надѣюсь, юноша меня извинитъ?

Графиня поднесла къ глазамъ лежавшій рядомъ лорнетъ и, въ теченіе нѣкотораго времени, пристально меня изучала. Повидимому смотрины прошли для меня благопріятно. Евдокія Валерьяновна улыбнулась, опустила лорнетъ и обратилась къ тетушкѣ.

И тотчасъ между обѣими дамами завязался тотъ легкій, непринужденный, прерываемый восклицаніями, любезностями и взаимными увѣреніями разговоръ, который составляетъ истинное украшеніе салона.

Это — милая свѣтская болтовня, непередаваемое французское „causerie“, струящееся, какъ ручеекъ, посреди цвѣтущаго стрекозинаго луга...

Въ теченіе извѣстнаго промежутка, я имѣлъ возможность наблюдать графиню.

Это была еще сравнительно молодая женщина, вполнѣ сохранившаяся, съ нѣкоторой наклонностью къ полнотѣ. Черные волосы съ проборомъ по серединѣ, матовый цвѣтъ лица, тонкій и прямой носъ, красивые глаза, обрамленные густыми рѣсницами и бровями, все вмѣстѣ взятое вызывало представленіе о какой-то, гдѣ-то видѣнной античной статуѣ.

Во всякомъ случаѣ, графиня Евдокія Валерьяновна, съ точки зрѣнія даже строгаго блюстителя классическихъ линій, отвѣчала эллинскому идеалу...

Между тѣмъ, поговоривъ съ тетушкой и исчерпавъ, видимо, злободневныя темы, втянувъ въ себя, въ очередной разъ, таинственный эфиръ изъ хрустальнаго флакончика

съ золоченою пробочкой, графиня перевела вниманіе на меня.

— Очень мило! — повторила она, полузакрывъ глаза, постукивая изящно отточеннымъ ноготкомъ мизинца по гладко отполированной доскѣ столика. — Графъ будетъ чрезвычайно доволенъ!... Сосѣди!... Братья-помѣщики?...

— N'est-ce-pas? — улыбнулась Евдокія Валерьяновна, обнаруживъ два ряда бѣлыхъ ровныхъ зубовъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, она тотчасъ перемѣнила тонъ, съ большимъ участіемъ и, на этотъ разъ, съ серьезнымъ, дѣловымъ выраженіемъ лица, задала мнѣ рядъ вопросовъ — о матушкѣ, о сестрѣ, о братѣ, Павлиновкѣ. Потомъ перешла на школьную тему, въ которой выказала извѣстную освѣдомленность.

— Говорятъ, вы устраиваете конкур-иппикъ? — спросила графиня. — Это будетъ забавно!... Сезонъ обогатится зрѣлищемъ!... Charmant!

Раздавшійся стукъ въ дверь заставилъ графиню насторожиться.

— Это вы, дѣти? — произнесла она неожиданно упавшимъ и утомленнымъ голосомъ.

— Entrez!

33.

Скользнувъ по паркету и съ разбѣга едва не зацѣпивъ ногой за коверъ, въ комнату вбѣжалъ мальчикъ, въ мундирѣ пажа.

Увидѣвъ меня и Марію Васильевну, онъ смутился и покраснѣлъ. Его свѣженькая полная мордочка приняла сконфуженный видъ, а золотой хохолокъ надо лбомъ задрожалъ отъ неожиданной остановки.

Вслѣдъ за нимъ, неторопливой походкой, вошла дѣвушка лѣтъ восемнадцати. Она была въ темномъ домашнемъ костюмѣ, очень выгодно оттѣнявшемъ бѣлокурые локоны и нѣжное тонкое личико, съ большими голубыми глазами.

Дѣти поцѣловались съ Маріей Васильевной и, въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ, остановились передо мной. Ма-

ленькій пажикъ шаркнулъ ногой, дѣвушка граціозно присѣла.

— Мосье Черкесовъ! — представила меня графиня и плавнымъ жестомъ отвела свою полную обнаженную по локоть руку въ сторону:

— Дима и Анечка!

Маленькій пажъ помѣстился въ стоявшемъ рядомъ со мною свободномъ креслѣ и, не принимая участія въ возобновившейся бесѣдѣ, время отъ времени, съ любопытствомъ взглядывалъ на меня. Иногда онъ осторожно прикасался пальцемъ къ расшитому золотымъ галуномъ рукаву моего мундира, къ ножнамъ драгунской шашки, къ кожаной кисточкѣ темляка.

Бѣлокурая дѣвушка, обойдя шезлонгъ, на которомъ лежала графиня, присѣла въ ногахъ.

Она была прелестна.

Что-то чистое, неземное, безгрѣшное излучалось изъ ея синихъ глазъ, вѣяло отъ тоненькой, высокой и стройной, еще не вполнѣ сформировавшейся фигурки, глухо затянутой въ темную ткань. На маленькихъ ножкахъ, съ чуть выдающейся щиколкой и высокимъ подъемомъ, красиво сидѣли такіе же миніатюрные башмачки съ золочеными пряжками.

Дѣвушка присѣла лишь на минуту. Вскорѣ она вспорхнула, вышла изъ будуара и черезъ нѣкоторое время появилась снова, въ сопровожденіи горничной.

На кругломъ столикѣ тотчасъ задымился маленькій чайникъ. Въ хрустальной вазѣ лежали бисквиты, птифуръ, разнообразное кондитерское печенье...

Графиня, оправившись нѣсколько отъ мигрени, съ помощью дочери разливала чай въ крошечныя фарфоровыя чашечки, съ большимъ умѣньемъ поддерживала умолкавшую было на минуту бесѣду, нажимала кнопку лежавшаго на столикѣ электрическаго звонка и тихимъ голосомъ отдавала прислугѣ распоряженія.

Изъ синей эмалевой, отдѣланной золотомъ табакерки, графиня Евдокія Валерьяновна вынула папироску, и съ граціозной улыбкой протянула табакерку мнѣ.

Я почтительно отказался.

— Не куритъ! — отвѣтила за меня тантъ Мари. — И не пьетъ!... И до картъ не охотникъ!... Онъ у меня что красная дѣвица!

Евдокія Валерьяновна разсмѣялась и, вскинувъ лорнетъ, вторично со вниманіемъ взглянула на меня. Въ ея красивыхъ сѣрыхъ глазахъ, на минуту, какъ мнѣ показалось, скользнула улыбка сомнѣнія и, одновременно, какого-то неприкрытаго любопытства.

— Похвально! — произнесла графиня поощрительнымъ тономъ, продолжая меня изучать въ лорнетъ. — Къ сожалѣнію, современное юношество раньше нежели слѣдуетъ усваиваетъ пороки взрослыхъ!... Hèlas!... Столица въ этомъ отношеніи, портитъ нашу славную молодежь!

Графиня опустила лорнетъ и продолжала:

— Пьянство, азартъ, карточная игра, кутежи съ женщинами легкаго поведенія, passez moi le mot, все это какъ будто входитъ въ нашъ обиходъ, считается даже excusez-du peu, признакомъ хорошаго тона!... Пріятно наблюдать юношу, не искушеннаго подобными взглядами!... Это дѣлаетъ вамъ честь!... Это заслуживаетъ полнаго одобренія!... Похвально, очень похвально!

Затѣмъ, сказавъ еще нѣсколько словъ, графиня перешла на новую тему...

Уже наступилъ вечеръ и было совсѣмъ темно, когда я возвращался съ тетушкой на Васильевскій Островъ.

Еще ярче горѣли уличные огни и, казалось, еще сильнѣе дымились костры на перекресткахъ. Морозъ крѣпчалъ и забирался за воротникъ тонкой шинели.

За обѣдомъ, поданнымъ нѣсколько позже обыкновеннаго, Марія Васильевна разговорилась. Она спрашивала меня о впечатлѣніи, произведенномъ поѣздкой, сказала нѣсколько теплыхъ словъ по адресу Димы и Анечки, отмѣнно выхваливала графиню:

— Чудная женщина!... Огромныя связи!... Это можетъ тебѣ пригодиться!

И, съ несвойственнымъ ей лукавымъ видомъ, тантъ Мари легонько толкнула меня въ бокъ...

34.

Рождественскіе праздники промелькнули съ удивительной быстротой.

Я развлекался и веселился, какъ только можетъ веселиться молодой человѣкъ неполныхъ девятнадцати лѣтъ, обладающій цвѣтущимъ здоровьемъ, жизнерадостною натурой и нѣкоторымъ количествомъ свободныхъ денегъ въ бумажникѣ.

Моею основной базой, само собой разумѣется, оставалась тетушкина квартира. Изъ этой точки, какъ изъ пристани, я направлялъ вольный полетъ своего корабля, во всѣ стороны, по безбрежному океаническому простору...

Съ Дробышевскимъ, изъ чисто товарищеской солидарности, я снова посѣтилъ Танечку Сладкодухову, принялъ участіе въ невзыскательномъ ужинѣ, въ игривомъ, сдобренномъ водкою и ликерами разговорѣ, а съ приближеніемъ послѣдняго акта, поднялся и вышелъ. Тщетно Дробышевскій упрашивалъ меня остаться и даже удерживалъ за рукавъ.

На этотъ разъ я былъ непреклоненъ...

У Громова, по случаю очередного отъѣзда Артемія Петровича въ провинцію, была устроена настоящая стопроцентная „скрипка“, съ невѣроятнымъ моремъ вина, съ вареньемъ жженки на клинкахъ юнкерскихъ шашекъ, съ веселыми дѣвочками, съ оргіастическою попойкой и, въ заключеніе, съ полудюжиной „мертвыхъ тѣлъ“.

Я отдалъ празднику щедрую дань и вернулся домой, съ распухшею головой на разсвѣтѣ...

Фрэдъ, въ свою очередь, устроилъ маленькій вечеръ на своей холостой квартирѣ, на Каменноостровскомъ про-

спектѣ. Здѣсь, главнымъ образомъ, шла рѣзвая борьба на зеленомъ полѣ — въ баккара, макао и шменъ-до-феръ. На этотъ разъ я не только понтировалъ, но принявъ въ игрѣ дѣятельное участіе, продержалъ нѣсколько банковъ.

Карта не шла.

Въ результатѣ я проигралъ всѣ наличныя деньги и взялъ у барона сто рублей въ долгъ. На этотъ проигрышъ я смотрю лишь, какъ на временную досадную неудачу. Въ ближайшемъ будущемъ, я верну все обратно...

Наконецъ, я повторилъ свой визитъ къ графинѣ Евдокіи Валерьяновнѣ, познакомился съ графомъ, обѣдалъ у нихъ, провелъ весь вечеръ и былъ совсѣмъ очарованъ. Маленькій пажъ привязался ко мнѣ и не отходитъ отъ меня ни на шагъ. Бѣлокурая Анечка относится съ дружескою симпатіей.

Отъ тетушки Маріи Васильевны я узналъ нѣкоторыя детали.

Графъ Михаилъ Николаевичъ занимаетъ видный постъ по министерству императорскаго Двора. Онъ обремененъ отвѣтственною работой, отличается слабымъ здоровьемъ и лѣто, по требованію врачей, проводитъ обычно въ одномъ изъ заграничныхъ курортовъ.

Кстати, графъ женатъ на Евдокіи Валерьяновнѣ вторымъ бракомъ. Первая супруга, вслѣдъ за рожденіемъ сына, скончалась лѣтъ десять тому назадъ...

Я посѣтилъ нѣсколько танцовальныхъ вечеринокъ, какъ частныхъ, такъ и общественныхъ, на которыхъ присутствіе юнкера Школы является желательнымъ и возможнымъ.

Изъ уваженія къ эстетическимъ чувствамъ, побывалъ въ Оперѣ, въ императорскомъ балетѣ и драмѣ. Кромѣ того, посѣтилъ Эрмитажъ.

Словомъ, двѣ недѣли рождественскаго досуга были использованы мною во всемъ объемѣ, пополнили кругъ зна-

комствъ, расширили умственный горизонтъ, оставили цѣлый рядъ незабываемыхъ воспоминаній.

Сейчасъ наступаютъ тусклые будни.

Классные капониры!...

Корнетскій цукъ!...

Ежедневный манежъ!...

О, скорѣй бы весна, несущая нѣкоторое освобожденіе отъ этихъ томительныхъ узъ!...

35.

Изъ всѣхъ „звѣрей“ эскадрона, только трое — я, Юматовъ и Вася Бискупскій награждены первыми почетными шпорами.

Это, въ нѣкоторомъ родѣ, актъ, по своему значенію, напоминающій посвященіе въ рыцари. Съ этой эмблемой, которую мы носимъ теперь постоянно на своихъ ботинкахъ, въ Школѣ, на улицѣ, въ манежѣ или въ гостинной, связаны извѣстныя цѣнности, главнымъ образомъ, моральнаго рода.

Мы выростаемъ въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ нашего непосредственнаго начальства.

Насъ окружаетъ почтительное восхищеніе сверстниковъ, для которыхъ мы являемся теперь образцомъ, объектами подражанія, спеціалистами, заслужившими открытое, компетентное, нелицепріятное признаніе.

Наконецъ, мы завоевываемъ уваженіе юнкеровъ старшаго класса, что является, можетъ быть, самымъ существеннымъ. Теперь мы, до нѣкоторой степени, какъ бы приблизились къ нимъ, и это ощущается на каждомъ шагу...

Въ самомъ дѣлѣ, испытываю-ли я, за послѣднее время, какія либо терніи, тяжесть муштровки, нравственное давленіе со стороны моихъ ближайшихъ наставниковъ и учителей?

Если это бывало, может быть, раньше да и то въ незначительной мѣрѣ, сейчасъ я чувствую себя абсолютно свободнымъ. Я продолжаю неукоснительно соблюдать всѣ требованія, освященныя юнкерскимъ ритуаломъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наблюдаю, что по отношенію ко мнѣ благородное „корнетство“ держитъ себя какъ-то иначе.

Давно забыто мое печальное приключеніе съ великимъ княземъ, августѣйшимъ генералъ-инспекторомъ конницы, доставившее мнѣ не мало нравственныхъ мукъ и пять сутокъ ареста. Давно канули въ Лету попреки и обвиненія меня въ „звѣрскомъ сугубствѣ“, въ недопустимой небрежности, въ неслыханномъ со дня основанія Школы воинскомъ преступленіи.

Да, иногда, въ добродушно-шутливой формѣ, мнѣ продолжаютъ бросать:

— Молодой Черкесовъ, великихъ князей зѣваетъ!

— Пачку нарядовъ!

— Тррепещи, молодежь!

И тутъ же одобрительно хлопаютъ по плечу:

— Лихой!

— Отчетливый!

— Пистолетъ!

Въ особенности дружеское и теплое отношеніе я встрѣчаю со стороны „корнетовъ“ моего же, четвертаго взвода. Они какъ бы гордятся мною, закрываютъ глаза на мои случайные промахи, являются моими пламенными заступниками у взводнаго вахмистра и у господъ офицеровъ.

А Пушкинъ меня совершенно растрогалъ.

Въ тотъ же памятный день, онъ предложилъ выпить съ нимъ на „брудершафтъ“, а черезъ недѣлю поднесъ мнѣ легкія скаковыя шпоры, сработанныя изъ чистаго серебра...

Со стороны офицеровъ я наблюдаю такъ же извѣстную перемѣну.

Такъ напримѣръ, малиновый штабсъ-ротмистръ Ковако, при встрѣчѣ со мной, награждаетъ меня неизмѣнной улыбкой, останавливаетъ, вступаетъ въ бесѣду въ своемъ особомъ, интимно-комическомъ стилѣ. Его круглая, какъ

арбузъ, черная, коротко стриженая голова придаетъ ему забавный видъ.

— Черкесовъ, сутубый, ну скажи мнѣ, — красивъ я или нѣтъ? — спрашиваетъ штабсъ-ротмистръ Ковако, хлопая себя по пышнымъ окорокамъ, въ гусарскихъ чакчирахъ.

Я улыбаюсь:

— Такъ точно, господинъ штабсъ-ротмистръ!... Вы самый красивый!

Юрій Александровичъ самодовольно хохочетъ, треплетъ меня по плечу, подмигиваетъ черными, точно маслины, выпуклыми глазами:

— Ха-ха-ха-ха!... Спасибо, другъ!... Ты тоже красивый!... Выходи въ мой полкъ!...

О, до полка еще такъ далеко!

Только что отошла зима съ нашими первыми робкими неувѣренными попытками надѣть на себя личину подлиннаго кавалерійскаго юнкера... Впереди еще бездонный край строевой дисциплины, выучки, тренировки, шлифовки... Впереди — цѣлый мѣсяцъ исключительныхъ испытаній, манежныхъ и классныхъ... А потомъ — красносельскіе лагери... А потомъ — еще годъ самой разнообразной науки... Цѣлая вѣчность!

И я погружаюсь въ смутныя размышленія, вплоть до момента, пока нашъ „старшой", князь Леня Елецкій, не сзываетъ смѣну въ манежъ...

Мы не трясемся больше на трензеляхъ, имѣя ноги прижатыми къ бокамъ лошади, безъ солидной точки опоры. Теперь мы ѣздимъ уже со стременами, на мундштукѣ, то въ два повода, то въ четыре, то даже съ обнаженною шашкой въ плечѣ. Въ близкомъ будущемъ, едва только растаетъ послѣдній снѣгъ, ожидается нашъ первый выѣздъ въ открытое поле, въ составѣ всего эскадрона.

А снѣгъ все быстрѣй и быстрѣй таетъ подъ лучами робкаго марта.

Уже совсѣмъ обнажилась крыша манежа, а возлѣ конюшенъ, на солнечной сторонѣ, стоятъ гигантскія лужи.

Запахъ навоза сливается съ ароматомъ весны и создаетъ особое, необъяснимое, какое-то сладко-щемящее настроеніе...

36.

Блѣдное петербургское солнце, выбѣжавъ изъ разорванныхъ тучъ, шалитъ золочеными брызгами на широкихъ стеклахъ дворцовъ, на витринахъ магазиновъ, на лужахъ, на крышахъ, на куполахъ величественныхъ соборовъ.

Въ скверахъ деревья еще оголены, но вотъ-вотъ готовы выпрыснуть первыя почки. Въ кустахъ оживленно чирикаютъ воробьи. Звенитъ стукъ лопатъ и ломовъ, вмѣстѣ съ солнцемъ дѣлающихъ весну, скалывающихъ послѣдній ледъ на панеляхъ, убирающихъ остатки талаго снѣга, на смѣну которому изо всѣхъ щелей, дробясь тысячецвѣтными искрами, льются веселые ручейки.

И гудятъ надъ столицей весенніе шумы.

И дрожатъ бархатнымъ рокотомъ великопостные перезвоны...

Въ Михайловскомъ манежѣ начинается сезонъ коннаго спорта — „Конкуръ-иппикъ".

Состязанія происходятъ по воскресеньямъ, примѣрно отъ двухъ часовъ.

Въ эти дни манежъ собираетъ подъ свои широкіе своды великосвѣтское столичное общество. Впрочемъ, присутствовать на „конкурѣ" считаетъ своею обязанностью каждый уважающій себя коренной петербуржецъ, располагающій нѣсколькими часами досуга и парой лишнихъ цѣлковыхъ въ карманѣ.

Гремитъ военный оркестръ.

Въ манежѣ не протолкаться. Трибуны и ложи — все занято, все расписано за нѣсколько дней. Пестрымъ ка-

лейдоскопомъ мелькаютъ цвѣтныя фуражки военныхъ, цилиндры и котелки, весеннія дамскія шляпки.

Гремитъ увертюра и гулъ тысячи голосовъ наполняетъ своды манежа.

Въ центральной ложѣ, обитой алымъ сукномъ, сидятъ лица императорской фамиліи — генералъ-инспекторъ кавалеріи великій князь Николай Николаевичъ, родной братъ царя — великій князь Михаилъ, совсѣмъ юный, нашъ сверстникъ, высокій, тоненькій, розовощекій, братья Владимировичи, изъ нихъ средній, Борисъ, въ формѣ юнкера Школы, Константиновичи, Михайловичи, великія княжны и княгини, окруженныя командирами гвардейскихъ полковъ, личными адъютантами, представителями иностранныхъ державъ.

Тутъ же, въ сосѣднихъ ложахъ, помѣщается цвѣтъ петербургскаго общества, „финь-флеръ" столичной аристократіи — княгиня Марія Алексѣевна, графиня Зизи и княжна Мэри, маленькая баронесса Фанни Эдуардовна, нарядныя гвардейскія формы, треуголки воспитанниковъ лицея, лакированныя каски камеръ-пажей, обшитыя барашкомъ алыя шапочки юнкеровъ „славной гвардейской Школы".

Послѣднихъ не менѣе двадцати-тридцати человѣкъ.

Зоркій глазъ уже различаетъ хорошо знакомыя лица. Вотъ неизмѣнные завсегдатаи, не пропускающіе ни одного состязанія — мой другъ Пушкинъ, Костя Скуратовъ, Вольскій, Зубовъ, Грюнвальдъ, Кривцовъ, Данилевскій, Цедербергъ, Линдеръ, баронъ Мендъ...

„Звѣрей" нѣсколько меньше.

Мы избѣгаемъ большого общества и, въ особенности, представителей высшихъ военныхъ круговъ. Однако и насъ не меньше десятка — Вася Бискупскій, Кашменскій, Скалонъ, князь Андрониковъ, Ванечка Крамаревъ, Ванечка Тутолминъ, Синегубъ...

Налицо всѣ представители веселящагося Петербурга, финансовый міръ, адвокатура, хроникеры, писатели, журналисты, художники и театральные рецензенты, артисты оперной, драматической, балетной труппы.

Мелькаетъ алая фуражка предсѣдателя спортивнаго общества, полковника графа Рибопьера, въ неизмѣнной шинели, изъ подъ которой горятъ шнуры гусарской венгерки.

Внизу у препятствій — соломенныхъ барьеровъ и херделей, корзинокъ, каменныхъ стѣнокъ и канавы съ водой, стоятъ стартеры и судьи, изъ офицеровъ гвардейской конницы.

Съ прибытіемъ главнокомандующаго, великаго князя Владиміра, состязанія начинаются...

Широко распахиваются ворота паддока и короткимъ галопомъ, салютуя великокняжеской ложѣ, на гнѣдой кобылѣ „Лили" выѣзжаетъ кавалергардскій штабсъ-ротмистръ баронъ Маннергеймъ.

Баронъ Маннергеймъ пользуется репутаціей неотразимаго сердцеѣда и одного изъ лучшихъ ѣздоковъ-спортсменовъ, взявшаго не мало цѣнныхъ призовъ за классическіе прыжки черезъ препятствія.

Два гвардейскихъ конныхъ артиллериста, братья Яковъ и Александръ Гилленшмидтъ, оба такіе же рослые, бравые, осанистые красавцы, сидя на великолѣпныхъ тысячныхъ гунтерахъ, одинъ за другимъ срываютъ дружныя рукоплесканія публики, слѣдящей съ острымъ вниманіемъ за каждымъ движеніемъ лошади.

Обращаетъ вниманіе своимъ искусствомъ и ловкостью гвардейскій драгунъ Васильевъ, петергофскій уланъ поручикъ Арсеньевъ, на своей рыжей „Уланкѣ", маленькій лейбъ-гусаръ Павловъ, кавалергардскіе поручики — два графа Граббе, гатчинскій кирасиръ Мордвиновъ, варшавскій уланъ князь Андрониковъ.

Послѣдній въ особенности эффектенъ.

Въ синей уланкѣ, стройный и гибкій, въ фуражкѣ съ желтымъ околышемъ, которая такъ идетъ къ его жгучему кавказскому профилю, Андрониковъ сидитъ на конѣ,

какъ „маленькій богъ“, и идетъ на препятствія съ пылкостью настоящаго горца.

— Разъ — разъ! — въ два темпа чисто взята „корзинка“, а съ каменной стѣнки горячій конь сбиваетъ нѣсколько кирпичей. Но лихая посадка и смѣлость наѣздника награждаются громомъ рукоплесканій.

Во время антрактовъ снова гремитъ оркестръ.

Въ ложахъ слышатся оживленныя восклицанія, звонкій смѣхъ артистокъ и демимонденокъ — примабалерины Кшесинской и Петипа, Медеи Фитнеръ, Кузы, Мравиной, Больска, Потоцкой, Вяльцевой, опереточной дивы Шуваловой, Шурки Звѣрька и прочихъ столичныхъ обольстительницъ, окруженныхъ тѣснымъ кольцомъ кавалеровъ.

Иногда дебютируетъ и статская публика и даже барышни-амазонки, въ лицѣ нѣсколькихъ хорошо извѣстныхъ столицѣ спортсменокъ.

Иногда происходитъ эффектная карусель офицерской кавалерійской школы.

Во главѣ съ начальникомъ, молодымъ генераломъ Брусиловымъ, пятнадцать человѣкъ офицеровъ постояннаго состава — полковникъ Химецъ, ротмистръ князь Багратіонъ, поручикъ Мерчуле, Абеловъ, Чаплинъ и прочіе, лучшіе ѣздоки кавалеріи, на извѣстной дистанціи, выѣзжаютъ одинъ за другимъ и продѣлываютъ нѣчто, вродѣ конной кадрили.

Затѣмъ слѣдуетъ рубка саблями чучелъ, поединокъ на пикахъ и фланкировка. Казаки гвардейскихъ частей и императорскаго конвоя демонстрируютъ удаль въ конныхъ играхъ и въ джигитовкѣ.

А когда происходитъ стоверстный пробѣгъ, манежъ является конечнымъ стартомъ. На взмыленномъ и покрытомъ комьями грязи конѣ, подъ грохотъ рукоплесканій, въѣзжаетъ побѣдитель.

Состязанія кончаются поздно.

Обмѣниваясь впечатлѣніями, публика покидаетъ ма-

нежъ. Подъѣзжаютъ кареты и одиночки, придворныя коляски съ гербами и лихачи.

Въ сизомъ небѣ мерцаютъ одинокія звѣзды.

На Караванной и Невскомъ проспектѣ зажигаются первые фонари.

Весенніе шумы становятся смутными, болѣе мягкими и глухими...

37.

Сегодня — первое эскадронное ученье.

Трудно передать наше чувство. Это пойметъ только тотъ, кто находился на положеніи кавалерійскаго юнкера и ежедневно, въ теченіе полугода, имѣлъ дѣло съ конемъ, добросовѣстно галопируя на немъ въ четырехъ стѣнахъ манежа.

Только что закончился завтракъ и мы уже строимся на средней площадкѣ, въ шинеляхъ, съ шашками, съ боевой амуниціей, съ винтовками за плечами. По командѣ эскадроннаго вахмистра, эскадронъ, гремя шпорами, выходитъ на училищный дворъ, гдѣ ожидаютъ насъ вѣстовые съ лошадьми.

Тутъ же стоятъ взводные офицеры — ротмистръ Давыдъ Давыдовичъ Дитерихсъ, штабсъ-ротмистръ Ковако и Пономаревъ, поручикъ Борисъ Александровичъ Гиппіусъ.

— Эскадронъ, стой! — командуетъ вахмистръ, — сми-и-рна-а!... Глаза напра-во!

— Здравствуйте, господа! — здоровается Давыдъ Давыдовичъ, окидываетъ насъ острымъ, проницательнымъ взглядомъ и приказываетъ разсчитаться на отдѣленія.

— Первый, второй, третій!... Первый, третій!... Первый, второй, третій! — быстро производится необходимый разсчетъ. Взводы подравниваются, кое-гдѣ, въ заднихъ шеренгахъ, остаются глухіе ряды.

— По ко-нямъ!... Са-ди-и-сь!

— Равняйсь!

— Сми-р-на-а!

Звенятъ стремена и шашки, фыркаютъ застоявшiяся лошади и бьютъ подковами по булыжнику мостовой. Черезъ нѣсколько минутъ, эскадронъ поворачиваетъ направо и длинной вереницей, справа по-шести, вытягивается по направленiю къ воротамъ.

Впереди, на караковомъ жеребцѣ, широкимъ размашистымъ шагомъ ѣдетъ нашъ „богъ ѣзды", ротмистръ Давыдъ Давыдовичъ. Въ „замкѣ", за четвертымъ взводомъ, тропотитъ на ворономъ „Игрунѣ" поручикъ Гиппiусъ.

Публика толпится на Новопетергофскомъ проспектѣ, провожаетъ насъ замѣчанiями, улыбками, шарахается съ испугомъ въ сторону, когда какой нибудь конь, понукаемый шенкелемъ или шпорой, неожиданно взвивается на дыбы.

Мы чувствуемъ себя именинниками, на которыхъ обращено вниманiе. Съ высоты сѣделъ разглядываемъ толпу, а проѣзжая мимо молодыхъ дѣвушекъ, подбочениваемся и принимаемъ молодцеватый видъ...

Весна на дворѣ.

Сладкiй мартовскiй воздухъ нѣжитъ щеки и грудь.

Широко распахнулось надъ головой огромное, блѣдное, слегка мглистое петербургское небо. Гулко стелятся шумы столицы, дребезжанье пролетокъ, цоканье конскихъ копытъ.

Эскадронъ поворачиваетъ по Новопетергофскому проспекту и двигается вдоль чугунной рѣшотки, съ копьями, сѣкирами, николаевскими орлами, за которыми робко сквозитъ первая зелень. Еще нѣсколько десятковъ шаговъ — и эскадронъ сворачиваетъ на училищный плацъ, покрытый черною вязкою жижей.

На плацъ выѣзжаетъ командиръ эскадрона.

„Плѣшакъ" сидитъ на вороной кобылицѣ „Жарѣ", склонившись грузной фигурой къ самой холкѣ, вытянувъ руки, ведя лошадь укороченной рысью. За нимъ держится штабъ-трубачъ.

Снова звучитъ команда „смирно!" и, лихо взявъ шашку

„подъ-высь“, крутымъ галопомъ скачетъ навстрѣчу начальнику Давыдъ Давыдовичъ. Не доѣзжая пяти шаговъ, останавливается на полномъ ходу, опускаетъ шашку за шпору и рапортуетъ.

„Плѣшакъ“ держитъ руку подъ козырекъ. Въ свою очередь подымаетъ кобылу въ галопъ и скачетъ по фронту:

— Здравствуйте, господа!

И начинается первое эскадронное ученье...

„Плѣшакъ“ подаетъ трубачу сигналы. Рѣзко звенитъ труба. Эскадронъ, соблюдая равненіе, съ взводными офицерами впереди, двигается развернутымъ строемъ на противоположный конецъ плаца.

Чавкаетъ подъ ногами черная блестящая жижа, звенятъ стремена, стукаясь другъ о друга гремятъ шашки и приклады винтовокъ.

— Эскадронъ, по-взводно, налѣво-кругомъ!

— Ти-ти-та-ти-та! — подается исполнительный сигналъ. Эскадронъ поворачивается и останавливается...

Движеніе шагомъ происходитъ удовлетворительно.

Но когда эскадронъ тронулся въ первый разъ рысью, произошло что-то невообразимое. Фронтъ сломался на серединѣ, фланги подались впередъ, образовался хаосъ, среди котораго раздавалось ржанье коней, вопли, грозные окрики взводныхъ командировъ.

— Зарублю! — перекосивъ лицо и замахиваясь, въ бѣшенствѣ, шашкой кричалъ Давыдъ Давыдовичъ на наскочившаго на него графа Палена. Онъ былъ страшенъ въ эту минуту и пожалуй былъ близокъ къ тому, чтобы привести свое намѣреніе въ исполненіе.

— Коррроче и въ шенкеляхъ! — ревѣлъ бирюзовый штабсъ-ротмистръ Пономаревъ. Блѣдный околышъ фуражки и такое же блѣдное испитое лицо были покрыты коричневой жижей и онъ сочно размазывалъ ее по щекѣ.

Штабсъ-ротмистръ Ковако, зажатый въ общей кучѣ,

сыпалъ ругательствами. Поручикъ Гиппіусъ далъ шпоры „Игруну“ и вынесся впередъ на нѣсколько корпусовъ.

Но все покрывалъ хриплый голосъ эскадроннаго командира:

— Эскадронъ, стой! — надрывался „Плѣшакъ“, еле удерживая въ рукахъ и мотаясь на своей вороной, подпирающей его кобылицѣ.

— Эскадронъ стой, равняйсь!...

38.

Это, конечно, мы, сугубые „звѣри“, не держимъ равненія, ломаемъ фронтъ и позоримъ строй эскадрона. По этой причинѣ, едва вернувшись домой, подвергаемся насмѣшкамъ и крикамъ „корнетовъ“:

— Вандалы!... Сарматы!... Скифы!...

— Молодой Булацель!...

— Сугубый Дембинскій-Шіоро!...

— Молодой Голѣевскій!.. Три наряда не въ очередь!..

— Трррепещи, молодежь!..

Говорится это больше для вида, въ добродушной, не задѣвающей нашего самолюбія формѣ. Кто, въ самомъ дѣлѣ, изъ благородныхъ „корнетовъ“, способенъ выразить намъ рѣзкое порицаніе?

Мы одушевлены лучшими намѣреніями и пытаемся изо всѣхъ силъ поддержать репутацію юнкера „славной гвардейской Школы“. Въ недостаткѣ старанія обвинить насъ нельзя.

Но у насъ нѣтъ ни малѣйшаго опыта.

Чѣмъ дальше, тѣмъ недочетовъ будетъ становиться все меньше.

Это ясно, какъ кофе!...

Дѣйствительно, мало-по-малу, мы начинаемъ „съѣзжаться“. Каждый день, эскадронъ въ полномъ составѣ, выѣзжаетъ на плацъ и два часа мѣситъ вязкій грунтъ

учебнаго поля. Насъ увлекаетъ эта работа на свѣжемъ воздухѣ, подъ ласками весенняго солнца, подъ взорами любопытной толпы.

Это не сравнить со скучной ѣздой въ манежѣ.

Сперва мы начинаемъ движеніе развернутымъ строемъ. Потомъ дѣлаемъ заѣзды правымъ и лѣвымъ плечомъ, вытягиваніе взводной колонны, перемѣну направленія и движеніе на „фабричную трубу“.

Все это производится на шагу или на короткой собранной рыси.

Эскадронъ сколачивается въ гибкій, подвижный, поворотливый организмъ, повинующійся малѣйшей командѣ начальника.

Съ этимъ приходится торопиться, такъ какъ, сейчасъ же по окончаніи пасхальныхъ праздниковъ, предстоитъ парадъ въ высочайшемъ присутствіи, на которомъ намъ будетъ устроено первое публичное испытаніе.

Осрамиться на немъ нельзя...

Почти каждый день, въ самый разгаръ ученья, мы наблюдаемъ, какъ со стороны проспекта появляется всадникъ.

Это — начальникъ училища, генералъ-маіоръ Павелъ Адамовичъ Плеве.

Мы узнаемъ его безошибочно по оригинальной посадкѣ, по толстымъ, короткимъ ногамъ въ высокихъ охотничьихъ сапогахъ съ раструбами, совершенно такими, въ которыхъ нѣкогда щеголяли французскіе мушкетеры Людовика XIV, по опущенной внизъ по отвѣсу правой рукѣ, наконецъ, по его сытой, отъѣвшейся, отливающей золотомъ „Золушкѣ“.

Павелъ Адамовичъ подъѣзжаетъ дробной рысцой къ эскадрону, здоровается, молча наблюдаетъ ученье...

Къ обѣду, физически нѣсколько утомленные, покрытые съ головы до ногъ липкой грязью, возвращаемся въ Школу.

И сразу за книги, въ классный „капониръ“, для подготовки къ очереднымъ репетиціямъ. Свободнаго времени

у насъ теперь нѣтъ. Скоро начнутся экзамены, а черезъ какой-нибудь мѣсяцъ выступленіе въ красносельскіе лагери.

Мы ожидаемъ ихъ съ нетерпѣніемъ...

Дробышъ-Дробышевскій, уже въ теченіе нѣсколькихъ дней, не принимаетъ участія въ эскадронныхъ ученіяхъ.

Съ нимъ приключилось маленькое несчастье.

Въ перерывѣ между вечерними занятіями и ужиномъ я его посѣтилъ. Онъ лежитъ въ лазаретѣ, въ венерическомъ отдѣленіи, блѣдный, небритый, съ исхудавшимъ лицомъ, въ скверномъ настроеніи духа. Онъ весьма обрадовался моему появленію, крѣпко пожалъ мнѣ руку, сѣтовалъ на судьбу.

— Подумай! — произнесъ Дробышевскій, и лицо его на минуту стало фарфоровымъ. — Это Танька меня, кажется, наградила!.. А?.. Что ты скажешь?.. Орденомъ Станислава съ бантомъ?.. Я ей покажу!.. Шкура!.. Блядь!

Я пытался его утѣшить.

Дробышевскій долго не могъ успокоиться и продолжалъ ругаться самымъ непозволительнымъ образомъ...

39.

Я сказалъ уже нѣсколько словъ объ офицерахъ, за исключеніемъ развѣ „Одной Минуточки“ — драгунскаго ротмистра Бухвостова, благословившаго, такъ сказать, мое первое появленіе въ Школѣ.

Это старый, опытный, вполнѣ достойный армейскій служака, мечтающій нынѣ о вполнѣ заслуженной пенсіи.

Кромѣ него, есть еще нѣсколько человѣкъ.

Вотъ, напримѣръ — Смоленскій ротмистръ Богинскій, скромный, лишенный всякихъ средствъ офицеръ, обремененный семьей, весьма дорожащій своимъ служебнымъ положеніемъ, и, по этой причинѣ, съ особымъ вниманіемъ прислушивающійся къ словамъ начальства.

Вотъ — рыжій сумецъ Ольсенъ, человѣкъ, наоборотъ, съ крупными средствами, взирающій на службу, какъ на

забаву и, для собственнаго развлеченія, преподающій намъ нѣмецкій языкъ.

Вотъ — кавказецъ Каргановъ, жгучій брюнетъ съ томными, сладенькими армянскими глазами, странный и нѣсколько загадочный по натурѣ, обнаруживающій, какъ утверждаютъ, болѣзненное влеченіе къ красивымъ „мальчикамъ“.

Совсѣмъ недавно покинулъ наши ряды блестящій Псковичъ, штабсъ-ротмистръ князь Шаховской, назначенный адъютантомъ къ главному начальнику военно-учебныхъ заведеній, великому князю Константину Константиновичу...

Я ничего не сказалъ о командномъ персоналѣ казачьей сотни.

Во главѣ ея стоитъ сотенный командиръ — полковникъ Дьяковъ или „Красная Шапочка“.

Затѣмъ слѣдуютъ дончаки — есаулъ Лобачовъ, Кузнецовъ и Скасырскій, долговязый уралецъ Логиновъ, крошечный, невзрачный, заикающійся амурецъ подъэсаулъ Пѣшковъ. Послѣдній только недавно совершилъ, на своемъ безвершковомъ маштачкѣ „Сѣрко“, знаменитое путешествіе изъ Хабаровска въ Петербургъ и является поэтому личностью въ достаточной степени примѣчательной.

На Невскомъ проспектѣ появились даже папиросы его имени: — Папиросы Пѣшкова — пять копѣекъ!

Юнкера сотни помѣщаются въ верхнемъ этажѣ, надъ нашею головой.

Все это очень милый, простой, совершенно не затронутый городской жизнью народъ, истинныя дѣти донскихъ, кубанскихъ, терскихъ степей и хлѣбороднаго юга. Они живутъ своею особой, замкнутой жизнью. Мы поддерживаемъ съ ними лучшія отношенія, но близко не сходимся. Причина, вѣроятно, заключается въ томъ, что мы люди нѣсколько различныхъ культуръ.

Впрочемъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, у насъ имѣются

тамъ друзья — Якушевъ, Грековъ, Калмыковъ, Татариновъ, Водопьяновъ.

Мы видимся съ казаками только въ классахъ — на лекціяхъ, на репетиціяхъ, на экзаменахъ. Казаки отличаются скромностью, прилежаніемъ, добросовѣстностью къ наукамъ. Въ этомъ отношеніи, между нами лежитъ цѣлая пропасть. Это часто подчеркиваетъ намъ начальникъ училища, питающій къ казакамъ особое расположеніе...

Экзамены начались, и вмѣстѣ съ ними въ нашу школьную жизнь ворвалась новая полоса.

Одну половину учебнаго дня мы отдаемъ умственнымъ напряженіямъ, размѣнивая грузъ нашихъ знаній на однозначные и двузначные баллы. Все сходитъ у насъ, болѣе или менѣе, благополучно. Особыхъ, потрясающихъ катастрофъ не приходится наблюдать.

Да, кое-кто срѣзался, остался на второй годъ и, такимъ образомъ, пріобрѣлъ почетное званіе „маіора".

Къ числу ихъ принадлежитъ баронъ Штейнгель, Гревсъ, Кологривовъ, Валерьянъ Зарубаевъ.

Другіе, кто съ грѣхомъ пополамъ, кто вполнѣ успѣшно, справляются съ классными испытаніями и могутъ разсчитывать на преодолѣніе всѣхъ артиллерійскихъ, фортификаціонныхъ, тактическихъ херделей и каменныхъ стѣнокъ.

Какъ ни странно, но „сугубыя науки" — химія и механика, прошли у насъ исключительно благопріятно.

Въ тотъ же день, по традиціи Школы, мы собрали учебники въ одинъ общій костеръ и устроили пышное аутодафэ. Это производится каждый годъ, со дня основанія Школы. Каждый годъ мы изучаемъ химію и механику, не только въ бѣлыхъ перчаткахъ, но еще по неразрѣзаннымъ, свѣжимъ учебникамъ...

Другая половина учебнаго дня посвящена строю.

Каждый день, послѣ завтрака, мы выѣзжаемъ на плацъ и упражняемся въ эскадронномъ ученьѣ.

За послѣднее время мы сдѣлали значительные успѣхи.

„Плѣшакъ“ выражаетъ намъ благодарность и не сомнѣвается, что на предстоящемъ „майскомъ парадѣ“ мы не ударимъ лицомъ въ грязь.

Уже нѣсколько разъ мы дѣлали репетиціи на Марсовомъ полѣ, вмѣстѣ съ Кавалергардами и Конною Гвардіей.

Въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ генеральная репетиція, подъ руководствомъ генералъ-инспектора кавалеріи...

40.

Невскій проспектъ кипѣлъ и бурлилъ суетливой городской жизнью и многотысячныя толпы столичнаго люда заливали широкіе тротуары.

Къ Марсову полю, со всѣхъ концовъ, стекались войска.

Пѣхота, артиллерія, кавалерія, въ блескѣ парадныхъ доспѣховъ, тянулись по улицамъ, оглашая воздухъ топотомъ и ржаньемъ коней, бряцаньемъ оружія, грохотомъ артиллерійскихъ запряжекъ.

Въ полдень, послѣ объѣзда войскъ императорскою фамиліей, начался „майскій“ парадъ...

Сначала проходила пѣхота.

Въ густыхъ батальонныхъ колоннахъ, сверкая щетиной штыковъ, мѣрнымъ шагомъ, проходилъ полкъ за полкомъ.

Впереди шла строевая рота Пажей, гардемарины морского корпуса, юнкера военныхъ училищъ. За ними, Преображенцы, Семеновцы, Измайловскій полкъ, Егеря — великаны-поморы, черные, какъ смоль, гиганты малорусскихъ губерній, рыжеволосые ярославцы, костромичи, нижегородцы, рослые голубоглазые латыши, поляки, литовцы, могучіе кряжистые бородатые сибиряки — весь цвѣтъ великой страны, собранный подъ историческими знаменами, овѣянными легендами и дымомъ сраженій.

Пестрѣли значки жалонеровъ, плавно колыхались знамена, гремѣла музыка и глухой раскатъ барабановъ:

— Трамъ-тамъ-тамъ!.. Трамъ-тамъ-тамъ!..

За первой гвардейской дивизіей шли, Московцы, Лейбъ-

Гренадеры, Павловцы и Финляндцы. Павловскій полкъ — въ высокихъ гренадеркахъ, горѣвшихъ, точно золотыя свѣчи:

„Люблю сіянье шапокъ мѣдныхъ,
Насквозь простреленныхъ въ бою...“

Онѣ такъ и хранились, въ своемъ старомъ видѣ, со слѣдами вражескихъ пуль и штыковыхъ ударовъ. Полкъ проходилъ особымъ порядкомъ, держа винтовки „на-руку“.

Затѣмъ слѣдовали четыре батальона гвардейскихъ Стрѣлковъ и гвардейская Артиллерія...

Конница, въ ожиданіи очереди, стояла на Мильонной и на площади Зимняго Дворца, увѣнчанной тонкой Александровскою иглой.

Но вотъ, гремитъ „гвардейскій походъ“, и мощные звуки разносятся по всему полю.

Парадъ кавалеріи открываетъ наше училище.

За нимъ слѣдуетъ императорскій конвой, въ алыхъ черкескахъ, на кровныхъ горячихъ коняхъ, и офицерская кавалерійская школа.

Потомъ соединенные хоры трубачей кирасирской дивизіи отъѣзжаютъ въ сторону, становятся лицомъ къ царской ставкѣ и, подъ красивый маршъ изъ „Дамъ Бланшъ“, проходитъ первый полкъ русской конницы — Кавалергарды.

Онъ проходитъ по-эскадронно, развернутымъ строемъ, на эскадронной дистанціи одинъ за другимъ, сверкая кирасами и золотыми касками съ серебряными орлами, въ бѣлыхъ мундирахъ, съ лѣсомъ алыхъ пикъ и бѣлоалыми флюгерами, верхомъ на рослыхъ гнѣдыхъ коняхъ, убранныхъ алымъ вальтрапомъ съ серебрянымъ галуномъ и гвардейскими звѣздами на углахъ.

Сочетаніе цвѣтовъ — бѣлаго и алаго съ серебромъ, производитъ впечатлѣніе особаго изящества и благородства. Это прославленный въ русской исторіи, старый

доблестный полкъ, тотъ самый полкъ, въ которомъ, послѣ знаменитой Аустерлицкой атаки, вызвавшей восхищенiе самого Наполеона, осталось въ рядахъ всего семнадцать человѣкъ.

Въ немъ служитъ цвѣтъ русской аристократiи. Для службы въ Кавалергардахъ требуется не только наличiе значительныхъ средствъ, но и старинное дворянское происхожденiе. Въ этомъ отношенiи полкъ, если можно такъ выразиться, „родовой". Служатъ, по преимуществу, однѣ и тѣ же фамилiи, отъ прадѣда къ правнуку, отъ отца къ сыну и такъ далѣе. Полкъ комплектуется, главнымъ образомъ, представителями старой земельной аристократiи.

Свѣтлѣйшiе князья Голицыны, свѣтлѣйшiе князья Салтыковы, свѣтлѣйшiе князья Ливены и Орбелiани, князья Волконскiе и князья Долгоруковы, князья Вяземскiе, Путятины и Гагарины, князья Кочубей и Багратiонъ-Мухранскiе, князья Юсуповы графы Сумароковы-Эльстонъ и князья Кантакузены графы Сперанскiе, графы Шереметевы, графы Мусины-Пушкины, графы Голенищевы-Кутузовы, графы Гендриковы и графы Игнатьевы, графы Менгдены, графы Граббе и маркизы Паулуччи, Ланскiе, Араповы, Дашковы, Шиповы и Скоропадскiе, Половцевы, Толстые, Звегинцевы, Чертковы, Родзянко и Воеводскiе — числятся въ спискахъ полка...

За Кавалергардами, въ томъ же порядкѣ, проходитъ Конная Гвардiя. Она сидитъ на вороныхъ лошадяхъ, крупныхъ, могучихъ, вся въ золотѣ, на темносинихъ вальтрапахъ съ золотымъ галуномъ, съ синими пиками и желтосиними флюгерами. Конная Гвардiя производитъ еще болѣе величественное и грозное впечатлѣнiе.

Этотъ полкъ считается такъ же однимъ изъ самыхъ блестящихъ полковъ гвардейской конницы. И сто лѣтъ тому назадъ, конной атакой на Сенатской площади, имъ усмиряли возстанiе декабристовъ.

Полкъ не столь родовитъ, по своему составу, какъ

Кавалергарды, но, въ свою очередь, блещетъ цѣлымъ рядомъ самыхъ знатныхъ именъ.

Въ немъ служатъ князья Долгоруковы, Козловскіе, Оболенскіе, Шаховскіе, Бѣлосельскіе-Бѣлозерскіе — всѣ природные рюриковичи, князья Трубецкіе, Куракины и Гедройцы — Гедиминовичи, татарскіе князья — Урусовы и Ханы Нахичеванскіе, кавказскіе князья — Манвеловы и Багратіоны, графы Шуваловы и Комаровскіе, графы Гудовичи и Тышкевичи, графы Палены, графы Бенкендорфы и графы Нироды, герцоги Лейхтенбергскіе и принцъ Мюратъ, бароны Жераръ де Сукантонъ, Булгарины, Козляниновы, Зиновьевы, Жемчужниковы и прочіе...

За Конной Гвардіей слѣдуетъ вторая бригада.

Царскосельскіе Кирасиры представляютъ сочетаніе бѣлаго и желтаго съ серебромъ. Это также роскошное зрѣлище. Полкъ сидитъ на крупныхъ караковыхъ лошадяхъ, убранныхъ желтымъ вальтрапомъ, въ рукахъ желтыя пики съ бѣло-желтыми флюгерами.

Полкъ проходитъ подъ звучный полковой маршъ, съ оригинальными басовыми эффектами, который приписывается императору Николаю Павловичу...

Царицыны Кирасиры представляютъ нѣкоторый контрастъ.

Полкъ сидитъ на золотисто-рыжихъ коняхъ, подъ голубымъ вальтрапомъ съ золотымъ галуномъ и четырьмя гвардейскими звѣздами по угламъ, въ бѣлыхъ мундирахъ, золотыхъ кирасахъ и каскахъ, съ синими пиками и флюгерами голубо-желтаго цвѣта.

Онъ производитъ нѣжное, мягкое, ласкающее глазъ впечатлѣніе. Точно поле голубыхъ васильковъ, залитое ромашкой и солнцемъ...

41.

Слегка сыроватый грунтъ Марсова поля пестрѣлъ оттисками безчисленныхъ конскихъ подковъ.

Трибуна напоминала настоящій цвѣтникъ.

Въ самомъ центрѣ, на сѣромъ конѣ, въ формѣ гвардейскихъ гусаръ, стоялъ императоръ, окруженный многочи-

сленной свитой, выдѣляясь бѣлымъ пятномъ на общемъ красочномъ фонѣ.

Два государевыхъ штабъ-трубача изъ императорскаго конвоя, стояли верхомъ, тутъ же, нѣсколько позади, и по приказу царя подавали аллюры. Сигналъ тотчасъ подхватывался хоромъ полковыхъ трубачей и мягкимъ бархатнымъ рокотомъ разносился по Марсову полю:

— Тарарамъ-тамъ-тамъ!...

Школа проходила шагомъ, развернутымъ строемъ эскадрона.

Павелъ Адамовичъ Плеве, верхомъ на „Золушкѣ", держался на правомъ флангѣ. Впереди, на своей вороной кобылицѣ, вертѣлся „Плѣшакъ", красный отъ напряженія и тревоги. По примѣру эскадроннаго командира, взводные офицеры одновременно брали шашки „подъ-высь" и одновременно же, не доѣзжая нѣсколькихъ шаговъ до государя, круто повернувъ голову, опускали клинокъ за шпору.

Это былъ самый важный моментъ.

Невольно охватывало волненіе. Сердце трепетало, какъ птичка. Чувствовалось, что тысячи взоровъ въ эту минуту устремлены на тебя. Нужно было пройти, ровняясь по ниточкѣ, слѣдя за конемъ и знакомъ эскадроннаго командира.

Въ первый разъ въ своей жизни я видѣлъ царя.

Онъ стоялъ такъ близко, всего въ какихъ-нибудь пятидесяти шагахъ, кроткій, спокойный, съ доброй улыбкой сѣро-голубыхъ глазъ, поднеся правую руку къ мѣховой шапкѣ съ бѣлымъ гусарскимъ султаномъ. Я представлялъ его себѣ почему-то болѣе рослымъ, величественнымъ. На минуту мнѣ показалось, что онъ взглянулъ на меня и сердце мое снова учащенно забилось.

Пропустивъ эскадронъ, царь произнесъ яснымъ голосомъ: — Хорошо, господа!

— Рады стараться, Ваше Императорское Величество! — грянуло въ отвѣтъ изъ ста двадцати молодыхъ юнкерскихъ глотокъ.

Миновавъ царскую ставку, эскадронъ перестроился во взводную колонну. Подходя къ дворцу принца Ольденбург-

скаго, завернулъ правымъ плечомъ и снова сталъ на прежнее мѣсто, тыломъ къ казармамъ Павловскаго полка.

За кирасирской дивизіей слѣдовала казачья бригада — Лейбъ-Казаки въ алыхъ мундирахъ, и въ голубыхъ — Атаманцы...

Солнце стояло надъ головой и огненнымъ свѣтомъ заливало роскошное зрѣлище.

Парадъ второй гвардейской дивизіи открываютъ Конные Гренадеры, на вороныхъ лошадяхъ, подъ темнозеленымъ вальтрапомъ съ золотыми царскими вензелями, въ своихъ оригинальныхъ кожаныхъ каскахъ съ чернымъ щетинистымъ гребнемъ и алою лопастью, оканчивающейся золотой кистью.

Въ такихъ каскахъ когда-то разгуливали по Европѣ суворовскія войска, а честь созданія этого головного убора, по свѣдѣніямъ, принадлежитъ свѣтлѣйшему князю Потемкину.

Конные Гренадеры проходятъ въ темнозеленыхъ мундирахъ, со стянутыми крестъ-на-крестъ бѣлыми лосиными портупеями, съ красными лацканами, въ густыхъ красныхъ бахромчатыхъ эполетахъ.

Лейбъ-Уланы, на рыжихъ коняхъ, подъ синимъ вальтрапомъ, въ синихъ мундирахъ, съ красными лацканами и этишкетомъ, въ золотыхъ чешуйчатыхъ „чашкахъ", въ длинныхъ синихъ чакчирахъ съ краснымъ генеральскимъ лампасомъ въ лихо одѣтыхъ на-бекрень уланскихъ шапкахъ съ бѣлымъ развѣвающимся султаномъ, производятъ легкое, изящное впечатлѣніе. Они проходятъ галопомъ, съ тонкими бамбуковыми пиками въ рукахъ.

Гвардейскіе Драгуны скачутъ на гнѣдыхъ лошадяхъ, подъ чернымъ вальтрапомъ съ серебряными царскими вензелями, въ черныхъ мундирахъ съ красными лацканами, въ высокихъ драгунскихъ киверахъ Отечественной войны.

Въ заключеніе, проходятъ карьеромъ Лейбъ-Гусары.

Это, пожалуй, самое эффектное зрѣлище.

Въ алыхъ мундирахъ съ золотыми шнурами, въ синихъ

чакчирахъ, въ бѣлыхъ отороченныхъ мѣхомъ ментикахъ, на кровныхъ сѣрыхъ коняхъ, покрытыхъ раззолоченнымъ чепракомъ, въ пышныхъ бобровыхъ шапкахъ съ длиннымъ бѣлымъ султаномъ, они проносятся, какъ снѣжный буранъ, на залитомъ солнцемъ плацу.

Это такъ же одинъ изъ самыхъ блестящихъ полковъ русской конницы. Въ немъ началъ службу молодымъ субалтерномъ и закончилъ командиромъ полка великій князь Николай Николаевичъ. Въ немъ, еще сравнительно недавно, служилъ великій князь Павелъ. Въ бытность наслѣдникомъ престола, въ немъ служилъ нынѣшній государь.

Это такъ же аристократическій полкъ, насчитывавшій не одинъ десятокъ дворянскихъ родовъ, съ звонкими историческими именами.

Въ немъ служилъ нѣкогда старый фельдмаршалъ Гурко. Въ его рядахъ числятся свѣтлѣйшій князь Юрьевскій и свѣтлѣйшій князь Лопухинъ-Демидовъ, князья Мещерскіе и Щербатовы, князья Святополкъ-Мирскіе, Енгалычевы и Масальскіе, князья Барклай-де-Толли и свѣтлѣйшіе князья Сайнъ-Витгенштейнъ, графы Воронцовы-Дашковы, Толстые и Остенъ-Сакены, графы Рибопьеры, Клейнмихели, Велепольскіе, сіамскій принцъ Чакрабонъ, Нарышкины и Раевскіе, Татищевы и Скалоны, Орловы, Мятлевы, Безобразовы, Павловы, Петрово-Солововы.

За гусарами скачетъ гвардейская конная Артиллерія.

„Майскій“ парадъ заканчиваетъ кавалерійской атакой.

Генералъ-инспекторъ конницы, великій князь Николай Николаевичъ, какъ неподвижное изваяніе сидя на огромномъ чаломъ конѣ, посреди поля, подымаетъ саблю.

Звенитъ труба.

Сабля рѣзкимъ движеніемъ опускается — и пять тысячъ коней кидаются съ мѣста, въ атаку.

Дрожитъ земля. Клубится пыль. Во всѣ стороны летятъ комья земли.

Когда пыль расходилась, передъ императоромъ непо-

движно стояли полки. И только ржали разгоряченные кони...

Подъ звуки старинныхъ маршей, длинными лентами, полки снова тянулись по улицамъ оживленной столицы, пріостанавливая уличное движеніе, привѣтствуемые цвѣтами, кликами, дѣвичьими улыбками.

Радостно звучали перезвоны колоколовъ.

— Христосъ Воскресе! — смѣялись бойкія барышни.

Юнкера ловко подхватывали цвѣты и посылали воздушные поцѣлуи.

Яркое солнце играло на молодыхъ лицахъ, на зелени скверовъ, на серебрѣ и золотѣ шлемоблещущихъ эскадроновъ, на золотомъ куполѣ, сквозившаго въ голубой дымкѣ, Исаакіевскаго собора...

42.

Я, Громовъ и Дробышевскій — маленькая „чайная компанія“, изъ трехъ лицъ, связанныхъ между собой тѣсною дружбой.

Эта близость отмѣчена многими и, по этой причинѣ, мы носимъ кличку „Трехъ Мушкетеровъ“.

Между тѣмъ, у всѣхъ насъ троихъ совершенно различные вкусы, привязанности, влеченія. Наши характеры, сплошь и рядомъ, противоположны. Въ нашихъ взглядахъ на жизнь существуетъ колоссальная разница, нерѣдко доводящая насъ до острыхъ споровъ, столкновеній и даже ссоръ.

Громовъ, какъ я уже упоминалъ, благодаря слабости воли, впиталъ въ себя болѣзнетворный порокъ. Его пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ, шумнымъ попойкамъ, буйному товарищескому разгулу, съ каждымъ днемъ становится для меня все болѣе очевиднымъ.

До сихъ поръ, къ счастью, какимъ-то необъяснимымъ чудомъ, онъ еще не обратилъ на себя вниманія нашихъ стоокихъ аргусовъ, главнымъ образомъ, эскадроннаго командира и Павла Адамовича Плеве. Все сходитъ ему пока съ рукъ. Нѣтъ сомнѣнія, наступитъ день, когда онъ про-

рвется. Его поведеніе начинаетъ меня рѣшительно безпокоить...

У Дробышевскаго наблюдается склонность иного рода.

Онъ всегда слѣдилъ за собой, съ преувеличенною заботливостью занимался своею наружностью, на кадетскихъ вечеринкахъ и праздникахъ, съ исключительнымъ удовольствіемъ проводилъ время въ обществѣ молодыхъ дамъ и дѣвицъ.

Все это еще не давало права предполагать, что въ ближайшемъ будущемъ Станиславъ Станиславовичъ станетъ на путь низменныхъ наслажденій, удовлетворяя свою животную страсть, низводя женщину съ ея высокаго пьедестала.

Я никогда бы не могъ раньше подумать, что Станиславъ Станиславовичъ представляетъ собой типъ чудовищнаго сатира!

Онъ уже поплатился за свои легкомысленныя любовныя приключенія и продолжаетъ лежать въ лазаретѣ, въ венерическомъ отдѣленіи.

Если это его не образумитъ, онъ можетъ дойти до пагубнаго конца...

Я выражаю моимъ ближайшимъ друзьямъ суровое осужденіе, будучи самъ далеко не безгрѣшенъ.

У меня тоже порокъ, тоже болѣзнь, тоже мучительная и преступная страсть, увлекающая на край черной бездны.

Еще недавно я считалъ себя застрахованнымъ отъ всякихъ соблазновъ. Сейчасъ я переживаю полосу личной жизни, которая можетъ стать роковой. Совершенно незамѣтнымъ, совершенно неощутимымъ образомъ, я втянулся въ азартъ, въ ажіотажъ крупной игры, въ фатальную борьбу карточнаго плюса и минуса.

Всѣ досуги я провожу теперь на Каменноостровскомъ проспектѣ, въ уютной квартирѣ барона Фрэда, въ обществѣ его друзей и знакомыхъ, низко склонившись надъ зе-

ленымъ сукномъ стола, замирая отъ очередной гримасы судьбы.

Послѣдняя относится ко мнѣ съ рѣдкой несправедливостью.

Я давно проигралъ всѣ наличныя деньги. Уже нѣсколько разъ, сверхъ ассигнованнаго мнѣ матушкой содержанія, я получалъ отъ нея экстренныя пособія. Мнѣ приходится лгать, изворачиваться на всѣ лады и требовать новыхъ и новыхъ суммъ. Я задолжалъ многимъ пріятелямъ — Громову, Дробышевскому, барону Фрэду. Я дошелъ до того, что занялъ сто рублей у тетушки Маріи Васильевны и — верхъ моего нравственнаго паденія — взялъ десятку даже у Глаши.

Все это меня безпокоитъ, тревожитъ, отражается на настроеніи. Но я не теряю надежды.

Я убѣжденъ, что въ одинъ прекрасный день судьба наградитъ меня счастливой улыбкой...

43.

Какъ прекрасенъ Петербургъ въ майскіе дни, когда вмѣсто скучныхъ осеннихъ дождей и колючаго рождественскаго мороза, на смѣну появляется солнце, тепло, яркая зелень садовъ!

Когда вмѣсто тяжелыхъ мѣховыхъ шубъ и салоповъ, петербургская публика растекается въ легкихъ весеннихъ костюмахъ!

Особенно хороши петербургскія женщины, стройныя, элегантныя, съ какимъ-то врожденнымъ вкусомъ къ изяществу. Я невольно любуюсь ихъ умѣніемъ одѣваться, ихъ манерами, ихъ граціозной походкой, когда, постукивая высокими французскими каблучками, онѣ проходятъ мимо меня.

Мелькнетъ эдакое видѣніе — и нѣтъ его больше!

Въ памяти останется случайно брошенный взглядъ, букетикъ фіалокъ, приколотый у корсажа, запахъ тонкихъ духовъ...

Въ такіе майскіе дни я съ особеннымъ наслажденіемъ люблю совершать прогулку по городу.

Я начинаю ее обычно съ Поцѣлуева моста — хорошо мнѣ памятный мостъ! — прохожу по Морской и поворачиваю на Невскій проспектъ. Пройдя Полицейскій мостъ, съ магазиномъ Треймана на углу, двигаюсь прямо, вплоть до Гостиннаго Двора.

Потомъ обхожу Гостинный Дворъ, останавливаясь, на мгновенье, передъ интересными витринами, съ любопытствомъ наблюдая оживленную, снующую по всѣмъ направленіямъ публику, заходя, время отъ времени, въ какой нибудь магазинъ — ювелирный, парфюмерный, съ офицерскими вещами, въ писчебумажную или книжную лавку.

Потомъ снова пересѣкаю проспектъ, посѣщаю Пассажъ и направляюсь въ Лѣтній Садъ.

Я люблю бродить, въ одиночествѣ, по его широкимъ аллеямъ, мимо газоновъ и цвѣтниковъ, съ первой зеленью, съ первыми, едва распустившимися гвоздиками, резедой, анютиными глазками. Я люблю наблюдать, какъ на верховыхъ, еще сыроватыхъ дорожкахъ, на крупныхъ породистыхъ лошадяхъ, гарцуютъ амазонки и офицеры.

Рядомъ лежитъ огромное Марсово Поле, на которомъ еще такъ недавно государь дѣлалъ намъ смотръ. Еще видны оттиски конскихъ копытъ и слѣды артиллерійскихъ колесъ...

А вотъ и Нева, съ ея изумительной Набережной, не имѣющей равной на свѣтѣ.

Съ звонкимъ цокотомъ летятъ по упругимъ торцамъ парныя коляски и одиночки. Мелькаютъ нарядныя женщины, дамы высшаго столичнаго общества, артистки, демимонденки. Пронесется конногвардеецъ, въ широкой шинели, съ золотой каской на головѣ.

Точно Германъ изъ „Пиковой Дамы“, торопящійся на свиданіе!..

Плавно скользятъ величавыя струи рѣки, съ малень-

кими невскими пароходами, съ тяжелыми лайбами и плотами, съ спортивными гичками, яхтами, ботами, челноками.

А на томъ берегу, четко вонзился въ небо шпицъ Петропавловской крѣпости — и, время отъ времени, бьютъ старые крѣпостные куранты...

Я люблю проходить по Моховой улицѣ.

Каждый разъ я вижу хорошо знакомый мнѣ особнякъ, въ которомъ живетъ съ семьею графиня Евдокія Валерьяновна, тяжелый, мрачный, непривѣтливый домъ, находящійся въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ внутренней обстановкой.

Окна квартиры, помѣщающейся въ бель-этажѣ, выходятъ на улицу. Въ нихъ никогда никого не видно.

Но однажды, мнѣ показалось, что я увидѣлъ бѣлокурое личико Анечки...

А, можетъ быть, это просто моя фантазія?..

44.

Голосисто заливаются и храпятъ кони, длинной шеренгой выстроенные на дворѣ Школы. Сѣдловка особая, по походному — ленчикъ, оголовье съ недоуздкомъ, фуражный арканъ, кобуры, переметныя сумы.

Лошади будто предчувствуютъ переходъ въ тридцать верстъ по мягкой грунтовой дорогѣ, свѣжій воздухъ луговъ, широкій просторъ красносельскихъ полей, лѣсистыя кручи и холмы Дудергофа.

— Дудергофъ!

Что-то загадочное, смутное, неотразимо-манящее слышится въ этомъ словѣ, упоминавшемся безчисленное количество разъ въ „Звѣріадѣ“.

Сегодня мы покидаемъ каменныя громады столицы, торцы и раскаленные булыжники мостовыхъ.

Звучитъ команда.

Гремя шашками и винтовками, эскадронъ садится на лошадей. Вотъ, длинною вереницей, уже вытягивается изъ

воротъ Школы, вдоль чугунной рѣшетки и сада, мимо сѣраго зданія съ длиннокрылымъ николаевскимъ орломъ на фронтонѣ.

— Прощай, славная Школа!

— Прощай, Петербургъ!

„Прощайте, раннія вставанья,
Держанье рукъ всегда по швамъ,
Лихихъ „корнетовъ“ приставанья
И крики „ходу!“ по утрамъ...“

Эскадронъ проѣзжаетъ мостъ, тянется мимо широкаго, грязнаго, съ маслянистой водой и ржавыми оползнями Обводнаго канала. Слѣва виденъ Балтійскій вокзалъ, а впереди, тяжелою, сѣрою массой, уже маячатъ Нарвскія ворота.

За воротами еще попадаются городскія постройки, дровяные и кирпичные склады, амбары, огороды, свалочныя мѣста. Но городъ уходитъ все дальше. Фабричные дымы сливаются въ мглистое марево, тяжелымъ плащомъ висящее надъ столицей.

Вотъ исчезли послѣдніе признаки каменной кладки и подковы мягко ступаютъ по сѣроватому грунту. По обочинамъ зеленѣетъ свѣжая травка, желтѣютъ шапочки одуванчиковъ, по сторонамъ раскинулись пашни, съ отдѣльными фермами, мызами, дачками, утопающими въ изумрудѣ садовъ.

Какъ прозраченъ голубой сводъ!..

Какъ чистъ и сладокъ весенній воздухъ, освѣжаемый дуновеніемъ вѣтерка, ароматомъ цвѣтовъ и листвы!

Все наполнено неизъяснимою тишиной, которая кажется такой странной послѣ шумовъ столицы. Только звякаютъ мундштуки и стремена да порой, изъ глубины конной колонны, вырвется веселое ржанье, которому тотчасъ вторятъ со всѣхъ концовъ:

— Іо-го-го-го-го!...

Впереди держатся трубачи. Костя Скуратовъ взма-

хиваетъ серебрянымъ корнетъ-à-пистономъ — и звенитъ мелодичный, убаюкивающій сознаніе, нѣжный, меланхолическій вальсъ.

За трубачами слѣдуютъ пѣсенники.

Только кончился вальсъ — и заливается бубенъ, звенитъ бунчукъ, гремитъ удалая пѣсня:

„По дорожкѣ красносельской
Ѣдетъ эскадронъ гвардейскій,
Эскадронъ лихой!
Снѣга бѣлаго бѣлѣе
Блещутъ наши портупеи
Шашки боевой!..“

За эскадрономъ, на нѣкоторой дистанціи, идетъ казачья сотня, съ лѣсомъ пикъ, на бурыхъ, рыжихъ, гнѣдыхъ маштачкахъ. За ними тянутся наши обозы и кухни. И самымъ послѣднимъ ѣдетъ старый вахмистръ Бѣлявскій, съ заводными лошадьми и „штатскими изъ манежа“...

— Поводъ! — хриплымъ, точно простуженнымъ голосомъ, кричитъ „Плѣшакъ“ и, огрѣвъ стэкомъ „Жару“, выносится нѣсколькими скачками впередъ.

— Эскадронъ, рысью — ма-а-аршъ!

Пѣсня смолкаетъ. Всадники подтягиваются и, мягко выжавъ шенкелями коней, переводятъ ихъ въ рысь.

— Тропъ-тропъ-тропъ-тропъ! — звучатъ сотни подковъ по широкой красносельской дорогѣ и сильнѣе лязгаютъ стремена и мундштучныя цѣпки, грохочатъ шашки и приклады винтовокъ. Разновременно, то приподымаются, то вразъ опускаются въ тактъ фигуры, слегка набравъ поводъ, подавшись къ холкѣ коня.

Вотъ „одиннадцатая верста“ — знаменитый лечебный пріютъ. Ясно виденъ желтый квадратъ безумнаго дома, за которымъ, тутъ же, неподалеку, размѣщена „Вольно-пожарная дружина“ князя Львова и графа Шереметева.

Впереди уже виднѣется Лигово.

Маленькія дачки пестрѣютъ со всѣхъ сторонъ. Публика сбѣгается на дорогу.

И снова гремятъ трубачи, звенитъ бунчукъ, разносится новая пѣсня:

„Ѣдутъ, поютъ юнкера гвардейской Школы,
Трубы, литавры, греля-а-атъ,
Барышни, барышни, взорами печальными
Вслѣдъ уходящимъ глядятъ...“

Эскадронъ слѣзаетъ съ коней, отпускаетъ подпруги. Изъ сѣдельныхъ кобуръ и вьюка вынимаются бутерброды съ ветчиной, сыромъ, паюсною икрой.

Эскадронъ снова садится и двигается, перемѣнными аллюрами, по дорогѣ...

Вотъ, наконецъ, и Красное.

Съ одной стороны бѣлѣютъ палатки пѣхоты, съ другой тянется рядъ безконечныхъ бараковъ и деревянныхъ строеній. Направо уже видно широкое военное поле, съ Лабораторною Рощей, съ Кавелахтскими и Шунгоровскими высотами. Налѣво — поверхность зеркальнаго озера, по которому скользятъ шлюпки, лодочки, челноки.

А еще дальше, за озеромъ, — вокзалъ желѣзной дороги и, повитая дымкой тумана, темнозеленая шапка горы:

— Дудергофъ!..

45.

Школа размѣщается въ Авангардномъ лагерѣ, возлѣ дудергофскаго озера, на краю военнаго поля, въ нѣсколькихъ деревянныхъ баракахъ.

Боже, что это за жалкія помѣщенія, низкія, мрачныя, съ вѣчно сырымъ землянымъ поломъ!

Они выстроены не менѣе полувѣка тому назадъ. Отъ нихъ тянетъ ветхостью, плѣсенью, тяжелымъ запахомъ тлѣнія.

Правда, почти весь день мы проводимъ на воздухѣ и забираемся въ бараки только передъ отходомъ ко сну. Это непріятный моментъ, въ особенности, когда, отдернувъ тон-

кое одѣяло, приходится ложиться на влажное, какъ губка, бѣлье...

Въ семь часовъ насъ будитъ труба.

Быстро одѣвшись, направляемся въ расположенную рядомъ столовую, подъ досчатымъ навѣсомъ, и торопливо пьемъ чай.

Въ теченіе двухъ недѣль, вооруженные планшетами, алидадами, картами, подъ руководствомъ офицеровъ генеральнаго штаба, шатаемся по окрестностямъ Дудергофа и производимъ топографическія съемки.

Затѣмъ, въ теченіе другихъ двухъ недѣль, занимаемся тактическими задачами или „полевыми походками". Подъ руководствомъ тѣхъ же „моментовъ", располагаемъ войска на бивакѣ, выставляемъ сторожевое охраненіе, высылаемъ развѣдку, обороняемся и атакуемъ противника.

Само собой разумѣется, все это мы дѣлаемъ на бумагѣ, однако, съ дѣйствительнымъ примѣненіемъ къ мѣстности.

Такъ проходитъ день.

Вечеръ находится въ нашемъ распоряженіи.

Мы проводимъ его весьма разнообразно. Въ составѣ „чайныхъ компаній" сидимъ на верандѣ нашего юнкерскаго буфета. Иногда, цѣлыми группами, гуляемъ по передней линейкѣ, наблюдая высшую ѣзду офицеровъ кавалерійской школы, прокатку артиллерійскихъ орудій, красивыя конныя эволюціи на просторахъ военнаго поля.

Иногда посѣщаемъ пріятелей-пушкарей сосѣднихъ училищъ, по преимуществу, Михайловскаго артиллерійскаго, съ которыми поддерживаемъ лучшія отношенія.

Наши отношенія къ другимъ юнкерамъ, въ особенности, къ павлонамъ, носятъ оттѣнокъ нѣкоторой шутливой бравады. Съ высоты своихъ коней мы смотримъ на марширующія юнкерскія колонны съ долей извѣстнаго превосходства, съ точки зрѣнія легонькаго кавалерійскаго скептицизма, отдавая, впрочемъ, должное тяжелой пѣхотной работѣ и ея боевому значенію.

— Пѣхота, не пыли!

Вотъ обычное выраженіе, прочно удерживающееся въ нашихъ школьныхъ анналахъ съ невѣдомыхъ поръ, кото-

рымъ привѣтствуемъ, съ неизмѣнной улыбкой, нашихъ пѣхотныхъ сосѣдей. Они на это не обижаются и, въ свою очередь, обзываютъ насъ моншерами, фазанами, звонарями или даже латинской, заимствованной отъ студентовъ цитатой — „refugium asinorum".

Какъ бы то ни было, мы чувствуемъ тѣсную связь и общую принадлежность къ единой императорской арміи...

Къ циклу нашихъ лагерныхъ развлеченій, наполняющихъ вечерній досугъ, нужно отнести купанье въ озерѣ или прогулку на челнокѣ. Есть безспорное наслажденіе скользить по гладкой водной поверхности или, забравшись съ лодкою въ камыши, отдаться созерцательнымъ думамъ подъ ласками мечтательнаго заката.

Иногда, на подобной прогулкѣ, завязываются неожиданныя знакомства.

Такія же знакомства происходятъ на расположенномъ рядомъ желѣзнодорожномъ вокзалѣ, на уединенныхъ аллеяхъ, на дачкахъ, на лѣсистыхъ обрывахъ знаменитаго Дудергофа.

— Шурка Звѣрекъ!

— Надя Станцуй!..

— Гатчинская Форель!..

Кто не знаетъ эти славныя имена, столь тѣснымъ образомъ связанныя съ „гвардейской Школой", ея интересами, ея укладомъ и бытомъ?

Но кромѣ дамъ, такъ называемаго „нашего круга", при желаніи, всегда найдется возможность перелистать нѣсколько страничекъ другого, ни къ чему не обязывающаго, маленькаго дачнаго очаровательнаго романа.

Этимъ занимаются, главнымъ образомъ, юнкера старшаго класса.

Кстати, съ переходомъ въ лагери, настроеніе ихъ мѣняется значительно къ лучшему. Они предвкушаютъ уже близость того завѣтнаго, съ острымъ волненіемъ ожидаемаго дня, когда могутъ пропѣть заключительный куплетъ „Звѣріады":

„Когда настанетъ то мгновенье,
Когда скажу въ послѣдній разъ —
Прощайте, стѣны заведенья,
Я не увижу больше васъ!
Прощайте, иксы, плюсы, зеты,
Научныхъ формулъ легіонъ,
Банкеты, траверсы, барбеты,
Ѣзда въ манежѣ безъ стременъ!
Прощайте, всѣ учителя,
Предметы общей нашей скуки,
Ужъ не заставите меня
Приняться снова за науки!..“

Старшій классъ уже охваченъ „волненіемъ производства“. Уже намѣчена предварительная разборка вакансій. Уже намѣчаются полки, формы, стоянки. Многіе сіяютъ отъ удовлетворенія. На лицахъ иныхъ выражена неподдѣльная скорбь.

Въ отношеніи къ намъ, сугубымъ „вандаламъ, сарматамъ, скифамъ“, наблюдается, въ свою очередь, перемѣна. Бывшій „корнетскій“ цукъ становится значительно мягче. Многіе сходятся между собой. Многіе выпиваютъ на „брудершафтъ“. Пройдетъ еще какой нибудь мѣсяцъ — и мы замѣнимъ нашихъ наставниковъ на славномъ „корнетскомъ“ посту!

Осталось уже не много.

Впереди — эскадронный сборъ, стрѣльба, маневры и, наконецъ, царскій смотръ...

Время летитъ незамѣтно.

День за днемъ протекаетъ въ прогулкахъ по красносельскимъ окрестностямъ, съ посѣщеніемъ, съ планшетомъ въ рукѣ, всевозможныхъ Виллозей, Райкузей, Варикселя, Кавелахтскихъ и Дудергофскихъ высотъ, съ легкой закуской въ полѣ, предлагаемой слѣдующими по пятамъ услужливыми „шакалами“, съ незатѣйливыми вечерними развлеченіями.

Въ воскресный же и праздничный день лагери совершенно пустѣютъ.

Дачные поѣзда уносятъ насъ, цѣлыми группами, въ раз-

личные пункты, навстрѣчу различнымъ соблазнамъ — на коломяжскія скачки, на павловскую музыку, въ столичные загородные сады...

46.

Звонко разносится конское ржанье по красносельскимъ полямъ, съ прямоугольниками овсовъ и хлѣба, по жиденькимъ, здѣсь и тамъ притаившимся рощицамъ, по широкому луговому простору.

Впереди, на хорошо знакомой вороной кобылицѣ, сидитъ „Плѣшакъ". Въ его правой рукѣ сверкаетъ обнаженная шашка, которою онъ подаетъ сигналы для исполненія. „Плѣшакъ" усталъ, его лицо стало совершенно багровымъ. Поминутно снимая фуражку и обнажая свою лысую, круглую, какъ костяной шаръ, голову, онъ утираетъ ее носовымъ платкомъ.

Эскадронное ученіе въ полномъ разгарѣ.

Это уже не то ученье, которое производилось когда-то на маленькомъ школьномъ плацу, по сосѣдству съ Обводнымъ каналомъ. Тамъ было тѣсно, нельзя было какъ слѣдуетъ разойтись, вязкая жижа затрудняла движеніе.

Здѣсь — солнце, воздухъ, просторъ.

Зеленая травка выбита копытами лошадей и цѣлыя облака пыли несутся за эскадрономъ. Звенятъ стремена и мундштуки. Глухо звякаютъ шашки и приклады винтовокъ.

— Эскадронъ, за мной!

„Плѣшакъ" даетъ шпоры „Жарѣ" и карьеромъ выносится на нѣсколько корпусовъ. Широкимъ галопомъ эскадронъ скачетъ по военному полю, слѣдуя за своимъ командиромъ.

Впереди, на точныхъ дистанціяхъ, держится офицерская линія — Давыдъ Давыдовичъ, Ковако, Пономаревъ, Боря Гиппіусъ. Сзади, за эскадрономъ, на той же дистанціи — линія взводныхъ капраловъ, а за ними — эскадронный вахмистръ, Дмитрій Ивановичъ Иловайскій.

За первымъ взводомъ, на рыженькой откормленной

„Ефросиніи“, скачетъ великій князь Борисъ. Для него спеціально подобрали эту смирную, добронравную, покладистую лошадку.

Нестерпимо болятъ колѣни отъ сжиманія при заѣздахъ или „восьмеркахъ“, ремни натираютъ ключицу, винтовка бьетъ по спинѣ. Иногда, по какой либо причинѣ, происходитъ паденіе и всадникъ вмѣстѣ съ лошадью кубаремъ катится по землѣ...

— Та-та... Та-ти-та!..

— Самъ-самъ, ка-пи-танъ!..

Это сигналъ къ атакѣ.

Въ одно мгновенье выхватываются изъ ноженъ стальные клинки и вотъ — широко разомкнувшись, уже несется первый полуэскадрочъ въ направленіи на Лабораторную Рощу. Второй держится за нимъ въ сомкнутомъ строѣ.

— Стой, слѣ-зай!

Послѣ короткаго отдыха, эскадронъ снова садится на лошадей и, покрытый съ ногъ до головы ѣдкой, ползучей красносельскою пылью, съ удалыми пѣснями, возвращается домой:

„Ѣдутъ, поютъ юнкера гвардейской Школы,
Трубы, литавры гре-мятъ...“

Ученье происходитъ теперь каждый день. По слухамъ, генералъ-инспекторъ кавалеріи собирается устроить смотръ. Великій князь почему-то не любитъ Школу. Онъ называетъ насъ „всадниками безъ головы“ и иными обидными прозвищами.

Два года тому назадъ онъ сдѣлалъ смотръ, накричалъ, разругался и прогналъ съ поля. Особенно влетѣло бѣдному „Плѣшаку“ и бѣлому Смоленскому ротмистру, Глѣбу Богинскому.

— Какъ онъ командуетъ? — ревѣлъ великій князь и, въ бѣшенствѣ, швырялъ на земь свою алую гусарскую шапку. — Онъ не командуетъ, а плачетъ кровью!

Съ тѣхъ поръ, про ротмистра Глѣба Богинскаго нами сложена веселая пѣсенка:

„Бѣлый плагетъ кровью
О былыхъ бояхъ...“

Но кромѣ эскадронныхъ ученій, мы заняты теперь боевою стрѣльбой.

По окончаніи обѣда, съ винтовками и боевыми патронами въ подсумкахъ, строимся на передней линейкѣ и въ пѣшемъ строю, оглушительно звеня шпорами, направляемся въ пѣхотный лагерь.

Это не такъ далеко.

Однако, приходится обогнуть Дудергофское озеро, миновать строевую роту Пажей и лагерь гвардейской пѣхоты, послѣ чего выходимъ на стрѣльбище.

Оцѣпленіе уже разставлено. Шагахъ въ полутораста бѣлѣютъ мишени. Быстро, по командѣ, заряжаемъ винтовки боевыми обоймами и начинаемъ стрѣлять:

— Пахъ!... Пахъ!... Пахъ! — трещатъ ружейные выстрѣлы.

Махальные выскакиваютъ изъ своихъ убѣжищъ и указываютъ попаданія маленькими флажками. Мелькнетъ красный флагъ — значитъ удачно. Бѣлый флажокъ обозначаетъ промахъ — въ бѣлый свѣтъ, что въ копейку.

Потомъ начинается залповая стрѣльба.

Уже опускается вечеръ, сладко пахнетъ луговою травой, гдѣ-то, въ главномъ лагерѣ, у Кавалергардовъ или Конной Гвардіи, играетъ музыка.

А мы стрѣляемъ, стрѣляемъ, стрѣляемъ...

Къ счастью, завтра праздничный день. Я не знаю, впрочемъ, какъ мнѣ провести воскресенье. Тантъ Мари уѣхала на кислыя воды, въ Эссентуки. Евдокія Валерьяновна, вмѣстѣ съ Димой и Анечкой, отбыла на прошлой недѣлѣ въ Графское.

Я провожалъ ихъ, поднесъ графинѣ букетъ, а Анечкѣ коробку шоколадныхъ конфектъ и бѣлую розу.

Анечка смутилась и покраснѣла.

Когда поѣздъ скрылся изъ вида, мнѣ стало грустно. Лѣтній день, какъ будто, померкъ и внезапно легли сѣрыя тѣни. Столица потеряла всякую привлекательность.

А между тѣмъ, еще недѣлю тому назадъ, я такъ мило провелъ вечеръ на Моховой, бесѣдовалъ съ Евдокіей Валерьяновной, шутилъ съ Димой и Анечкой.

Теперь ихъ уже нѣтъ.

Они вернутся лишь въ сентябрѣ.

Но я воспользуюсь приглашеніемъ и обязательно навѣщу ихъ, во время предстоящаго отпуска, въ Графскомъ...

Скучно!...

Дробышевскій занятъ очереднымъ романомъ...

Остается — Громовъ...

47.

Я засталъ Громова за необычнымъ занятіемъ.

Онъ стоялъ передъ зеркаломъ, въ синемъ статскомъ костюмѣ, и повязывалъ фіолетовый галстукъ. Рядомъ, дымя папироской, лежалъ въ креслѣ баронъ. Съ видомъ знатока и арбитра elegantarium, Фрэдъ давалъ указанія, по привычкѣ кривилъ ротъ, снисходительно улыбался.

При моемъ появленіи, оба захохотали.

— Черкесовъ, вотъ это кстати! — заревѣлъ Громовъ, отходя отъ зеркала и слегка неувѣренной, пошатывающейся походкой направляясь къ круглому столику, на которомъ стояла откупоренная бутылка, нѣсколько рюмокъ и тарелочка съ пеперментомъ.

„Брюнетка жена, мужъ брюнетъ,
Къ нимъ вхожъ бѣлокурый корнетъ...“

Запѣлъ Громовъ, наливая рюмку и расплескивая коньякъ.

— Ну и легокъ же ты на поминѣ!... Елки-палки!... Только что про тебя говорили!... Не правда-ли, баронъ?... А въ общемъ... Пить или не пить, сказалъ Гамлетъ!.... Черкесовъ, твое здоровье!

„Ребенокъ брюнетки, брюнета
Ужасно похожъ на корнета...“

„Душа Общества“, привставъ съ кресла, въ свою очередь чокнулся со мной.

— За славную Школу! — произнесъ онъ и однимъ глоттомъ опорожнилъ рюмку. — За конницу, женщинъ и наслажденія!... Ну, а теперь ѣдемъ!... Пора!... Половина седьмого!... Всадники-други, въ походъ собирайтесь!... Ти-ри-ти-ри-тамъ-тамъ-тамъ...

„Такой же, какъ онъ, балагуръ,
И такъ же, какъ онъ, бѣлокуръ...“

продолжалъ Громовъ.

Баронъ поднялся съ кресла, щелкнулъ золотой крышкой часовъ и надѣлъ модную соломенную шляпу.

— Куда? — спросилъ я съ недоумѣніемъ.

Фрэдъ остановился передо мной, вскинулъ монокль, лицо его приняло удивленное выраженіе.

— Куда?... Онъ еще спрашиваетъ? — произнесъ Фрэдъ и пожалъ плечами. — Разумѣется въ „Буффъ“!... Исключительная программа!... Ничего подобнаго вы еще не видали!... Звѣри несчастные!... Вандалы, сарматы, скифы!... Пора заняться вашимъ образованіемъ!

Благоразуміе подсказывало мнѣ ускользнуть.

Но попытка не удалась.

Охмѣлѣвшій Громовъ тянулъ меня за собой, упрекалъ въ трусости, грозилъ разрывомъ пріятельскихъ отношеній.

— Но, послушай, Сашка! — протестовалъ я, взывая къ его разсудку. — За это же выпрутъ изъ Школы?... Въ два счета?... Разъ-два!

Громовъ не внималъ моимъ доводамъ. Баронъ ему поддакивалъ. Въ концѣ концовъ сопротивленіе мое было

сломлено. Можетъ быть, здѣсь сыграла роль лишняя рюмка? Съ другой стороны, опасеніе за охмѣлѣвшаго Громова заставило меня подчиниться общей затѣѣ

Громовъ вышелъ въ сосѣднюю комнату и вернулся съ дядюшкинымъ костюмомъ:

„И ходитъ брюнетъ, напѣвая:
Вотъ тутъ-то стоитъ запятая!...“

Пиджакъ былъ для меня непомѣрно длиненъ, широкъ въ плечахъ и въ груди. Панталоны въ сѣрую клѣтку были, наоборотъ, коротки и образовали на животѣ обширный мѣшокъ, въ который можно было бы помѣстить жеребенка.

Вскинувъ снова привычнымъ жестомъ моноклъ, баронъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ сосредоточенно глядѣлъ на меня.

— Браво, mon cher! — произнесъ онъ. — Въ этомъ костюмѣ ты чрезвычайно напоминаешь мнѣ одного молодого англійскаго лорда!... Вполнѣ комильфо!... Будь я женщиной, ни за что бы не устоялъ!... Парбле! Шампетръ... Суасантъ нефъ!...

Тутъ онъ упалъ въ кресло и принялся хохотать.

Я взглянулъ на себя въ зеркало и пришелъ въ ужасъ. Однимъ движеніемъ готовъ былъ скинуть съ себя пиджакъ и брюки, но пріятели крѣпко подхватили меня подъ руки и мы спустились внизъ.

Черезъ минуту, уже сидѣли втроемъ на извозчикѣ и мчались по Фонтанкѣ.

Костюмъ приводилъ меня въ грустное настроеніе. Къ довершенію всего, котелокъ, который надѣли мнѣ на голову, сидѣлъ такъ глубоко, что закрывалъ глаза и носъ. Баронъ нашелъ выходъ изъ положенія. Онъ предложилъ мнѣ котелокъ снять, держать его въ рукѣ и обмахиваться имъ на подобіе вѣера...

Вечеръ былъ душный и знойный.

Въ розовѣющемъ воздухѣ тихо угасала заря. Зыбко

дрожала вода канала, сверкая золотистыми бликами, точно послѣднимъ привѣтомъ дня.

Передъ входомъ, убраннымъ разноцвѣтными фонариками, извозчикъ остановился.

Въ саду было людно и тѣсно. Публика сидѣла на скамьяхъ, на террасѣ буфета, въ креслахъ открытой сцены. Звучала музыка, звенѣлъ женскій смѣхъ, съ ярко освѣщенной эстрады лились легкомысленные куплеты.

Сперва мы прошлись по саду, скромно держась боковой аллеи, избѣгая встрѣчаться съ военными. Не разъ и не два наши руки, по привычкѣ, подносились къ головному убору, но во-время спохватившись, мы опускали ихъ книзу и старались держать въ карманахъ.

Фрэдъ хохоталъ и подтрунивалъ.

Потомъ зашли на минуту въ буфетъ, подошли къ стойкѣ, выпили по три рюмки водки. Наконецъ, взявъ билеты въ открытый театръ, усѣлись въ креслахъ перваго ряда.

Шли „Корневильскіе колокола“.

Голова кружилась отъ выпитой водки, отъ музыки, отъ красиваго опереточнаго мотива:

„Диги-диги-диги,
Диги-диги-донг,
Ну, звони, звони же,
Радостный трезвонг!...“

Рутковскій, толстый, круглый, забавный, съ выпуклыми глазами, выходилъ на сцену, плясалъ канканъ, распѣвалъ бархатнымъ баритономъ. Танцовали красивыя женщины, въ легкихъ одеждахъ, обнажавшихъ полныя ноги и крутую бѣлую грудь. Молодая субретка, съ вздернутымъ носикомъ, обращала особенное вниманіе. Она не была хороша собой, но подкупала какою-то непосредственностью, женственнымъ обаяніемъ, свѣжестью истиннаго таланта.

Каждое ея появленіе мы встрѣчали аплодисментами.

Сидѣвшій рядомъ со мной усатый штабсъ-ротмистръ,

въ темносиней венгеркѣ, медленно поворачивалъ голову и глядѣлъ на меня недовольнымъ, презрительнымъ взглядомъ.

Пробуждалась невольная робость. Одновременно меня душилъ смѣхъ:

— Ха-ха-ха!... Если бы мой сосѣдъ, хотя бы въ незначительной степени, обладалъ даромъ проникновенія?... Если бы, хотя на мгновенье, онъ разоблачилъ мое инкогнито?... Боже, что бы это былъ за спектакль!... Драма!... Трагедія!... Кошмаръ!

Я находился въ игривомъ, приподнятомъ настроеніи. Хмѣль туманилъ сознаніе. Развалившись въ креслѣ партера, утонувъ въ своемъ котелкѣ, я хохоталъ отъ души, наслаждаясь комической пьесой.

Послѣ пятаго акта, занавѣсъ взвился въ послѣдній разъ. Артисты вышли на сцену, раскланивались съ публикой, съ улыбками принимали цвѣты, посылали воздушные поцѣлуи.

— Грановская!.. Браво, Грановская! — кричалъ я, увлеченный общимъ порывомъ.

Штабсъ-ротмистръ повернулъ голову и снова взглянулъ на меня.

— Молчи, ершъ! — мрачно процѣдилъ онъ и, гремя саблей, поднялся съ кресла...

48.

Двѣ недѣли льетъ дождь.

Военное поле раскисло, точно клюквенное желе, и лошади вязнутъ въ темной набухшей глинѣ.

Зеленая шапка Дудергофа закуталась облакомъ. Въ сырыхъ баракахъ холодно и темно. Настроеніе у меня скверное.

Всѣ мои попытки покончить съ карточною игрой не привели ни къ чему... Каждое воскресенье я продолжаю бывать у барона, понтирую, мечу банкъ и оставляю всѣ свои деньги... Мой долгъ выросъ до тысячи рублей... Мнѣ стыдно писать матушкѣ... Я не знаю, какъ выйти изъ положенія...

Будь проклятъ тотъ часъ, когда я впервые прикоснулся къ карточному столу!..

Между тѣмъ время летитъ, и осталась всего недѣля.

Уже прошла „заря съ церемоніей“ и объѣздъ императоромъ красносельскаго лагеря. Благополучно прошли всѣ смотры. Впереди остаются маневры. Если погода не измѣнится къ лучшему, это будетъ мученье...

Разборка вакансій закончена. Старшій курсъ переживаетъ горячку. Каждый день въ Школу прибываютъ портные, закройщики, фуражечники, сапожники, мастера офицерскихъ вещей. Каждый вечеръ „корнеты“, цѣлыми группами, направляются въ Петербургъ и возвращаются позднею ночью.

Въ баракахъ, на койкахъ и на столахъ, лежатъ офицерскіе мундиры съ чешуйчатыми кавалерійскими эполетами, сюртуки на бѣлой подкладкѣ съ разноцвѣтными воротниками, рейтузы, тужурки и кителя бѣлой чертовой кожи или англійской рогожки.

На стѣнахъ висятъ офицерскія фуражки различныхъ полковъ, алыя, бѣлыя, синія, желтыя и лиловыя, розовыя, краповыя, малиновыя, драгунскія шашки, уланскія и гусарскія сабли, длинные кирасирскіе палаши.

Весь день „корнеты“ заняты примѣркой платья.

Теперь они не обращаютъ на насъ никакого вниманія, сквозь пальцы смотрятъ на наши промахи, дружески бесѣдуютъ съ нами, распѣваютъ куплеты изъ „Звѣріады“:

„Прощай, нашъ Собинъ-экономъ,
Грабитель пироговъ и булокъ,
На нихъ построилъ себѣ домъ,
Фасадомъ прямо въ переулокъ!...“

Бѣдному Пушкину не повезло.

По причинѣ тихихъ успѣховъ въ наукахъ и звонкаго поведенія, онъ лишенъ возможности выйти не только въ Кавалергарды, но вообще въ гвардію. Сергѣй Александро-

вичъ, впрочемъ, не унываетъ, разсчитываетъ выйти впослѣдствіе, съ прикомандированіемъ, а пока взялъ вакансію въ Астраханскій драгунскій полкъ, въ Тирасполь.

Черная фуражка съ желтымъ околышемъ, во всякомъ случаѣ, идетъ ему меньше кавалергардской, въ которой онъ щеголялъ зимой въ эскадронѣ...

Прошли красносельскіе скачки съ „Императорскимъ Призомъ" и „Кубкомъ" августѣйшаго главнокомандующаго. Прошелъ сборный спектакль въ красносельскомъ театрѣ, въ присутствіи государя и великихъ князей.

Прошла призовая стрѣльба, состязанія орудійныхъ запряжекъ, развѣдчиковъ, полковыхъ хоровъ.

Прошло даже „крещенье Херкуса".

Это тоже наша „традиція", которая введена уже нѣсколько лѣтъ и повторяется съ каждымъ сезономъ.

Когда отъ школьнаго фуражечника Херкуса появляется его сынъ, за полученіемъ денегъ, юнкера продѣлываютъ надъ нимъ маленькую комедію. Они ведутъ его подъ руки въ юнкерскую купальню и, не взирая на визгъ и сопротивленіе, подымаютъ, раскачиваютъ и швыряютъ въ воду:

— Крещается рабъ Божій Херкусъ!

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

— Аминь!

Лопоухій Шлемка, носатый, рыжеволосый, ныряетъ съ головой, барахтается, какъ мопсъ, и, съ помощью юнкеровъ, благополучно вылѣзаетъ на сушу. Лицо его продолжаетъ хранить испуганный видъ. Вода струится потоками по костюму.

Херкусъ предчувствуетъ этотъ обрядъ и появляется поэтому въ старомъ, рваномъ, совершенно поношенномъ пиджачкѣ. Потомъ его угощаютъ водкой и уплачиваютъ всѣ привезенные имъ счета...

Дождь льетъ не переставая.

Небо затянуто сѣрымъ шинельнымъ сукномъ.

Дудергофа совсѣмъ не видно...

49.

Бодрыми маршами, по дорогамъ и безъ дорогъ, огибая засѣйки, пересѣкая торфяныя болота, пронизывая сосновые и березовые лѣса, двигались къ мѣсту предстоящаго столкновенія.

Дождь пересталъ, но небо было обложено сѣрыми тучами и хлипкій туманъ висѣлъ надъ утренними полями.

На третьи сутки, у Русскаго Капорскаго, были обнаружены передовыя части противника. Онъ медленно отступалъ, какъ бы привлекая насъ на себя и заманивая въ ловушку. Колонна авангарда остановилась, выкинула широкія пѣхотныя цѣпи и повела наступленіе.

— Тахъ-тахъ! — раздавались одиночные выстрѣлы.

Гдѣ-то сзади бухнула пушка, за ней другая, третья. Вскорѣ артиллерійскій огонь загремѣлъ по всей линіи.

Черезъ полчаса, на взмыленной лошади, прискакалъ адъютантъ, въ нарукавной повязкѣ посредника. Онъ подскочилъ къ генералу, приложилъ руку къ фуражкѣ и задыхающимся голосомъ залепеталъ:

— Ваше превосходительство!... Имѣю честь доложить!.. По приказанію его высочества...

Въ скоромъ времени все объяснилось. Цѣпи рано повели наступленіе. Артиллерія рано открыла огонь. Необходимо разыграть маневръ на часъ позже. Государь прибудетъ изъ Царскаго только къ полудню.

Адъютантъ далъ шпоры коню и ускакалъ.

Артиллерія замолчала. Наступающія цѣпи остановились.

Начальникъ штаба, молодой полковникъ въ пенснэ, съ аксельбантомъ черезъ плечо, что-то горячо доказывалъ генералу. Послѣдній, опустивъ глаза, тупо смотрѣлъ въ землю и, время отъ времени, съ виноватымъ видомъ, разводилъ руками...

Эскадронъ стоялъ на краю рощи, держа лошадей въ поводу.

Лица юнкеровъ, съ слегка воспаленными вѣками, были опухши, усталы. Безсонныя ночи, напряженная служба развѣдки и охраненія, мокрая гнилая погода отражались и на конскомъ составѣ. Лошади стояли, понуро опустивъ головы, лѣниво отжевывая желѣзо, застывъ всѣми четырьмя ногами на одномъ мѣстѣ.

Я стоялъ на дорогѣ. Дробышевскій, не выпуская повода изъ рукъ, сидѣлъ на краю придорожной канавы и курилъ.

Вскорѣ къ намъ подошелъ Громовъ.

— Елки-палки! — произнесъ Громовъ, поправляя винтовку, тяжело звеня шпорами и путаясь шашкой въ длинной юбкѣ шинели. На его высокихъ смазныхъ сапогахъ налипли комья сѣрой глины. Онъ выбросилъ очередное ругательство, оглянувшись, досталъ изъ кармана походную флягу, приложился и передалъ мнѣ.

Дробышевскій молчалъ.

На его красивомъ, блѣдномъ, сильно осунувшемся лицѣ не играло обычнаго лукаваго выраженія. Онъ курилъ папиросу за папиросой, глядѣлъ передъ собой и меланхолически вертѣлъ въ пальцахъ сорванную травинку...

— Поводъ! — неожиданно прозвучала команда.

— Эскадронъ, са-ди-и-сь!

Вытянувшись длинной колонной, эскадронъ затрусилъ по дорогѣ, обогнулъ рощу, пересѣкъ мокрый лугъ и поднялся на высоту...

Съ этого пункта, охраняя правый флангъ пѣхоты, эскадронъ могъ наблюдать, какъ цѣпи снова поднялись и медленно, съ усиліемъ вытаскивая ноги изъ набухшей земли, двинулись снова впередъ. Одновременно, сзади, съ артиллерійской позиціи, показались четыре бѣлыхъ дымка. Четыре орудійныхъ удара слились въ одинъ мощный звукъ и гулко разнеслись по окрестнымъ полямъ:

— Ба-бахъ!

Навстрѣчу, изъ невидимыхъ точекъ, прокатился рядъ такихъ же ударовъ, то съ интервалами, то въ видѣ залпо-

ваго огня, потрясавшаго воздухъ громовыми раскатами. Среди сѣрыхъ разорванныхъ тучъ заголубѣли неожиданные просвѣты, туманъ расходился, и все свѣтлѣе дѣлался пасмурный день.

Цѣпи подходили все ближе.

Вскорѣ можно было различать лица отдѣльныхъ людей, перебѣгавшихъ отъ закрытія къ закрытію, вразъ кидавшихся на мокрую землю, снова подымавшихся по свисткамъ, съ тяжелыми пѣхотными винтовками на-перевѣсъ...

Эскадронъ сѣлъ и въ третій разъ перемѣнилъ мѣсто, укрывшись за отдѣльною фермой.

Отсюда, какъ на ладони, было видно военное поле, съ Лабораторною Рощей, съ Царскимъ Валикомъ, съ тихо мрѣющими вдали Шунгоровскими высотами.

Все сильнѣе становился артиллерійскій огонь.

Вотъ, внезапно, точно изъ-подъ земли, показались цѣпи противника, въ бѣлыхъ чехлахъ на фуражкахъ. За ними виднѣлись сомкнутые квадраты резерва. По всей линіи гремѣла ружейная трескотня, усиливаемая участившимися ударами пушекъ:

— Ба-ба-ба-бахъ!

Гдѣ-то слѣва раздались крики „ура!“. Они росли съ каждой минутой и, въ скоромъ времени, то утихая, то вспыхивая съ новой силой, превратились въ сплошной оглушительный ревъ...

На военномъ полѣ произошла встрѣча тяжелой кирасирской дивизіи съ кавалеріею „южанъ“.

Затрещала труба, сверкнули клинки, склонились пики съ флажками. Изъ линіи взводныхъ колоннъ построили фронтъ. Начальникъ дивизіи вынесся на ворономъ жеребцѣ, взмахнулъ шашкой — и шестнадцать развернутыхъ эскадроновъ, какъ сокрушающая лавина, покатились навстрѣчу противнику.

Синій гатчинскій полкъ, скакавшій на крайнемъ флангѣ дивизіи, держалъ направленіе на царскую ставку, прямо на желтое пятно развѣвавшагося штандарта, съ чернымъ

двуглавымъ орломъ посреди. Это было великолѣпное зрѣлище, на которое смотрѣлъ, стоя на высокомъ холмѣ, императоръ съ многочисленной свитой...

Съ Царскаго Валика прокатились звуки отбоя.

Трубачи кавалеріи и музыканты пѣхоты немедленно подхватили сигналъ и мелодія разлилась по всему полю. Пѣхота, сверкая штыками, сворачивалась въ колонны. Бряцая оружіемъ и оглашая поле ржаніемъ лошадей, строилась конница.

Рыжею массой во главѣ со своимъ командиромъ, его высочествомъ генералъ-маіоромъ принцемъ Луи-Наполеонъ-Бонапартомъ, пронеслись Лейбъ-Уланы, съ легкими бамбуковыми пиками въ рукахъ. На вороныхъ коняхъ, съ великимъ княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ, прошли Конные Гренадеры. За ними проскакалъ гнѣдой полкъ гвардейскихъ Драгунъ. Сѣрымъ квадратомъ бѣлѣли вдали Лейбъ-Гусары...

Эскадронъ подвели къ Царскому Валику.

На холмѣ, на подобіе островка возвышавшемся среди голаго поля, стояла царская свита и представители иностранныхъ державъ — французы въ раззолоченныхъ кепи, пруссаки въ черныхъ лакированныхъ каскахъ, австрійцы въ шляпахъ съ зелеными перьями.

Въ центрѣ, передъ самымъ шатромъ, въ бѣломъ платьѣ, съ букетомъ въ рукахъ, стояла молодая императрица, окруженная великими княгинями и княжнами, фрейлинами, придворными дамами. Она выдѣлялась своей рослой и стройной фигурой. Ея тонкое породистое лицо было красиво. Легкій румянецъ игралъ на щекахъ. Движенія были спокойны, размѣрены, величавы.

Императоръ объѣзжалъ шагомъ полки, здоровался, благодарилъ за маневры. Въ отвѣтъ неслись громкіе клики и звуки царскаго гимна.

Потомъ къ Царскому Валику подвели выпускныхъ юнкеровъ и пажей.

Царь, одѣтый въ походную гусарскую форму, въ низенькихъ ботикахъ, съ алой гусарской фуражкой на головѣ, сопровождаемый военнымъ министромъ и старшими

генералами, подошелъ къ юнкерамъ и обратился съ привѣтственной рѣчью и поздравленіемъ...

— По ко-нямъ! — хриплымъ, точно простуженнымъ голосомъ, скомандовалъ „Плѣшакъ“.

— Са-ди-ись!..

Эскадронъ сѣлъ.

Но это былъ не весь эскадронъ, а только его половина, шестьдесятъ шесть бывшихъ „звѣрей“, бывшихъ вандаловъ, сарматовъ и скифовъ, превращенныхъ съ этого дня въ благородное „корнетство“.

Другая половина, произведенная царемъ въ офицеры, уже мчалась вразсыпную домой...

Когда мы подошли къ Авангардному Лагерю, на передней линейкѣ, съ счастливыми, сіяющими улыбками, уже стояло нѣсколько человѣкъ.

Стоялъ грозный вахмистръ, Дмитрій Ивановичъ Иловайскій, добродушный Чача Лазаревъ, мазочка Карцовъ — всѣ въ темнозеленыхъ венгеркахъ Гродненскаго полка, расшитыхъ серебряными шнурами, въ яркихъ малиновыхъ чакчирахъ, съ кривыми гусарскими саблями на боку...

Въ мундирѣ Коннаго Гренадера стоялъ лихой Костя Скуратовъ...

Въ бѣломъ кирасирскомъ колетѣ, съ золотой каской на головѣ, виднѣлся высокій Кривцовъ... Въ синей щеголеватой уланкѣ стоялъ бывшій взводный капралъ Давыдовъ...

Изъ барака четвертаго взвода выбѣжалъ Пушкинъ.

— Трррепещи, молодежь! — закричалъ онъ, высоко подбросивъ на воздухъ свою желтую фуражку Астраханскихъ драгунъ.

Кругомъ захохотали.

Пушкинъ захохоталъ въ свою очередь.

— Черкесовъ, прощай! — сказалъ Пушкинъ и горячо поцѣловалъ меня въ щеку.

— Прощай! — отвѣтилъ я, не подозрѣвая въ эту минуту, что вижу его въ послѣдній разъ.........

50.

Какъ сладко, какъ непередаваемо-радостно, послѣ мокраго, раскисшаго, красносельскаго военнаго поля, очутиться снова на югѣ, среди черноземныхъ просторовъ, подъ ласками буйнаго солнца!...

Родимый край пшеницы и степныхъ ковылей снова лежитъ передо мной, точно шитый тугими шелками сарафанъ полногрудой украинской красотки. Старый расторгуевскій тарантасъ снова несетъ меня по широкой, съ дѣтства знакомой дорогѣ, мимо баштановъ и свекловичныхъ полей, мимо селеній и хуторовъ съ бѣлыми мазанками, криницами и плетнями, кругами подсолнуховъ, стадами гогочущихъ гусей, овецъ и круторогихъ хохлацкихъ воловъ.

— Цобъ!.. Цобе! — доносится лѣнивый окрикъ погонщиковъ и тяжелый обозъ уже далеко позади, оставивъ запахъ дегтя, овчины, вяленой рыбы...

Здѣсь тише, проще, успокоительнѣе Россіи.

Неспѣшно и величаво бредетъ меланхолическій волъ. Задумчиво и такъ же неспѣшно идетъ за воломъ рослый хохолъ, въ длинныхъ чоботахъ, въ черной бараньей шапкѣ, съ кнутовищемъ въ рукѣ. Его взглядъ, выраженіе его лица — какое-то установившееся, никуда неторопящееся, ничего неищущее. Точно ему ни до чего на свѣтѣ нѣтъ дѣла.

Хохолъ — житель черноземной степи и юга. У него сохранились черты степного пастуха въ медленности движеній, въ лѣнивой мечтательности, въ чистотѣ и простотѣ нравовъ. Въ его одеждѣ такъ же много пастушьяго — куртка съ широкимъ цвѣтнымъ поясомъ, широкіе шаровары, мягкая баранья шапка.

Хохолъ еще не стоялъ въ жесткихъ тискахъ, которыми суровая природа и скудная почва сдавили русскаго человѣка. На Украинѣ еще остались изобиліе и просторъ. Въ такой обстановкѣ живутъ другіе люди. Здѣсь мечта свободнѣе, а трудъ не такъ тяжекъ. Здѣсь больше тепла, больше красоты, больше поэзіи.

А природа?..

Южная степь прекрасна весной, когда цвѣтутъ незабудки, ромашки, павилика, дрокъ и тысячи другихъ травъ, когда кружится голова отъ медвяныхъ степныхъ ароматовъ и тысячи незримыхъ пѣвцовъ многоголосыми гимнами славословятъ Творца.

Но и сейчасъ есть невыразимая прелесть въ этой томной, медленно увядающей красотѣ, въ тихой грусти сжатыхъ полей, въ золотой печали левадъ и нивъ. Уже не звенятъ жаворонковыя пѣсни, но увѣреннѣе и бойче бьютъ въ дозрѣвающемъ просѣ перепела, изступленно кричитъ коростель и висятъ по-прежнему, надъ самою головой, степные разбойники — шулики, кобчики, зоркіе ястреба.

Заливаются колокольчики, мелькаютъ придорожные камни и вотъ — справа и слѣва, на порыжѣвшей щетинѣ жнивья, виднѣются, точно стада овецъ, огромныя неуклюжія птицы. Это — дрофа, дикій индюкъ черноземныхъ полей.

Чернобородый Степанъ, въ старомъ нагольномъ тулупѣ съ мѣднымъ наборомъ, хитро переводитъ лошадей въ шагъ:

— Эва, гляньте, panычъ! — говоритъ Степанъ, указывая кнутовищемъ на птицъ.

Я не выдерживаю, вылѣзаю изъ тарантаса и направляюсь на дрофъ.

Хитрыя бестіи, несомнѣнно, отличаютъ меня отъ охотника. Птицы подпускаютъ меня совсѣмъ близко, шаговъ на сто. Сперва, не отрываясь отъ кормежки, начинаютъ медленно удаляться, потомъ, ковыляя, какъ гуси, уже бѣгутъ, наконецъ, взмахнувъ крыльями, тяжело подымаются къ вечерѣющимъ небесамъ...

За Хухрей мѣста становятся еще болѣе живописными. Степь перемежается волнистыми взгорьями, балками, орѣховыми и дубовыми рощами, маленькими озерами, пылающими въ огнѣ заката.

Еще нѣсколько верстъ — и блеснетъ золото Ворсклы,

съ низкимъ луговымъ берегомъ, съ тихими убаюкивающими затонами, покрытыми желтой кувшинкой и бѣлыми лиліями.

У водяной мельницы рѣка становится уже. Но такъ же лѣнивъ ея бѣгъ, а правый, утонувшій въ лѣсной зелени берегъ, широкимъ кряжемъ тянется на много верстъ.

Вдали уже виднѣется знакомая роща.

За нею, на высокомъ уступѣ, уже различается садъ... Бѣлый, старый павлиновскій домъ еще укрытъ отъ моихъ взоровъ... Но я вижу дымокъ, тонкой спиралью подымающійся къ розовымъ небесамъ.

И сердце мое колотится отъ волненія...

51.

Меня видимо ожидали.

Не успѣлъ расторгуевскій тарантасъ показаться на поворотѣ, какъ съ крыши флигеля уже сорвался Жанчикъ и закричалъ:

— Ѣдетъ, ѣдетъ!

Матушка, сестра Валя, репетиторъ Павелъ Семеновичъ стояли на высокомъ крыльцѣ стараго дома и, съ радостными улыбками, встрѣчали мое прибытіе. Всѣ были взволнованы, раскраснѣвшаяся Валечка сіяла отъ восхищенія, на глазахъ матушки дрожали слезинки.

Ну, само собой разумѣется, тотчасъ пошли поцѣлуи, объятья, возгласы изумленія — вытянулся-то какъ, какимъ молодцомъ сталъ, загорѣлъ, возмужалъ, настоящій кавалерійскій юнкеръ!..

Жанчикъ вертѣлся между ногами, хватался за шашку, не сводилъ глазъ съ бѣлой коротенькой гимнастерки, туго стянутой лосинымъ ремнемъ, съ алыхъ погонъ, украшенныхъ золотымъ галуномъ, съ высокихъ сапогъ со шпорами.

Съ ожесточеніемъ виляя пушистымъ хвостомъ, визжалъ и прыгалъ на грудь мой четвероногій любимецъ, бѣлый англійскій сеттеръ Бой, пытаясь лизнуть меня въ губы...

За ужиномъ разговоръ шелъ безъ конца.

Я подробно долженъ былъ разсказать о Школѣ, о жизни въ столицѣ, о лагеряхъ, о царѣ и царицѣ, о тетушкѣ Маріи Васильевнѣ, о графинѣ Евдокіи Валерьяновнѣ, о Димкѣ, объ Анечкѣ.

Я долженъ былъ разсказать о пріятеляхъ, о Громовѣ и Дробышевскомъ, о петербургскихъ театрахъ и развлеченіяхъ, о нашихъ начальникахъ-офицерахъ, о конюшняхъ, манежахъ, даже о лошадяхъ.

Все, что я писалъ въ своихъ письмахъ, что было уже всѣмъ извѣстно, я долженъ былъ повторить, со всѣми подробностями. И я говорилъ безъ конца, воскрешая въ памяти эпизоды изъ моего недавняго прошлаго, испытывая при этомъ какое-то личное наслажденіе.

Но иногда я неожиданно умолкалъ, какъ будто подъ вліяніемъ какой-то неотвязной, мучительной думы и, въ эти минуты, всѣ настораживались и глядѣли на меня съ безпокойствомъ, особенно матушка и сестра...

На другой день жизнь вошла въ колею.

Жанчикъ успѣлъ доложить мнѣ всѣ новости, о перепелахъ, утиныхъ выводкахъ, высыпкахъ дупелей, и вмѣстѣ со мною отправился провѣдать Орлика. Старый, покрытый гречкой арабъ, при звукѣ нашихъ шаговъ, тотчасъ тихо заржалъ.

Я вошелъ въ стойло, обнялъ моего любимца за шею, поцѣловалъ въ нѣжныя безволосыя губы...

Съ Валечкой я имѣлъ продолжительный разговоръ.

Она передала мнѣ о поѣздкѣ заграницу, въ Швейцарію, и вынесенныхъ ею оттуда впечатлѣніяхъ. За годъ, что я съ нею не видѣлся, Валечка выросла, похорошѣла и напоминала теперь настоящую барышню.

Во время бесѣды, она нѣсколько разъ пытливо вглядывалась въ меня, точно желая полнѣй изучить происшедшую во мнѣ перемѣну, точно желая провѣрить какую-то возникшую въ ея умѣ мысль, догадку, предположеніе.

Она не выдержала, улыбнулась, взяла меня за руку и сказала:

— Жоржикъ, я что-то подозрѣваю!

— Что?

— Нѣтъ, не скажу...

Валечка откинулась на скамейку, захохотала и, приблизивъ ко мнѣ лицо, тихо произнесла:

— Ты влюбленъ!

Я почувствовалъ, что краснѣю. Однако, въ свою очередь, разсмѣялся и шутливымъ, слегка дѣланнымъ тономъ, спросилъ:

— Какія глупости!.. Откуда ты взяла?

Валя ничего не отвѣтила. Лицо ея приняло серьезное выраженіе. Она оглядѣлась по сторонамъ, вздохнула и медленно поднялась со скамейки...

Самый важный для меня разговоръ предстоялъ впереди.

Такъ или иначе, я долженъ его имѣть. Уже ѣдучи въ поѣздѣ, я твердо принялъ это рѣшеніе, намѣтилъ планъ и теперь выжидаю только удобнаго случая.

И вотъ, вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ проститься и отправиться въ свою комнату, я умышленно задержался въ столовой. Матушка беззвучно перемывала стаканы и бесѣдовала со мной. Кромѣ насъ двоихъ не было никого.

Разговоръ шелъ о хозяйствѣ.

Матушка горько сѣтовала на урожай, на упавшія цѣны на хлѣбъ, на растущіе накладные расходы. Между прочимъ, пожурила меня за расточительность и предупредила, что, къ сожалѣнію, не можетъ дать теперь ни одной лишней копѣйки, сверхъ положеннаго мнѣ содержанія.

При этихъ словахъ я поднялся.

Матушка взглянула на меня съ безпокойствомъ.

И вотъ, неожиданно для самого себя, я подошелъ къ ней, опустился и спряталъ голову въ ея колѣняхъ.

— Милый!.. Что съ тобой? — произнесла матушка.

Она подняла мою голову, посмотрѣла въ глаза.

— Сколько же тебѣ нужно? — тихо спросила матушка.

— Тысячу рублей!

Не отпуская моей головы, она откинулась на спинку кресла, на минуту закрыла глаза.

Лицо ея отразило острую боль.

Потомъ склонилась ко мнѣ, горячо прижала къ себѣ и поцѣловала...

На другой день я осѣдлалъ Орлика, вывелъ его на дворъ и поѣхалъ въ Графское...

52.

Не тридцать, а безъ малаго всѣ пятьдесятъ верстъ пришлось сдѣлать бѣдному Орлику, прежде чѣмъ попасть въ чистый, просторный денникъ графской конюшни.

Дорога, правда, была идеальна.

Первая половина пути шла хорошо извѣстнымъ мнѣ большакомъ, вдоль самой рѣки, мимо цѣлаго ряда живописно раскинувшихся въ рѣчной долинѣ селеній. Потомъ, повернувъ налѣво, я взобрался на гористый береговой кряжъ, откуда плотно укатанный шляхъ выводилъ въ степи.

Утро было тихое, мглистое, казалось, спеціально созданное для верховой прогулки.

Солнце стояло невысоко.

Его ласкающіе лучи мягко скользили по желтой щетинѣ жнивья, по бурымъ проплѣшинамъ пара, по океану слежавшихся, буйно разросшихся травъ, отъ сотворенія міра незнакомыхъ съ косой или плугомъ.

Я трусилъ мелкой рысцой, время отъ времени переводя Орлика въ шагъ. Въ этихъ случаяхъ я выпрастывалъ изъ стременъ ноги и, снявъ съ головы свою алую безкозырку, отдавался сладкимъ волнующимъ меня думамъ.

Я не замѣтилъ, какъ наступилъ полдень.

Какъ лежавшая вокругъ меня степь постепенно перешла въ такое же безконечное поле.

На горизонтѣ маячилъ вѣтрякъ.

Кругомъ было пусто.
Тихая грусть была разлита въ природѣ...

Орликъ внезапно заржалъ.

Точно чуя, что путь подходитъ къ концу, онъ подобрался, согнулъ шею въ затылкѣ и сталъ рваться впередъ.

Въ самомъ дѣлѣ, впереди смутно выросли какія-то неопредѣленныя очертанія. Съ каждой минутой они становились все явственнѣй, и вотъ, уже не могло быть сомнѣнія, что это усадьба.

Прежде всего я замѣтилъ прямую, ровную, точно срѣзанную ножомъ по верхнему краю рощу. Это могъ быть паркъ или садъ. На этомъ фонѣ я вскорѣ различилъ рядъ деревянныхъ построекъ, амбары, конюшни, каменную кладку завода.

Вотъ, навстрѣчу мнѣ, уже катитъ, стоя на порожней телѣгѣ, черноволосый молодой парень, съ загорѣлымъ, какъ у цыгана, сытымъ, довольнымъ лицомъ.

— Это что?.. Графское?

— Эге! — крикнулъ малый и ударилъ по лошадямъ...

Черезъ четверть часа я стоялъ у воротъ. Широкая, тѣнистая, обсаженная вѣковыми липами аллея, пересѣкая паркъ, вела къ дому. Онъ уже виднѣлся передо мной, красивый бѣлый двухъэтажный дворецъ, обвитый плющомъ и виноградомъ, съ выступными балкончиками, съ бѣлою колоннадой, съ мраморною ступенчатою террасой.

Цвѣты осени — астры, желтыя, пунцовыя, синія, всѣхъ формъ и оттѣнковъ, георгины, піоны, алыя и чайныя розы, пестрѣли на клумбахъ.

Изъ открытаго окна лились звуки шопеновскаго ноктюрна...

Мое появленіе было неожиданнымъ.

Музыка тотчасъ оборвалась. Я увидѣлъ, какъ въ окнѣ, на мгновенье, показалась чья-то фигурка, всплеснула руками и скрылась.

Черезъ нѣсколько минутъ Анечка вышла изъ комнатъ.

Неторопливой походкой она спустилась съ террасы и

подошла ко мнѣ. На ея нѣжномъ, слегка загорѣвшемъ личикѣ сквозилъ легкій румянецъ.

Мы поздоровались.

Со смущенной улыбкой Анечка сказала нѣсколько словъ, подивилась моему пріѣзду верхомъ, погладила Орлика по крутой шеѣ — „Мама!.. Димочка!", закричала она, приложивъ ладошку ко рту. Извинившись, снова поднялась на террасу и скрылась.

Изъ дома вышелъ дворецкій.

Онъ важно мнѣ поклонился, принялъ Орлика и повелъ его по липовой аллеѣ къ воротамъ.

— Они въ саду! — сказала Анечка, появившись снова передо мной, на этотъ разъ совсѣмъ раскраснѣвшаяся, еще болѣе прелестная въ своей растерянности, и повела за собой.

Мы обогнули домъ и вышли на небольшую площадку для лаунъ-тенниса, за которой тотчасъ начинался садъ.

Двѣ маленькія ножки мелькали передо мной.

Я видѣлъ стройную тоненькую фигурку.

Солнечный лучъ скользилъ по легкому бѣлому платью и, точно золотой нимбъ, горѣлъ на бѣлокурой головкѣ...

Графиня Евдокія Валерьяновна, нѣсколько располнѣвшая, но сохранившая все же чистоту классическихъ линій, при этомъ совершенно оправившаяся видимо отъ припадковъ мигрени, оказала мнѣ исключительное вниманіе.

— Очень мило! — сказала, съ улыбкой, графиня, когда приложившись къ бѣлой, душистой, пахнувшей лавандой рукѣ, я произнесъ нѣсколько привѣтственныхъ фразъ.

— Очень мило, Георгій Петровичъ! — повторила Евдокія Валерьяновна и плавнымъ жестомъ указала на мѣсто подлѣ себя. — Такъ вы верхомъ?.. Вотъ какъ?.. Не устали съ дороги?.. Молодецъ, молодецъ!.. Впрочемъ, для такого кавалериста, какъ вы, что значитъ нѣсколько десятковъ верстъ?.. Очень рада васъ видѣть!

Мой пріѣздъ развлекъ ее и далъ поводъ перенестись въ петербургскую обстановку, пожалѣть объ отсутствіи

графа, сказать нѣсколько острыхъ словечекъ по адресу столичныхъ знакомыхъ.

— Михаилъ Николаевичъ сидитъ сейчасъ въ Эмсѣ!.. C'est dommage!.. Очень жаль!.. Онъ былъ бы чрезвычайно доволенъ!.. Ну, что дѣлать!.. Примемъ васъ безъ него!.. Покажемъ наше маленькое хозяйство!.. Можетъ быть, это представитъ для васъ интересъ!.. Надѣюсь, вы у насъ погостите?

Я поблагодарилъ, замѣтивъ, что къ вечеру собираюсь обратно... Въ моемъ распоряженіи остается всего недѣля... Матушка можетъ быть обижена моимъ долгимъ отсутствіемъ...

— Ну, вотъ, скажите пожалуйста! — сдѣлавъ гримаску, улыбнулась Евдокія Валерьяновна. — Какъ хотите, но сегодня я васъ не отпущу!.. Это просто немыслимо!.. Въ одинъ день отмахать два подобныхъ конца?.. Вы съ ума сошли?.. Нѣтъ, мой другъ, теперь вы попали къ намъ въ плѣнъ!.. Мы возьмемъ съ васъ хорошую контрибуцію!

Евдокія Валерьяновна разсмѣялась и перешла на новую тему...

Я провелъ въ Графскомъ три дня.

Эти дни остаются въ моей жизни незабываемымъ воспоминаніемъ.

Маленькій пажикъ окончательно привязался ко мнѣ, и, вмѣстѣ съ Анечкой, занималъ меня безхитростными деревенскими развлеченіями, прогулками, рыбною ловлей, катаньемъ на лодкѣ, игрою въ лаунъ-теннисъ, партіей на маленькомъ карамбольномъ бильярдѣ.

Три дня пролетѣли точно одно мгновенье...

Наканунѣ отъѣзда, передъ ужиномъ, когда отгорѣла заря и, словно черная гигантская птица, махая незримыми крыльями, беззвучно падала ночь, я вышелъ съ Анечкой въ садъ.

Воздухъ былъ тепелъ и тихъ.

Небо выткалось звѣздами и среди нихъ такъ ясно былъ

виденъ семиглазый ковшъ Большой Медвѣдицы, устремленный однимъ краемъ на сѣверъ. Въ старомъ паркѣ, въ дуплистыхъ деревьяхъ, ухали совы. Гдѣ-то, на степной луговинѣ, кричалъ дергачъ. А кругомъ, въ кустахъ, на травѣ, подъ тяжелыми разросшимися яблонями, точно оригинальный оркестръ, направляемый невидимою рукой, изступленно стрекотали сверчки:

— Зззъ!.. Зззъ!.. Зззъ!..

Я сидѣлъ съ Анечкою въ бесѣдкѣ.

Въ темнотѣ я не видѣлъ ея лица. Но я ощущалъ теплоту ея тѣла, нѣжный, чуть уловимый запахъ волосъ, свѣжее дѣвичье дыханіе.

Мы бесѣдовали на различныя темы, о литературѣ, поэзіи, о жизни въ деревнѣ и о ближайшихъ сосѣдяхъ, о возвращеніи въ городъ и предстоящемъ зимнемъ сезонѣ.

Разговоръ нашъ внезапно умолкъ.

Наступила странная тишина, которая смущала и, въ то же время, охватывала какимъ-то сладостнымъ необъяснимымъ волненіемъ. Только слышно было, какъ трещали сверчки и вѣяла душистая теплота сада.

Сердце мое учащенно забилось.

Робкимъ движеніемъ, точно случайно, я прикоснулся къ дѣвушкѣ, обнялъ ее за талію, тихо привлекъ къ себѣ.

Анечка вздрогнула.

— Не надо этого дѣлать! — чуть слышно прошептала она.

Сопротивленія я не встрѣтилъ.

Тогда я обнялъ еще сильнѣе, нагнулся къ губамъ и поцѣловалъ. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, взволнованные и молчаливые, мы сидѣли въ бесѣдкѣ. Анечка дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Мнѣ холодно! — шопотомъ сказала Анечка.

Мы поднялись со скамьи и быстро направились къ дому...

На другой день я уѣхалъ.

Графиня Евдокія Валерьяновна, Анечка, Дима вышли меня провожать.

Оглянувшись, я долго видѣлъ махавшій мнѣ бѣлый пла-

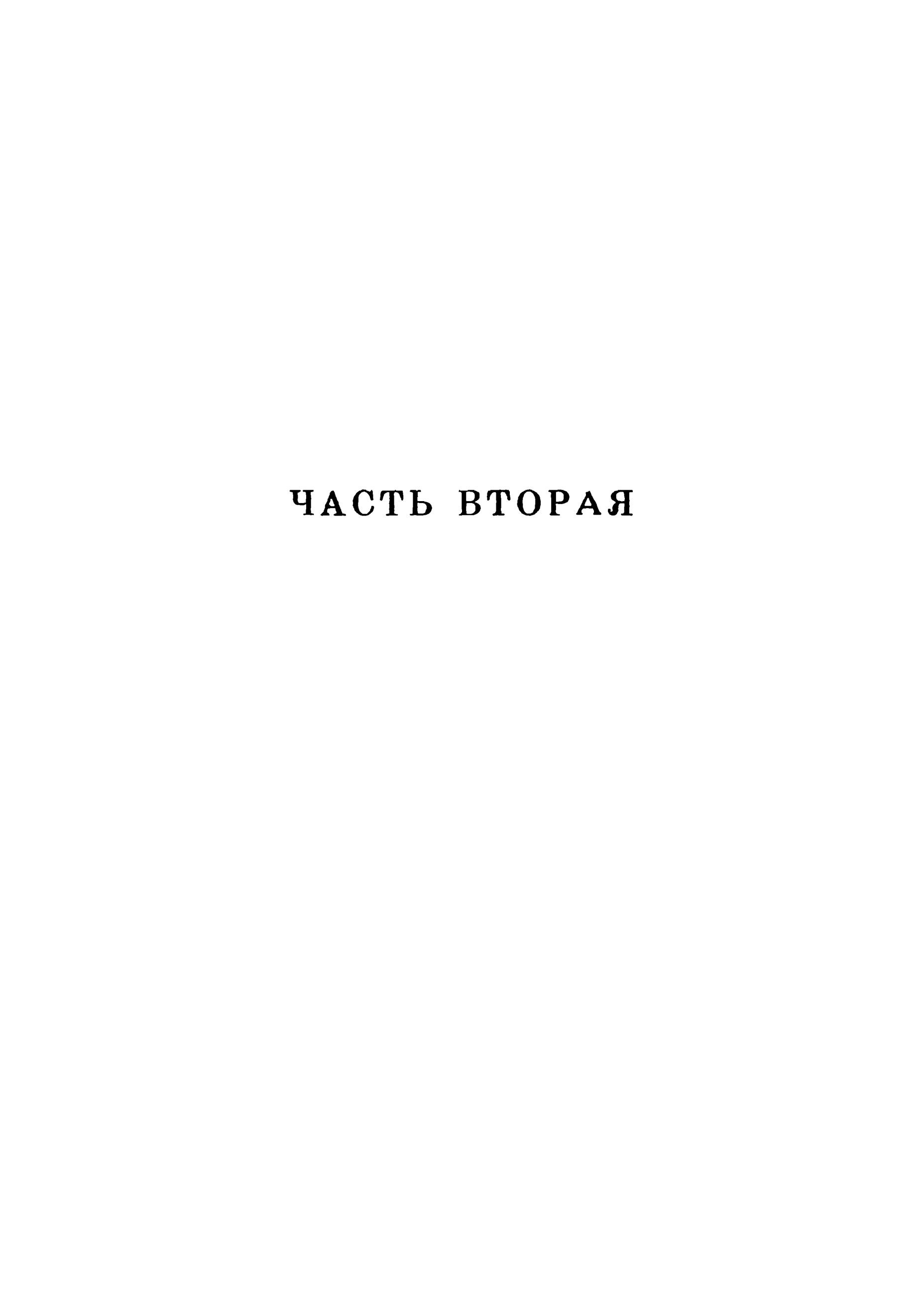
точекъ. Когда все исчезло, я выжалъ Орлика шенкелями и бѣшенымъ махомъ пустилъ въ карьеръ...

Пусть — осень.

Пусть облетаютъ пожелтѣвшіе листья.

Пусть кружитъ вѣтеръ и гонитъ перекати-поле по голымъ жнивьямъ.

Въ моей душѣ расцвѣтаетъ свѣтлая, чистая, какъ полевой ландышъ, благоухающая весна!..



ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1.

Я снова вижу передъ собой блѣдное, мглистое, точно малокровное небо, прямые, по линейкѣ просѣченные проспекты, сѣдой мраморъ дворцовъ, чугунные монументы съ царственнымъ всадникомъ, казармы и храмы, каналы и скверы, булыжникъ и гранитъ мостовыхъ.

Словно сказочное видѣніе, хранящее заповѣдную тайну, выростаетъ онъ изъ лона зыбкихъ, холодныхъ, пепельныхъ водъ, этотъ изумительный городъ

— Городъ-призракъ!

— Городъ-фантомъ!

— Величавый Сѣверный Парадизъ!..

Однимъ короткимъ мгновеньемъ проскочили пятнадцать павлиновскихъ дней, проведенныхъ въ лѣнивомъ бездѣльѣ, въ беззаботномъ досугѣ, въ сладкихъ волнующихъ воспоминаніяхъ.

Я снова въ Школѣ.

Вотъ уже протянулась ржавая металлическая рѣшетка, за которой, въ блекломъ осеннемъ багрянцѣ, желтѣетъ небольшой садикъ и высится сѣрое зданіе съ длиннокрылымъ орломъ на фронтонѣ.

Вотъ та же полосатая будка и старый привратникъ, дремлющій у воротъ.

Тотъ же швейцаръ, въ алой тогѣ, съ пелериной, съ гербами, снимающій галунную шапку, привѣтствующій съ прибытіемъ.

Тотъ же низенькій вестибюль, съ пріемной и комнатой дежурнаго офицера, съ двумя широкими лѣстницами, устремляющимися однимъ маршемъ наверхъ.

Пахнетъ свѣжею краской.

Какъ стекло блеститъ навощеный паркетъ.

И уже доносится, точно малиновый звонъ, четкая, звучная, безконечно знакомая музыка:

— Дзыннь-дзыннь!..

— Дзыннь-дзыннь!..

2.

Изъ дежурной комнаты, въ пышной бобровой шапкѣ, въ темнозеленомъ, бутылочнаго цвѣта гусарскомъ мундирѣ съ серебряными шнурами, въ малиновыхъ чакчирахъ съ широкимъ серебрянымъ галуномъ, при лядункѣ и шашкѣ, выходитъ штабсъ-ротмистръ Ковако.

Раздушенный и напомаженный, въ этомъ красочномъ опереніи онъ напоминаетъ какую-то великолѣпную птицу, выпорхнувшую изъ клѣтки и горделиво озирающуюся по сторонамъ.

Штабсъ-ротмистръ скучаетъ въ дежурной и собирается, видимо, предпринять небольшую прогулку по скверу. Но замѣтивъ меня, круто останавливается на порогѣ.

Я подхожу съ рапортомъ.

Но Юрій Александровичъ опускаетъ мою руку, приложенную къ фуражкѣ. Затѣмъ, взявшись за бока, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, изучаетъ строгимъ, испытующимъ взоромъ и разражается хохотомъ.

— Черкесовъ! — хохочетъ штабсъ-ротмистръ и съ размаха хлопаетъ меня по плечу. — Здравствуй, другъ!.. Ха-ха-ха!.. Очень радъ тебя видѣть!.. Пріѣхалъ?.. А я, признаться, давно тебя поджидалъ!.. Прямо соскучился!.. Не вѣришь?.. Честное слово!.. Клянусь всѣми святыми!.. Ну, разсказывай, сугубый, что дѣлалъ, какъ веселился, какъ провелъ отпускъ?.. Разсказывай, разсказывай!

— Бьюсь объ закладъ, что ухаживалъ! — перебиваетъ меня штабсъ-ротмистръ, лукаво щуритъ глаза и снова хлопаетъ по плечу. — Черкесовъ, не вѣрь женщинамъ! По собственному опыту говорю — не вѣрь!.. Обчиститъ, на-

дуетъ и броситъ!.. Честное слово!.. Ну, разсказывай дальше!..

Черезъ мгновенье, какъ будто что-то неожиданно вспомнивъ, Юрій Александровичъ ведетъ меня въ дежурную комнату:

— Черкесовъ, очень радъ тебя видѣть!.. Мнѣ нужно съ тобою серьезно поговорить!.. Антръ ну!.. Въ самомъ дѣлѣ!.. Ну, скажи мнѣ, мой другъ, только безъ шутокъ, только не ври...

Штабсъ-ротмистръ закручиваетъ усы, сдвинувъ толстыя ляжки въ малиновыхъ чакчирахъ, звякаетъ шпорами и становится въ позу. Въ этомъ положеніи онъ напоминаетъ мечтательнаго фазана, которымъ внезапно овладѣлъ столбнякъ.

— Красивъ я или нѣтъ? — спрашиваетъ штабсъ-ротмистръ.

— Господинъ штабсъ-ротмистръ, вы самый красивый на свѣтѣ! — отвѣчаю я, съ усиліемъ удерживаясь отъ смѣха. — А кромѣ того, самый отчетливый!

Тутъ Юрій Александровичъ не выдерживаетъ.

— Какъ ты сказалъ?.. Самый отчетливый? — обращается онъ ко мнѣ, и его спѣлое, словно арбузъ, черноусое, сытое, выхоленное лицо, съ черными выпуклыми глазами, растекается въ сіяющую улыбку. — Нѣтъ, ты серьезно говоришь?.. Ты не шутишь?

— Такъ точно, господинъ штабсъ-ротмистръ!.. Самый отчетливый!

Юрій Александровичъ покатывается отъ хохота:

— Ха-ха-ха-ха!.. Спасибо тебѣ, дорогой, спасибо!.. Я не знаю, какъ мнѣ тебя благодарить!.. Ха-ха-ха-ха!.. Ты тоже отчетливый!.. Вѣдь мы съ тобою друзья, не правда ли?.. Выходи въ мой полкъ!.. Позволь мнѣ тебя поцѣловать!

Черезъ минуту лицо его становится снова серьезнымъ:

— Ну, разсказывай, что дѣлалъ, какъ веселился?... Воображаю, какъ славно сейчасъ у насъ тамъ на югѣ?..

Солнце, природа, воздухъ точно настоящія сливки!.. „Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышитъ?“ Ха-ха-ха-ха!.. Вѣдь мы съ тобой земляки, не правда ли?.. Ха-ха-ха-ха!.. Ну, разсказывай, сугубый, разсказывай!

— А кстати, вотъ что! — снова неожиданно мѣняетъ тонъ штабсъ-ротмистръ, и, взявъ меня подъ руку, ведетъ къ окну. — Только чуръ между нами!.. Даешь слово?.. Нѣтъ, ты побожись!

Юрій Александровичъ принимаетъ таинственный видъ:

— Ну, слушай!... Скажу тебѣ интересную новость!.. Вчера была конференція!.. Говорили о васъ, сугубыхъ!.. Хочешь знать результатъ?.. Только побожись, что никому не разскажешь! Могила?.. Антръ ну!.. Даешь слово?

Штабсъ-ротмистръ тянется къ моему уху:

— Ну, слушай!.. Эскадроннымъ вахмистромъ будетъ князь Елецкій!.. Это окончательно рѣшено!.. Ты будешь назначенъ взводнымъ третьяго взвода!.. Каково?.. Взводнымъ капраломъ третьяго взвода?.. Понимаешь ты это, сугубый?... Отъ души тебя поздравляю!.. Я очень радъ!.. Ну, ступай!.. Пистолетъ!

Ковако провожаетъ меня до дверей, стоитъ на порогѣ, дѣлаетъ ручкой и, на прощанье, кричитъ:

— Такъ, какъ ты сказалъ?.. Самый отчетливый?.. Ха-ха-ха-ха!..

3.

Взбѣжавъ по лѣвой, „корнетской“ лѣстницѣ, я очутился на средней площадкѣ.

То, что я увидѣлъ, живо напомнило мнѣ картину прошлаго года, въ первый день моего появленія въ Школѣ.

Такъ же, какъ и тогда, въ углахъ небольшой залы струился мягкій свѣтъ фонарей, тяжелая люстра опускалась отъ потолка, и прямо на меня, изъ широкой золотой рамы, глядѣлъ ликъ императора.

Такъ же, какъ и тогда, по угламъ и стѣнамъ площадки жалось десятка три или четыре юношей, въ скром-

ныхъ кадетскихъ курткахъ, стянутыхъ поясными ремнями съ мѣдной бляхой, въ статскихъ, въ гимназическихъ, въ студенческихъ сюртукахъ, въ длинныхъ темныхъ брюкахъ навыпускъ.

Лица молодыхъ людей выражали тревожное недоумѣніе, растерянность, изумленіе, робость.

А мимо нихъ, съ важнымъ и независимымъ видомъ, съ офицерскими фуражками на головахъ, съ папиросами, зажатыми въ уголкахъ губъ, прогуливались юнкера старшаго класса, въ расшитыхъ золотомъ короткихъ мундирахъ, въ плотно обтягивавшихъ ляжки и задъ синихъ кавалерійскихъ рейтузахъ, въ лакированныхъ ботикахъ, съ венгерскими шпорами.

Время отъ времени, они останавливались, задавали вопросы, со смѣхомъ и крикомъ поворачивали налѣво-кругомъ. Суетились дежурные эстандарты, въ драгункахъ, съ шашками черезъ плечо, съ перчатками, скрученными узломъ и пропущенными въ кожаную петлю темляка. Звенѣли шпоры, слышался топотъ и бѣготня, звучали грозныя восклицанія:

— Молодой князь Аваловъ, что такое штандартъ?

— Кругомъ!

— Ать-два!.. Ногу выше!.. Отчетливѣй!..

— Молодой Третьяковъ, что вы знаете о безсмертіи души рябчика?

— Ничего подобнаго!

— Кру-гомъ!

— Зицу больше!..

— Молодой Новосильцовъ, сколько серебряныхъ трубъ въ 1-мъ лейбъ-драгунскомъ Московскомъ полку?

— Кругомъ!

— Пачку нарядовъ!

— Явитесь вахмистру!..

Все это вертѣлось, кружилось, маршировало взадъ и впередъ, поощряемое хохотомъ, шутками, лязганьемъ шпоръ. Увидѣвъ меня, кто-то скомандовалъ „смирно!“ и, вслѣдъ за тѣмъ раздались новые крики:

— Трррепещи, молодежь!

— Лихой корнетъ Черкесовъ идетъ!

— Строгъ, но справедливъ!.. Шутить не любитъ!

Одновременно меня уже окликали пріятели:

— Здравствуй, Черкесовъ!.. Съ пріѣздомъ!.. Какъ живешь?.. Что хорошенькаго?

Ко мнѣ тянулись съ рукопожатіями, со мной цѣловались, сообщали наперебой послѣднія новости:

— Черкесовъ, слышалъ?.. „Плѣшакъ" уходитъ?

— Боря Гиппіусъ произведенъ въ штабсъ-ротмистры?

— Слышалъ, даютъ новую форму?.. Уланскій мундиръ!.. Саблю!.. Чакчиры съ краснымъ лампасомъ!.. Адскій шикъ!.. Кррасота!...

Изъ четвертаго взвода показался Дробышъ-Дробышевскій.

Въ офицерской фуражкѣ, со старою разбитою пушкинскою гитарой въ рукахъ, подтанцовывая и раскачиваясь изъ стороны въ сторону на своихъ тоненькихъ ножкахъ, онъ распѣвалъ, на мотивъ „Ach, du mein lieber Augustin", знакомую пѣсенку:

„А-а-афицеръ выходитъ въ Ямбургцы,
Въ Ямбургцы,
Въ Ямбургцы!.."

— Черкесовъ!.. Кого я вижу? — закричалъ онъ, быстрыми шагами подбѣгая ко мнѣ и протягивая губы для поцѣлуя. — Здравствуй, милый!.. Ну, какъ съѣздилъ?.. Какъ веселился?.. Сколько дѣвочекъ испортилъ?.. Впрочемъ, ты вѣдь еще святой!.. Ха-ха-ха-ха!

— Черкесовъ, кстати могу тебя поздравить! — добавляетъ онъ другимъ тономъ. — Ты будешь назначенъ капраломъ!.. Въ третій взводъ!.. Принципіально!.. Не вѣришь?.. Ну, хочешь пари?.. На флаконъ вина?.. Клянусь!.. Честное благородное слово!.. Пароль д'оннеръ!

Станиславъ Станиславовичъ идетъ со мною въ полуэскадронъ, провожаетъ до койки, по дорогѣ сообщаетъ еще рядъ новостей.

Во взводѣ встрѣчаю Гасю Андреева, „Кута“-Скалона, Бабкина, князя Андроникова, объединившихся небольшой дружной компаніей и, съ апетитомъ, поглощающихъ сладкіе пирожки. Лица у всѣхъ сіяющія, довольныя. Ихъ кровати стоятъ теперь не по серединѣ взвода, а въ „корнетскомъ“ углу.

Дробышевскій занялъ мою койку рядомъ со своею и, такимъ образомъ, мы снова сосѣди...

Вскорѣ появляется Громовъ.

— Здравствуй, Атосъ! — говоритъ Сашка и обмѣнивается со мной поцѣлуемъ. Отъ него несетъ слегка спиртомъ, а въ сѣрыхъ, добродушныхъ, сонныхъ глазахъ наблюдается выраженіе полнаго удовлетворенія.

— Ты когда же пріѣхалъ? — спрашиваетъ Громовъ. — Съ семичасовымъ?.. Елки-палки!.. Какъ же это мы съ тобой разминулись?.. Не понимаю?

Сашка задумывается.

— Ну, ладно! — продолжаетъ онъ черезъ минуту. — Шутки въ сторону!.. Имѣй въ виду, въ субботу предполагается „открытіе сезона“!.. Будетъ, конечно, Фрэдъ, Вонлярлярскій, Зубаловъ и прочіе!.. Станислава не приглашаю!.. Дѣвочекъ не будетъ!.. А впрочемъ, если желаетъ — милости просимъ!.. Водки хватитъ на всѣхъ!.. Ха-ха-ха!

Мы сидимъ на койкахъ и продолжаемъ бесѣдовать.

Дробышевскій закуриваетъ папироску, протягиваетъ серебряный портсигаръ, предлагаетъ:

— Прррa-шу!... Аррро-матныя!

Сидящій съ компаніей „Кутъ“ подзываетъ къ себѣ, угощаетъ сладкими пирожками, подчуетъ ликеромъ, виномъ.

Бесѣда становится общей.

Черезъ полчаса звенитъ труба:

— Тр-дамъ, тр-дамъ, тр-дамъ, тр-дамъ...

Эскадронъ строится на средней площадкѣ.

Такъ же, какъ и въ прошломъ году, „звѣри“ стремительно выбѣгаютъ изъ взводовъ, провожаемые громкими кликами:

— Пулей, молодежь!

— Ходу!

— Послѣднему пачка нарядовъ!

„Корнеты“ чинно, не торопясь, кто въ одиночку, кто въ обнимку другъ съ дружкой или отдѣльными группами, выходятъ изъ помѣщенiй и занимаютъ мѣста въ заднихъ шеренгахъ.

Появляется князь Леня Елецкiй.

Онъ становится за эскадроннаго вахмистра, сбоку, между обоими полуэскадронами, со спискомъ въ рукѣ. Круглое, мягкое, улыбающееся лицо принимаетъ серьезный видъ.

— „Красивый“ идетъ! — несутся крики „корнетовъ“.

— Сми-и-рна! — командуетъ князь Елецкiй и шумъ мгновенно смолкаетъ.

Съ бобровой шапкой въ рукѣ, гремя шашкою по ступенямъ лѣстницы, подымается штабсъ-ротмистръ Ковако.

Важно, точно самъ генералъ-инспекторъ конницы, онъ проходитъ между шеренгами, останавливается на серединѣ площадки, небрежнымъ кивкомъ головы подаетъ знакъ.

Князь Елецкiй читаетъ приказъ, дѣлаетъ перекличку:

— Андреевъ?

— Я!

— Булацель?

— Я!

— Волынскiй?

— Я!

— Гатовскiй?

— Громовъ?

— Дробышъ-Дробышевскiй?

Звякнувъ шпорами — дзынь-дзынь! эскадронъ поворачивается направо и маршируетъ по длинному коридору, на ужинъ.

У лѣстницы, гдѣ стоитъ учебная пушка и коридоръ ведетъ въ классные капониры, строй эскадрона нѣсколько разбивается. Молодежь аккуратно пересчитываетъ ступени. Господа „корнеты“, изъ экономiи времени, съѣзжаютъ по перидамъ лѣстницы на собственномъ заду.

Сзади, на нѣкоторой дистанціи, сверкая серебряными шнурами, малиновыми чакчирами и кистями гусарскаго кушака, важно, точно индѣйскій пѣтухъ, выступаетъ штабсъ-ротмистръ Ковако...

4.

Слова штабсъ-ротмистра Ковако, подтвержденныя Дробышевскимъ, продолжали меня нѣсколько волновать. Я испытывалъ пріятное чувство и, въ то же время, точилъ червь сомнѣнія.

Мнѣ казалось, что я имѣю шансы стать портупей-юнкеромъ.

Я считаюсь лучшимъ ѣздокомъ въ смѣнѣ. Благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, экзамены сошли у меня вполнѣ успѣшно. Въ предосудительныхъ поступкахъ я не замѣченъ, если не считать моего промаха съ великимъ княземъ.

Но именно этого мнѣ не простятъ.

Великій князь суровый, рѣзкій, вспыльчивый человѣкъ, отъ одного взгляда котораго у всѣхъ трясутся поджилки. Кромѣ того, онъ обладаетъ рѣдкою памятью. Печальное происшествіе будетъ безспорно учтено школьнымъ начальствомъ. Оно отмѣтитъ мою провинность, повлекшую за собой пять сутокъ ареста.

При этихъ условіяхъ, едва-ли можно разсчитывать на нашивки портупей-юнкера, тѣмъ болѣе взводнаго.

Однако, сомнѣнія мои скоро исчезли...

На другой день по пріѣздѣ въ училище, когда младшій курсъ былъ занятъ медицинскимъ осмотромъ, баней, пригонкой обмундированія, разбивкой на смѣны и школьная жизнь еще не вошла въ колею, въ коридорѣ я встрѣтился съ Борисомъ Александровичемъ Гиппіусомъ.

Его свѣжее, розовое, дѣвичье лицо, казалось, еще болѣе помолодѣло. Между тѣмъ, на погонахъ прибавилась четвертая звѣздочка.

Онъ дружески со мной поздоровался, сказалъ нѣсколько сердечныхъ словъ и, въ заключеніе, произнесъ:

— Черкесовъ, могу васъ поздравить!.. Вы назначаетесь взводнымъ!.. Отъ души радъ за васъ!..

Въ тотъ же день, передъ завтракомъ, по приказанію дежурнаго офицера, эскадронъ построился на средней площадкѣ.

— Сми-и-рна! — раздалась команда Давыда Давыдовича, звонкая, щеголеватая, точно такая же, какъ онъ самъ, со своимъ кудрявымъ, упрямо вздыбившимся золотымъ хохолкомъ, крутою на выкатѣ грудью, стянутой словно у молодой барышни таліей — утверждаютъ, будто онъ носитъ корсетъ, и общей „зицеватой" конногренадерской осанкой.

— Глаза напра-во!

Въ сопровожденіи эскадроннаго командира, на площадку поднялся Павелъ Адамовичъ Плеве.

Онъ былъ въ своемъ обычномъ сюртукѣ генеральнаго штаба, при аксельбантахъ, въ высокихъ ботфортахъ, съ огромными шпорами казеннаго образца.

Маленькій, плотный, съ длиннымъ, осѣдланнымъ стеклами носомъ, съ гладко выбритыми, лоснящимися щеками, съ тугимъ проборомъ и рыжеватыми, вытянутыми въ струнку, нафабренными усами, съ утонувшей въ бархатномъ воротникѣ короткою шеей, съ толстыми ляжками и какими-то деревянными несгибающимися ногами съ, такъ называемымъ „коровьимъ поставомъ", онъ представлялъ поистинѣ комическую фигуру.

Въ этомъ отношеніи, судьба дѣйствительно отнеслась къ нему съ насмѣшкой, съ ироніей, съ жестокой несправедливостью.

— Здравствуйте, господа! — поздоровался Павелъ Адамовичъ.

Эскадронъ гаркнулъ въ отвѣтъ:

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!

По случаю начинающагося учебнаго года, Павелъ Адамовичъ произнесъ длинную рѣчь, призывающую насъ

къ усердію, вниманію, добросовѣстности на классныхъ занятіяхъ, требующую отъ насъ точнаго исполненія всѣхъ параграфовъ знаменитой Инструкціи для внутренней службы, пресѣкающую въ корнѣ, самымъ рѣшительнымъ образомъ, всѣ попытки какихъ либо сходокъ, собраній, идущихъ въ разрѣзъ съ пунктами воинской дисциплины.

Павелъ Адамовичъ произнесъ рѣчь и скромно отошелъ въ сторону.

На его мѣсто сталъ „Плѣшакъ"...

И вотъ, командиръ эскадрона вынулъ изъ кармана листокъ, откашлялся и своимъ хриплымъ, срывающимся, точно простуженнымъ голосомъ, пролаялъ:

— Юнкеръ князь Елецкій, впередъ!

Павелъ Адамовичъ подошелъ къ князю и поздравилъ его съ производствомъ въ эскадронные вахмистры.

Сердце мое внезапно забилось.

Меня охватило волненіе.

Словамъ штабсъ-ротмистра Ковако и Дробышевскаго я не придавалъ большого значенія. Но какъ-то не вѣрилось, чтобы Борисъ Александровичъ позволилъ себѣ сыграть со мной шутку.

Я стоялъ, замеревъ на своемъ мѣстѣ, устремивъ напряженный взглядъ на эскадроннаго командира.

„Плѣшакъ" снова откашлялся, взглянулъ на листокъ и вторично пролаялъ:

— Василій Бискупскій!

— Сергѣй Юматовъ!

— Георгій Черкесовъ!

— Борисъ Сильверсванъ!

Наступила короткая пауза.

— Впередъ! — скомандовалъ „Плѣшакъ".

Мы вышли изъ строя и сомкнулись въ одну шеренгу.

Павелъ Адамовичъ подошелъ къ намъ.

— За отличные успѣхи въ наукахъ и строевыхъ занятіяхъ, а такъ же за примѣрное поведеніе поздравляю васъ, господа, съ производствомъ въ старшіе портупей-юнкеры!

— произнесъ „Павлуша“, одобрительно поблескивая изъ подъ стеколъ пенснэ своими маленькими близорукими глазами и, по привычкѣ, похлопывая пальцами правой руки по кулаку лѣвой. — Надѣюсь, господа, вы сумѣете оправдать мое довѣріе!

Вслѣдъ за тѣмъ, въ томъ же порядкѣ, было вызвано еще восемь юнкеровъ, въ томъ числѣ четвертаго взвода князь Андрониковъ и Синегубъ, произведенные въ младшіе портупей-юнкера.

Черезъ четверть часа, при содѣйствіи каптенармуса Нарѣжнаго, на нашихъ погонахъ красовались свѣженькіе лычки красиваго желто-оранжеваго цвѣта...

5.

Тетушка Марія Васильевна вернулась съ кислыхъ водъ въ городъ почти одновременно со мной, на прошлой недѣлѣ.

Она была въ прекрасномъ настроеніи, весьма обрадовалась моему посѣщенію, нашла, что я возмужалъ, загорѣлъ, вообще, выгляжу молодцомъ.

— Хорошъ! — молвила Марія Васильевна, оглядѣвъ меня со всѣхъ сторонъ, и ея строгое лицо, съ двойнымъ подбородкомъ и бородавкой на лѣвой щекѣ, освѣтилось улыбкой.

— Хорошъ!.. Отмѣнно хорошъ! — повторила Марія Васильевна. — Хотя комплиментщицей не слыву, а не скрою!.. И ростъ!.. И портретъ!.. И фигура вполнѣ авантажная!.. Чистый гвардейскій фендрикъ!.. Прямо хоть на ординарцы къ его величеству!.. Скажите пожалуйста?.. Совсѣмъ комильфотнымъ мужчиной сталъ!.. А ну-ка, покажись, покажись, мой дружокъ?... Ma foi, даже усы отростилъ!.. Женить тебя, батюшка, скоро пора!

Тантъ Мари разсмѣялась и любовно потрепала меня по щекѣ...

Въ самомъ дѣлѣ, годъ пребыванія въ Школѣ не прошелъ безслѣдно.

Я раздался въ груди и въ плечахъ. Талія стала болѣе стройной. Отъ верховой ѣзды, волтижировки, гимнастики, отъ постоянныхъ физическихъ упражненій, мускулы пріобрѣли силу, гибкость, упругость. Движенія и походка стали легкими, эластичными. Исчезла прежняя угловатость манеръ и на смѣну ей появились выправка, ловкость, увѣренность, лоскъ.

О, безъ сомнѣнія, кавалерійская шлифовка и муштра принесли огромную пользу!..

Съ полною искренностью, отъ всего сердца, даже съ оттѣнкомъ нѣкоторой гордости, Марія Васильевна поздравила меня съ производствомъ и, по этому случаю, угостила за обѣдомъ церковнымъ виномъ и настойкой изъ березовыхъ почекъ.

Эту настойку тантъ Мари держитъ въ качествѣ лечебнаго средства.

Я выпилъ рюмку, а отъ другой, съ деликатностью, отказался.

— Георгій, что же это ты? — спросила тетушка. — Или не нравится?.. Ну, какъ хочешь, неволить не стану!.. Я вѣдь запамятовала, что ты не пьешь!.. А коли не вошелъ во вкусъ, отлично, мой дружокъ, дѣлаешь!.. И впередъ не совѣтую!

Обѣдъ прошелъ въ оживленной бесѣдѣ.

Шарлотта Ивановна, сидя въ обычной черной наколкѣ, кивала одобрительно головой, шамкала англійскія фразы:

— O, yes!.. Very good!.. Very well!..

Марія Васильевна подробнѣйшимъ образомъ разспрашивала про Павлиновку, про здоровье матушки, про Валю, про Жанчика. Съ интересомъ выслушала мой разсказъ о поѣздкѣ въ Графское и сказала:

— Ну, вотъ и прекрасно!.. Теперь, чай, доволенъ, что познакомился ближе со своими сосѣдями?.. Отмѣнные люди, можно сказать, аншантэ!.. А вѣдь помнишь, чуть не силкомъ пришлось мнѣ тащить тебя на Моховую?

Тантъ Мари, коснувшись этой темы, принялась снова

выхваливать графиню Евдокію Валерьяновну, ея внѣшнія и внутреннія достоинства, ея искусство совмѣщать практическую работу съ обязанностями женщины высшаго круга:

— Подумай, четыре тысячи десятинъ, а хозяйство, говорятъ, образцовое!.. Молочная ферма, сахарная плантація, конскій заводъ!.. Все держитъ въ рукахъ, за всѣмъ слѣдитъ, за всѣмъ наблюдаетъ!.. Это не шутка!.. Графъ-то, Михаилъ Николаевичъ, самъ знаешь, все больше по клубамъ да по заграницамъ шатается!.. Небось, сидитъ сейчасъ гдѣ-нибудь на Ривьерѣ, да денежки въ баккара или въ рулетку просвистываетъ!.. Что ты скажешь?... Онъ на это гораздъ.

Марія Васильевна продолжала:

— Чудная женщина!.. Дивная женщина!.. Тактъ, выдержка, безупречная репутація!.. Въ обществѣ играетъ первую роль!.. Принята при Дворѣ!.. Пользуется вниманіемъ его величества!.. Кто знаетъ, можетъ сдѣлать графу карьеру!.. Въ церемоніймейстеры провести?.. Въ полномочные посланники перваго ранга?.. Въ министры?

Тантъ Мари повернулась ко мнѣ:

— А тобой, Георгій, я отмѣнно довольна!.. Скромность, старательность, прилежаніе всегда приносятъ плоды!.. Поздравляю тебя отъ чистаго сердца!.. Такъ вотъ, смотришь, помаленьку тоже въ люди выйдешь!.. Можетъ быть, еще генералъ-фельдмаршаломъ станешь?.. Кто знаетъ?

Тантъ Мари на минуту задумалась:

— Ну, а какъ золотая царевна?.. Анютины глазки?.. Выросла?.. Чай, еще больше похорошѣла?.. Ой, какъ бы тебѣ не уколоться объ этотъ цвѣточекъ!

Тетушка засмѣялась и погрозила мнѣ пальцемъ...

6.

Я назначенъ взводнымъ третьяго взвода и, по этой причинѣ, долженъ разстаться съ „малиной“.

Это меня нѣсколько огорчаетъ.

Я привыкъ къ своимъ друзьямъ, ко всѣмъ пятнадцати

добрымъ пріятелямъ, съ которыми, въ теченіе цѣлаго года, находился въ тѣсномъ общеніи. Теперь моя связь съ ними будетъ нарушена.

Моя койка стоитъ теперь въ другой комнатѣ, на правомъ флангѣ взвода, и ближайшимъ сосѣдомъ является не Станиславъ Станиславовичъ, а юнкеръ Волынскій, скромный, застѣнчивый юноша, побочный сынъ одного изъ великихъ князей.

Моя фамилія написана на алой доскѣ золотой эмалевой краской. Три поперечныхъ лычка украшаютъ мои погоны. На моей шашкѣ, взамѣнъ кожаной кисти, виситъ серебряный офицерскій темлякъ.

Эти маленькія внѣшнія отличія тѣшатъ мое самолюбіе.

Въ моемъ непосредственномъ подчиненіи состоитъ тридцать юнкеровъ третьяго взвода. Я веду листъ нарядовъ, держу подъ замкомъ винтовки и боевые патроны, слѣжу за службой, отдаю приказанія, накладываю взысканія.

Въ такой же мѣрѣ мнѣ пріятно наблюдать знаки почтенія, которыми меня окружаютъ.

Старшій курсъ, сохраняя со мной лучшія отношенія, стремится на каждомъ шагу подчеркнуть мое превосходство.

Молодежь обязана мнѣ становиться во фронтъ.

И я слышу нерѣдко крики „корнетовъ“:

— Зѣваетъ, молодежь!

— Видъ веселый, но безъ улыбокъ!

— Капралъ Черкесовъ идетъ!

Всѣ вскакиваютъ и вытягиваютъ руки по швамъ...

Все это ласкаетъ мое сознаніе.

Я выростаю въ собственныхъ глазахъ. Невольно появляется нѣкоторый апломбъ, вѣсъ, увѣренность въ своихъ силахъ.

И часто, лежа на койкѣ, передъ отходомъ ко сну, я вспоминаю то время, когда былъ жалкимъ, сугубымъ „звѣ-

ремъ", обязаннымъ исполнять всѣ заповѣди школьнаго символа вѣры, подчиняться, безъ разсужденій, всѣмъ требованіямъ юнкеровъ старшаго класса.

Эти требованія, нужно сознаться, были довольно суровы.

Многія изъ нихъ были вполнѣ логичны, цѣлесообразны, законны. По крайней мѣрѣ все то, что относилось къ нашей будущей службѣ, выправкѣ, дисциплинѣ, изученію особенностей кавалерійскихъ полковъ, ихъ исторіи, боевыхъ отличій, стоянокъ, формы одежды.

Можно было вполнѣ примириться съ этими милыми маленькими нелѣпостями, вродѣ изученія „сугубыхъ наукъ" въ бѣлыхъ перчаткахъ, корнетскихъ „лѣстницъ", корнетскихъ „угловъ", свѣдѣній о томъ, кто сидѣлъ на Гохкирхенской колокольнѣ или о судьбѣ „души рябчика".

Но утомителенъ и тяжелъ былъ общій режимъ, заставлявшій быть всегда на чеку, слѣдить за собой, опасаться малѣйшаго промаха, небрежности, разсѣянности, осѣчки.

— Богъ мой!.. Какая рѣзкая перемѣна!

Теперь я тоже — „корнетъ"!.. О, даже больше — офиціальный начальникъ, отмѣченный знаками внѣшнихъ отличій!.. Мое слово — законъ!.. Мой приказъ обязаны исполнять не только „звѣри", но и „корнеты"!

— Трррепещи, третій взводъ!..

Я размышляю о матушкѣ, о сестрѣ, братѣ, о далекой Павлиновкѣ... Какъ жаль, что они не видятъ меня въ моемъ теперешнемъ положеніи!.. Это доставило бы имъ удовольствіе...

Потомъ мысли мои переносятся въ Графское.

Передо мной мелькаютъ образы Евдокіи Валерьяновны, маленькаго пажа, голубоглазой Анечки...

Они должны скоро вернуться... Во всякомъ случаѣ, примѣрно черезъ недѣлю, по моимъ разсчетамъ, уже будутъ въ городѣ.

Я вспоминаю свою поѣздку верхомъ... Три незабываемыхъ дня, проведенныхъ въ графской усадьбѣ... Игры, прогулки, деревенскія развлеченія... Тихій прощальный ве-

черъ, наканунѣ отъѣзда, дремлющій садъ, стрекотанье кузнечиковъ, маленькую шалость въ бесѣдкѣ...

Я ощущаю приливъ необъяснимаго чувства и улыбаюсь.

Какъ встрѣчусь я съ Анечкой?

Что прочту я въ ея глазахъ?

Мнѣ кажется, я, въ самомъ дѣлѣ, влюбленъ...

Недаромъ сестра замѣтила во мнѣ какую-то перемѣну и сразу отгадала причину.

Женщины, въ этомъ отношеніи, обладаютъ удивительной чуткостью...

7.

Жизнь вступаетъ въ свою колею и одинъ день мало чѣмъ отличается теперь отъ другого.

Съ утра до завтрака сидимъ въ капонирахъ, на лекціяхъ, насыщаясь высокой премудростью, изучая искусство военной науки во всѣхъ отношеніяхъ, прикладныхъ и теоретическихъ.

Послѣ завтрака, накинувъ шинели, шумной ватагой направляемся въ манежъ, на верховую ѣзду.

Между прочимъ, къ большому моему удовлетворенію, я остался въ составѣ той же четвертой смѣны, у того же штабсъ-ротмистра Гиппіуса.

Борисъ Александровичъ чрезвычайно милъ и пріятенъ.

Онъ является, пожалуй, любимѣйшимъ офицеромъ Школы. Все подкупаетъ въ немъ, начиная отъ симпатичной внѣшности, вплоть до ярко выраженныхъ достоинствъ кавалерійскаго офицера.

Борисъ Александровичъ прежде всего — врагъ теоріи.

Онъ объясняетъ все и показываетъ, преимущественно, личнымъ примѣромъ. Такъ, во время ѣзды, нерѣдко садится самъ на упрямую, норовистую или, вообще, на „трудную“ лошадь, заставляетъ ее, безъ осѣчки, дѣлать ранверсы, траверсы, перемѣну ногъ на галопѣ, въ тугихъ шенкеляхъ ведетъ ее на барьеръ.

На волтижировкѣ прыгаетъ вмѣстѣ со смѣной.

На рубкѣ извлекаетъ свою конногренадерскую шашку и лихо, чистымъ ударомъ — разъ-разъ! срѣзаетъ всѣ хворостины.

Наконецъ, сидя на своемъ ворономъ, изумительно выѣзженномъ „Игрунѣ", держа поводъ въ зубахъ, показываетъ намъ высшую школу — пассажи, піаффе, галопъ теръ-à-теръ.

Мы восхищаемся и аплодируемъ.

Немудрено, что подъ руководствомъ такого инструктора четвертая смѣна сдѣлала за годъ большіе успѣхи и считается лучшей въ строевомъ отношеніи...

Особыхъ новостей въ Школѣ нѣтъ.

Ходятъ слухи о томъ, что „Плѣшакъ", въ самомъ дѣлѣ, получаетъ кавалерійскій полкъ и, въ скоромъ времени, покидаетъ училище.

Любопытно знать, кто будетъ вмѣсто него?

Адъютантомъ Школы, взамѣнъ выбывшаго Княжевича — интриганъ, подхалимъ, вообще, противный въ достаточной мѣрѣ типъ, назначенъ молодой Нижегородскій драгунъ, штабсъ-ротмистръ Дмитрій Александровичъ Лопухинъ.

Преподавателемъ артиллеріи, вмѣсто старика Христича, приглашенъ полковникъ Дурлахеръ — „Свѣтлая Личность". Онъ знаменитъ, какъ изобрѣтатель какого-то особеннаго лафета, чрезвычайно корректенъ по отношенію къ юнкерамъ и за одинъ выходъ къ доскѣ ставитъ шестерку.

Вмѣсто подслѣповатаго старца Бакшеева назначенъ военный юристъ, генералъ Чарторійскій, личность, къ сожалѣнію, далеко не столь благодушная.

Другихъ новостей, пожалуй, и нѣтъ.

Такъ же строгъ и отчетливъ „богъ ѣзды", ротмистръ Давыдъ Давыдовичъ Дитерихсъ, пользующійся общимъ признаніемъ и уваженіемъ, какъ образцовый инструкторъ, какъ подлинный „рыцарь безъ страха и упрека", по духу, по взглядамъ, по прививаемымъ имъ намъ понятіямъ.

Тѣмъ же предметомъ шутокъ является завѣдующій „штатскими изъ манежа“, бирюзовый штабсъ-ротмистръ Пономаревъ.

Такъ же чиститъ по зубамъ и кроетъ вѣстовыхъ матомъ эскадронный берейторъ, бравый вахмистръ Бѣлявскій:

— У, стерва!.. Холера!.. Свынячая морда!.. Чередниченко, вертай коней у тую манэжъ!

Такъ же, по вечерамъ, во всѣхъ взводахъ слышится смѣхъ, бренчитъ гитара, разносится лихая гусарская пѣсенка. Отъ нея не уйти, какъ не уйти отъ малиноваго звона корибутовъ, отъ лязганья венгерскихъ шпоръ:

„Когда впервые на меня
Вы такъ привѣтливо взглянули —
Какъ будто взяли въ шенкеля
И шпоры въ сердце мнѣ воткнули...“

Болѣе существенное наблюдается въ другомъ отношеніи.

Начальникъ училища рѣшилъ однимъ ударомъ покончить съ традиціями „славной гвардейской Школы“. Подъ страхомъ отдачи подъ судъ, новымъ отдѣльнымъ приказомъ, онъ запретилъ устраивать всякія сходки.

Такимъ образомъ чтеніе „Приказа по Курилкѣ“, волей-неволей, откладывается до болѣе благопріятнаго времени...

„Вы замундштучили меня,
Походнымъ вьюкомъ засѣдлали
И, какъ ремонтнаго коня,
Къ себѣ на корду привязали...“

Павелъ Адамовичъ категорически запретилъ цукать молодежь, устраивать корнетскій „обходъ“, носить собственную одежду.

„Плѣшакъ“, по неизвѣстной причинѣ, сталъ слѣдить за этимъ съ особой ретивостью, и если накроетъ кого либо въ мундирѣ съ кованымъ галуномъ, тотчасъ вооружается

огромными портняжными ножницами и лично рѣжетъ мундиръ, вдоль спины, на двѣ равныя половины.

Поэтому приходится держать собственную одежду у портного или въ городѣ у знакомыхъ.

„Я васъ люблю, какъ бранный пиръ,
Люблю, какъ представленье къ чину,
Люблю, какъ любитъ дисциплину
Изъ нѣмцевъ ротный командиръ...“

Между тѣмъ, по высочайшему повелѣнію, мы получили новую форму.

Къ сожалѣнію, далеко не ту, которую предполагали надѣть на себя, но все же достаточно изящную и элегантную. Нашъ гладкій, съ косымъ гвардейскимъ бортомъ, мундиръ украшенъ теперь двумя рядами золотыхъ пуговицъ съ двуглавымъ орломъ.

Что же касается чакчиръ и сабли — онѣ, въ теченіе нѣкотораго времени, поиграли нашимъ воображеніемъ и... улыбнулись.

Вся кавалерія нѣсколько перемѣнила свой внѣшній видъ

Почти всѣ полки получили такой же двубортный мундиръ, а разноцвѣтныя приборныя сукна сведены къ тремъ основнымъ цвѣтамъ — алому, синему, бѣлому.

И только.

Какъ мечтала армейская конница вернуть утраченныя, въ царствованіе покойнаго императора, нарядныя уланки, кирасирскіе колеты, гусарскіе ментики, доломаны, венгерки!

Какъ боевое отличіе сохраненъ лишь розовый цвѣтъ Псковичамъ, желто-вишневый Ахтырцамъ, да малиновый для полковъ кавказской кавалерійской дивизіи.

Такимъ образомъ, бирюзовый штабсъ-ротмистръ Пономаревъ сталъ неожиданно бѣлымъ. Вмѣсто бирюзы съ серебромъ, онъ носитъ теперь золото съ бѣлымъ. Это украсило его въ незначительной степени, но дало поводъ для очередныхъ шутокъ.

— Корроче и въ шенкеляхъ! — огрызается „Балалайка“ и угрожаетъ посадить подъ арестъ...

„Примите жъ исповѣдь мою,
Я, какъ по службѣ рапортую,
Что я васъ болѣе люблю,
Чѣмъ пуншъ и лошадь скаковую...“

Между тѣмъ, вѣетъ дыханіе сѣверной осени.

Все одѣлось въ сухой осенній багрянецъ.

Дни стали ясными, бодрыми и прохладными... Пожелтѣлъ совсѣмъ училищный скверъ... Косыми шеренгами птицы летятъ на закатъ...

Наступаетъ пора листопада.

Вѣтеръ обрываетъ съ деревьевъ золотые червонцы, кружитъ по воздуху и, мягко шурша, ложатся на землю сухіе кленовые листья... Какъ бездомныя сироты, кружатся листья, усыпаютъ дорожки и шуршатъ, шуршатъ, шуршатъ...

8.

Сегодня, по случаю приведенія „звѣрей“ къ присягѣ вся Школа на вечернемъ представленіи въ циркѣ.

Это тоже одна изъ нашихъ маленькихъ традицій, на которую Павелъ Адамовичъ не обращаетъ пока вниманія.

Весь четвертый рядъ креселъ, точно макомъ, залитъ алымъ огнемъ драгунокъ. Сверкаютъ лосиныя портупеи, перчатки, трехцвѣтные кушаки. Публика глядитъ на насъ съ любопытствомъ, многіе съ нескрываемымъ восхищеніемъ.

А на аренѣ идетъ парадное представленіе, съ эквилибристами, акробатами, наѣздницами-гротескъ, съ высшей школой ѣзды, шутовской клоунадой и дебютомъ королей воздуха — „танцами смерти“.

Сципіоне и Люція Чинизелли — онъ средняго роста,

съ чернымъ капулемъ и выдающимся впередъ подбородкомъ, слегка припадающій на ногу, во фракѣ и лаковыхъ туфляхъ, она — рослая породистая свѣтловолосая дама, съ пышною грудью, въ богато затканномъ серебристыми блестками блѣдно-голубомъ туалетѣ—подъ музыку вѣнскаго вальса, выводятъ и показываютъ дрессированныхъ лошадей, заставляютъ продѣлывать сложныя эволюціи, бѣгать по кругу собранной рысью, манежнымъ галопомъ, оригинальною каруселью, попарно кружиться, по знаку бича взвиваться неожиданно на дыбы...

Я сижу между Дробышевскимъ и Громовымъ.

Мы любуемся зрѣлищемъ и одновременно наблюдаемъ ложи и нижнія кресла партера.

Здѣсь сидитъ цвѣтъ столичной аристократіи. Мы видимъ женщинъ высшаго круга, въ обществѣ такихъ же мужчинъ, элегантныхъ, подтянутыхъ, одѣтыхъ по послѣдней картинкѣ.

Бѣлѣютъ фуражки кавалергардовъ, конногвардейцевъ, офицеровъ кирасирской бригады. Очень много офицеровъ второй гвардейской дивизіи, по преимуществу, лейбъ-уланъ и царскосельскихъ гусаръ. Они сидятъ въ ложахъ цѣлыми группами, перекинувъ черезъ колѣно кривыя сабли, смѣясь, оживленно жестикулируя, бросая вслухъ замѣчанія.

Тутъ же, въ сосѣднихъ ложахъ, сидятъ артисты, артистки, балетныя звѣздочки, извѣстныя столичныя демимонденки...

Во время антрактовъ мы покидаемъ наши мѣста и проходимъ въ конюшни.

Въ отдѣльныхъ станкахъ, обильно выложенныхъ свѣжей соломой, разукрашенные ремнями убора, съ разноцвѣтными султанчиками на челкахъ, въ щегольскомъ туалетѣ, на диво вычищенные, отливающіе атласомъ, стоятъ гнѣдые, рыженькіе, вороные красавцы.

Они нервно бьютъ передней ногой, мотаютъ тонкими головами, тянутся за сухаремъ или кускомъ сахара.

Тутъ же стоятъ огромныя широкозадыя лошади для волтижа, крошечные шотландскіе пони, легкіе скакуны для жокеевъ-парфорсъ.

Снова гремитъ оркестръ и ярко вспыхиваетъ электрическій свѣтъ.

Жужжанье и гулъ голосовъ разносится по всему цирку. Билетеры усаживаютъ замѣшкавшихся посѣтителей. Между креселъ партера шныряютъ мальчишки въ бѣлыхъ костюмахъ, съ бѣлыми колпаками на головахъ, торгуя шоколадомъ и фруктовой водой. Цѣлая фаланга лакеевъ, въ красныхъ, расшитыхъ на груди золотыми позументами фракахъ, двумя шеренгами выстроилась у входа.

А на аренѣ, на этотъ разъ, „чудо техники и изящества", въ лицѣ молодой дѣвушки и партнера — великолѣпный пластическій актъ, въ которомъ женская грація соперничаетъ съ мужскою силой.

Потомъ слѣдуетъ выходъ музыкальныхъ эксцентриковъ, воздушныхъ гимнастовъ, жонглеровъ, дебютъ человѣка-змѣи, появленіе оригинальной собачьей труппы, наполняющей циркъ веселымъ звонкимъ оглушительнымъ лаемъ...

Когда смолкли апплодисменты и начался очередной номеръ, Дробышевскій внезапно дернулъ меня за рукавъ.

— Посмотри, посмотри! — воскликнулъ Станиславъ Станиславовичъ, указывая глазами на противоположную ложу. Лицо его неожиданно оживилось, въ глазахъ загорѣлись острые огоньки.

— Это же Танька! — произнесъ Дробышевскій. — Что ты скажешь?

Я взглянулъ по указанному мнѣ направленію и, въ самомъ дѣлѣ, въ группѣ молодыхъ женщинъ, рядомъ съ толстымъ пожилымъ мужчиной, въ цилиндрѣ, въ богатомъ бобровомъ воротникѣ, различилъ знакомое лицо.

Это была Танечка Сладкодухова.

Она была одѣта въ модное котиковое манто. На свѣтлой головкѣ красиво сидѣла большая черная шляпа

съ бѣлыми перьями. На рукахъ сверкали браслеты и перстни, а на фонѣ шелковой блузки виднѣлась крупная нить изъ фальшивыхъ алмазовъ.

Танечка звонко смѣялась, обмахивалась вѣеромъ, кидала по сторонамъ вызывающія улыбки.

Дробышевскій былъ озадаченъ и уязвленъ.

Его блѣдное лицо неожиданно потемнѣло.

— Шкура! — процѣдилъ онъ сквозь зубы. — Видалъ-миндалъ?.. Сдѣлала блестящую партію!

9.

Громовъ, съ переходомъ на старшій курсъ, какъ и слѣдовало ожидать, далъ волю своей болѣзненной страсти и напивается теперь каждый день.

Вмѣстѣ съ Гаврюшкой Мятлевымъ онъ направляется передъ завтракомъ въ эскадронный буфетъ и тамъ, при содѣйствіи лакеевъ, достаетъ водку.

По субботамъ же, пользуясь обычнымъ отсутствіемъ Артемія Петровича, устраиваетъ пирушки на дядюшкиной квартирѣ.

Я равнодушенъ къ вину.

Я не считаю себя абсолютнымъ трезвенникомъ. Напротивъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, даже не прочь провести время въ веселой компаніи, за дружескою бесѣдой и бутылкой хорошей мадеры или портвейна. Но буйныя, разнузданныя попойки вызываютъ во мнѣ отвращеніе.

Пьяныя же оргіи съ женщинами легкаго поведенія внушаютъ чувства нѣкоторой неловкости, смущенія и, пожалуй, даже стыда.

Но меня привлекаетъ другое.

Точно желѣзо къ магниту, меня притягиваетъ сукно карточнаго стола, борьба соблазнительныхъ шансовъ, не покидающая меня увѣренность однимъ удачнымъ ударомъ вернуть свои деньги.

Я расплатился съ долгами, но покончить съ азартной игрой не сумѣлъ. Больше того, твердыми рѣшительными

шатами я снова сталъ на тропу, которая, въ чемъ я не сомнѣваюсь, приведетъ меня къ блестящей побѣдѣ.

По этой причинѣ, я продолжаю аккуратно посѣщать громовскіе „субботники".

Я провожу для приличія часъ-другой въ шумной пирушкѣ, послѣ чего, въ обществѣ Фрэда и нѣсколькихъ постоянныхъ партнеровъ, перехожу въ хорошо знакомый мнѣ дядюшкинъ кабинетъ...

„Субботникъ" оживляется бойкими дѣвочками изъ веселящихся петербургскихъ круговъ, начинающими хористками, молоденькими танцовщицами кордебалета, приглашаемыми по рекомендаціи Фрэда.

Иногда приглашается цыганскій хоръ, съ гитаристами, плясуньями, съ молодыми цыганками, выводящими низкими грудными голосами:

„Эй, ямщикъ, вези-ка къ Яру,
Лошадей ты не гони..."

Но это бываетъ сравнительно не такъ часто.

Гаврюшка Мятлевъ и Громовъ, со своею „всепьянѣйшей компаніей", предпочитаютъ холостую пирушку всякому обществу женщинъ. Послѣднія, волей-неволей, заставляютъ окружающихъ слѣдить за собой, подтягиваться, избѣгать грубыхъ шутокъ и двусмысленныхъ выраженій.

„Тройка мчится, тройка скачетъ,
Вьется пыль изъ подъ копытъ,
Колокольчикъ звонко плачетъ,
То хохочетъ, то звенитъ.
Ѣду, ѣду, ѣду къ ней,
Ѣду къ любушкѣ своей!..."

На одномъ изъ „субботниковъ" игра шла крупнѣе обыкновеннаго.

Фрэдъ, раскраснѣвшійся отъ возбужденія и вина, пон-

тировалъ, держалъ банкъ, по обыкновенію развлекалъ прибаутками, щеголялъ виртуозными „бо-мо“, сыпалъ острыми юнкерскими словечками.

На этотъ разъ, однако, счастье покинуло Фрэда.

Онъ проигралъ всѣ наличныя деньги и перешелъ „на мѣлокъ“.

— Невозможно играть! — ругался „Душа Общества“. — Прямо гробъ!

Банкъ держалъ князь Шелешпанскій.

Это былъ человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, съ блѣднымъ, помятымъ, изборожденнымъ преждевременными морщинами лицомъ, съ широко отставленными, словно у нетопыря, ушами, съ рѣдкой растительностью на крошечной плоской головкѣ, съ тонкимъ, непріятнымъ, визгливымъ голосомъ.

Его движенія были порывисты и нервны. Въ его маленькихъ, нѣсколько прищуренныхъ глазахъ, съ опухшими вѣками, наблюдалась пресыщенность, утомленіе, вялость. Во время игры онъ приходилъ въ сильное возбужденіе, пилъ вино, не переставая курилъ папиросу за папиросой.

По всему его виду, по манерамъ и по походкѣ можно было безошибочно заключить, что человѣкъ этотъ отдалъ щедрую дань излишествамъ и пороку.

Съ перваго дня знакомства, князь Олегъ Ивановичъ Шелешпанскій, подобно Фрэду, проявилъ ко мнѣ интересъ, съ учтивостью сказалъ рядъ любезныхъ фразъ, предложилъ на досугѣ посѣтить его квартиру на Колокольной.

Нѣсколько разъ, въ теченіе вечера, его глаза останавливались на мнѣ съ какимъ-то непонятнымъ для меня любопытствомъ.

Это смущало меня и раздражало...

Игра закончилась на разсвѣтѣ.

Я отдѣлался сравнительно незначительнымъ проигрышемъ, въ то время, какъ Фрэдъ, пажъ Веригинъ, гардемаринъ Пилкинъ 12 и молодой лицеистъ Вонлярлярскій пострадали на довольно крупную сумму.

Всѣ деньги перешли къ князю.

Мы вышли на улицу всею компаніей. Уже занималась

стылая утренняя заря. Свѣжій вѣтерокъ пріятно щекоталъ щеки. На пустынномъ безоблачномъ небѣ гасли послѣднія звѣзды и, съ каждой минутой, все шире и ярче разливался свѣтъ пробудившагося дня.

Дойдя до угла, мы разстались.

Одни повернули въ сторону Невскаго, другіе по направлѣнію къ Московской и Коломенской части.

Фрэдъ сѣлъ на извозчика, обгоняя сдѣлалъ ручкой и закричалъ:

— Черкесовъ, значитъ, какъ сказано?... До слѣдующей субботы!... Заметано, капралъ?.. Въ семь часовъ!.. У меня!..

10.

Не взирая на строжайшее запрещеніе Павла Адамовича, юнкерскій цукъ продолжается.

Онъ свирѣпствуетъ, правда, далеко не въ той степени, нежели въ прошломъ году. Тѣмъ не менѣе, ежедневно, во взводахъ, въ коридорахъ, на средней площадкѣ, идетъ муштровка „звѣрей".

Ежедневно, во всѣхъ углахъ, съ утра до поздняго вечера, звучатъ команды и крики:

— Молодой Альбрехтъ, кто шефъ Клястицкаго полка?

— Ничего подобнаго!

— Кру-гомъ!

— Узнайте!..

— Молодой Козловскій, сколько серебряныхъ трубъ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку?

— Кру-гомъ!

— Ать-два!.. Ногу выше!.. Отчетливѣй!..

— Сугубый Збышевскій, какая масть въ Александрійскомъ полку?

— Черная, господинъ корнетъ!

— Что вы?... Ошалѣли, сугубый?.. Черная?.. Ха-ха-ха!. Пора бы знать!.. Не черная, а вороная!.. Пачку нарядовъ!.. Явитесь вахмистру!

— Молодой Турчаниновъ, что на мундштукахъ кирасирской дивизіи?

— Ничего подобнаго!

— Кру-гомъ!

— Зицу больше!..

— Молодой Куницкій, что такое панталеръ?

— Правильно, молодой!

— Примите корнетское спасибо!..

Каждый разъ, передъ вечернею перекличкой, изъ четвертаго взвода, съ неизмѣнной пушкинскою гитарой въ рукахъ, появляется на средней площадкѣ Дробышъ-Дробышевскій.

Теперь на его головѣ малиновая съ зеленой тульей и бѣлыми кантами фуражка Гродненскаго гусара. Въ этотъ полкъ онъ собирается выходить. По его мнѣнію, малиновый цвѣтъ идетъ ему больше другого. Переиначивая на новый ладъ старую пѣсенку, онъ дергаетъ струны и выводитъ фальшивымъ голосомъ:

„А-а-афицеръ выходитъ въ Гродненцы,
Въ Гродненцы,
Въ Гродненцы!..“

При его появленіи, молодежь застываетъ на мѣстахъ, настораживается, робѣетъ. Дробышевскій муштруетъ жестоко, несправедливо, придирается къ каждому слову, задаетъ каверзные вопросы:

— Молодой баронъ Раденъ, какія подковы въ четвертомъ эскадронѣ лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка?

Высокій, румяный баронъ, заикаясь отъ волненія, отвѣчаетъ:

— Жел-лѣзныя, господинъ корнетъ!

Дробышевскій мгновенно вспыхиваетъ:

— Ничего подобнаго!

— Кру-гомъ!.. Кру-гомъ!

— Сталь-льныя, господинъ корнетъ!

— Ничего подобнаго!.. Ошалѣли, сугубый? — свирѣпѣетъ Станиславъ Станиславовичъ. — Въ четвертомъ эскадронѣ подковы обыкновенныя!.. Пора бы знать!.. Кру-гомъ!.. Три наряда не въ очередь!..

Въ своемъ усердіи онъ переходитъ границы.

Такъ напримѣръ, юнкера моего взвода Титова, за какой-то пустякъ, онъ повернулъ налѣво-кругомъ сто одинъ разъ, по числу выстрѣловъ императорскаго салюта.

Того же взвода, образцоваго юнкера Бориса Панаева, не имѣя на то ни малѣйшаго права, лишилъ отпуска на двѣ недѣли.

Другихъ, точно наслаждаясь мучительствомъ, выдерживалъ „подъ-шашкой" въ теченіе полутора — двухъ часовъ. Третьимъ, опять таки безъ всякаго права и серьезнаго основанія, щедро раздавалъ внѣочередные наряды.

Нѣсколько разъ я дружески убѣждалъ Дробышевскаго смягчить манеру своего поведенія. Цукъ имѣетъ оправданіе, если онъ обоснованъ, справедливъ, не хлещетъ по самолюбію. Въ противномъ случаѣ, превращается въ издѣвательство. Каждый разумный человѣкъ сумѣетъ провести грань между дозволеннымъ и недозволеннымъ.

На мои доводы Дробышевскій отвѣчалъ хохотомъ, гримасой, язвительными насмѣшками.

— Оставь! — обычно говорилъ Дробышевскій. — Вотъ новости?.. Это мнѣ нравится?.. Меня цукали и я буду цукать!.. Принципіально!.. Скажите пожалуйста, какой заступникъ нашелся!

— Но вѣдь ты себя Богъ знаетъ, что позволяешь?.. Я вижу собственными глазами!.. Отъ тебя житья нѣтъ!.. Ты дѣлаешь гадости!.. Удивляюсь, какъ никто еще не закатилъ тебѣ по физіономіи?

— Ха-ха-ха-ха! — захохоталъ Станиславъ Станиславовичъ и свистнулъ.—Хотѣлъ бы я посмотрѣть?... Уби-

райся-ка лучше со своими проповѣдями!.. Все равно, ни къ чему!... Трррепещи, молодежь!

Его наглый тонъ вывелъ меня изъ себя.

— Такъ знай, что я тебѣ запрещаю! — произнесъ я глухимъ отъ бѣшенства голосомъ. — Понялъ?.. Запрещаю, какъ взводный!.. По крайней мѣрѣ, въ отношенiи моего взвода!.. Ты отвѣтишь мнѣ за первое же издѣвательство!

Дробышевскiй съ изумленiемъ посмотрѣлъ на меня.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но осѣкся.

На минуту воцарилось молчанiе.

Затѣмъ, внезапно перемѣнивъ тонъ, протянулъ руку и проговорилъ:

— Чортъ съ тобой!.. Не будемъ ссориться!.. Твоихъ „звѣрей“ я трогать не буду!

И мы разошлись, глядя другъ на друга волками...

11.

Въ ближайшiй отпускной день, я одѣлся и поѣхалъ на Моховую.

Черезъ полчаса уже стоялъ у подъѣзда мрачнаго, непривѣтливаго особняка и, пройдя вестибюль, по широкой, устланной бархатнымъ ковромъ лѣстницѣ, съ нѣкоторымъ волненiемъ, подымался наверхъ

Графиня Евдокiя Валерьяновна приняла меня съ особымъ радушiемъ.

Трехдневное пребыванiе въ Графскомъ, прогулки и бесѣды на различныя темы въ тѣнистомъ уголкѣ сада и въ аллеяхъ стараго парка, а главнымъ образомъ, совмѣстная жизнь въ усадьбѣ, безспорно сблизили насъ, придали знакомству болѣе прочный характеръ, вызвали съ обѣихъ сторонъ чувства симпатiи, довѣрiя, дружбы.

Деревенская жизнь отразилась на здоровьи Евдокiи Валерьяновны самымъ благотворнымъ образомъ. Она посвѣжѣла, нервы пришли въ порядокъ, припадки мигрени больше не повторялись.

— Здравствуйте, Георгій Петровичъ! — проговорила, съ улыбкой, Евдокія Валерьяновна своей обычной манерой, слегка грассируя и растягивая слова, что придавало имъ оттѣнокъ извѣстнаго шарма. — Очень рада васъ видѣть!.. Не забыли, какъ вижу?.. Ну, садитесь, мой другъ, разсказывайте, что у васъ новенькаго?

Я поцѣловалъ руку и сѣлъ.

— Мы уже двѣ недѣли, какъ въ городѣ! — продолжала Евдокія Валерьяновна. — Время бѣжитъ изумительно!.. Нэспа?.. Помните Графское?.. Ну, точно вчера!.. Не правда ли?

Графиня на минуту остановилась.

— Михаилъ Николаевичъ тоже вернулся!.. Затраничныя воды не принесли ему облегченія!.. Развѣ только карману! — протянула она съ легкой, чуть замѣтной усмѣшкой. — Похудѣлъ еще больше! Жалуется снова на печень!.. Вообще, видъ не авантажный!.. Ну, разсказывайте, что новенькаго у васъ?

Графиня опустила лорнетъ и откинулась на подушку дивана...

Въ нѣсколькихъ словахъ я передалъ послѣднія впечатлѣнія о Павлиновкѣ, объ отъѣздѣ въ столицу, о прибытіи въ Школу и послѣдовавшихъ въ ней перемѣнахъ. Вскользь, съ скромнымъ достоинствомъ, упомянулъ о своемъ производствѣ.

— Ну, смотрите, какой вы молодецъ! — улыбнулась Евдокія Валерьяновна и поднесла лорнетъ къ глазамъ. — Представьте, я даже не замѣтила!.. Въ самомъ дѣлѣ — нашивки, офицерскій темлякъ!.. Mes compliments... Очень мило!.. Agréez mes felicitations!... Поздравляю!.. Дима и Анечка будутъ очень довольны!.. Вѣдь Димочка бредитъ вами?.. Онъ положительно въ васъ влюбленъ?.. Погодите, я ихъ сейчасъ позову!..

Евдокія Валерьяновна приподнялась и нажала кнопку звонка.

Сердце мое забилось.

Едва удерживая волненіе, я повернулся къ дверямъ.

На порогѣ уже стоялъ маленькій пажикъ. Увидѣвъ меня, онъ подскочилъ ко мнѣ, въ одно мгновенье влѣзъ на колѣни, обвилъ руками шею. Его розовая полная мордочка глядѣла на меня съ подкупающей ласковостью и восхищеніемъ.

Я крѣпко его поцѣловалъ и потрепалъ по пухлой щекѣ.

— Видите? — сказала, засмѣявшись, Евдокія Валерьяновна. — Вашъ маленькій другъ въ восторгѣ!.. Дима уже давно про васъ спрашивалъ!.. Когда пріѣдетъ Георгій Петровичъ?.. Почему не пріѣзжаетъ Георгій Петровичъ?.. Скучаетъ безъ васъ!.. Вы доставили егу огромное удовольствіе!

Раскраснѣвшійся Дима слѣзъ съ колѣнъ, сѣлъ рядомъ и тотчасъ замѣтилъ мои оранжевыя нашивки.

— Ого! — произнесъ онъ. — Мамочка, онъ взводный портупей-юнкеръ!

Сердце мое снова забилось.

— Тукъ-тукъ! — заработалъ таинственный молоточекъ и я снова повернулся къ дверямъ...

12.

Первое, что я увидѣлъ, это были бѣлокурые локоны, пышной, мягкой, золотистой волной обрамлявшіе слегка загорѣвшее личико.

Потомъ я увидѣлъ большіе голубые глаза, въ которыхъ, на мгновенье, какъ мнѣ показалось, блеснулъ огонекъ и тотчасъ погасъ.

Анечка, какъ всегда, вошла неторопливой походкой, съ милой застѣнчивостью мнѣ улыбнулась, поздоровалась и скромно присѣла рядомъ съ Евдокіей Валерьяновной.

Она была въ простомъ сѣренькомъ платьѣ, отдѣланномъ такимъ же простенькимъ кружевомъ на вырѣзѣ шейки и рукавахъ, что по сравненію съ пышнымъ нарядомъ Евдокіи Валерьяновны, придавало ей видъ сиротки, бѣд-

ной дѣвушки, взятой на воспитаніе, не имѣющей средствъ одѣваться иным образомъ.

Но это не умаляло ея достоинствъ.

Напротивъ, въ моихъ глазахъ, въ этомъ скромномъ платьицѣ она выигрывала еще больше. Въ стократъ сильнѣе подчеркивалась ея свѣтлая, чистая, лучезарная прелесть, охватывавшая меня чувствомъ невыразимаго восхищенія.

— Анечка, ты знаешь, онъ взводный? — съ важностью произнесъ Дима. — Ты вѣдь его еще не поздравила!

Анечка повернулась ко мнѣ.

Въ эту минуту раздался звонокъ, послышались чьи-то шаги и въ комнату, постучавъ въ дверь, вошелъ графъ Михаилъ Николаевичъ...

Я не видѣлъ его уже въ теченіе полугода.

Въ самомъ дѣлѣ, графъ сильно перемѣнился. Онъ похудѣлъ, его высокая, статная, тонко очерченная фигура, какъ будто, даже нѣсколько сгорбилась. На гладко зачесанныхъ волосахъ, въ усахъ и въ небольшой, подстриженной клинушкомъ бородкѣ, появились сѣдыя нити.

— Георгій Петровичъ? — взглянувъ на меня, произнесъ графъ своимъ мягкимъ, спокойнымъ, какъ всегда выдержаннымъ, невольно располагающимъ голосомъ. — Очень радъ, милый другъ!.. Какъ поживаете?.. Давно съ вами не видѣлись!

Графъ тепло со мной поздоровался, поцѣловалъ дѣтей, почтительно прикоснулся къ рукѣ Евдокіи Валерьяновны.

— Эдокси! — обратился онъ къ женѣ, и лицо его приняло на минуту серьезное выраженіе. — Представь, мой другъ, пріемъ во дворцѣ отмѣненъ!.. И повидимому, на неопредѣленное время!.. Ея величество снова чувствуетъ себя не вполнѣ здоровой!

— Въ самомъ дѣлѣ? — съ оттѣнкомъ искренняго сочувствія произнесла Евдокія Валерьяновна. — Бѣдная!.. Опять въ положеніи?

— Похоже на это! — улыбнулся Михаилъ Николаевичъ. — Имперія желаетъ имѣть наслѣдника!.. Во всякомъ случаѣ, пріема не будетъ!

Графъ сказалъ еще нѣсколько словъ, пошутилъ съ дѣтьми, закурилъ папиросу, послѣ чего повернулся ко мнѣ и уже, въ теченіе всего времени, не отпускалъ отъ себя.

Затѣмъ, по обыкновенію, я остался обѣдать...

Обѣдъ прошелъ весьма оживленно и даже въ нѣсколько повышенномъ настроеніи, въ особенности, когда графъ приказалъ подать бутылку „Абрау-Дюрсо“ и, по случаю моего производства, произнесъ привѣтственный тостъ.

Улыбнувшись, онъ позвонилъ по бокалу и, не вставая, обратился ко мнѣ съ небольшой рѣчью.

— Итакъ, дорогой Георгій Петровичъ, разрѣшите, въ нашемъ тѣсномъ семейномъ кругу, выразить вамъ пожеланіе дальнѣйшихъ успѣховъ! — произнесъ графъ заключительныя слова. — Мы оцѣнили васъ и смотримъ, какъ на близкаго намъ человѣка!.. Отъ добраго сердца пьемъ ваше здоровье!

Графъ поднялъ бокалъ, Димка крикнулъ „ура!“ Евдокія Валерьяновна и Анечка засмѣялись.

Послѣ кофе, графъ поднялся съ мѣста.

— Эдокси, мой другъ, ты меня извинишь! — сказалъ Михаилъ Николаевичъ и взглянулъ на часы. — У министра въ восемь назначено засѣданіе!... Эти вопросы государственной важности, эти междувѣдомственныя собранія меня окончательно доконаютъ!.. Бѣда!

Онъ снова поцѣловалъ руку женѣ, сдѣлалъ общій поклонъ и удалился.

Я сидѣлъ до поздняго вечера.

Мнѣ не удалось поговорить съ Анечкой наединѣ.

Но въ ея глазахъ, время отъ времени украдкой останавливавшихся на мнѣ, я прочелъ, точно въ раскрытой книгѣ, нѣсколько такихъ строкъ, отъ которыхъ сладко сжималось сердце и едва уловимая дрожь теплой волной пробѣгала по тѣлу...

13.

Каждую субботу, по окончаніи строевыхъ занятій, я направляюсь на Васильевскій Островъ, къ тетушкѣ Маріи Васильевнѣ.

Я обѣдаю у нея и провожу нѣкоторое время.

Сидя подлѣ поющаго самовара, въ своемъ глубокомъ вольтеровскомъ креслѣ, тетушка занимаетъ меня бесѣдой, разспрашиваетъ о жизни въ Школѣ, о службѣ, о классахъ, объ общихъ знакомыхъ, погружается нерѣдко въ личныя воспоминанія.

Иногда, связанная дѣлами благотворительности, выѣзжаетъ на засѣданіе дамъ-патронессъ или въ дѣтскій пріютъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда чувствуетъ себя не вполнѣ здоровой, располагается на мягкомъ диванѣ и отдыхаетъ.

Я направляюсь въ отведенную мнѣ комнату, перелистываю альбомы, иллюстрированные журналы, иностранные каталоги.

Съ наступленіемъ вечера, сославшись на желаніе прослушать всенощную въ Казанскомъ соборѣ, или посѣтить общедоступную лекцію въ Соляномъ Городкѣ, или же просто, подъ предлогомъ приглашенія на танцовальную вечеринку къ одному изъ школьныхъ пріятелей, прощаюсь съ тетушкой и покидаю ея маленькую квартирку.

Тантъ Мари не чинитъ мнѣ, въ этомъ отношеніи, ни малѣйшихъ препятствій.

По ея мнѣнію, посѣщеніе храма или ученаго общества дѣлаетъ честь молодому кавалерійскому юнкеру, удерживая его отъ многихъ столичныхъ соблазновъ. Что же касается танцевъ, послѣдніе облагораживаютъ натуру, способствуютъ развитію изящныхъ манеръ и умѣнью держать себя въ обществѣ.

Я сажусь на извозчика и ѣду на Офицерскую...

Я пріѣзжаю обыкновенно тогда, когда „субботникъ“ уже находится, такъ сказать, въ нѣкоторомъ разгарѣ и

большинство участниковъ даже не замѣчаютъ моего появленія.

Выпивъ нѣсколько рюмокъ водки и наскоро закусивъ, я перехожу въ кабинетъ.

Къ этому времени, одинъ за другимъ, собираются всѣ партнеры — Фрэдъ, пажъ Веригинъ, лицеистъ Вонлярлярскій, „маіоръ“ Зубаловъ и прочіе.

Игра серьезная, напряженная, съ перемѣнными шансами, со склоненіемъ вѣсовъ удачи то на одну, то на другую сторону, продолжается до разсвѣта.

Къ четыремъ часамъ утра я возвращаюсь домой.

Въ моемъ карманѣ имѣется ключъ отъ квартиры.

Такимъ образомъ, я никого не тревожу...

За завтракомъ, привѣтствовавъ меня съ добрымъ утромъ, освѣдомившись, по обыкновенію, о здоровьи, тетушка Марія Васильевна разспрашиваетъ о проведенномъ вечерѣ, о предметѣ доклада въ Соляномъ Городкѣ, о вынесенномъ мною впечатлѣніи и прочихъ деталяхъ.

Шарлотта Ивановна трясетъ одобрительно головой, шамкаетъ англійскія слова:

— Very well!.. Beautiful!„

Кухарка Глаша, опершись о косякъ двери, со вниманіемъ выслушиваетъ мои объясненія и, порой, лукаво смѣется.

Первое время эти бесѣды за утреннимъ завтракомъ положительно причиняли страданія. Приходилось быть на чеку, слѣдить за каждымъ словомъ, прежде нежели выпустить его изъ устъ. Въ концѣ-концовъ, я выработалъ сноровку лгать весьма искуснымъ и беззастѣнчивымъ образомъ...

Послѣ завтрака, подъ предлогомъ посѣщенія Эрмитажа или просто, въ цѣляхъ небольшой прогулки по городу, я уѣзжаю на Моховую, къ графинѣ Евдокіи Валерьяновнѣ.

Тантъ Мари и въ этомъ случаѣ относится ко мнѣ съ полной довѣрчивостью. Если я не пріѣзжаю къ обѣду или

даже вовсе не возвращаюсь домой, это ее теперь не безпокоитъ.

Въ слѣдующій пріѣздъ я объясняю причину...

На Моховой я провожу теперь почти каждое воскресенье.

За послѣднее время я чрезвычайно сблизился съ этой милой семьей. Мой визитъ встрѣчается съ сердечнымъ радушіемъ. Я отвѣчаю тѣмъ же теплымъ, искреннимъ, почтительнымъ отношеніемъ. Само собой разумѣется, центральной фигурой, привлекающей меня въ этотъ домъ, является Анечка.

Съ каждымъ своимъ посѣщеніемъ, я убѣждаюсь все больше, что мое увлеченіе начинаетъ принимать серьезный характеръ. Я чувствую, какъ незримыя, но прочныя нити связываютъ меня все сильнѣй съ этой дѣвушкой. Ея присутствіе опьяняетъ меня, точно легкое, душистое, возбуждающее вино. Ея общество, бесѣды съ нею, маленькія интимныя шалости — доставляютъ мнѣ величайшее наслажденіе...

Что касается Димки, тотъ всецѣло находится подъ моимъ обаяніемъ.

Розовый пажикъ не отпускаетъ меня ни на шагъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ, широко раскрывъ глаза, выслушиваетъ мои разсказы о Школѣ, о конскихъ породахъ и экстерьерѣ, о знакахъ отличія, о службѣ въ кавалерійскихъ частяхъ, о знаменитыхъ подвигахъ конницы на поляхъ сраженій.

Не взирая на свои десять лѣтъ, онъ искусно разбирается теперь во многихъ вещахъ.

Такъ напримѣръ, безошибочно опредѣляетъ разницу между этишкетомъ и ментишкетомъ, между супервестомъ кавалергарда и конногвардейца, между вальтрапомъ улана или коннаго гренадера...

Иногда мы предпринимаемъ небольшую прогулку.

Въ этихъ случаяхъ я принимаю на себя роль гувернера, и выступаю, имѣя Диму и Анечку по бокамъ.

Мы проходимъ по Моховой, сворачиваемъ на Сергіевскую и, черезъ нѣсколько минутъ уже стоимъ на набережной Невы.

Плавно несетъ рѣка свои мощныя студеныя воды.

Осенній вѣтеръ обрываетъ пожелтѣвшіе листья съ кленовъ и липъ Лѣтняго Сада, кружитъ надъ чугунной рѣшеткой и гонитъ по мостовой.

Гулко разносится стукъ копытъ по торцамъ.

И далеко, безконечною лентой, уходитъ сѣдой камень дворцовъ.

14.

Юнкера старшаго класса имѣютъ всѣ преимущества передъ „звѣрями". Мы пользуемся всѣми удобствами и предпочтеніями. Такъ, насъ отпускаютъ въ городъ не только по субботамъ и праздничнымъ днямъ, но даже среди недѣли.

Въ исключительныхъ случаяхъ, съ разрѣшенія эскадроннаго командира, можно быть отпущеннымъ въ любой день.

Я широко пользуюсь этимъ правомъ и устраиваю себѣ маленькій отдыхъ каждый четвергъ...

На Караванной улицѣ, не доѣзжая цирка, меня увидѣлъ Фрэдъ и замахалъ тростью.

Извозчикъ остановился.

— Здравствуй, Черкесовъ! — произнесъ баронъ, стягивая перчатку и обмѣниваясь рукопожатіемъ. — Значитъ, какъ сказано?.. Въ субботу, въ семь часовъ, у меня!.. Заметано?.. Уговоръ дороже денегъ!.. Будетъ игра!.. Покажемъ имъ, капралъ, гдѣ раки зимуютъ!

„Душа Общества" скосилъ, по привычкѣ, ротъ и захохоталъ.

Черезъ минуту лицо его приняло серьезное выраженіе. Съ таинственнымъ видомъ онъ прикоснулся къ моему плечу и сказалъ:

— Mon cher, прими дружескій совѣтъ, предупрежде-

ніе, нравоученіе, называй, какъ хочешь, но къ шестеркѣ не прикупай!.. Жамэ!.. Ни въ какомъ случаѣ!.. Вообще, избѣгай сложныя комбинаціи!... Играй проще!.. Безъ импровизацій, безъ вдохновеній!.. Это тебя губитъ!.. Парбле!.. Шампетръ!.. Суасантъ нефъ!

Баронъ на мгновенье задумался.

— А въ послѣдній-то разъ ловко меня подковали! — продолжалъ „Душа Общества". — Четыре попа отдалъ, тютелька въ тютельку!.. Удивительный случай!.. Да, кстати! — добавилъ онъ, выразительно взглянувъ на меня. — Князь Шелешпанскій чрезвычайно тобой интересуется!.. Ты ему нравишься!.. Можешь извлечь изъ этого пользу!

Передо мной тотчасъ выросло блѣдное, помятое, искривленное нервною судорогою лицо, глаза съ опухшими вѣками, влажныя руки, шатающаяся походка...

Я брезгливо поморщился и улыбнулся.

— Напрасно, напрасно! — замѣтилъ Фрэдъ и, вскинувъ монокль, даже сталъ одной ногой на подножку. — Ты его недостаточно оцѣнилъ!.. Коренной рюриковичъ!.. Послѣдній представитель славнаго рода!.. А главное, — тутъ баронъ понизилъ голосъ до шопота, — богатъ мошенникъ, какъ Крезъ!.. Онъ тобой чрезвычайно интересуется!.. Прими это къ свѣдѣнію!

Я покраснѣлъ и, едва сдерживая себя, произнесъ:

— Если онъ будетъ мною интересоваться, передай, что я разобью ему морду... Вотъ и все!

Фрэдъ снова захохоталъ:

— Ха-ха-ха-ха!.. Ну, зачѣмъ же такъ строго?.. Кэль выражансъ деванъ ле жансъ?.. Нехорошо, mon cher!.. Фи!

Фрэдъ приподнялъ котелокъ, пожалъ мнѣ руку и мы разстались.

Черезъ десять минутъ я былъ на Моховой...

Графъ Михаилъ Николаевичъ жилъ со своею семьей сравнительно замкнуто.

Если не считать обычныхъ четверговыхъ „five o'clock tea", на которыхъ Евдокія Валерьяновна, со свойственнымъ

ей умѣньемъ, искусствомъ и тактомъ, поддерживала легкую занимательную бесѣду, обмѣнивалась свѣтскими новостями, злободневными шутками и пассажами, маленькими политическими памфлетами и сплетнями аристократической агентуры, парадный пріемъ устраивался не болѣе двухъ-трехъ разъ въ годъ.

Иногда, къ обѣду, по преимуществу въ воскресные дни, приглашались избранные друзья — сослуживцы графа по министерству, члены того же клуба, однимъ изъ старшинъ котораго состоялъ графъ, пріятельницы Евдокіи Валерьяновны, ближайшіе родственники семьи.

Въ этихъ случаяхъ, графъ Михаилъ Николаевичъ проводилъ вечеръ дома.

Тотчасъ послѣ обѣда, общество переходило въ гостиную. Анечку заставляли играть на рояли. Гости, въ числѣ трехъ или четырехъ лицъ, продолжали поддерживать разговоръ, обмѣнивались взглядами на искусство, дѣлились политическими соображеніями, вступали въ оживленные споры и, въ заключеніе, переходили къ карточному столу.

Играли въ вистъ, въ экартэ или еще чаще въ недавно введенный въ употребленіе бриджъ-плафонъ. По крайней мѣрѣ, при Дворѣ, по утвержденію графа, это была модная игра.

Я постигъ быстро это искусство и если, бывало, не хватало партнера, меня усаживали за столъ.

Обычно же проводилъ время въ бесѣдѣ, наблюдалъ за игрой или же, вмѣстѣ съ Димой и Анечкой, уходилъ въ ея комнату, и тамъ, въ разнообразныхъ шуткахъ и шалостяхъ, забавлялся до поздняго вечера...

Вскорѣ я познакомился съ ближайшими друзьями семьи.

Однимъ изъ нихъ былъ Алексѣй Николаевичъ Протозановъ, плотный, благообразный, красивый старикъ, съ сѣдыми пушистыми бакенбардами, съ медленными движеніями и манерами подлиннаго „русскаго барина“.

Близкій сподвижникъ покойнаго государя, онъ отли-

чался стойкой консервативностью взглядовъ, тяготѣлъ къ стариннымъ русскимъ укладамъ и къ, такъ называемому, славянофильству, рѣзко порицалъ всякую иноземщину и, въ настоящее время, не раздѣляя политическаго теченія, по собственному желанію, отошелъ отъ активной дѣятельности.

Другой былъ видный чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, статскій совѣтникъ Николай Эдуардовичъ фонъ Руммель, высокій, сухой какъ жердь, съ нѣсколько болѣзненнымъ, блѣднымъ, непроницаемымъ лицомъ дипломата.

Этотъ человѣкъ, наоборотъ, какъ бы олицетворялъ собой направленіе правительственныхъ круговъ и, по своимъ убѣжденіямъ, примыкалъ къ прогрессивной части русскаго общества.

Встрѣча ихъ за общимъ столомъ, ихъ разсужденія, аргументы, горячіе споры представляли для меня живой интересъ и давали обильную пищу для размышленій...

15.

Мокрая, хлипкая, гнилая петербургская осень, съ сыростью, слякотью, съ колючими вѣтрами и желтыми морскими туманами, съ бѣлесоватымъ разсвѣтомъ и ранними сумерками, когда тотчасъ послѣ полудня уже зажигаются фонари и опускается вечеръ, вступаетъ въ свои права.

При свѣтѣ керосиновыхъ лампъ тянутся безконечные классы.

Такъ же, какъ и въ прошломъ году, одинъ за другимъ смѣняются на кафедрѣ профессора, преподаватели языковъ, лекторы военныхъ наукъ. Тою же неизмѣнной фразой начинаетъ свою лекцію Александръ Арнольдовичъ Морицъ-Кавелахтскій:

— Въ бытность мою командиромъ шестого эскадрона лейбъ-гвардіи Конногренадерскаго полка...

Теперь онъ уже подполковникъ и, по этой причинѣ, появляется въ классѣ не иначе, какъ въ мундирѣ генераль-

наго штаба съ густыми штабъ-офицерскими эполетами. Онъ встряхиваетъ ими при каждомъ словѣ — это его видимо забавляетъ, ежеминутно протираетъ пенснэ, дѣлая паузу приподымаетъ уморительно плечи и, вообще, держитъ себя съ величайшею важностью.

Полковникъ Епанчинъ знакомитъ съ военно-историческими примѣрами — съ подвигами русскихъ солдатъ въ Семилѣтнюю войну, съ суворовскими чудо-богатырями, съ краткой исторіей наполеоновскаго похода и сожженіемъ Москвы, съ геройскою обороною Шипки, со взятіемъ штурмомъ крѣпости Геокъ-Тепе.

Капитаны Буйницкій и Коллонтай знакомятъ съ инженернымъ искусствомъ. „Свѣтлая Личность" — полковникъ Дурлахеръ и инспекторъ училища, генералъ Будаевскій, посвящаютъ въ тайны баллистики.

Пріемы послѣдняго не лишены остроумія и даже нѣкотораго зрительнаго эффекта. Это импонируетъ въ такой же степени, какъ бѣлая подкладка его конно-артиллерійскаго сюртука. Такъ иногда, передъ окончаніемъ лекціи, маленькій, подвижный, сухонькій генералъ спускается съ кафедры, отходитъ на нѣкоторую дистанцію, размахивается и — бумсъ!, описавъ траэкторію, звонко щелкается мѣлокъ о классную доску, разсыпаясь, на подобіе шрапнели или, вѣрнѣе, бризантной гранаты, на тысячу мельчайшихъ осколковъ.

— Вотъ вамъ полетъ снаряда! — произноситъ бравый инспекторъ и, провожаемый одобрительными улыбками, подрагивая ревматической ножкой, покидаетъ аудиторію. А черезъ минуту, едва лишь отгремѣли звуки отбоя, уже звенитъ его пронзительный голосокъ:

— Что за шумъ въ хвостѣ колонны?

— Разрядить коридоръ!..

Но само собой разумѣется, не артиллерія, не фортификація, и даже не тактика Александра Арнольдовича Морица-Кавелахтскаго привлекаютъ наше вниманіе. Наиболѣе интереснымъ предметомъ, какъ я уже упоминалъ, является „Исторія Конницы", исторія „оружія боговъ", въ

изложеніи полковника Владимира Александровича Дедюлина.

Онъ умѣетъ увлечь, приковать слухъ, распалить воображеніе.

Легкіе нумидійскіе всадники и тяжелыя массы шлемоблещущихъ рыцарей средневѣковья, драгуны Петра Великаго, кирасиры Зейдлица, и безсмертные гусары Цитена, кавалерійскіе вожди Бонапарта, польскіе уланы и шеволежеры Домбровскаго, партизаны Отечественной войны — яркимъ, живописнымъ, захватывающимъ калейдоскопомъ проносятся въ нашемъ сознаніи...

Классы кончаются и начинаются строевыя занятія.

Накинувъ шинели, шумной ватагой смѣна направляется въ манежъ, на верховую ѣзду.

Скользко на мокрыхъ панеляхъ, блестятъ крыши конюшенъ, блѣденъ и сѣръ булыжникъ училищнаго двора, и такое же блѣдное, сѣрое петербургское небо, насыщенное водою, углемъ и газомъ, запахами кожи, конскаго пота и амміака, прокопченное фабричными дымами, давитъ своимъ покровомъ.

Изъ предманежника выводятъ коней, съ взъерошенными, запотѣвшими спинами и боками, окутанными облаками влажнаго пара. Новая смѣна вводится изъ конюшенъ въ манежъ. Вахмистръ Бѣлявскій, стоя на обычномъ посту, въ своемъ куцомъ, отороченномъ темнымъ барашкомъ кафтанѣ, слѣдитъ за порядкомъ, щелкаетъ хлыстомъ по ботфортамъ, сыплетъ матерщиной, кричитъ на „штатскихъ изъ манежа“ и вѣстовыхъ:

— Куды прешь?.. У, стерьа!.. Холера!.. Свынячая морда!.. Чередниченко, вертай коней у тую манэжъ!

Послѣ верховой ѣзды начинается рубка, волтижировка, гимнастика, пѣше-по-конному, стрѣлковое дѣло...

Круглый день занятъ работой.

Послѣ обѣда идетъ подготовка къ очереднымъ репетиціямъ. И только вечеромъ, по окончаніи ужина, передъ

отходомъ ко сну, въ нашемъ распоряженіи имѣется нѣкоторое свободное время.

Въ эти короткія минуты досуга, маленькая „чайная компанія“, въ составѣ Громова, Дробышевскаго и меня, собирается обычно въ четвертомъ взводѣ, въ „корнетскомъ углу“, у койки Станислава Станиславовича. Еще такъ недавно, всего какихъ-нибудь полгода тому назадъ, на этой койкѣ лежалъ Сергѣй Александровичъ Пушкинъ...

Не взирая на разность характеровъ, влеченій и вкусовъ, мы продолжаемъ поддерживать священный союзъ „Трехъ Мушкетеровъ“, и всѣ наши ссоры и разногласія носятъ, въ сущности, временный, мимолетный характеръ. Мы проводимъ время въ дружной бесѣдѣ, дѣлимся школьными новостями, впечатлѣніями, планами, воспоминаніями.

Громовъ, развалившись на койкѣ, сонными добродушными хмѣльными глазами смотритъ на потолокъ, мечтаетъ о предстоящемъ „субботникѣ“, грохочетъ оглушительнымъ басомъ. Дробышевскій куритъ, выпускаетъ дымъ маленькими колечками, передаетъ свое новое сердечное увлеченіе.

Давно позабыта Танечка Сладкодухова. Канули въ вѣчность и другія легкомысленныя забавы. Въ настоящее время Станиславъ Станиславовичъ переживаетъ серьезный романъ съ „дамой изъ общества“.

Собственно говоря, эта особа является подругою одного высокопоставленнаго лица, персоны второго класса, въ нѣкоторомъ родѣ, почти министра... Старый хрѣнъ ревнивъ и недовѣрчивъ до неприличія!.. Если же принять во вниманіе и права законнаго мужа, станетъ вполнѣ понятнымъ, что любовная ситуація Дробышевскаго испытываетъ извѣстныя затрудненія и требуетъ двойной, сугубой, такъ сказать, предусмотрительности, изобрѣтательности, предосторожности.

Станиславъ Станиславовичъ увлекается, но неожиданно лицо его багровѣетъ и принимаетъ свирѣпое выраженіе.

— Молодой Бланкъ! — кричитъ онъ на сидящаго поблизости юнкера. — Видъ веселый, но безъ улыбокъ!.. Трррепещи, молодежь!...

Въ запотѣвшія стекла барабанитъ унылый осенній дождь.

Я подхожу къ окну и думаю о предстоящемъ карточномъ вечерѣ.

Что сулитъ мнѣ завтрашній день?.. Пораженіе или побѣду?.. По теоріи вѣроятностей, на этотъ разъ судьба должна вознаградить меня благосклонной улыбкой... Есть люди, оригинальные люди, которые отрицаютъ значеніе арифметическихъ чиселъ и склонны, въ данномъ случаѣ, связывать карточную удачу съ какимъ-нибудь вещественнымъ признакомъ... Напримѣръ, съ такъ называемымъ, талисманомъ... Какъ каждый игрокъ и я, въ свое время, отдалъ дань этому нелѣпому предразсудку... Подковный гвоздь!.. Рыбья чешуя!.. Шерстка съ заячьей лапки!..

Ахъ, все это сущій вздоръ!..

Въ окно глядитъ обезлистѣвшій скверъ, съ голыми кленами, съ чугунной рѣшеткой, съ ночнымъ видомъ на Ново-петергофскій проспектъ.

Тускло горятъ фонари... Глухо дребезжатъ пролетки съ поднятымъ верхомъ... Все потонуло въ мелкой сѣткѣ дождя...

Говорятъ, будто истинный житель столицы находитъ въ этомъ какое-то особое очарованіе...

16.

Фрэдъ занималъ небольшую, но весьма уютно обставленную квартиру на Каменноостровскомъ проспектѣ, въ огромномъ сѣромъ домѣ Горбова, на углу Ружейной улицы, неподалеку отъ „Акваріума“.

Квартира состояла изъ трехъ комнатъ — столовой, спальни и кабинета.

Послѣдній, съ тяжелыми портьерами и коврами, съ мягкой восточной мебелью, съ мѣдною арматурой, съ низко опускавшимся отъ потолка венеціанскимъ фонаремъ съ разноцвѣтными стеклами, опредѣлялъ, по первому впечатлѣнію, наклонности и вкусы хозяина.

На стѣнахъ, въ тонкихъ орѣховыхъ рамахъ, висѣли фотографіи, акварели, гравюры, эстампы, значительной цѣнности, точно коллекція, образующая оригинальный и, въ нѣкоторомъ родѣ, исключительный по интересу музей. Въ каждой вещицѣ можно было уловить яркій, ничѣмъ неприкрытый, съ большимъ искусствомъ и силой выраженный эросъ.

Парадное мѣсто занимала картина въ масляныхъ краскахъ, принадлежавшая кисти извѣстнаго художника-символиста, подъ названіемъ „Лунная ночь въ Босфорѣ".

Это было какое-то странное, совершенно дикое нагроможденіе красокъ, синихъ, желтыхъ, лиловыхъ, зеленыхъ и фіолетовыхъ, напоминавшее горный хребетъ или кратеръ потухшаго вулкана.

На письменномъ столѣ, среди другихъ бездѣлушекъ, стояла, въ качествѣ преспапье, оригинальная группа старинной бронзы. Она представляла собой подобіе какого-то десятирукаго индійскаго божества, въ образѣ тучнаго мужчины, съ искаженнымъ чувственной судорогой лицомъ. На его колѣняхъ, широко раскинувъ ноги и прильнувъ поцѣлуемъ къ устамъ, сидѣла обнаженная женщина, и могучій, чудовищный фаллосъ глубоко вонзился въ женское тѣло...

Къ семи часамъ, какъ было условлено, собрались всѣ приглашенные.

Включая Фрэда, всего было семь человѣкъ, семь вѣрныхъ и преданныхъ жрецовъ того культа, который превращаетъ ночь въ день и обратно, которому, подобно культу Вакха или богини Иштаръ, человѣчество приноситъ обильныя, неисчислимыя и порою даже кровавыя жертвы.

Послѣ непродолжительнаго, затянувшагося не болѣе, какъ на часъ времени ужина, общество перешло въ кабинетъ. Рядомъ съ карточнымъ столомъ, на отдѣльныхъ маленькихъ столикахъ, было подано кофе, ликеры различныхъ сортовъ, коробки съ папиросами и сигарами.

Игра началась.

Первый банкъ держалъ Веригинъ. Ставка была ограничена. Молодой пажъ прометалъ удачно колоду и продалъ банкъ:

— Въ банкѣ тридцать рублей!

„Душа Общества" тщательно пересчиталъ деньги:

— Pardon, двадцать девять!

— Двадцать дѣвочекъ! — захохоталъ „маіоръ" Зубаловъ и купилъ банкъ.

Слѣдующимъ металъ Вонлярлярскій.

Когда очередь дошла до меня, настроеніе поднялось въ значительной степени. Ставка уже не ограничивалась полтинникомъ. Въ банкѣ, наряду съ серебряною монетой, лежали золотые кружки — полуимперіалы и имперіалы, желтыя, красныя, синенькія бумажки.

Я заложилъ четвертной билетъ и тотчасъ его проигралъ.

Въ дальнѣйшемъ, я повторялъ тѣ же попытки и съ тою же, какой-то фатальной математической точностью, терялъ одинъ банкъ за другимъ. Въ одинаковой степени не везло мнѣ и въ понтировкѣ. Къ шестеркѣ я прикупалъ четверку и противникъ билъ меня однимъ очкомъ. Когда я открывалъ восемь очковъ, у банкомета неизмѣнно оказывалась девятка.

Я подсчиталъ свои деньги.

Въ кошелькѣ изъ трехсотъ оставалось всего тридцать рублей.

Я занялъ, на счастье, сто рублей у Фрэда и проигралъ ихъ въ теченіе пяти минутъ. Настроеніе мое падало съ каждой минутой. На лбу отъ напряженія выступилъ потъ. Губы мои пересохли. Я почувствовалъ жажду.

Тогда я поднялся отъ карточнаго стола, перешелъ въ столовую и залпомъ выпилъ чайный стаканъ вина.

Передо мною стоялъ князь Олегъ Ивановичъ Шелешпанскій.

— Черкесовъ, вамъ не везетъ! — произнесъ онъ и посмотрѣлъ на меня съ сочувствующей улыбкой. — Не ве-

зетъ въ картахъ, — везетъ въ другомъ!... Не правда ли?.. Хи-хи-хи-хи!..

Князь засмѣялся и прошепталъ:

— Разрѣшите оказать вамъ маленькую услугу?

Съ этими словами князь вынулъ бумажникъ, дрожащими пальцами извлекъ двѣ бумажки по пятьсотъ рублей и протянулъ мнѣ.

— Вотъ! — взвизгнулъ онъ сорвавшимся голосомъ блеснувъ золотой коронкой зубовъ, и его крошечная птичья головка, съ жидкимъ проборомъ посерединѣ, съ широко отставленными, уродливыми ушами, затряслась отъ новаго взрыва смѣха. — По дружбѣ!... Отъ чистаго сердца!.. Потомъ мы съ вами сочтемся!.. Какъ-нибудь!.. Когда вамъ будетъ угодно!

Онъ дотронулся до моего рукава, затѣмъ неожиданно обнялъ меня за талію и зашепталъ, обдавая виномъ и смраднымъ дыханіемъ:

— Ооо!.. Ты мой единственный!.. Люблю тебя!.. Сжалься!.. Мое божество!.. Ты придешь сегодня ко мнѣ?

Онъ нервно стиснулъ меня за руку, прижалъ къ себѣ, потянулся къ губамъ...

Кровь, деньги, вино — все разомъ кинулось въ голову.

Въ бѣшенствѣ, не соображая послѣдствій поступка, полный возмущенія, злобы, стыда, я размахнулся изо всей силы и двинулъ Шелешпанскаго въ ухо.

Князь покачнулся.

Фалды его визитки распахнулись на мгновенье, точно крылья летучей мыши.

Потерявъ равновѣсіе, онъ ударился затылкомъ о столъ, судорожнымъ движеніемъ уцѣпился за скатерть, опрокинулъ графинъ съ виномъ и, не издавъ ни единаго звука, съ грохотомъ и со звономъ разбитой посуды, упалъ на паркетъ.

Изъ кабинета выскочилъ Фрэдъ.

Вслѣдъ за нимъ показались другіе — Веригинъ, Вонлярлярскій, Зубаловъ, гардемаринъ Пилкинъ 12.

Черезъ пять минутъ я уѣхалъ...

17.

— Тропъ-тропъ-тропъ-тропъ...

Четвертая смѣна старшаго курса, подъ руководствомъ штабсъ-ротмистра Гиппіуса, занимается верховою ѣздой.

Фыркаютъ кони, щелкаетъ бичъ, время отъ времени раздаются короткія замѣчанія:

— Андреевъ, колѣно назадъ!

— Бабкинъ, поводъ короче!

— Рогуля, дистанцію!

Какъ взводный капралъ, я держусь въ замкѣ смѣны, на своемъ славномъ „Экваторѣ", который собрался дугой и въ углахъ норовитъ сбиться въ галопъ.

— Вольно, оправиться!

— Огладить лошадей!

Въ сосѣднемъ манежѣ, отдѣленномъ широкою аркой, ѣздитъ первая смѣна — „верблюды".

Съ ними занимается Давыдъ Давыдовичъ Дитерихсъ.

Давыдъ Давыдовичъ, внѣшне спокойный, обладаетъ горячимъ сердцемъ. Во время ѣзды его голоса почти не слыхать. Но если вскипитъ — нальется кровью, глаза выпучитъ на самый лобъ и страшенъ становится въ эту минуту. Тогда его крикъ, точно ружейные залпы, потрясаетъ своды манежа, а бичъ гуляетъ не только по лошади, но и по ляжкамъ неудачнаго ѣздока.

Впрочемъ, нѣсколько отойдя и успокоившись, Давыдъ Давыдовичъ тотчасъ приноситъ свои извиненія...

Мимо меня, въ обратномъ порядкѣ, мелькаютъ хорошо знакомыя лица.

Черезъ ворота арки я вижу огромнаго графа Палена, толстаго Абмишу Суходольскаго — къ каждому слову, по какому-то врожденному недостатку, онъ прибавляетъ частицу „аб" — великовозрастнаго барона Икскюля, верзилу Случевскаго, моего пріятеля — Сашку Громова...

Бѣдный Сашка!

Сегодня съ нимъ произошла, наконецъ, катастрофа.

Случилось то, что рано или поздно должно было съ нимъ случиться.

Сколько разъ я предупреждалъ, что его поведеніе въ стѣнахъ Школы можетъ закончиться трагическимъ образомъ. Мои слова, мои уговоры и просьбы на него совершенно не дѣйствуютъ. Если онъ устраиваетъ, съ Гаврюшкой Мятлевымъ, попойки на дядюшкиной квартирѣ, это еще не бѣда. Но онъ аккуратно напивается каждый день въ самой Школѣ, точно бравируетъ этимъ, точно никакой законъ для него не писанъ...

Въ общемъ, произошло это такъ.

Вскорѣ по окончаніи верховой ѣзды, захвативъ учебную винтовку, „верблюды" собрались въ классѣ, для занятій стрѣлковымъ дѣломъ. Громовъ, окончательно пьяный, сидѣлъ на задней партѣ и сладко дремалъ.

И вотъ, совсѣмъ неожиданно, въ сопровожденіи эскадроннаго командира, входитъ Павелъ Адамовичъ.

Павелъ Адамовичъ поздоровался съ юнкерами, пробѣжалъ поданный списокъ и вызвалъ Громова.

Что дѣлаетъ Громовъ?

Пьяной походкой, пошатываясь изъ стороны въ сторону, точно лавируя между рифами, онъ направляется по узенькому проходу между скамейками. Потомъ останавливается передъ начальникомъ училища и къ пустой, не покрытой фуражкою головѣ, подноситъ руку для отданія чести.

Павелъ Адамовичъ, по близорукости, не соображаетъ, въ чемъ дѣло. Но потрясенный „Плѣшакъ" быстро хватаетъ Громова за руку и опускаетъ.

Что же дѣлаетъ Громовъ?

Громовъ не смущается этимъ обстоятельствомъ и спокойно прикладываетъ къ головѣ лѣвую руку.

Трудно передать драматизмъ этой сцены, въ особенности, когда, ухвативъ, наконецъ, винтовку, Громовъ, съ грохотомъ, роняетъ ее на полъ и концомъ штыка задѣваетъ „Плѣшака" по лысинѣ.

Черезъ десять минутъ онъ уже сидѣлъ въ карцерѣ, арестованный на тридцать сутокъ, съ исполненіемъ слу-

жебныхъ обязанностей. Неизвѣстно, впрочемъ, чѣмъ кончится эта исторія, такъ какъ поднятъ вопросъ объ исключеніи Сашки изъ Школы. На этотъ разъ, къ моему глубокому сожалѣнію, ему кажется не сдобровать.

Вотъ къ чему приводитъ неумѣренное влеченіе къ спиртнымъ напиткамъ!..

Когда я разсказалъ эту исторію графинѣ Евдокіи Валерьяновнѣ, она пришла въ шутливое настроеніе и разсмѣялась. Анечка, наоборотъ, была опечалена судьбой моего друга и пожалѣла его отъ всего сердца...

Въ этотъ вечеръ я засидѣлся на Моховой дольше обыкновеннаго.

Былъ второй часъ.

На улицѣ сыпалъ дождь съ мокрымъ снѣгомъ.

Предстояло ѣхать къ тетушкѣ на Васильевскій Островъ.

Я простился уже съ Евдокіей Валерьяновной, Димой и Анечкой и, стоя въ передней, надѣвалъ шинель и шашку.

Меня провожали.

Евдокія Валерьяновна случайно заглянула въ окошко.

— Боже, что за погода! — произнесла она и поморщилась. — Георгій Петровичъ! — обратилась она ко мнѣ. — Вы съ ума сошли?.. Въ этакой шинелишкѣ ѣхать нивѣсть куда?.. Оставайтесь-ка у насъ ночевать!.. Въ дѣтской! — засмѣялась графиня. — Я думаю, Димочка не будетъ въ претензіи?..

18.

Такимъ образомъ, я провелъ ночь въ графскомъ особнякѣ.

Вскорѣ я сталъ ночевать почти каждую субботу, такъ какъ, вслѣдствіе ареста Громова, его вечеринки, къ сожалѣнію, прекратились, а вмѣстѣ съ ними прекратилась карточная игра.

У Фрэда же, послѣ моей грубой выходки и нанесенія князю оскорбленія дѣйствіемъ, я пересталъ вовсе бывать...

Зато мои отношенія къ Евдокіи Валерьяновнѣ, къ графу и его дѣтямъ, съ каждой встрѣчей, становятся все болѣе тѣсными.

Незамѣтнымъ образомъ, съ какою-то непостижимою легкостью, я вошелъ въ кругъ этой семьи. Теперь меня не стѣсняются, передо мною не скрываютъ домашнихъ секретовъ, въ мое распоряженіе отведена даже отдѣльная комната.

Дѣло дошло до того, что какъ-то въ бесѣдѣ, при постороннихъ, графиня назвала меня по имени. Она разсмѣялась, опустила лорнетъ и, обернувшись ко мнѣ, сказала:

— Je vous demande milles pardons!... Вотъ видите, какъ мы привыкли къ вамъ за послѣднее время?.. Вы стали точно родной?.. Надѣюсь, вы не будете обижаться?.. Разрѣшите васъ такъ называть?.. Это гораздо проще!.. En effet, c'est plus commode!

Такимъ образомъ я сталъ — Жоржикомъ...

Изъ событій послѣдняго времени, могу отмѣтить появленіе въ домѣ новаго гостя.

Онъ явился прямо къ обѣду, въ сопровожденіи графа Михаила Николаевича.

Графъ представилъ его, какъ знакомаго, съ которымъ имѣлъ удовольствіе провести цѣлый мѣсяцъ на одномъ изъ заграничныхъ курортовъ.

Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати двухъ или четырехъ, цвѣтущій, кряжистый, широкоплечій, съ оскаломъ крупныхъ плотныхъ зубовъ, съ лицомъ, лишеннымъ растительности, если не считать густой рыжеватой гривы на головѣ. Его лобъ, щеки и носъ, а въ особенности, верхняя поверхность тяжелыхъ, лопатообразныхъ кистей, были обильно покрыты веснушками.

Назывался онъ Иваномъ Клементьевичемъ.

Его общественное положеніе было мнѣ неизвѣстно.

За обѣдомъ онъ держалъ себя весьма скромно, учтиво

отвѣчалъ на вопросы, поддерживалъ съ графомъ дѣловой разговоръ, громко смѣялся при очередной шуткѣ, съ доброй какою-то дѣтской улыбкой, останавливалъ свой взоръ на мнѣ, на Анечкѣ, на Димѣ, на Евдокіи Валерьяновнѣ.

Иванъ Клементьевичъ возбудилъ во мнѣ живую симпатію.

Мнѣ понравилась его непосредственность, благодушіе, свѣжесть цѣльной, открытой натуры.

На Евдокію Валерьяновну онъ произвелъ почему-то не вполнѣ благопріятное впечатлѣніе. Она подчеркнула отсутствіе манеръ, прозвала его мужикомъ, „тюленемъ“ и нашла, что отъ него дурно пахнетъ.

Дима и Анечка отнеслись къ нему равнодушно...

Изъ другихъ событій отмѣчу еще небольшую бесѣду, которая произошла у меня съ Анечкой.

Я сидѣлъ въ ея комнатѣ, велъ незначительный разговоръ на школьныя темы, говорилъ о послѣдней французской премьерѣ въ Михайловскомъ театрѣ, о художественной выставкѣ „Міра Искусствъ“, о предстоящемъ балѣ Морского Корпуса. Анечка, въ свою очередь, дѣлилась впечатлѣніями объ актѣ на музыкальныхъ курсахъ, о спектаклѣ въ гимназіи Таганцевой.

Потомъ, незамѣтнымъ образомъ, мы перешли на литературныя темы, разбирали поэтовъ, цитировали на память отрывки стихотвореній, подробно останавливались на классическихъ образцахъ. Иногда, приписывая незнакомое стихотвореніе тому или другому поэту, вступали въ оживленные споры, волновались, горячились, заключали между собой пари à discrétion.

Я поднялся съ дивана и продекламировалъ:

„По небу полуночи ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ...“

Анечка улыбнулась и продолжила:

„И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой...“

Я на минуту задумался.

— Анечка, это вашъ любимый поэтъ?.. Я такъ же люблю его больше другихъ!.. Маешка!.. Это нашъ славнѣйшій корнетъ!.. Адскій шикъ!.. Крррасота... Мы преклоняемся передъ нимъ и свято чтимъ его память!.. Его портретъ убираемъ цвѣтами!.. Его произведенія считаемъ долгомъ знать наизусть!.. Его личныя вещи, всякія безделушки, записки, рукописи и книги, его гусарскій мундиръ и простреленный на дуэли сюртукъ хранимъ, какъ священную реликвію, въ нашемъ „лермонтовскомъ“ музеѣ!

Я задумался снова.

— Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ — это, въ нѣкоторомъ родѣ, нашъ культъ! — продолжалъ я. — Представьте, онъ бы могъ еще жить?.. Ему было бы теперь, позвольте, всего... восемьдесятъ два года... Да, восемьдесятъ два года!

Анечка всплеснула руками.

— Въ самомъ дѣлѣ? — съ живостью, воскликнула она. — Онъ бы могъ еще жить?.. Интересно, кѣмъ бы онъ былъ?

Я сѣлъ на диванъ и разсмѣялся:

— Ну, мало-ли кѣмъ?.. Напримѣръ, генераломъ-отъ-кавалеріи и членомъ государственнаго совѣта?.. Или почетнымъ опекуномъ института благородныхъ дѣвицъ?.. Или, можетъ быть, даже намѣстникомъ на Кавказѣ?.. А вѣрнѣе всего, жилъ бы теперь на покоѣ, въ своей пензенской деревнѣ, окруженный многочисленными дѣтьми и внуками!

Анечка задумалась.

— Я не могу себѣ этого представить! — тихо сказала Анечка. — Такіе люди не живутъ долго на свѣтѣ!.. И не женятся!.. И кромѣ того, умираютъ неестественной смертью!.. Это, какъ падающая звѣздочка или какъ метеоръ!.. Мелькнетъ въ черномъ небѣ — и тотчасъ погаснетъ!

— Ваша правда, Анечка! — подтвердилъ я и взялъ ея ручку.

Она была такая маленькая, бѣленькая, съ нѣжными жилками, съ тонкими пальчиками, съ розовыми, чуть заостренными ноготками.

Я поднесъ ее къ губамъ и поцѣловалъ.

— Анечка, вы помните Графское? — спросилъ я и лукаво посмотрѣлъ въ глаза.

Потомъ, не ожидая отвѣта, привлекъ дѣвушку къ себѣ и, быстрымъ движеніемъ, прикоснулся къ устамъ.

Анечка вздрогнула.

Ея нѣжныя щечки вспыхнули и зардѣлись.

— Что вы со мной дѣлаете? — чуть слышно прошептала Анечка и на глазахъ показались слезинки.

За ужиномъ Анечка сидѣла противъ меня.

Она была блѣднѣе обыкновеннаго, взглядывала на меня украдкой, тотчасъ опускала глаза и, казалось, была чѣмъ-то разстроена...

19.

Снѣгъ падалъ съ утра крупными хлопьями, мягко устилавшими улицы, крыши, тонкую корку каналовъ. Къ полудню все было завалено бѣлымъ пушистымъ мѣхомъ — и сразу стало какъ-то свѣтлѣе.

Эскадронъ, послѣ утреннихъ лекцій, строился на средней площадкѣ.

Молодежь, поощряемая криками и смѣхомъ „корнетовъ“, вылетала изъ взводовъ, становилась въ ряды и, опустивъ руки по швамъ, тотчасъ застывала на мѣстѣ.

Звякали шпоры, звенѣлъ смѣхъ, то здѣсь, то тамъ слышались шутливыя замѣчанія:

— Красивые въ переднюю шеренгу!

— Видъ веселый, но безъ улыбокъ!

— Трррепещи, молодежь!..

— Молодой Панаевъ, отличія Ахтырскаго полка?.. Кто шефъ Елисаветградцевъ?.. Сколько серебряныхъ трубъ въ

Изюмскомъ драгунскомъ полку?.. Правильно, молодой!.. Примите корнетское спасибо!

Обращалъ вниманіе высокій свѣтловолосый красавецъ — Юрій Новосильцовъ... Два рослые молодца съ лихо закрученными усами — братья Левизъ офъ Менаръ... Сынъ извѣстнаго московскаго толстосума, весьма культурный и воспитанный юноша — Третьяковъ... Хорошенькій сѣроглазый брюнетъ — Борисъ Панаевъ... Свѣжій, выхоленный, полный какъ пышка — Альбрехтъ... Цѣлая пачка огромныхъ остзейцевъ — Эттингенъ, баронъ Раденъ, баронъ Нолькенъ, баронъ Оффенбергъ... Два татарченка — Романовичъ и Юзефовичъ... Маленькій кавказскій джигитъ — князь Аваловъ...

Раздалась команда эскадроннаго вахмистра и все смолкло.

По лѣстницѣ, ковыляя на кривыхъ корявыхъ ногахъ, въ широкихъ казачьихъ шароварахъ съ желтымъ лампасомъ, подымался дежурный офицеръ, подъесаулъ Пѣшковъ.

Переваливаясь съ боку на бокъ и забавно подергивая узкими плечиками, онъ не успѣлъ пройти мимо шеренгъ обоихъ, выстроенныхъ другъ противъ друга полуэскадроновъ, какъ внизу, въ вестибюлѣ, послышался шумъ.

Шумъ возросталъ.

Послышалась суетливая бѣготня.

Нѣсколько запоздавшихъ юнкеровъ казачьей сотни, перескакивая черезъ двѣ ступеньки на третью, мчались по лѣстницѣ наверхъ, съ взволнованными, перекосившимися лицами.

На ходу кто-то бросилъ:

— Царь пріѣхалъ!

— Царь пріѣхалъ! — послышалось тотчасъ со всѣхъ сторонъ и снова все смолкло. Прошла минута напряженнаго ожиданія. Всѣ взоры, какъ-то инстинктивно, повернулись въ одномъ направленіи.

И точно. По правой лѣстницѣ, медленными шагами, въ сопровожденіи флигель-адъютанта въ бѣлой барашковой

шапкѣ съ крестообразнымъ серебрянымъ галуномъ, подымался молодой офицеръ, въ погонахъ полковника.

Это былъ государь...

Мы тотчасъ его узнали.

Онъ былъ одѣтъ въ преображенскій сюртукъ съ золотымъ аксельбантомъ, черные шаровары, высокіе пѣхотные сапоги. Его лицо, съ ясными сѣро-голубыми глазами, съ слегка подстриженной русой бородкой, было свѣжо и красиво. Отъ сравнительно небольшой фигуры вѣяло простотой.

Совсѣмъ потерявшійся и одно время безпомощно топтавшійся на мѣстѣ, сорвался тутъ подъесаулъ Пѣшковъ и, накрывъ на ходу голову мохнатой казачьей папахой, подскочилъ съ рапортомъ:

— Ва-ва-ва!.. Ваше императорское ве-ве-ве... величество! — безпомощно заикаясь, началъ свой рапортъ славный амурскій казакъ.

Но царь не выждалъ конца.

— Здравствуйте, Пѣшковъ! — тихо, съ мягкой улыбкой, произнесъ царь и протянулъ руку.

Потомъ, тѣмъ же негромкимъ, но вполнѣ яснымъ голосомъ, обратился къ неподвижно стоявшему, вытянувшемуся въ струнку эскадрону:

— Здравствуйте, господа!

Въ отвѣтъ, точно по командѣ, грянуло:

— Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество!

Царь обвелъ эскадронъ своимъ обычнымъ ласковымъ взоромъ. Казалось, каждый ощутилъ на себѣ этотъ мягкій, привѣтливо излучавшійся свѣтъ сѣрыхъ глазъ. Тѣми же медленными шагами, сопровождаемый флигель-адъютантомъ и Пѣшковымъ, царь прошелъ на середину площадки, съ любопытствомъ оглядываясь по сторонамъ.

На мгновенье взглядъ его задержался на портретѣ императора Николая I, въ тугихъ бѣлыхъ лосинахъ, въ темномъ однобортномъ мундирѣ Кавалергардовъ.

Государь обратился къ дежурному офицеру.

Подъесаулъ Пѣшковъ, изгибаясь своею крошечною фигуркой и приподымаясь даже на цыпочки, сталъ, заикаясь, что-то докладывать.

— Ахъ, завтракъ? — произнесъ, съ улыбкою, государь. — Ну что-жъ!.. Ведите на завтракъ!

Раздалась команда эскадроннаго вахмистра, князя Елецкаго, звучная, громкая, отчетливая. — Разъ-два! — щелкнули въ тактъ шпоры и каблуки. И сто двадцать шесть человѣкъ, равняясь въ рядахъ, повернувъ круто головы и загибая на поворотахъ плечомъ, прошли передъ императоромъ.

— Дзыннь-дзыннь!—лязгали шпоры по длинному коридору, ведущему въ юнкерскую столовую. И по периламъ лѣстницы не съѣзжало, на этотъ разъ, благородное „корнетство" на собственномъ заду, а такъ же чинно маршировало, какъ сугубая молодежь...

Когда государь появился въ столовой, его уже окружало начальство.

Съ подобострастной улыбкой, всеподданнѣйше кивая длиннымъ носомъ и поблескивая всепреданнѣйше стеклышками очковъ, что-то докладывалъ Павелъ Адамовичъ Плеве.

Возлѣ него суетился „Плѣшакъ", грузный, тяжеловѣсный, съ блестѣвшей какъ костяной шаръ головой и съ мѣткой отъ громовскаго штыка. Время отъ времени, онъ оборачивался въ сторону эскадрона, угрожающе стискивалъ кулаки и кидалъ свирѣпые взгляды.

Юнкера спѣли хоромъ молитву и сѣли за столъ.

Во время завтрака, царь обходилъ ряды, пріостанавливался, бесѣдовалъ съ отдѣльными юнкерами. Вмѣстѣ съ начальствомъ присѣлъ было, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, на лѣвомъ флангѣ и даже попробовалъ пищу...

Когда начались строевыя занятія, царь, одѣтый въ легкое драповое пальто, темносѣраго цвѣта, посѣтилъ манежъ и наблюдалъ верховую ѣзду, которая, на этотъ разъ, про-

текала въ какомъ-то особомъ торжественно-величавомъ спокойствіи.

Только фыркали кони, звенѣли стремена и мундштучныя цѣпки, раздавалась протяжная команда руководителей.

Штабсъ-ротмистръ Гиппіусъ поднялъ смѣну манежнымъ галопомъ и показалъ строевую волтижировку. Въ длинныхъ шинеляхъ, при шашкахъ, съ винтовками за спиной, одинъ за другимъ, передъ самымъ царемъ, мы соскакивали съ сѣдла и, въ слѣдующій темпъ, оттолкнувшись ногами, лихо взлетали птицами на конскую спину.

Потомъ перешли въ рысь.

Проѣзжая мимо парадной ложи, круто поворачивали голову въ сторону государя, продолжавшаго съ интересомъ слѣдить за ѣздой.

— Какъ ваша фамилія? — неожиданно обратился ко мнѣ государь.

— Черкесовъ, Ваше Императорское Величество!

— Очень хорошо! — съ улыбкой произнесъ царь, ласково кивнулъ головой и повернулся съ какою-то фразой къ начальнику училища...

На обратномъ пути училищный дворъ уже былъ наполненъ толпой.

Впереди стоялъ вахмистръ Бѣлявскій, съ сверхсрочными унтерами, вѣстовыми, уборщиками, офицерской прислугой, „штатскими изъ манежа“. Царь шелъ, окруженный со всѣхъ сторонъ юнкерами, мимоходомъ здоровался съ людьми, и по прежнему ласково улыбалось его лицо и такъ же привѣтливо смотрѣли сѣро-голубые глаза.

Потомъ, царь посѣтилъ церковь, приложился къ кресту, побесѣдовалъ съ батюшкой...

Въ вестибюлѣ было полно.

Неподалеку отъ подъѣзда стояли сани, подъ синею сѣткой, съ могучей вороной парой, нетерпѣливо бившей передними ногами по снѣгу. Толстый кучеръ, съ густою черною бородой, въ темносинемъ кафтанѣ съ медалями на груди

и въ голубой четыреугольной шляпѣ, мощными руками удерживалъ рысаковъ.

По знаку, кучеръ тронулъ возжами и подалъ пару къ подъѣзду.

Царь сѣлъ въ сани. Рядомъ съ нимъ усѣлся флигель-адъютантъ. Въ послѣднiй разъ государь повернулъ голову, улыбнулся, отдалъ честь.

— Ну, съ Богомъ!.. Трогай! — обратился царь къ кучеру.

И въ это мгновенье загремѣло „ура!“.

Прорвавшись въ широко распахнутыя входныя двери, въ однихъ мундирахъ, юнкера ринулись къ санямъ, облѣпили со всѣхъ сторонъ, одни ухватились за козлы, другiе стали ногой на полозья.

Медленнымъ шагомъ, тяжело перебирая ногами, двинулись къ воротамъ царскiе рысаки.

Новопетергофскiй проспектъ былъ усѣянъ народомъ.

Высоко на воздухъ кидались шапки.

И съ новой силой гремѣло многоголосое, на всѣ лады переливающееся „ура!“

Царь приказалъ отпустить всѣхъ въ трехдневный отпускъ.

Были освобождены арестованные, а штрафные переведены въ высшiй разрядъ...

20.

Неожиданный прiѣздъ государя оставилъ сильное впечатлѣнiе.

Императоръ, на третьемъ году своего царствованiя, посѣтилъ Школу впервые. Его отецъ никогда не былъ въ Школѣ. Александръ II посѣщалъ ее сравнительно часто.

Въ первый разъ, въ сущности, мы имѣли возможность наблюдать государя въ непосредственной близости, видѣть его въ простой обстановкѣ, слышать изъ его устъ простыя, обыденныя слова. Насъ поразила его скромность, начиная съ внѣшняго облика, небольшой, самой обыкновенной фи-

гуры, одѣтой въ пѣхотный сюртукъ, кончая всѣмъ его поведеніемъ, въ которомъ та же скромность граничила съ нѣкоторой застѣнчивостью.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, надолго запомнился привѣтливый взоръ, мягкая, добрая, ласковая улыбка, его манера, выслушивая чьи либо слова, нерѣшительно покручивать усъ и держать руку, заложенной за аксельбантъ.

Что же касается высочайшей милости, это было встрѣчено самымъ искреннимъ ликованіемъ.

Школа опустѣла на три дня. Всѣ наказанія были отмѣнены.

Громовъ имѣлъ, въ данномъ случаѣ, исключительное право поблагодарить императора за посѣщеніе. Онъ неожиданно попалъ подъ „амнистію". Его проступокъ былъ преданъ забвенію...

Но на возобновившійся „субботникъ" я не поѣхалъ.

Какъ ни тянуло меня къ карточному столу, къ компаніи Фрэда и прочихъ партнеровъ, я нашелъ въ себѣ силы устоять противъ соблазна и направился на Моховую.

Мнѣ хотѣлось подѣлиться впечатлѣніями съ Анечкой, съ Димкой, съ Евдокіей Валерьяновной. Мнѣ было какъ-то неловко отпраздновать этотъ памятный день хмѣльной попойкой и азартной игрой.

На Моховой, за исключеніемъ графа, всѣ были въ сборѣ.

Евдокія Валерьяновна приняла меня въ будуарѣ, куда вскорѣ вошли Дима и Анечка. Волнуясь, перескакивая отъ одной картины къ другой, я разсказывалъ о пріѣздѣ царя, о его встрѣчѣ подъесауломъ Пѣшковымъ, о посѣщеніи нашей столовой, манежа, церкви, о милостивыхъ словахъ государя, обращенныхъ ко мнѣ, о томъ незабываемомъ впечатлѣніи, которое онъ произвелъ своимъ простымъ отношеніемъ, сердечною ласкою, мягкостью и вниманіемъ.

Меня слушали съ интересомъ.

Анечка сидѣла въ своей обычной спокойной позѣ и только, время отъ времени, комкала въ ручкахъ уголокъ

батистоваго, обшитаго кружевцами платочка. Димка глядѣлъ на меня широко раскрытыми глазами, задавалъ неожиданные вопросы, выводилъ свои заключенія. Евдокія Валерьяновна, полулежа на мягкомъ диванѣ, снисходительно улыбалась.

— Его величество очень милъ! — замѣтила Евдокія Валерьяновна и граціознымъ движеніемъ расправила образовавшуюся на бедрѣ складку. — Жоржикъ, вы обратили вниманіе на его взглядъ, какой-то неземной, если можно такъ выразиться, потусторонній?.. Онъ чаруетъ васъ, проникаетъ насквозь, завораживаетъ, запоминается навсегда!.. Воображаю, какъ всѣ вы довольны его посѣщеніемъ?.. Для многихъ это событіе!.. На всю жизнь!

— Ахъ, мы до сихъ поръ не можемъ опомниться! — воскликнулъ я въ какомъ-то экстазѣ. — Подумайте, такъ неожиданно, безъ всякаго предупрежденія, безъ всякой свиты!.. Точно простой офицеръ!.. Адскій шикъ!.. Кррасота!... Между тѣмъ, это же — царь!

Евдокія Валерьяновна засмѣялась.

Она собиралась что-то сказать, но въ эту минуту, изъ прихожей, донесся звонокъ.

Димка выбѣжалъ изъ будуара, черезъ мгновенье вернулся и, съ лукавой улыбкой, обернувшись къ Анечкѣ, произнесъ:

— Анечка, твой женихъ пришелъ!

Анечка улыбнулась и погрозила пальчикомъ.

— Ахъ, опять этотъ тюлень!.. Voila!.. Прямо несносно! — недовольнымъ тономъ сказала Евдокія Валерьяновна и, сдѣлавъ брезгливую гримасу, обратилась ко мнѣ:

— Жоржикъ, прошу васъ, займите его пять минутъ!.. Ну, скажите, что у меня мигрень что-ли, насморкъ, воспаленіе легкихъ, чахотка, однимъ словомъ, что хотите!.. Я не приму!

Я кивнулъ головой и вышелъ изъ комнаты.

Въ прихожей стоялъ Иванъ Клементьевичъ. Онъ уже снялъ свою тяжелую хорьковую шубу съ пышнымъ бобровымъ воротникомъ, бѣлое шелковое кашнэ, и поправлялъ передъ зеркаломъ воротничекъ манишки.

Увидѣвъ меня, склонилъ голову и улыбнулся обычной широкой улыбкой, усматривая во мнѣ, со дня знакомства, какого-то члена семьи.

Мы поздоровались.

— Простите, Иванъ Клементьевичъ! — произнесъ я, съ слегка наигранною развязностью, пытаясь придать голосу возможно любезное выраженіе. — Евдокія Валерьяновна не вполнѣ здорова!.. Есть основанія даже думать, что гриппъ... Сегодня она не принимаетъ!

Иванъ Клементьевичъ растерянно посмотрѣлъ на меня.

— Ахъ, вотъ какъ! — тихо сказалъ онъ, въ недоумѣніи, и его широкое веснущатое лицо потемнѣло, точно у человѣка, услыхавшаго неожиданное извѣстіе. — Какъ же такъ?.. А я было собрался...

Онъ не договорилъ, потупился, на минуту замялся и закончилъ фразу словами:

— Его сіятельство графъ Михаилъ Николаевичъ давеча мнѣ предложилъ... Оно конечно... Нынче почитай въ цѣльномъ городѣ эпидемія... Покорно прошу извинить!

Застегнувъ наглухо пуговицы новой сюртучной пары и окутавъ шею фуляромъ, Иванъ Клементьевичъ нерѣшительно взглянулъ на меня и добавилъ:

— Прошу передать поклонъ ихъ сіятельствамъ, графинѣ Евдокіи Валерьяновнѣ и Аннѣ Михайловнѣ!.. Ну, что-жъ, зайду въ другой разъ!.. Какъ поправятся!.. Полагаю, опасности не предвидится?

— О, нѣтъ! — успокоилъ я Ивана Клементьевича. — Болѣзнь не носитъ серьезнаго характера!

— Покорно прошу извинить! — сказалъ еще разъ Иванъ Клементьевичъ.

Я помогъ ему надѣть шубу и мы разстались...

Въ будуарѣ меня встрѣтили смѣхомъ.

Смѣялась Евдокія Валерьяновна, смѣлась Анечка, хохоталъ Димка.

— Жоржикъ, отгадайте чему мы смѣемся? — улыбну-

лась графиня. — Вотъ мы только что спрашивали другъ у друга — умѣетъ-ли Иванъ Клементьевичъ танцоватъ па-д'эспанъ?.. Рѣшили, что не умѣетъ!.. Въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Клементьевичъ и па-д'эспань?.. Тюлень и Терпсихора, passez moi le mot!.. Ха-ха-ха-ха... Да, между прочимъ, какъ у васъ дѣло съ билетами на морской балъ?.. Можно разсчитывать?

— Ну, конечно, Евдокія Валерьяновна! — отвѣчалъ я. — Какія же могутъ быть сомнѣнія?.. Я обѣщалъ вамъ билеты и привезу на этихъ дняхъ!

— Merçi!

Графиня на минуту задумалась.

— Дѣти! — обратилась Евдокія Валерьяновна, какъ будто снова что-то неожиданно вспомнивъ. — О чемъ же вы думаете?.. Сегодня первый снѣжокъ?.. Прикажите Митрофану заложить сани!.. Прокатились бы по первопутку?

Дима и Анечка захлопали въ ладони, подбѣжавъ къ дивану поцѣловали графиню и выскочили изъ комнаты.

— Ну, а вы, Жоржикъ, въ качествѣ ментора! — улыбнулась Евдокія Валерьяновна. — Поручаю вамъ дѣтей!

И прикрывъ рукою зѣвокъ, откинулась на подушки дивана...

Черезъ полчаса, мы сидѣли въ саняхъ, укрывшись тяжелою медвѣжьей полостью. Димка сидѣлъ между мною и Анечкой. Рослый, караковый въ яблокахъ жеребецъ, широкимъ ходомъ несъ насъ по Набережной.

Въ черной бархатной шубкѣ и въ такой же шапочкѣ, которая удивительнымъ образомъ шла къ ея золотистой головкѣ, Анечка сидѣла по правую руку отъ Димки, съ нѣжнымъ румянцемъ на щечкахъ, съ восхищенной улыбкой въ большихъ синихъ глазахъ. Мы молчали и только обмѣнивались взорами, въ то время, какъ маленькій пажикъ занималъ насъ своей забавною болтовней.

Кругомъ было бѣло.

Мостовыя, панели, гранитный парапетъ набережной, все было покрыто рыхлымъ, пушистымъ снѣгомъ. И толь-

ко рѣка, словно ощерившаяся львица, вздувъ могучую грудь, несла темныя, мохнатыя, злобныя воды...

Не доѣзжая Зимней Канавки, я увидѣлъ неожиданно Дробышевскаго.

Звеня шпорами, въ алой, отороченной блестящимъ барашкомъ драгункѣ, въ длинной до пятъ, туго стянутой цвѣтнымъ кушакомъ, кавалерійской шинели, съ косымъ разрѣзомъ на рукавахъ, съ шашкой черезъ плечо, въ бѣлоснѣжныхъ перчаткахъ и портупеѣ, онъ шелъ молодцоватой походкой и уже издали, осклабившись, отдавалъ мнѣ честь и привѣтливо дѣлалъ ручкой.

— Бонжуръ, монъ шеръ! — крикнулъ, поровнявшись, Станиславъ Станиславовичъ. — Команъ са ва?

Гасли вечернія сумерки, когда мы вернулись домой...

21.

Три дня пролетѣли точно мгновенье.

Всѣ три дня я провелъ на Моховой и только на короткое время посѣтилъ тетушку Марію Васильевну. Я не былъ у ней уже въ теченіе многихъ недѣль и тантъ Мари имѣла всѣ основанія безпокоиться.

Она уже собралась было даже заѣхать въ Школу, предполагая, что я заболѣлъ или что со мною снова стряслась бѣда.

— Ну, слава-те Господи! — встрѣтила меня Марія Васильевна. — Георгій, ты что же это глазъ не кажешь?... Совсѣмъ забылъ!.. Скучно тебѣ со мною, старухой, сидѣть?

Когда я разсказалъ о посѣщеніи училища государемъ, Марія Васильевна растрогалась. Съ большой теплотой отозвалась о царѣ и, въ особенности, объ императорѣ Александрѣ II, въ котораго, будучи молоденькой барышней, даже была влюблена:

— Красавецъ былъ писаный!... Шармеръ!.. Истинно царской породы!.. Всѣ мы отъ него, въ былое время, съума посходили!

И тетушка окунулась въ воспоминанія...

Три дня, проведенные мною на Моховой, были отмѣчены тою же исключительной близостью и сердечностью со стороны Евдокіи Валерьяновны, графа Михаила Николаевича и ихъ дѣтей.

Состоялся небольшой карточный вечеръ, въ которомъ я принялъ участіе. Снова заходилъ Иванъ Клементьевичъ и, на этотъ разъ, даже обѣдалъ. На очередной журфиксъ явилось нѣсколько близкихъ друзей. За ужиномъ развивались политическія соображенія.

— Имперія и республика!— съ увлеченіемъ, слегка волнуясь и выразительно разводя руками, говорилъ Алексѣй Николаевичъ Протозановъ. — Политическій парадоксъ, господа, не больше!.. Могу васъ увѣрить!.. Вода и пламя!.. Небо и земля!.. Вы представляете себѣ что либо болѣе противоестественное, если можно такъ выразиться?.. Абсурдъ!.. Совершеннѣйшая фантасмагорія!.. Отказываюсь понимать нашу политику!

Николай Эдуардовичъ фонъ Руммель, играя складками чисто выбритыхъ губъ, аргументировалъ реальными доводами.

— Contradictio in adjecto! — улыбнулся Николай Эдуардовичъ. — Союзъ является политической необходимостью!.. Союзъ должно разсматривать, какъ потентатъ...

— Виноватъ! — перебилъ Алексѣй Николаевичъ. — Но въ такомъ случаѣ почему не положить въ основаніе иной принципъ и не перейти къ иной международной группировкѣ, въ соотвѣтствіи съ династическими интересами государства?.. Боюсь вѣрить, но въ случаѣ европейскаго катаклизма, интересы самодержавія и монархическаго режима могутъ подвергнуться серьезному испытанію!

Николай Эдуардовичъ улыбнулся вторично.

— Повторяю, союзъ является политическою необходимостью! — произнесъ онъ. — Всѣ попытки устранить противорѣчія и согласовать нашу политику съ таковой могущественнаго сосѣда, къ прискорбію, не дали ожидаемыхъ результатовъ!.. Союзъ должно разсматривать съ точки зрѣнія взаимной страховки противу давленія извѣстныхъ силъ... Si vis pacem — para bellum!... Не взирая на

скептицизмъ нѣкоторыхъ круговъ, оба правительства одушевлены искреннимъ желаніемъ связать обѣ націи въ единый, мощный, основанный на взаимномъ довѣріи организмъ, въ цѣляхъ сохраненія необходимаго европейскаго равновѣсія!

— Совершенно вѣрно! — замѣтилъ графъ Михаилъ Николаевичъ. — Съ своей стороны добавлю, что союзъ имѣетъ основанія еще болѣе вырасти въ своемъ общеполитическомъ значеніи!.. Ожидается пріѣздъ президента республики!.. Въ этомъ направленіи уже ведутся переговоры!.. Уже намѣчена общая схема офиціальнаго торжества!

Алексѣй Николаевичъ остался, однако, при своемъ мнѣніи и, съ недовольнымъ видомъ, перейдя изъ столовой въ гостиную, сѣлъ за карточный столъ...

Моя тема продолжаетъ развиваться въ иномъ направленіи.

Всѣмъ политическимъ соображеніямъ, не взирая на ихъ глубокій государственный смыслъ, всѣмъ спорамъ и разсужденіямъ по вопросамъ общественнаго значенія, свѣтскимъ разговорамъ за чайнымъ столомъ или даже во время игры въ ставшій, за послѣднее время, столь моднымъ бриджъ-плафонъ, я предпочитаю бесѣду съ Анечкой, наединѣ, въ ея скромной комнаткѣ, находящейся въ концѣ длиннаго коридора, мягко освѣщаемой маленькой электрической лампочкой подъ голубенькимъ колпакомъ.

Мои отношенія къ Анечкѣ продолжаютъ находиться на той ступени сердечнаго чувства, которое еще не вылилось въ вполнѣ опредѣленную форму, но съ каждой встрѣчей принимаетъ все болѣе интимный характеръ.

Въ моемъ увлеченіи есть много сантиментальныхъ чертъ.

Мнѣ доставляетъ наслажденіе дѣлиться съ молодой дѣвушкой своими мыслями, своими планами, заботами и проказами, радостями и горемъ.

Очень часто, точно къ повѣренной моихъ маленькихъ

тайнъ, я обращаюсь къ Анечкѣ за совѣтомъ. Я посвящаю ее, мало по малу, въ нѣкоторыя детали моей юнкерской жизни и, во всѣхъ случаяхъ, встрѣчаю съ ея стороны деликатность, сочувствіе, ласку, трогательное участіе.

Каждая новая встрѣча съ Анечкой будитъ во мнѣ какія-то дремлющія на днѣ сознанія чувства, очищаетъ мой духовный міръ и направляетъ меня въ сторону исканія какихъ-то новыхъ путей.

Точно передъ ликомъ святыни, я начинаю видѣть мерзость, низость, пошлость многихъ моихъ поступковъ.

Я начинаю нравственно прозрѣвать и исцѣляться...

22.

Слухи, упорно державшіеся съ начала учебнаго года, въ концѣ концовъ, получили свое подтвержденіе.

„Плѣшакъ" принялъ въ командованіе 38-ой драгунскій Владимірскій полкъ и разстался со Школой.

Его уходъ не вызвалъ у насъ особаго сожалѣнія.

По натурѣ это былъ, въ сущности, недурной человѣкъ, мягкій, отходчивый, склонный идти на уступки. Но въ немъ не наблюдалось тѣхъ качествъ истиннаго кавалерійскаго начальника — лихости, смѣлости, личной бравады, которыя, съ точки зрѣнія юнкеровъ Школы, должны доминировать надъ всѣмъ остальнымъ.

Командиромъ эскадрона назначенъ Нижегородскаго драгунскаго полка полковникъ Константинъ Адамовичъ Карангозовъ.

Онъ еще не пріѣхалъ, но по свѣдѣніямъ со стороны, это бравый начальникъ, увѣнчанный къ тому же георгіевскимъ крестомъ за безумно-мужественную атаку, въ конномъ строю, турецкихъ окоповъ, во время войны 1877 года.

Прибытіе новаго командира является теперь главной темой нашихъ бесѣдъ...

Другой очередной темой служитъ предстоящій, въ ближайшемъ будущемъ, балъ въ Морскомъ Корпусѣ. Этотъ

балъ, въ отличіе отъ многихъ другихъ, привлекаетъ наше вниманіе.

Какъ ни страненъ, на первый взглядъ, союзъ кавалериста съ гардемариномъ, но именно среди морскихъ кадетъ, отчасти среди пажей и воспитанниковъ лицея, мы имѣемъ, по преимуществу, наибольшее число друзей.

Можетъ быть, до нѣкоторой степени, это объясняется тѣмъ привиллегированнымъ положеніемъ, въ которомъ, подобно Школѣ, находится Морской Корпусъ.

Я, въ частности, имѣю тамъ многихъ пріятелей. Одно время меня весьма привлекала къ себѣ морская служба и, если я сталъ юнкеромъ Школы, здѣсь сыграли роль нѣкоторыя побочныя обстоятельства.

Многіе дѣятельно готовятся принять участіе въ этомъ интересномъ праздникѣ, одномъ изъ наиболѣе эффектныхъ въ жизни столицы, привлекающемъ лучшіе круги общества и цѣлый цвѣтникъ молоденькихъ, сплошь и рядомъ, въ первый разъ выѣзжающихъ въ свѣтъ дѣвушекъ.

Дробышевскій, въ особенности, занятъ приготовленіями.

Уже въ теченіе мѣсяца онъ умышленно не ходилъ къ парикмахеру и теперь создаетъ на своей головѣ какое-то грандіозное сооруженіе, съ проборомъ посерединѣ и двумя волнистыми каскадами по бокамъ. Въ день бала это будетъ напомажено и завито, равно какъ и усики, которые, въ свою очередь, за послѣднее время весьма выиграли въ ростѣ и въ цвѣтѣ...

Само собой разумѣется, Станиславъ Станиславовичъ не преминулъ вспомнить о нашей встрѣчѣ у Зимней Канавки.

Онъ подошелъ ко мнѣ съ почтительной улыбкой и привѣтствовалъ легкими рукоплесканіями.

— Браво! — произнесъ Дробышевскій. — Ну и ну!.. Такъ это твоя графиня?.. Это же прелесть!.. Мифъ!.. Греза!.. Мечта!.. Чортъ возьми, я и не предполагалъ, что у тебя такой вкусъ?.. Кррасота!.. Это же двѣнадцать

балловъ и даже съ плюсомъ!.. Пароль д'оннеръ!.. Вполнѣ одобряю!.. Прими мои поздравленія!.. Пистолетъ!

Слова Дробышевскаго всколыхнули во мнѣ какое-то странное чувство, въ которомъ горделивое самоудовлетвореніе мѣшалось съ неясной тревогой. Не взирая на внѣшнюю корректность произнесенныхъ словъ, казалось въ эту минуту, что грязныя лапы моего друга оскверняютъ Анечку своимъ нечистымъ прикосновеніемъ.

Я холодно на него взглянулъ и ничего не отвѣтилъ.

Между тѣмъ, Станиславъ Станиславовичъ продолжалъ:

— Она будетъ, конечно, на морскомъ балу?.. Ты долженъ меня обязательно съ ней познакомить!.. Принципіально!.. Слышишь?.. И пожалуйста не ревнуй!.. Отбивать я не собираюсь!

Сказавъ еще нѣсколько словъ, Станиславъ Станиславовичъ повернулся и направился въ четвертый взводъ, держа, по обыкновенію, руки въ карманахъ и насвистывая любимую пѣсенку:

„А-а-афицеръ выходитъ въ Ямбургцы,
Въ Ямбургцы,
Въ Ямбургцы!..“

23.

Храмовой праздникъ Морского Корпуса приходится на шестое ноября.

Въ этотъ день, выстроившись въ парадныхъ мундирахъ, при знамени и оркестрѣ, въ своемъ знаменитомъ залѣ, едва-ли не самомъ обширномъ изъ всѣхъ залъ столицы, батальонъ служитъ торжественный молебенъ, съ провозглашеніемъ многолѣтія Царствующему Дому, флоту, родному корпусу.

Потомъ слѣдуетъ парадный обѣдъ, съ виномъ и традиціоннымъ гусемъ съ яблоками. Кромѣ кадетъ, очень много бывшихъ воспитанниковъ корпуса, а за отдѣльнымъ

„адмиральскимъ“ столомъ сидятъ адмиралы, въ густыхъ золотыхъ эполетахъ, съ чернымъ двуглавымъ орломъ.

Вечеромъ начинается балъ.

Къ этому времени, огромная зала и прилегающія къ ней помѣщенія, точно рукой кудесника, превращены въ изумительный видъ. Сказочные сады чередуются съ подводными царствами, съ волшебными гротами, рифами, скалами, съ таинственными кіосками и фантастическими морскими чудовищами.

Яркій свѣтъ люстръ и тысячи электрическихъ лампочекъ, гирлянды разноцвѣтныхъ фонариковъ, отражаются въ стѣнныхъ зеркалахъ, играютъ тысячами огней на золотѣ и серебрѣ военныхъ мундировъ, на брильянтахъ и украшеніяхъ молодыхъ дамъ, на свѣжихъ личикахъ барышень, на очаровательныхъ взорахъ, взглядахъ, улыбкахъ.

Въ вестибюлѣ не протолкаться.

Десятки гардемариновъ, съ цвѣтными бутоньерками на груди, любезно встрѣчаютъ гостей, указываютъ дорогу, слѣдятъ за общимъ порядкомъ. Гулъ тысячи голосовъ превращается въ какое-то сплошное жужжанье — и все новыя и новыя волны вливаются въ бальную залу, въ море сказочнаго огня.

Но вотъ взмахнула палочка дирижера — и подъ звуки мелодичнаго вѣнскаго вальса, то здѣсь, то тамъ уже закружились отдѣльныя парочки, и тотчасъ, слѣдуя имъ, уже половина бальнаго зала принимаетъ участіе въ танцахъ. Мелькаютъ легкія воздушныя платьица, обнаженныя шейки и ручки, бѣлые бальные башмачки, море шелка, пѣнистаго газа и кружева. Сверкаютъ эполеты и воротники парадныхъ мундировъ, звенятъ кавалерійскія шпоры, раздаются команды распорядителей:

— Grand rond!...

— Chaîne chinoise!...

— Valsez comme vous êtes!...

Прямо отъ тетушки Маріи Васильевны, свернувъ съ шестой линіи на набережную Васильевскаго Острова, я пріѣхалъ къ началу бала.

Въ вестибюлѣ, въ стильныхъ морскихъ мундирахъ, съ черными лакированными поясами, съ массивными якорями на бѣлыхъ, украшенныхъ золотымъ галуномъ погонахъ, меня встрѣтили пріятели-гардемарины — Жоржъ Добролюбовъ, Петька Крашенинниковъ, графъ Нироdъ, Шрамченко, Пилкинъ 12:

— Здравствуй, Черкесовъ!

— Какъ живешь?.. Что хорошенькаго?

— Спасибо за поздравленія!

— А твои, кажется, уже здѣсь!.. Бѣги скорѣй!..

Быстро раздѣвшись, я тотчасъ поднялся въ бальную залу, побродилъ по всѣмъ направленіямъ, разыскивая Анечку и Евдокію Валерьяновну, и снова спустился внизъ.

Вскорѣ онѣ пріѣхали.

Я помогъ имъ раздѣться, провелъ въ дамскую комнату, а потомъ поднялся съ ними наверхъ, пролагая путь среди танцующихъ и усадивъ подлѣ знаменитаго „наваринскаго брига“.

Евдокія Валерьяновна была въ изящномъ бархатномъ туалетѣ, весьма выгодно оттѣнявшемъ ея матовое лицо, плечи, высокую бѣлую грудь. На темныхъ волосахъ сверкала небольшая брильянтовая корона, роскошный кулонъ украшалъ бюстъ.

Анечка была въ бѣломъ бальномъ открытомъ костюмѣ. Ея пышные бѣлокурые локоны были слегка подвиты и придавали ей прелестный, нѣсколько пикантный и кокетливый видъ. Въ розовыхъ ушкахъ сидѣла пара мелкихъ жемчужинокъ и такая же ниточка охватывала тонкую шейку.

Какъ только заиграли новый вальсъ, я пригласилъ Анечку, сдѣлалъ съ ней туръ и подошелъ къ Евдокіи Валерьяновнѣ.

Затѣмъ, я представилъ моихъ друзей — князя Андроникова, Гатовскаго, Панютина, Офросимова, Шмидта. Изъ нихъ настоящимъ танцоромъ былъ, въ сущности, одинъ Шмидтъ, тотъ самый Шмидтъ, про котораго, какъ мы утверждаемъ, Кузьма Прутковъ сложилъ свой шутливый стишокъ:

„Вянетъ листъ, проходитъ лѣто,
Иней серебрится,
Юнкеръ Шмидтъ изъ пистолета
Хочетъ застрѣлиться!..“

Онъ не пропускалъ ни одного танца и, по очереди, приглашалъ то Евдокію Валерьяновну, то Анечку. Это былъ исключительный по неутомимости кавалеръ, элегантный и ловкій, танцовавшій, точно священнодѣйствуя, съ какимъ-то особымъ вдохновеннымъ и сосредоточеннымъ видомъ, вкладывавшій, казалось, всю душу въ каждое па, въ каждый самый незначительный пируэтъ.

Потомъ, откуда-то подскочилъ Дробышевскій, дернулъ меня за рукавъ и я представилъ его...

Станиславъ Станиславовичъ поразилъ меня своимъ великолѣпіемъ.

Онъ былъ въ новомъ, собственномъ, съ иголочки сшитомъ мундирѣ, съ роскошнымъ кованымъ воротникомъ, изъ подъ котораго высоко, на цѣлый вершокъ, выглядывалъ бѣлый крахмальный воротничокъ сорочки. Голова его была завита мелкимъ рыжеватымъ барашкомъ, а усы были закручены маленькими плутовскими колечками.

Съ первыхъ же словъ, онъ предложилъ Анечкѣ руку и увелъ въ сосѣднюю комнату, съ открытымъ буфетомъ. Вскорѣ, то же самое онъ продѣлалъ съ Евдокіей Валерьяновной и, черезъ какихъ нибудь полчаса, уже держалъ себя съ ними, точно старый знакомый.

Изъ рукава мундира — по его мнѣнію это шикарно, поминутно извлекалъ шелковый фуляръ и обмахивался имъ, распространяя острое благоуханіе шипра. Широко отставивъ мизинецъ правой руки, съ огромнымъ топазомъ, украшалъ свою рѣчь эффектной жестикуляціей.

Евдокію Валерьяновну занималъ веселой болтовней, шутилъ, хохоталъ, имитировалъ танцующихъ кавалеровъ и дамъ.

Передъ Анечкой разсыпался мелкимъ бѣсомъ, каламбурилъ, коверкалъ французскія фразы, разсказывалъ анекдоты, величалъ ее все время графиней и вашимъ сіятельствомъ, бѣгалъ волчкомъ по залѣ, разыскивалъ и представлялъ ей своихъ друзей — юнкеровъ, гардемариновъ, пажей, и даже успѣлъ заключить съ ней какое-то пари à discrétion.

Одновременно же, съ большой щедростью, расточалъ передъ Анечкой мои достоинства и дѣлалъ значительное лицо.

— Черкесовъ?... Да это же мой первый другъ! — играя вѣеромъ Анечки, говорилъ Дробышевскій и лукаво заглядывалъ ей въ глаза. — Я за него пойду въ огонь и въ воду!.. Жизни не пожалѣю!.. Графиня, вы мнѣ не вѣрите?.. Клянусь!.. Честное благородное слово!.. Пароль д'оннеръ!

Анечка отъ души смѣялась.

Ея раскраснѣвшееся отъ танцевъ личико выражало полнѣйшій восторгъ.

Это былъ, въ сущности, ея первый большой балъ и она отдавалась ему съ искреннимъ увлеченіемъ. Она имѣла огромный успѣхъ. Ей не позволяли отдохнуть ни минуты. Танецъ за танцемъ, вальсы, мазурки, кадрили, па-де-катръ и шаконь, все было разобрано и расписано моими друзьями и мною.

Не менѣе двухъ десятковъ кавалеровъ окружали ее со всѣхъ сторонъ, ухаживали за нею, бѣгали, слѣдили за каждымъ движеніемъ, расточали любезности и, по предложенію Дробышевскаго, единогласно провозгласили „царицей бала".

Что касается Евдокіи Валерьяновны, графиня отказалась отъ дальнѣйшаго участія въ танцахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, было чрезвычайно жарко и даже тѣсно, не взирая на гигантскіе размѣры бальнаго зала. Графиня оживленно бесѣдовала съ моими друзьями, съ большимъ интересомъ слѣдила за танцами и согласилась только со мной протанцовать котильонъ...

Но вотъ, лавируя среди танцующихъ, окруженный свитою адмираловъ, тяжелой грузной походкой, въ темномъ

морскомъ мундирѣ съ голубой андреевской лентой черезъ плечо, проходитъ генералъ-адъютантъ, великій князь Алексѣй.

Онъ усаживается неподалеку отъ насъ и виденъ, какъ на ладони — огромная широкоплечая фигура, небольшая коротко остриженная голова, красивое блѣдное породистое лицо съ холеной русой бородкой. Безучастнымъ взоромъ онъ то смотритъ на танцы, то, кидая отдѣльныя фразы, бесѣдуетъ со старыми адмиралами.

И тотчасъ на середину бальнаго зала выплываетъ огромный корабль, подъ вымпеломъ бога морей — его величества короля Нептуна, который сидитъ тутъ же, съ длинной серебряной бородой, въ коронѣ, съ золотымъ трезубцемъ въ рукахъ, а вокругъ него, во всѣхъ положеніяхъ, лежатъ нимфы, сирены, русалки.

Нептунъ наблюдаетъ вихрящійся вокругъ него котильонъ.

Съ гикомъ и звономъ проносятся лихія русскія тройки, съ разноцвѣтными ленточками вмѣсто возжей, съ широкими дугами, съ бубенцами. Сверху, снизу, со всѣхъ сторонъ сыплется, точно снѣгъ, серпантинъ и конфетти. Сверкаютъ дѣвичьи глазки, мелькаютъ стройныя ножки въ бѣлыхъ атласныхъ чулочкахъ и башмачкахъ, звенитъ смѣхъ, лязганье шпоръ, щелканье каблуковъ, и всѣ — лейтенанты и барышни, кадеты и дамы, гардемарины, корнеты и юнкера, въ бѣшеномъ темпѣ, откалываютъ мазурку:

— Mazourque générale, s'ils vous plaît!..

А въ сосѣднихъ помѣщеніяхъ, превращенныхъ въ живописные гроты и подводныя царства, то же движеніе, тѣ же улыбки, смѣхъ, восклицанія, та же непроходимая толчея. На длинныхъ столахъ — горы закусокъ, пирожныхъ, тортовъ, конфектъ, фруктовъ, мороженаго, бутылокъ съ сельтерской и фруктовой водой, съ лимонадомъ, съ оршадомъ, съ виномъ, массивныя серебряныя чаши съ крюшономъ.

Матовый свѣтъ фонарей, синихъ, голубыхъ, фіолетовыхъ, нѣжно ласкаетъ глаза, утомленные огнями бальнаго

зала. Мягкіе диваны и кресла располагаютъ къ уюту, къ интимной бесѣдѣ. А со стѣнъ глядятъ лики старыхъ боевыхъ адмираловъ, гордости русскаго флота — Ушакова, Сенявина, Лазарева, Нахимова, Корнилова и другихъ...

Балъ кончается поздно.

Въ высокихъ окнахъ уже загорается блѣдный зимній разсвѣтъ. Но попрежнему кружатся, бѣгаютъ, скачутъ разгорѣвшіяся до предѣла, уже утомленныя парочки, визжатъ скрипки, флейты, фаготы, рокочутъ віолончели и контрабасы, звонко гудятъ мѣдныя трубы, а гардемарины-распорядители, надорванными, хриплыми голосами, продолжаютъ изобрѣтать новыя фигуры кадрили.

Паркетъ усыпанъ лепестками конфетти, котильонными знаками, лентами серпантина, въ одинаковой мѣрѣ усѣявшими сукно морскихъ и кавалерійскихъ мундировъ, бальные туалеты, растрепавшіяся прически молодыхъ дѣвушекъ, дамъ...

Евдокія Валерьяновна и Анечка покинули балъ незадолго до его окончанія.

Окруженныя толпой кавалеровъ, онѣ еще въ теченіе получаса отдыхали въ одной изъ гостиныхъ, послѣ чего спустились внизъ. Мы помогали имъ одѣваться. Надѣвая мѣховой ботикъ, я долго держалъ въ рукахъ теплую ножку Анечки и потомъ проводилъ ее до кареты.

Одинъ за другимъ подкатывали кровные рысаки...

Гулко били куранты Петропавловской крѣпости...

Въ морозномъ воздухѣ горѣла утренняя заря...

24.

Какъ прекрасна столица въ эти веселые, оживленные, хлопотливые дни рождественскихъ святокъ, вся зарытая въ пушистомъ снѣгу, скованная стальными обручами мороза!

Ясно и бодро улыбается красный глазъ зимняго солнца.

Заснуло могучее лоно рѣки, по которому, съ звонкимъ визгомъ и смѣхомъ, ребятишки катаютъ салазки, длинными вереницами тянутся люди съ одного берега на другой, и такъ четко вонзается въ румяное небо острый шпицъ крѣпости.

Гранитный парапетъ Набережной, сфинксы, сѣрый камень дворцовъ — все застыло въ величавомъ спокойствіи, и только оранжевый дымъ подымается вертикальной спиралью.

Если выйти на Невскій проспектъ, кажется, нѣтъ краше улицы въ мірѣ, особенно, когда вспыхнетъ яркое электричество и тройной рядъ фонарей уйдетъ въ безконечную мглу. Сверкаютъ зеркальныя стекла витринъ Александра, Кнопа и Треймана, дробясь безчисленными огнями, искушая взоры бронзой, золотомъ, серебромъ, роскошными издѣліями изъ желтой и коричневой кожи.

На ювелирныхъ выставкахъ, на фонѣ темнаго бархата, сверкаютъ драгоцѣнные камни — подвѣски и нити изъ жемчуговъ, діадемы изъ крупныхъ брильянтовъ, изумруды, рубины, сапфиры, топазы, аквамарины.

Въ Пассажѣ и въ Гостинномъ Дворѣ, въ свою очередь, залитыхъ огнями и горами выставленнаго товара, точно растревоженный муравейникъ, растекаются по всѣмъ направленіямъ толпы столичнаго люда, возбужденнаго, шумнаго, суетливаго, охваченнаго особымъ рождественскимъ настроеніемъ.

Длинный рядъ елокъ выстроенъ по всему фасаду Двора вплоть до Публичной Библіотеки. Домовитыя хозяйки и свѣтскія дамы, чиновники и легкомысленные фланеры, статскіе и военные, молодые люди и дѣвушки, въ коротенькихъ шубкахъ и въ вязаныхъ шапочкахъ, съ коньками въ рукахъ, мелькаютъ въ общемъ потокѣ, струящемся точно горный ручей въ половодье.

Проносятся могучіе, покрытые сѣтками рысаки, шорныя пары и одиночки. — Пади, пади! — ревутъ бородатые кучера, звенятъ серебряные бубенчики, дымятся костры и бархатнымъ рокотомъ гудитъ колоколъ Исаакіевскаго собора:

— Бомммъ-бомммъ-бомммъ...
Незабвенные, чудные дни!..

Къ праздникамъ я получилъ много подарковъ, отъ тетушки Маріи Васильевны, отъ графини Евдокіи Валерьяновны, отъ Димы, отъ Анечки.

Въ свою очередь, подарилъ Димкѣ альбомъ съ формами кавалерійскихъ частей, а Анечкѣ поднесъ томикъ Лермонтова, въ изящномъ кожаномъ переплетѣ съ золоченымъ обрѣзомъ.

Отъ матушки, сверхъ ежемѣсячнаго жалованья, получилъ сто рублей на экстренные расходы.

Почти всѣ праздники, за исключеніемъ одного дня, посвященнаго тетушкѣ, я провелъ у графини. Въ сочельникъ былъ устроенъ небольшой танцовальный вечеръ, подъ елку, съ участіемъ близкихъ друзей. Была тантъ Мари, Алексѣй Николаевичъ Протозановъ, Николай Эдуардовичъ фонъ Руммель. Былъ и Иванъ Клементьевичъ, связанный съ графомъ какими-то дѣловыми соображеніями.

Иванъ Клементьевичъ, что не укрылось отъ моихъ наблюденій, оказываетъ Анечкѣ особое вниманіе. Каждый разъ, при своемъ посѣщеніи, онъ приноситъ ей цвѣты, конфеты и дѣлаетъ еще болѣе цѣнныя подношенія.

Я не ревную и отношусь къ этому съ полнымъ спокойствіемъ.

Однако, шутки ради, принимаю порой обиженный видъ. Въ этихъ случаяхъ, съ тревогой взглянувъ на меня, Анечка начинаетъ успокаивать ласковыми словами, улыбается своей милой улыбкой и проситъ даже прощенья.

Это трогаетъ меня до такой степени, что я готовъ упасть передъ ней на колѣни. Въ эти минуты мнѣ хочется покрывать поцѣлуями ея лицо, руки, шею, грудь, комкать ея бѣлокурые локоны, зарываться въ нихъ головой и, ощущая трепетъ по всему тѣлу, впивать ихъ одуряющій ароматъ...

Вмѣстѣ съ Евдокіей Валерьяновной и Анечкой, я посѣтилъ ихъ друзей. Былъ балъ-маскарадъ у княгини Куракиной, любительскій спектакль у Нарышкиныхъ, танцовальная вечеринка у Бахметевыхъ и Прокудиныхъ-Горскихъ.

Нѣсколько разъ мы были на абонементномъ спектаклѣ, въ собственной ложѣ Маріинскаго театра, гдѣ, между прочимъ, смотрѣли „Фауста", съ участіемъ молодого артиста Федора Шаляпина.

Многіе пророчатъ ему огромную будущность.

Въ самомъ дѣлѣ, это безспорный талантъ. Въ роли Мефистофеля онъ былъ безподобенъ. Могучій голосъ, фигура, артистическій гримъ, сочетаются у него съ необыкновенной по силѣ и выразительности, съ исключительною игрой. Какъ великолѣпно была проведена эта сцена въ харчевнѣ:

„На землѣ весь родъ людской
Чтитъ одинъ кумиръ свя-ще-е-е-нный!"

По настойчивому требованію публики, артисту пришлось трижды ее повторить...

Я сижу въ глубинѣ ложи, тотчасъ за кресломъ Анечки, укрытый отъ взоровъ сосѣдей тяжелою бархатною портьерой. Время отъ времени, я склоняюсь къ дѣвушкѣ, шепчу ей на ушко нѣсколько словъ и пожимаю, украдкой отъ Евдокіи Валерьяновны, теплую ручку.

И сладкая дрожь пробѣгаетъ по моему тѣлу...

Смотрѣли „Снѣгурочку" въ Александринкѣ, съ Коммисаржевской, Потоцкой, Левкѣевой, Юрьевымъ и Варламовымъ, въ роли царя Берендея.

Наконецъ, посѣтили балетъ „Щелкунчикъ" и „Лебединое Озеро"...

Иногда, прихвативъ Димку, шли съ Анечкой на катокъ въ Таврическій Садъ, взявшись за руки скользили по льду на конькахъ, спускались на салазкахъ съ горы, шутили, смѣялись, дурачились, какъ малыя дѣти...

А вечеромъ, передъ отходомъ ко сну, полулежа на мягкомъ диванѣ, въ затѣненномъ углу гостиной, я слушаю музыку.

Анечка садится за рояль, освѣщенный лампой подъ синимъ шелковымъ абажуромъ, играетъ мои любимыя вещи — веберовское „Invitation pour la valse“, „Арлекинаду“ Дриго, пичикатто изъ „Сильвіи“, фантазію Делиба изъ балета „Коппелія“.

Только одинъ разъ, въ теченіе праздниковъ, я посѣтилъ Громова и принялъ участіе въ карточной игрѣ.

Въ началѣ все шло удачно.

Но подъ конецъ я зарвался и снова проигралъ триста рублей.

Это испортило мое настроеніе...

25.

Новый командиръ эскадрона, Нижегородскаго драгунскаго полка полковникъ Константинъ Адамовичъ Карангозовъ, съ перваго дня знакомства, произвелъ отличное впечатлѣніе.

Онъ приказалъ эскадрону построиться на средней площадкѣ, поздоровался и обратился съ нѣсколькими словами.

Онъ говорилъ съ особымъ, кавказскимъ акцентомъ, нервно, порывисто, горячо, жестикулируя, а въ отдѣльныхъ мѣстахъ даже комкая свою малиновую фуражку.

Его темпераментная натура проглядывала въ каждомъ движеніи. Орлиный носъ, черные огненные глаза, черные съ легкой просѣдью волосы, стройная талія и тонкая, крайне подвижная, съ слегка изогнутыми кавалерійскими ногами фигура, изобличали въ немъ природнаго горца.

Онъ далеко не молодъ, но полонъ бодрости, неукротимой энергіи, силъ.

Какъ не похожъ онъ на „Плѣшака“, ни внѣшностью, ни складомъ натуры!

Это заслуженный боевой офицеръ и бѣлый крестикъ въ петлицѣ подымаетъ новаго командира еще выше въ нашихъ глазахъ...

Между тѣмъ, новый годъ начался для меня при крайне неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ.

Я снова втянулся въ карточную игру и судьба снова отнеслась ко мнѣ съ непонятной жестокостью. Въ теченіе нѣсколькихъ дней я потерялъ всѣ свои деньги, занялъ у Фрэда, у Громова, у Дробышевскаго. Я давно поклялся въ душѣ покончить съ моей гибельной страстью, при первой возможности, при первомъ же случаѣ, какъ только сорву крупный банкъ и хотя бы частью верну свой проигрышъ.

Теперь я даже съ ненавистью подхожу къ карточному столу, виновнику моихъ душевныхъ терзаній, съ отвращеніемъ открываю карту и сажусь на свое мѣсто.

И каждый вечеръ заканчивается для меня пораженіемъ.

Мнѣ начинаютъ сочувствовать, говорить по моему адресу успокоительныя слова и это еще больше меня раздражаетъ.

— Mon cher! — говоритъ Фрэдъ, одѣтый въ свою домашнюю желто-лимонную блузу, цвѣта „kaka dofin", съ лиловыми шелковыми шнурами. — Ты только не унывай!.. Ну, поплачь!.. Карта слезу любитъ!.. Это вѣрно! Но только не унывай!.. Въ самомъ дѣлѣ, не претъ тебѣ, бѣднягѣ!.. Прямо гробъ!.. И кто это въ тебя такъ влюбился?... Ну, признавайся?

Фрэдъ съ усмѣшкой взглянулъ на меня, покровительственно потрепалъ по плечу и запѣлъ:

„Гайда тройка, снѣгъ пушистый,
Ночь морозная кругомъ,
Свѣтитъ мѣсяцъ серебристый,
Мчится парочка вдвоемъ!.."

„Маіоръ" Зубаловъ, Веригинъ и Вонлярлярскій хохочутъ.

Князь Олегъ Ивановичъ Шелешпанскій, послѣдній представитель славнаго рода, съ которымъ насъ, въ концѣ концовъ, помирили, вступается за меня и предлагаетъ прекратить шутки...

Я рѣшилъ сдѣлать послѣднюю ставку.

Всѣ наличныя деньги я проигралъ. Мнѣ разрѣшили понтировать „на мѣлокъ“.

Фрэдъ заложилъ сто рублей и, черезъ какихъ нибудь, четверть часа, передъ нимъ выросъ ворохъ кредитныхъ билетовъ.

— Въ банкѣ девятьсотъ тридцать рублей! — произнесъ „Душа Общества“.

— Медамъ, месье, прошу дѣлать игру! — добавилъ онъ своимъ обычнымъ шутовскимъ тономъ и, по привычкѣ, скосилъ тонкія губы.

„Хазбулатъ удалой,
Бѣдна сакля твоя,
Золотою казной
Я осыплю тебя!...

запѣлъ снова Фрэдъ, посматривая на меня насмѣшливымъ взоромъ. Онъ издѣвался видимо надо мной и въ эти минуты былъ мнѣ положительно ненавистенъ. О, съ какимъ наслажденіемъ, если бы только это было возможно, я бы заставилъ его испить горечь пораженія, неудачи, позора!..

На минуту я задумался.

Потомъ вытащилъ изъ сосѣдней колоды карту.

Красная!...

Я вытащилъ еще два раза подрядъ и оба раза оказывались красныя карты.

Судьба подаетъ мнѣ знакъ!...

Сколько разъ она такъ жестоко насмѣхалась надо мною, но вотъ сейчасъ, несомнѣнно, безспорно, опредѣленно, сулитъ мнѣ удачу!.. Колебаться нельзя!.. Нужно воспользоваться счастливымъ случаемъ!.. Одинъ ударъ поправитъ мои дѣла!.. Одинъ, послѣдній ударъ!

И, выдержавъ минуту молчанія, я произнесъ:

— Ва-банкъ!

Баронъ вскинулъ монокль, съ изумленіемъ взглянулъ на меня, иронически усмѣхнулся. Онъ еще разъ взглянулъ на меня, пожалъ плечами и заметалъ. Прочіе игроки, съ на-

пряженнымъ вниманіемъ, смотрѣли то на меня, то на банкомета.

У меня оказалась пятерка и тузъ — всего шесть очковъ.

По привычкѣ, я собирался было уже прикупить, но, вспомнивъ почему-то предупрежденіе, остановился.

— Довольно! — сказалъ я.

Фрэдъ пытливо взглянулъ на меня, потомъ на потолокъ, задумался и выбросилъ карты на столъ:

— Анъ картъ!

Въ самомъ дѣлѣ, у него тоже была шестерка.

— Мовэ! — произнесъ Фрэдъ и скривилъ ротъ. — Черкесовъ, капралъ, можетъ быть, пойдемъ на мировую?

— Карту! — рѣзко потребовалъ я.

Баронъ пожалъ плечами и заметалъ снова.

На этотъ разъ онъ далъ мнѣ четверку и тройку — итого семь очковъ.

— Довольно! — съ твердостью въ голосѣ, снова произнесъ я и жгучая радость пронизала, на мгновенье, сознаніе. О, теперь я уже не сомнѣвался въ удачѣ! Судьба вознаграждаетъ меня за всѣ огорченія!.. Я возьму реваншъ и навсегда покончу съ карточною игрой!..

„Душа Общества" нервно побарабанилъ пальцами по столу, взглянулъ на свои карты и выбросилъ ихъ на столъ.

Король и дама!

Жиръ...

Фрэдъ усмѣхнулся.

— Здорово! — протянулъ онъ. — Парбле!.. Шампетръ!.. Суасантъ нефъ!.. Плакали мои денежки!.. Ну, что-жъ!.. Волей-неволей приходится покупать!

Онъ щелкнулъ пальцами по колодѣ и быстрымъ движеніемъ открылъ верхнюю карту.

На столъ упала — девятка...

— Черкесовъ, не везетъ, братъ, тебѣ!.. Прямо гробъ! — спокойно замѣтилъ Фрэдъ, выкинувъ изъ глаза монокль и широко разводя руками. — Ничего не подѣлаешь, mon cher!.. Но главное, не унывай!.. Придетъ и твой часъ!

Я всталъ изъ-за стола, выпилъ стаканъ портвейна, простился и вышелъ на улицу...

Я вышелъ на Каменноостровскій проспектъ въ тяжеломъ, мрачномъ, подавленномъ состояніи.

Было темно.

Въ воздухѣ кружился мелкій противный снѣгъ, падалъ за воротникъ шинели и превращался тотчасъ въ холодную влагу, отъ которой пробѣгала дрожь по спинѣ.

Все было такъ глупо и мерзко...

Въ головѣ блуждали смутныя мысли...

Я чувствовалъ необходимость чьей-то поддержки, теплыхъ сердечныхъ словъ, нѣжной успокоительной ласки...

Я прошелъ Троицкій мостъ, повернулъ налѣво по Набережной и дошелъ до Гагаринской улицы.

Черезъ нѣсколько минутъ, я стоялъ передъ графскимъ особнякомъ...

26.

Я поднялся наверхъ, прислушался и надавилъ кнопку звонка.

Дверь открыла мнѣ Анечка.

— Дома никого нѣтъ! — встрѣтила она меня милой, слегка изумленной улыбкой. — Мама на вечерѣ у Бахметевыхъ!.. Папа еще не вернулся изъ министерства!.. Жоржикъ, раздѣвайтесь!... Я очень рада!

Я снялъ шашку, шинель, стряхнулъ съ нея снѣгъ и, вслѣдъ за Анечкой, направился въ ея комнату.

Я сѣлъ на диванъ, опустилъ голову и, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, молчалъ.

Анечка подняла на меня свои ясные голубые глаза:

— Жоржикъ, что съ вами случилось?

Ея чуткое сердце уловило мое настроеніе.

Она подошла ко мнѣ, тонкими пальчиками прикоснулась къ моей рукѣ и сказала:

— Жоржикъ, что васъ тревожитъ?.. Признайтесь!.. Можетъ быть, я могу вамъ помочь?

Я сдѣлалъ безнадежный жестъ.

— Нѣтъ, Анечка, вы не можете мнѣ помочь! — произнесъ я со вздохомъ. — Никто не можетъ помочь!.. Я пропащій!... Я конченый человѣкъ!

Анечка посмотрѣла на меня съ безпокойствомъ и сѣла рядомъ.

— Что вы, что вы? — взволнованно прошептала Анечка и погладила меня по волосамъ. — Какъ можно такъ говорить?.. Это грѣшно!.. Жоржикъ, теперь вы должны мнѣ признаться!... Вы должны мнѣ сказать, если..

Анечка вспыхнула и опустила глаза.

Я обнялъ ее, привлекъ къ себѣ, покрылъ поцѣлуями.

И вотъ здѣсь, въ комнатѣ Анечки, съ ея узенькой дѣвичьей кроваткой, съ маленькимъ диваномъ въ углу, комодомъ и письменнымъ столикомъ, на которомъ, какъ всегда, наряду съ томикомъ Лермонтова, стоялъ хрустальный вазонъ съ бѣлыми лиліями, я открылъ свою душу.

Я признался Анечкѣ въ своемъ увлеченіи карточною игрой, въ тяжелыхъ безсонныхъ ночахъ, проведенныхъ за зеленымъ столомъ, въ безчисленныхъ проигрышахъ, въ крупныхъ долгахъ, въ той окаянной, безсовѣстной, не имѣющей названія лжи, которою я до сихъ поръ прикрывался.

Я говорилъ о своемъ желаніи покончить съ безумною страстью, лишь только мнѣ улыбнется судьба и я верну свои деньги... Говорилъ о несбывшихся ожиданіяхъ, о томъ, что темный омутъ азарта затягиваетъ меня все глубже, что я не вижу спасенія, не знаю выхода, не нахожу способа, какъ освободиться отъ захлестнувшей меня петли...

Анечка, не прерывая меня, съ широко раскрытыми отъ изумленія глазами, слушала мою рѣчь. Потомъ взяла меня за руку, крѣпко сжала ее своими пальчиками и, съ совершенно несвойственной ей силой и твердостью, сказала:

— Мы найдемъ выходъ!.. Жоржикъ, сколько же вы должны?

— Полторы тысячи! — глухо отвѣтилъ я.

Точно обдумывая какой-то планъ, Анечка, на минуту, задумалась.

— Полторы тысячи! — повторила она. — Это большія деньги!.. Но мы ихъ достанемъ!

— Жоржикъ! — сказала она, неожиданно оживившись. — Вотъ я и придумала!.. У меня есть жемчугъ и два колечка съ брильянтиками!.. Подождите, я вамъ сейчасъ покажу!

Она быстро подбѣжала къ комоду, порылась въ немъ, вынула маленькій нессесеръ и вернулась ко мнѣ. Черезъ минуту драгоцѣнности лежали у меня на ладони.

Могъ-ли я принять эту жертву?

Ни въ какомъ случаѣ!..

Я улыбнулся, обнялъ дѣвушку и снова горячо попѣловалъ.

— Милая! — прошепталъ я. — Моя радость!.. Это меня не спасетъ!.. Если заложить или даже продать!.. Необходимо придумать что нибудь другое!

— Нѣтъ, Жоржикъ, вы должны это взять!.. Я такъ хочу! — сказала Анечка и даже топнула ножкой. — Ну, сдѣлайте мнѣ удовольствіе!.. Я васъ прошу!.. Сколько можно за нихъ получить?

Я взвѣсилъ драгоцѣнности на ладони, сдѣлалъ видъ будто изучаю блескъ брильянтовъ и достоинство жемчуговъ, и передалъ ихъ Анечкѣ.

— Сто рублей! — отвѣтилъ я, грубо исказивъ болѣе или менѣе точную цыфру.

Анечка надула губки и замолчала.

— Ну, хорошо! — сказала она послѣ новаго, на этотъ разъ болѣе продолжительнаго раздумья. — Въ такомъ случаѣ, я попрошу маму дать вамъ взаймы!.. Она добрая!.. Она не откажетъ!

— Анечка, упаси Боже! — воскликнулъ я, въ одно мгновенье, съ трагической ясностью, нарисовавъ себѣ эту сцену.

Анечка улыбнулась.

— Въ такомъ случаѣ, остается единственный выходъ! — произнесла Анечка съ такой твердостью, что въ моей душѣ невольно зародилась надежда.

— Жоржикъ, вы должны просто и безъ всякой утайки написать въ Павлиновку вашей матушкѣ!... Вы должны ей признаться во всемъ!.. Другого выхода нѣтъ!

Моя надежда рухнула въ одно мгновенье...

Я задумался.

Въ сущности, не есть-ли это наиболѣе разумное и правильное рѣшеніе?... Кто почувствуетъ сильнѣе мое паденіе?.. Кто оцѣнитъ глубже мое признаніе?.. Анечка совершенно права!.. Я послѣдую ея совѣту!

— Анечка, я сдѣлаю такъ, какъ вы желаете! — произнесъ я, поднявшись съ дивана. — Спасибо за ваше содѣйствіе!.. Я этого никогда не забуду!

Анечка подняла на меня глаза.

Въ нихъ свѣтилась ласка и гордость, тріумфъ женской души, сладость самопожертвованія и многое изъ того, чего не передать словами.

— Теперь вы должны исполнить мою просьбу! — сказала Анечка и улыбнулась. — Даете слово?

— Даю, Анечка!... Конечно, даю!

— Нѣтъ, этого недостаточно!.. Вы должны мнѣ поклясться!.. Вотъ такъ же, какъ клялись во время присяги... Клянусь Всемогущимъ Богомъ...

Я разсмѣялся и повторилъ:

— Клянусь Всемогущимъ Богомъ передъ Крестомъ и Его Святымъ Евангеліемъ...

— Ну, вотъ это другое дѣло! — засмѣялась, въ свою очередь, Анечка и, серьезнымъ тономъ, раздѣляя каждое слово, сказала:

— Вы не долж-ны бо-льше иг-рать!..

27.

Я ѣхалъ на Новопетергофскій проспектъ въ какомъ-то новомъ, свѣтломъ, возвышенномъ настроеніи.

Я ѣхалъ съ облегченной душой, взволнованный и растроганный до глубины сердца, точно грѣшникъ, искупившій свои прегрѣшенія и удостоившійся святого причастія.

Передъ моимъ взоромъ стояла Анечка, съ ея скромною комнаткой, подареннымъ мною томикомъ Лермонтова въ красивомъ кожаномъ переплетѣ, съ тремя бѣлыми лиліями въ хрустальномъ вазонѣ.

Да, несомнѣнно, чья-то другая, пусть женская слабая воля, должна была оказать на меня повелительное воздѣйствіе, чтобы совлечь съ рокового пути!... Самъ я, увы, не способенъ на это!.. Я попалъ въ дурное, неподходящее для меня общество, расточаюсь въ тщетныхъ попыткахъ отъ него освободиться и все ниже и ниже скольжу по поверхности, навстрѣчу неминуемой гибели...

Довольно!

Теперь ставится точка!

Я не нарушу клятвы, которую потребовала отъ меня Анечка!

Я воскресаю для новой жизни!..

И вотъ, на другой день, во время вечернихъ занятій, я сидѣлъ въ классномъ флигелѣ и писалъ письмо матушкѣ.

Это была не простая задача.

„Милая безцѣнная матушка!" — написалъ я первую фразу и, въ теченіе долгаго времени, обдумывалъ дальнѣйшія строки:

„Передъ Вами человѣкъ, который не заслуживаетъ ни малѣйшаго уваженія и, тѣмъ не менѣе, онъ обращается къ Вамъ..."

Нѣтъ, это не годится.

Я перечеркнулъ фразу и написалъ снова:

„Простите мое обращеніе къ Вамъ, но произошло серьезное обстоятельство, которое..."

Дальше у меня ничего не выходило.

Чтобы послѣдовать совѣту Анечки, я долженъ былъ открыто признаться во всѣхъ своихъ мерзостяхъ, еще разъ дать торжественное обѣщаніе не прикасаться къ карточному столу и, въ послѣдній разъ, попросить о денежной поддержкѣ.

Матушка уже выручила меня однажды и дала возможность уплатить мои карточные долги. Я безсовѣстнымъ образомъ нарушилъ данную клятву и снова взываю о помощи. Я живо представилъ себѣ картину, которая произойдетъ по полученіи моего письма, содрогнулся и невольно измѣнилъ планъ.

Я пытался изложить иныя причины моего неожиданнаго расхода въ полторы тысячи рублей, придумывалъ цѣлый рядъ комбинацій и, въ концѣ концовъ, изорвалъ письмо на клочки.

Нѣтъ, обманывать матушку больше я не могу!

Это свыше моихъ силъ!...

Я отложилъ перо и задумался. Въ голову неожиданно пришла новая мысль.

Я вспомнилъ о Маріи Васильевнѣ. Она охотно уже нѣсколько разъ ссужала меня деньгами, которыя я своевременно возвращалъ. Тантъ Мари относится ко мнѣ съ сердечностью и любовью. Она держится обо мнѣ лучшаго мнѣнія. Въ ея глазахъ, я олицетвореніе скромности, благоразумія, чистоты.

— Не куритъ, не пьетъ и до картъ не охотникъ... Онъ у меня что красная дѣвица! — вспомнились слова Маріи Васильевны, сказанныя когда-то графинѣ.

И я улыбнулся.

Бѣдная тантъ Мари!.. Если бы она только подозрѣвала, какой шакалъ скрывается подъ невинной овечьей шкурой?.. Съ ней бы приключился столбнякъ, ударъ, разрывъ сердца!..

Я тщательно разработалъ свой планъ и, на другой день, рѣшилъ привести его въ исполненіе.

Было много шансовъ за то, что мой планъ потерпитъ крушеніе... Полторы тысячи это не сто и не двѣсти рублей... Съ другой стороны, изучивъ натуру тетушки Маріи Васильевны я могъ разсчитывать примѣрно на тридцать процентовъ успѣха... Во всякомъ случаѣ, я рисковалъ очень малымъ... А игра представлялась мнѣ вполнѣ стоющей свѣчъ...

Это будетъ моя послѣдняя ложь!..

День прошелъ незамѣтно.

Послѣ обѣда, я надѣлъ мундиръ, шинель, шашку, явился дежурному офицеру и поѣхалъ на Васильевскій Островъ...

Тантъ Мари была слегка нездорова.

Это облегчало мой планъ. Въ этихъ случаяхъ, люди становятся какъ-то отзывчивѣе, сердечнѣе, болѣе склонными къ проявленію лучшихъ сторонъ натуры.

Я поцѣловалъ Маріи Васильевнѣ руку, съ большимъ участіемъ освѣдомился о ея болѣзни, поздоровался съ сидѣвшею въ ногахъ старушкою-англичанкой.

Тантъ Мари встрѣтила меня съ обычною ласковостью, разспросила про новости, пожурила за долговременное отсутствіе.

— Другъ мой, ты кажется меня совсѣмъ знать теперь не желаешь? — сказала тантъ Мари съ напускною суровостью. — Все больше сидишь тамъ на Моховой?... Ой, кажется, на свою голову накликала я это знакомство!... Золотая принцесса тебя, чай, совсѣмъ съума свела!

Я засмѣялся:

— Что вы, тетушка?.. Что вы?.. Какія глупости?.. Повѣрьте, просто маленькій недосугъ!.. Классы, строевыя занятія, обязанности по службѣ!.. Сами посудите, вѣдь черезъ какихъ нибудь полгода — производство?

— Разсказывай! — протянула Марія Васильевна. — Ишь турусы на колесахъ плететъ!.. Ладно ужъ, ладно!.. Стрѣляный воробей!.. На мякинѣ, батюшка, не прове-

дешь!.. Ну, а какъ графъ?.. Какъ Евдокія Валерьяновна?.. Изъ за болѣзни давно у нихъ не была!.. Говорятъ, не въ духахъ, не въ авантажномъ настроеніи обрѣтается?

Вскорѣ тантъ Мари поднялась и, слегка опираясь на трость, перешла съ нами въ столовую...

28.

И вотъ, когда ужинъ подходилъ къ концу, когда Глаша подала самоваръ и, порывшись въ буфетѣ, поставила на столъ блюдо съ сладкимъ пирогомъ и вазу съ бисквитами, я повернулся къ Маріи Васильевнѣ:

— Тетушка, мнѣ нужно съ вами серьезно поговорить!

— Въ чемъ дѣло? — спросила Марія Васильевна, не мѣняя своего обычнаго строгаго выраженія, накрывая чайникъ теплой салфеткой. — Серьезно поговорить?.. Говори!.. Я слушаю!

— Видите-ли въ чемъ дѣло? — началъ я, не зная съ какой стороны лучше подойти къ волнующему меня вопросу. — Вы можете оказать мнѣ огромное одолженіе!.. Какъ бы это сказать?.. Ну, однимъ словомъ, вамъ конечно извѣстно, что черезъ какихъ нибудь шесть мѣсяцевъ мы будемъ произведены въ офицеры?

— Извѣстно! — сказала тетушка.

— Офицеру, — продолжалъ я, — какъ вамъ тоже извѣстно, полагается верховая лошадь!.. Эту лошадь офицеръ покупаетъ на собственный счетъ!.. Не правда-ли?.. Все это пустяки, но бѣда въ томъ, что лошадей нѣтъ!

— Ну, батюшка, я тутъ, кажется, помочь тебѣ не могу! — сказала тантъ Мари и развела руками. — На нѣтъ и суда нѣтъ!.. Какъ это такъ нѣтъ лошадей? — спросила она тотчасъ, съ нѣкоторой живостью. — На чемъ же вы сидите?.. На волахъ, что-ли?.. Не понимаю?

— Подождите, тетушка, подождите! — перебилъ я. — Вы сейчасъ все поймете!.. Дѣло въ томъ, какъ бы это сказать, нѣтъ лошадей подходящаго типа!.. Есть то есть, но ихъ недостаточно!.. Упряжныхъ сколько угодно, а вотъ

верховыхъ нѣтъ!.. Нѣтъ да и только!.. Ихъ приходится искать съ большимъ трудомъ, тратить драгоцѣнное время, платить за нихъ огромныя деньги, и, въ концѣ концовъ, получить отъ какого-нибудь барышника больную, порочную, разбитую на ноги клячу!

— Въ чемъ же дѣло?.. Говори толкомъ?

— А дѣло именно въ томъ, что какъ нарочно, надняхъ приведена, прямо съ завода, партія верховыхъ лошадей, молодыхъ, классныхъ, здоровыхъ, изумительныхъ по экстерьеру!.. Это просто находка!.. Адскій шикъ!.. Кррра-сота!.. Мы всѣ съума посходили!

— Да я то причемъ? — спросила тантъ Мари и лицо ея приняло нѣсколько недоумѣвающее выраженіе...

Я поднялся съ мѣста, подошелъ къ Маріи Васильевнѣ и поцѣловалъ руку.

— Милая тетушка! — произнесъ я ласковымъ голосомъ, инстинктивно чувствуя уже подъ ногами прочную почву. — Отъ васъ зависитъ все!.. Если вы ссудите мнѣ для покупки лошади небольшую сумму, я буду вамъ вѣкъ благодаренъ!.. Черезъ шесть мѣсяцевъ я возвращу!... Я получу реверсъ и деньги на обмундировку!.. Можете не сомнѣваться въ моей честности!

— Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло? — протянула Марія Васильевна. — Такъ бы и сказалъ!.. Это я могу сдѣлать!.. Что-жъ, за мной остановки не будетъ!.. Эту услугу я охотно тебѣ окажу!... Сколько же тебѣ нужно?

— Пустяки, тетушка!.. Всего полторы тысячи!

— Полторы тысячи? — съ изумленіемъ воскликнула тантъ Мари и даже приподнялась на креслѣ. — Полторы тысячи? — повторила она. — Ma foi, ты хочешь купить цѣлый табунъ?

— Не табунъ, тетушка, а хорошую кавалерійскую лошадь, — отвѣтилъ я твердымъ, увѣреннымъ тономъ. — Это обыкновенныя цѣны!.. Такая лошадь будетъ служить сто лѣтъ!

Марія Васильевна задумалась.

— Ну, хорошо! — сказала она. — Отъ своихъ словъ не отвертишься!.. Такъ и быть, окажу тебѣ эту услугу!.. Но, позволь? — неожиданно спросила тантъ Мари. — Ты какъ-то мнѣ говорилъ, что у васъ въ кавалеріи лошади по мастямъ?.. Въ каждомъ полку своя особая масть?.. Ты не выбралъ еще полка, а собираешься уже покупать лошадь?

На мгновенье я смутился.

Подобнаго вопроса я не предвидѣлъ.

Но моя наглость уже не имѣла границъ.

Я улыбнулся, погладилъ Марію Васильевну по рукѣ и сказалъ:

— Ахъ, тетушка, какая вы, право, смѣшная!.. Это дѣлается такъ просто!.. Мы условились!.. Кому нужна рыжая лошадь, тотъ беретъ ее за караковую!.. У кого вороная, тотъ мѣняетъ ее на гнѣдую!.. Вотъ и все!.. Мы условились!.. Это совсѣмъ просто!

— Ну, ежели такъ, это другое дѣло! — произнесла задумчиво тантъ Мари. — Завтра, коли поправлюсь, поѣду въ банкъ и сниму съ текущаго счета! Считай деньги за мной!

Я вторично поцѣловалъ Маріи Васильевнѣ руку:

— Милая тетушка, я не знаю, какъ васъ благодарить!..

29.

Точно камень, нѣтъ, даже не камень, а стопудовая чугунная глыба свалилась у меня съ груди.

Я почувствовалъ себя снова спасеннымъ.

Горячо, отъ всего сердца, я благодарилъ Марію Васильевну и, одновременно, въ душѣ моей просыпался стыдъ, протестъ, возмущеніе.

Никогда не буду больше обманывать милую тантъ Мари.

Клянусь, это моя послѣдняя ложь!..

Черезъ нѣсколько дней я расплатился съ долгами. Я рѣшилъ начать новую жизнь. Я окончательно порвалъ съ

громовскими „субботниками“ и пересталъ посѣщать Фрэда. Что касается Дробышевскаго, я такъ же, мало по малу, сталъ отъ него отдаляться и подбираю иную, болѣе подходящую для меня компанію...

Я тѣсно сошелся съ эскадроннымъ вахмистромъ, княземъ Леонидомъ Елецкимъ. Это серьезный молодой человѣкъ, окончившій среднее учебное заведеніе съ золотою медалью, начитанный, развитой, занимающійся на досугѣ поэзіей.

Онъ проходитъ первымъ по всѣмъ наукамъ, рѣжетъ на круглое двѣнадцать и будетъ, вѣроятно, записанъ на доску.

Къ числу моихъ новыхъ друзей относится „душка-Анатоль“, портупей-юнкеръ Сахаровъ, зажиточный казанскій помѣщикъ, такъ же весьма скромный и милый юноша, носящій шутливое прозвище — „Замкни Токъ!“.

Наконецъ, я подружился съ взводнымъ капраломъ четвертаго взвода, сыномъ богатаго курскаго землевладѣльца, маленькимъ, коренастымъ, свѣтловолосымъ шведомъ — Борисомъ Сильверсваномъ, обладателемъ двухъ тысячъ десятинъ чернозема и стариннаго рыцарскаго герба — серебрянаго лебедя на червленомъ щитѣ.

Борисъ оказываетъ на меня благотворное вліяніе. Его бесѣды и философскія разсужденія расширяютъ мой умственный кругозоръ. Я охотно подчиняюсь его сильной волѣ, слѣдую его совѣтамъ, заимствую отъ него трезвый и практическій взглядъ на жизнь.

Мы даже условились выйти съ нимъ въ одинъ полкъ.

Этотъ талантливый юноша, питающій особую склонность къ литературѣ, обладаетъ феноменальною памятью. Онъ въ совершенствѣ усвоилъ лермонтовскую поэзію и свободно декламируетъ цѣлыя главы изъ „Демона“, „Мцыри“, „Боярина Орши“, „Казначейши“:

„Тамбовъ на картѣ генеральной...“

Кромѣ поэзіи, основательно знакомъ и съ лермонтовскою прозой и порой, ради опыта, цитируетъ мнѣ наизусть отрывки изъ „Героя нашего времени".

Наконецъ, обладаетъ совершенно исключительнымъ даромъ. Любую фразу, любое стихотвореніе читаетъ, такъ сказать, туда и обратно. Если ему продекламировать, напримѣръ:

„Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю!..."

Онъ мгновенно, безъ малѣйшей запинки, безошибочно отвѣчаетъ:

„Прекрасный мой младенецъ спи,
Баю-баюшки!..."

Между прочимъ, ему я обязанъ тѣмъ обстоятельствомъ, что познакомился съ новѣйшей литературой.

Какъ-то въ бесѣдѣ, онъ затронулъ со мной эту тему и весьма подивился, что я мало знакомъ съ Чеховымъ, Мережковскимъ, Купринымъ, Бунинымъ, Горькимъ.

— Кескесе Горькій? — произнесъ я, съ нескрываемымъ изумленіемъ. — Въ первый разъ слышу?

— Очень жаль! — отвѣтилъ Борисъ и даже пожалъ плечами. — Максимъ Горькій — это теперь самый модный писатель!.. Лучшее общество его читаетъ!.. Его книжки покупаются нарасхватъ!.. Правда, отъ его разсказовъ несетъ здоровеннымъ душкомъ, но послѣ тургеневскихъ розъ это даже забавно!.. Говорятъ, не то пекарь, не то сапожникъ!.. Вообще, какой-то холуй, хамъ, босякъ!.. А храпъ прямо каторжный!.. Чистый сахалинецъ, но признаться не безъ таланта!.. Прочти, непремѣнно прочти!.. Напримѣръ „Мальву", или „Челкашъ", или „Пѣсню о Буревѣстникѣ"!.. Довольно тебѣ мусолить Вальтеръ-Скотта и Александра Дюма!.. Непремѣнно прочти!.. Адски забавно!

Такимъ образомъ, я познакомился съ новѣйшей литературой...

Дни проходятъ за днями.

Въ воздухѣ уже чувствуется вѣяніе близкой весны. Быстро промелькнула масляничная недѣля, съ блинами, катаньемъ на вейкахъ, съ балаганами на Царицыномъ Лугу, съ веселымъ базаромъ на Конногвардейскомъ бульварѣ, и надъ городомъ дрожатъ великопостные перезвоны.

Какъ и въ прошломъ году, начались конскія состязанія въ Михайловскомъ манежѣ, великосвѣтскій „конкуръ иппикъ“, при участіи офицеровъ-спортсменовъ гвардейской конницы.

Въ присутствіи императорской фамиліи, въ Маріинскомъ театрѣ состоялся торжественный „Концертъ Инвалидовъ“, въ составѣ полковыхъ хоровъ гвардіи, подъ управленіемъ капельмейстера Главача.

Театръ залитъ блескомъ военныхъ и придворныхъ мундировъ, роскошными туалетами, драгоцѣнностями, мѣхами.

Въ царской ложѣ, подлѣ государя и вдовствующей императрицы, сидитъ великій князь Михаилъ, тоненькій, стройный, розовощекій, въ мундирѣ гвардейскаго коннаго артиллериста, съ флигель-адъютантскимъ аксельбантомъ на правомъ плечѣ, маленькая, хрупкая, сѣроглазая Ксенія, рослая и румяная, съ открытымъ простымъ русскимъ лицомъ — великая княжна Ольга.

Въ великокняжеской ложѣ помѣщаются наши юные сверстники, красивые братья Владимировичи — Кириллъ, Борисъ и Андрей, изъ нихъ средній, бывшій капралъ, въ эффектной темносиней лейбъ-гусарской венгеркѣ съ золотыми шнурами. Встрѣчаясь глазами, онъ улыбается, привѣтливо дѣлаетъ намъ издали ручкой.

Въ центрѣ, окруженная братьями, подъ перекрестнымъ огнемъ пламенныхъ взоровъ, во всей прелести первыхъ дѣвичьихъ лѣтъ, сидитъ великая княжна Елена Владимировна, томная, статная, налитая полнокровными со-

ками, зардѣвшаяся отъ смущенія и любопытства, очаровательная красавица, прекраснѣйшая изъ русскихъ принцессъ, по которой тоскуетъ и сохнетъ не одно юное корнетское сердце, которую самъ государь, съ ласковой шуткой, называетъ не иначе, какъ „Belle Hélène"...

А въ серединѣ марта, едва лишь оттаялъ училищный плацъ, началась подготовка къ „майскому параду". Каждый день мы добросовѣстно мѣсимъ вязкую жижу копытами лошадей и возвращаемся въ Школу забрызганными съ головы до пятъ...

Время отъ времени, Школу посѣщаютъ наши бывшіе „корнеты".

Такъ заходилъ лихой конногренадеръ Костя Скуратовъ, шутилъ, балагурилъ, съ любовью и умиленіемъ осмотрѣлъ въ дортуарѣ наши „углы", посѣтилъ второй, „лермонтовскій" взводъ, сидѣлъ съ нами въ „чайной компаніи" въ эскадронномъ буфетѣ, на прощанье расцѣловался и благодарилъ за строгое соблюденіе школьныхъ традицій.

Заходилъ высокій лейбъ-уланъ Линдеръ, гвардейскій драгунъ Велигоновъ, царскосельскій кирасиръ Кривцовъ.

Послѣднему не поздоровилось.

Ему вспомнили прошлогоднія придирки и встрѣтили криками:

— Ходу!

Совершенно сконфуженный, онъ тотчасъ покинулъ помѣщеніе эскадрона...

Между тѣмъ, крутой режимъ, установленный Павломъ Адамовичемъ, даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу.

О, какъ ненавидимъ мы этого упорнаго, методичнаго, твердокаменнаго педанта, задавшагося цѣлью уничтожить наши традиціи, разрушить вѣковые устои, смести до основанія завѣты „славной гвардейской Школы"!

Зачѣмъ это дѣлается?.. Къ чему эти попытки обезцвѣтить нашъ бытъ и свести его къ казарменному шаблону?.. Не проще-ли, не лучше-ли, въ тысячу разъ, взгля-

нуть снисходительнымъ, доброжелательнымъ окомъ на наши маленькія школьныя шалости и протянуть нить взаимной симпатіи?.. Дисциплина отъ этого не пострадала бы ни на іоту!

Но узкой, сухой, замкнутой натурѣ Павла Адамовича это, къ сожалѣнію, чуждо и непонятно...

Борьба продолжается съ обѣихъ сторонъ.

Однако, мало по малу, мы вынуждены сдать наши позиціи и отъ активнаго наступленія перейти къ оборонѣ. Но свои враждебныя чувства выражаемъ съ достаточной опредѣленностью.

И стоитъ показаться на лѣстницѣ маленькой торопливой фигуркѣ начальника, въ огромныхъ ботфортахъ, съ огромными шпорами казеннаго образца, какъ навстрѣчу ему, невидимый юнкерскій хоръ, управляемый такою же невидимою рукой, бросаетъ густое, зычное, непристойное и оскорбительное:

— Павелъ Плеве!.. Фуй!

По прежнему продолжается преслѣдованіе собственной одежды... За малѣйшее нарушеніе пунктовъ Инструкціи юнкера подвергаются суровому наказанію... Запрещены на-чисто всякія сходки, корнетскіе обходы, чтеніе „Приказа по Курилкѣ“... Преслѣдуется цуканье и подтяжка „звѣрей“...

Послѣдніе, впрочемъ, даже безъ особаго давленія съ нашей стороны, вполнѣ добросовѣстно соблюдаютъ традиціи.

Такъ напримѣръ, получивъ полный баллъ за „сугубый“ предметъ, химію или механику, юнкеръ надѣваетъ на себя фуражку и шашку, является съ рапортомъ взводному вахмистру и становится передъ койкой, держа шашку „на-караулъ“.

Само собой разумѣется, это только проформа.

Выдержавъ „подъ шашкой“ три-четыре минуты, взводный отпускаетъ его на свободу.

И по прежнему раздаются, на средней площадкѣ, грозныя восклицанія:

— Молодой Бехтѣевъ, что такое бушматъ?

— Молодой Вешняковъ, что такое банкетъ?

— Молодой Демьяновичъ, что на лядункѣ у лейбъ-Псковичей?

— Кру-гомъ!.. Зипу больше!.. Трррепещи, молодежь!...

А въ моихъ отношеніяхъ къ Анечкѣ наблюдается новый этапъ.

Каждый день я получаю отъ нея коротенькую записку. Со своей стороны, отвѣчаю ей тѣмъ же и направляю свои посланія „постъ-рестантъ", до востребованія, черезъ главный почтамтъ. Эта переписка доставляетъ мнѣ особое наслажденіе. Въ ней нѣтъ ничего серьезнаго, но когда я держу въ рукѣ голубенькій, слегка надушенный листокъ, и читаю эти простыя, милыя, выведенныя тоненькимъ почеркомъ строки, меня охватываетъ невыразимое чувство...

Недавно мнѣ передали письмо отъ корнета Пушкина.

Сергѣй Александровичъ шлетъ сердечный привѣтъ, интересуется жизнью въ столицѣ, школьными новостями, разспрашиваетъ про друзей, про свою рыженькую „Баядерку", про гнѣдого нутреца „Сибарита", про вороного „Экватора".

Сергѣй Александровичъ скучаетъ на югѣ и развлекается лишь періодическими, довольно частыми прогулками въ Одессу, Крымъ, Кишиневъ. Бессарабія ему, въ общемъ, не нравится. Въ ближайшемъ будущемъ, Пушкинъ подаетъ рапортъ о переводѣ въ Москву, въ 3-ій драгунскій Сумской полкъ.

Его отецъ, генералъ-отъ-кавалеріи Александръ Александровичъ Пушкинъ, живетъ въ той же Москвѣ и занимаетъ должность почетнаго опекуна...

А вчера я получилъ очередное письмо изъ Павлиновки, которое меня нѣсколько взволновало.

„Мой милый мальчикъ!" — такъ, между прочимъ пишетъ матушка. „Спѣшу увѣдомить тебя о нашей семейной радости. Павелъ Семеновичъ сдѣлалъ предложеніе Валечкѣ и нынѣшней осенью, къ твоему пріѣзду, предпо-

лагаемъ отпраздновать свадьбу. Конечно, говоря между нами, Валечка могла бы разсчитывать и на лучшую партію. Ну, да Богъ съ ними, коли любятъ другъ друга, поперекъ дороги становиться не буду. Притомъ, все же нужно сказать, что Павелъ Семеновичъ человѣкъ достойный во всѣхъ отношеніяхъ."

P. S. Предстоятъ расходы на приданое.

30.

Пасхальные праздники выпали въ этомъ году сравнительно поздно.

Уже прошелъ ладожскій ледъ и сразу пахнуло тепломъ. Какъ по командѣ, въ нѣсколько дней, убрались зеленью деревья Лѣтняго Сада, запестрѣли въ скверахъ цвѣточныя грядки и городъ, точно сказочная царевна, пробудившись отъ долгаго сна, накинулъ на себя свѣтлыя праздничныя одежды.

Въ такіе дни тянетъ изъ комнатъ на улицы, къ солнцу, на чистый весенній воздухъ, къ городскимъ шумамъ, къ цоканью копытъ по торцамъ, къ праздничнымъ перезвонамъ колоколовъ...

Между тѣмъ, въ состояніи здоровья и въ настроеніи графини Евдокіи Валерьяновны я усматриваю рѣзкую перемѣну.

По совершенно непонятной причинѣ, она стала нервной, раздражительной, вздрагиваетъ отъ малѣйшаго стука. Не взирая на установившееся тепло, приказываетъ топить въ будуарѣ каминъ, а по вечерамъ зябко кутается въ плотную кашемировую шаль.

Кромѣ того, снова начались припадки мигрени.

Иногда, передъ уходомъ графа на засѣданіе въ министерство — по словамъ Михаила Николаевича, въ настоящее время, обсуждаются детали пріѣзда президента французской республики — Евдокія Валерьяновна ведетъ съ мужемъ, въ его кабинетѣ, продолжительную бесѣду.

Одновременно я наблюдаю съ ея стороны какую-то особую нѣжность къ дѣтямъ, по преимуществу, къ Анечкѣ.

Очень часто она привлекаетъ ее къ себѣ, гладитъ по бѣлокурой головкѣ, ласкаетъ, цѣлуетъ, смотритъ на нее съ оттѣнкомъ необъяснимой грусти.

Все это начинаетъ меня нѣсколько безпокоить.

Я теряюсь въ догадкахъ. Но причины не нахожу...

Однажды, послѣ обѣда, Евдокія Валерьяновна предложила намъ совершить небольшую прогулку.

Черезъ полчаса, у подъѣзда уже стояла просторная четырехмѣстная коляска, запряженная рыжей энглизированной парой, съ тѣмъ же кучеромъ Митрофаномъ на козлахъ.

Анечка сѣла рядомъ со мной. Димка помѣстился на противоположномъ сидѣньи. Митрофанъ тронулъ возжами и лошади, безъ всякихъ усилій, мягко подхватили коляску.

Проѣхавъ Троицкій мостъ, мы очутились на Каменноостровскомъ проспектѣ.

Вскорѣ, по лѣвой сторонѣ, проскочилъ небольшой садикъ „Акваріума", а тотчасъ за нимъ показался огромный сѣрый домъ, на углу Ружейной, въ которомъ проживалъ Фрэдъ.

Я поднялъ голову.

Окна кабинета были распахнуты настежь и въ одномъ изъ нихъ вѣтерокъ колыхалъ занавѣску...

Потомъ проѣхали Карповку, загородный ресторанъ Эрнеста и, миновавъ извѣстную Громовскую дачу, круто свернули налѣво.

По широкой, плотно убитой дорогѣ, мимо зеленыхъ садовъ и таинственныхъ виллъ, въ которыхъ уже наблюдалось какое-то оживленіе, мимо газоновъ съ бѣлѣвшими на углахъ изваяніями мифическихъ боговъ, фавновъ, сатировъ и нимфъ, мимо старинныхъ дворцовъ въ стилѣ ампиръ, съ бѣлыми колоннадами и террасами, окруженныхъ

тѣнистыми парками, рыжая англійская пара плавно несла насъ къ Стрѣлкѣ.

Полнымъ ходомъ катясь навстрѣчу, мелькали коляски, шарабаны, высокіе кэбы, широкіе, запряженные тройками экипажи. Въ нихъ сидѣли молодыя, нарядно одѣтыя женщины, въ свѣтлыхъ весеннихъ костюмахъ, въ широкополыхъ соломенныхъ шляпахъ, украшенныхъ перьями и цвѣтами, молодые люди въ котелкахъ, въ цилиндрахъ, въ пестрыхъ военныхъ фуражкахъ.

На Стрѣлкѣ, протянувшись изъ одного конца въ другой, уже стояла цѣлая линія экипажей.

Часть публики, не вылѣзая изъ нихъ, откинувшись на спинку сидѣнья, глядѣла на море, сверкавшее подъ пламенными лучами заката. Величественныя старухи, съ лорнетомъ въ рукахъ, оглядывали сосѣдей, молчаливымъ кивкомъ отвѣчали на привѣтствія.

Другіе совершали прогулку пѣшкомъ, съ преувеличеннымъ восторгомъ обмѣнивались впечатлѣніями, кидали французскія фразы.

Тутъ же бѣгали молоденькія продавщицы цвѣтовъ, предлагая букетики ландышей и фіалокъ...

Мы вышли изъ коляски и направились къ морю.

Постоявъ нѣсколько минутъ и полюбовавшись красивымъ зрѣлищемъ, повернули въ боковую аллею. Вскорѣ Димка отсталъ и выразилъ желаніе пойти назадъ къ лошадямъ. Я съ Анечкой продолжалъ путь, все далѣе и далѣе уклоняясь въ сторону отъ большой дороги, по которой, въ безостановочномъ движеніи, одна за другой, продолжали катиться запряжки.

Миновавъ горбатый мостикъ, мы очутились на уединенной тропинкѣ, изгибавшейся вдоль окружности небольшого пруда. Въ глубинѣ, въ зелени распускающейся сирени, стояла мраморная скамья. Тутъ же, въ нѣсколькихъ шагахъ, бѣлѣлъ шаловливый Эротъ, съ натянутой тетивой лука и колчаномъ на голомъ бедрѣ.

Усѣвшись на скамью, я взглянулъ на Анечку.

Она была въ свѣтломъ костюмѣ, поверхъ котораго на плечи была наброшена такая же свѣтлая накидка съ коротенькой пелеринкой. На бѣлокурой головкѣ сидѣла широкая шляпа съ голубой ленточкой. Въ рукахъ Анечка держала бѣлый кружевной зонтикъ и чертила имъ по землѣ.

Въ эту минуту она была прелестна.

Въ этой тихой задумчивости, въ этой мечтательной созерцательности, въ которой она, время отъ времени, подымала на меня свои ясные голубые глаза, мнѣ съ особою силой представилась наша первая встрѣча и вечеръ, проведенный въ бесѣдкѣ графскаго сада.

Нѣжный шопотъ весны, косые лучи заходящаго солнца, пробивавшіеся сквозь листву кленовъ и золотившіе яркими бликами поверхность пруда, будили во мнѣ то же элегическое, свѣтлое, чистое настроеніе.

Я держалъ въ рукахъ маленькую, обтянутую бѣлой лайковою перчаткой ручку и ощущалъ едва уловимый, передававшійся мнѣ трепетъ дѣвичьяго сердечка.

Настроеніе мое росло съ каждой минутой.

Тихо звучала въ душѣ какая-то сладкая, несказанная, невыразимая словами мелодія.

Я привлекъ Анечку къ себѣ, обнялъ и пылающими устами прикоснулся къ ея губамъ:

— Анечка!.. Я люблю васъ!..

Анечка ничего не отвѣтила. Тогда я посмотрѣлъ ей въ глаза, улыбнулся и обнялъ вторично:

— Навсегда?

— Навсегда! — тихо отвѣтила Анечка и, зардѣвшись, опустила головку...

31.

Ясный день занялся надъ пробудившеюся столицей, озарилъ ее лучистой улыбкой и сталъ кидать пригоршни полновѣснаго золота на оживленныя улицы, бульвары, проспекты...

Эскадронъ, въ новыхъ двубортныхъ мундирахъ, перетянутыхъ крестъ-на-крестъ бѣлой шашечной портупеей и погоннымъ ремнемъ отъ винтовки, въ полосатыхъ гвардейскихъ кушакахъ, въ алыхъ драгункахъ съ серебряною звѣздой, тропотитъ по Фонтанкѣ.

Храпятъ и фыркаютъ кони, убранные параднымъ темнозеленымъ вальтрапомъ съ вензелемъ императора на углахъ, сверкаютъ ремни парадной сѣдловки, звенятъ стремена, шашки, мундштучныя цѣпки, четко разносится стукъ подковъ по торцамъ.

Въ воздухѣ струятся сладкіе весенніе ароматы... Мягко и ласково пропекаютъ солнечные лучи... И все шире и явственнѣе, точно рокотъ прибоя, катятся гулы столицы...

Слѣва, въ гранитныхъ одеждахъ, плыветъ передъ глазами каналъ, съ темной, маслянистой водою, широкій, просторный, съ дровяными баржами и садками, съ буксирами, шлюпками, съ прорѣзающими его спокойное лоно маленькими бойкими пароходиками. За нимъ высятся сѣрыя громады домовъ. Изъ настежь распахнутыхъ оконъ выглядываютъ молодыя женскія лица, вѣютъ платочки, доносятся звонкія восклицанія.

— Поводъ вправо! — раздается неожиданная команда.

Она тотчасъ подхватывается. И на различные голоса, отъ визгливаго тенора до низкаго могучаго баса, отъ хвоста къ головѣ колонны, несется на всѣ лады:

— Поводъ вправо!.. Поводъ пра-а!

Эскадронъ принимаетъ направо, уступая дорогу проносящемуся на рысяхъ полку царицыныхъ Кирасиръ.

— Сми-и-рна!

— Господа офицеры!

Полкъ сидитъ на добрыхъ рыжихъ коняхъ, убранныхъ ярко-синимъ вальтрапомъ, съ гвардейскими звѣздами и золотымъ галуномъ. Онъ проносится точно шквалъ, словно огненный вихрь, въ бѣлыхъ мундирахъ, сверкая на солнцѣ кирасами и касками съ золотыми орлами, съ лѣсомъ синихъ пикъ и весело треплющимися надъ ними голубо-желтыми флюгерами.

— Цокъ-цокъ-цокъ-цокъ! — грохочетъ топотъ тысячей ногъ, фыркаютъ огромные кони, бряцаютъ тяжелыя подковы и палаши, и далеко виднѣется, пылающее золотомъ, серебромъ, перевитое кистями и лентами, полотнище полкового штандарта...

Невскій проспектъ уже бурлитъ суетливой городской жизнью, и многотысячныя толпы столичнаго люда заливаютъ широкіе тротуары. Со всѣхъ концовъ, по направленію къ Марсову Полю, подходятъ войска.

Сверкая щетиной штыковъ, подъ звуки свистулекъ и трескъ барабановъ, съ развѣвающимися знаменами, проходитъ пѣхота... Гремятъ колеса артиллерійскихъ запряжекъ... Длинными лентами, извиваясь точно гигантскія змѣи, оглашая воздухъ бряцаньемъ оружія и ржаньемъ коней, тянется конница...

Эскадронъ, подойдя къ Пѣвческому мосту, останавливается и слѣзаетъ.

Рядомъ, загибая хвостъ на Дворцовую площадь, стоитъ спѣшенный полкъ Лейбъ-Уланъ, въ лихо надѣтыхъ на правую бровь киверахъ съ пышнымъ бѣлымъ султаномъ, въ золотыхъ чешуйчатыхъ „чашкахъ", въ синихъ мундирахъ, расцвѣченныхъ алыми кантами, съ саблями на боку, съ легкими бамбуковыми пиками въ рукахъ.

Вмѣстѣ съ ними стоятъ Конные Гренадеры, мрачные, грозные своею нѣсколько траурной одноцвѣтностью, въ своихъ оригинальныхъ черныхъ лакированныхъ каскахъ съ алою лопастью и золотой кистью, въ черныхъ мундирахъ съ густыми желтыми, а хоръ трубачей съ алыми, бахромчатыми эполетами.

Спѣшно идутъ послѣднія приготовленія.

Подъ наблюденіемъ эскадронныхъ командировъ и вахмистровъ, люди смачиваютъ и расчесываютъ конскія гривы, толстыми соломенными жгутами растираютъ запотѣвшія ноги, плечи, рыжіе и вороные конскіе крупы, туже затягиваютъ ремни подперсья и подпруги изъ бѣлой лосиной кожи.

Часть офицеровъ, оставивъ въ каждомъ эскадронѣ необходимый нарядъ, во главѣ съ командирами направляются

въ расположенный по сосѣдству, на Мойкѣ, ресторанъ Дононъ...

А на Марсовомъ Полѣ, въ это время, происходитъ высочайшій объѣздъ.

Впереди, на сѣрой кобылѣ, въ серебряной каскѣ и голубомъ мундирѣ полевого гвардейскаго жандармскаго эскадрона, ѣдетъ генералъ Іоновъ.

За нимъ держится взводъ императорскаго конвоя, въ алыхъ черкескахъ съ нагрудными газырями, въ свѣтлыхъ, обшитыхъ серебрянымъ галуномъ бешметахъ, въ широкихъ кавказскихъ папахахъ.

Четверка бѣлыхъ, какъ снѣгъ, лошадей, въ оригинальной запряжкѣ à la Daumont, съ сидящими верхомъ жокеями, въ красныхъ фракахъ и бѣлыхъ лосинахъ, тянетъ шутя легонькую коляску съ обѣими императрицами.

Рядомъ, на сѣромъ статномъ конѣ, подъ раззолоченнымъ чепракомъ, одѣтый въ гусарскую форму, слѣдуетъ императоръ.

А въ нѣсколькихъ шагахъ позади, живописною кавалькадой, въ свитскихъ мундирахъ, въ разнообразныхъ формахъ гвардейскихъ частей, сверкая золотомъ касокъ и киверовъ, мѣхомъ гусарскихъ шапокъ и перьями развѣвающихся султановъ, ѣдетъ царская свита — августѣйшій главнокомандующій великій князь Владиміръ Александровичъ, генералъ-инспекторъ кавалеріи великій князь Николай, командиръ гвардейскаго корпуса великій князь Павелъ, генералъ-адъютанты, дежурство, высшіе строевые начальники.

Гремятъ звуки царскаго гимна.

По всему полю, сливаясь въ одинъ общій рокотъ, прокатывается „ура!“...

Начинается „майскій парадъ“.

Сомкнутыми колоннами, одна за другой, проходятъ строевыя роты Пажей, гардемариновъ Морского Корпуса, юнкеровъ военныхъ училищъ, всѣхъ сорока батальоновъ императорской гвардіи...

Проносятся артиллерійскія батареи...

Гремитъ музыка, топотъ безчисленныхъ ногъ, глухой раскатъ барабановъ:

— Трамъ-тамъ-тамъ!..

— Трамъ-тамъ-тамъ!..

Только къ полудню кавалерія садится на лошадей и, сверкая доспѣхами, моремъ пестрыхъ значковъ и пылающей на солнцѣ сталью оружія, начинаетъ выливаться изъ прилегающихъ улицъ на плацъ и строиться, въ резервномъ порядкѣ, противъ царской трибуны.

Одни полки проходятъ отъ Набережной, другіе слѣдуютъ по Мильонной, эскадронъ Школы тянется черезъ Пѣвческій мостъ и дальше, по Мойкѣ, огибая знакомый „пушкинскій" домъ...

Трибуна напоминаетъ настоящій цвѣтникъ.

Впереди, на томъ же сѣромъ конѣ, стоитъ императоръ, выдѣляясь бѣлымъ пятномъ гусарскаго ментика на фонѣ окружающей свиты. За царемъ, на кровныхъ горячихъ коняхъ, держатся два государевыхъ штабъ-трубача. Звенитъ труба, соединенные хоры и литаврщики кирасирской дивизіи тотчасъ подхватываютъ сигналъ и, по всему полю, бархатнымъ рокотомъ разносится „гвардейскій походъ":

— Трамъ-трамъ!..

— Тр-дамъ, тр-дамъ, тр-дамъ!..

Снова, какъ и въ прошломъ году, парадъ кавалеріи открываетъ „гвардейская Школа".

Лихо выносится на своемъ темнотнѣдомъ арабѣ командиръ эскадрона, полковникъ Константинъ Адамовичъ Карангозовъ, подымаетъ надъ головой шашку и рѣзкимъ движеніемъ опускаетъ.

И по знаку эскадроннаго командира, эскадронъ, какъ одинъ человѣкъ, выжимаетъ своихъ лошадей и мягко подается впередъ. Не доѣзжая царской трибуны, полковникъ Карангозовъ беретъ шашку подъ-высь и крутымъ га-

лопомъ, сдѣлавъ заѣздъ, останавливается съ опущенной шапкой передъ царемъ.

Эскадронъ, повернувъ головы, равняясь по ниточкѣ, проходитъ передъ трибуной...

Я держусь въ замкѣ третьяго взвода, на своемъ вѣрномъ „Экваторѣ“, который, точно нарочно, собрался лебединой дугой и красиво выплясываетъ передними ногами и задомъ.

Зоркимъ окомъ на мгновенье впиваюсь въ трибуны, пытаясь отыскать знакомое, милое, столь дорогое мнѣ личико, въ широкой соломенной шляпѣ съ голубой ленточкой...

Тщетно!.. Все сливается въ этомъ морѣ цвѣтовъ, въ этомъ яркомъ, феерическомъ калейдоскопѣ...

Но зато, какъ и въ прошломъ году, я вижу передъ собой ласковое лицо императора, съ улыбкой прикладывающаго руку къ бобровой шапкѣ съ высокимъ бѣлымъ султаномъ.

— Хорошо, господа! — бросаетъ яснымъ голосомъ царь.

— Рады стараться, Ваше Императорское Величество! — отчетливо гремитъ эскадронъ, миновавъ трибуну, тотчасъ перестраивается во взводную колонну и заѣзжаетъ правымъ плечомъ.

Потомъ слѣдуетъ императорскій конвой и офицерская кавалерійская школа...

А затѣмъ, подъ красивый маршъ изъ „ДамъИраншъ“: — Шевалье гардэ, шевалье гардэ!, проходитъ первый полкъ русской конницы — Кавалергарды.

Онъ проходитъ такъ же развернутымъ строемъ, поэскадронно, на эскадронной дистанціи.

Сверкая кирасами и золотыми касками съ серебряными орлами, въ бѣлыхъ мундирахъ, съ лѣсомъ алыхъ пикъ и бѣло-алыми флюгерами, верхомъ на рослыхъ, гнѣдыхъ лошадяхъ, убранныхъ алымъ вальтрапомъ съ двойнымъ се-

ребрянымъ галуномъ и гвардейскими звѣздами по угламъ, онъ производитъ яркое, величественное, незабываемое впечатлѣніе.

Каска съ восьмиконечной звѣздой схвачена подъ подбородкомъ металлической чешуей... Широкій орелъ, распластавъ когтистыя лапы и вздѣвъ къ небу два горбатыхъ клюва, точно плыветъ по воздуху на своихъ серебряныхъ крыльяхъ... Золотые лучи ударяютъ въ кирасы и отражаются ослѣпительными огнями... Точно гигантскія свѣчи горитъ сталь палашей.

Боже, до чего скромнымъ кажется нашъ эскадронъ, въ своихъ темныхъ драгунскихъ мундирахъ, сидящій на небольшихъ разномастныхъ лошадкахъ, по сравненію съ этимъ зрѣлищемъ, не имѣвшимъ равнаго по блеску, пышности, мощи, великолѣпію!..

За Кавалергардами, въ томъ же порядкѣ, проходитъ Конная Гвардія, на своихъ огромныхъ вороныхъ коняхъ, вся въ огнѣ золота, съ сине-желтыми флюгерами, и два полка кирасирской бригады — Кирасиры Его и Ея Величества...

Мелкой казачьей рысцой пробѣгаетъ казачья бригада — Лейбъ-Казаки и Атаманцы...

Поднявъ лошадей въ галопъ, скачетъ легкая кавалерія — Конные Гренадеры, Уланы, Драгуны и Лейбъ-Гусары...

Проносится гвардейская Конная Артиллерія...

Какъ и въ прошломъ году, парадъ заканчивается кавалерійской атакой...

Подъ звуки старинныхъ маршей, длинными змѣями, полки тянутся по проспектамъ оживленной столицы, пріостанавливая уличное движеніе, привѣтствуемые цвѣтами, кликами, дѣвичьими улыбками.

Яркое апрѣльское солнце играетъ на молодыхъ лицахъ, на зелени скверовъ, на серебрѣ и золотѣ шлемоблещущихъ эскадроновъ...

32.

Я находился въ какомъ-то особомъ, свѣтломъ и бодромъ, приподнятомъ настроеніи.

Выпускные экзамены прошли у меня вполнѣ удачно, и впереди оставалось нѣсколько незначительныхъ, сравнительно легкихъ, второстепенныхъ предметовъ.

По строевымъ занятіямъ, верховой ѣздѣ, волтижировкѣ, гимнастикѣ, удостоенъ, въ числѣ пяти-шести человѣкъ, полнаго балла, а на состязаніи въ ѳехтованіи и рубкѣ на эскадронахъ получилъ первый призъ.

И теперь, вмѣсто тяжелаго казеннаго меча-кладенца, со штыковыми драгунскими кольцами, ношу пожалованную мнѣ призовую офицерскую шашку, изящную, красивую, легкую, съ отпущеннымъ, точно огонь, кривымъ дамасскимъ клинкомъ и выгравированной на немъ, золотой вязью, моею фамиліей...

Все пѣло и ликовало въ моей душѣ, когда я ѣхалъ на Моховую.

Яркій солнечный день, весенніе шумы столицы, снующая по всѣмъ направленіямъ бойкая, оживленная, ѳланирующая толпа, все это, какъ нельзя болѣе, отвѣчало моему настроенію.

Жизнь казалась радостной и прекрасной, какъ праздникъ, какъ сказка, какъ ѳантастическій сонъ!

По дорогѣ посѣтилъ магазинъ Эйлерса и, по случаю дня рожденія Анечки — ей исполнилось девятнадцать лѣтъ, купилъ цвѣты, лиліи и бѣлыя розы.

Тутъ же, у школьнаго ювелира Кортмана, взялъ заказанную цѣпочку-браслетикъ, съ золотымъ брелокомъ въ видѣ сердечка.

Наконецъ, у Краффта, на Итальянской, захватилъ два фунта шоколадныхъ конфетъ...

День прошелъ въ тѣсномъ семейномъ кругу.

Анечка была чрезвычайно тронута моимъ вниманіемъ, вспыхнула, раскраснѣлась, наградила меня многообѣщающею улыбкой.

Евдокія Валерьяновна, какъ будто нѣсколько оправившаяся отъ своихъ постоянныхъ мигреней, выглядѣла свѣжѣе обыкновеннаго и за обѣдомъ выпила даже бокалъ „Абрау-Дюрсо“.

Вскорѣ явился посыльный съ огромнымъ букетомъ, орѣховымъ тортомъ и визитной карточкой Ивана Клементьевича.

Иванъ Клементьевичъ находился въ отъѣздѣ.

На тортѣ, подъ большой графской короной, были выведены глазурью Анечкины иниціалы и цыфра „19“.

Анечка была окончательно смущена.

Прошелъ обѣдъ, съ шутками, съ теплыми шутливыми пожеланіями, съ маленькими заздравными тостами, въ которыхъ и я принялъ нѣкоторое участіе. Послѣ кофе, графъ Михаилъ Николаевичъ, по обыкновенію, взглянулъ на часы и поднялся.

— Эдокси! — обратился онъ съ озабоченнымъ видомъ къ Евдокіи Валерьяновнѣ. — Ты меня извини, мой другъ!.. Просто бѣда!... Эти междувѣдомственныя собранія меня окончательно доконаютъ!... Во всякомъ случаѣ, къ девяти разсчитываю освободиться!

Михаилъ Николаевичъ поцѣловалъ руку женѣ, сдѣлалъ общій поклонъ и вышелъ...

Солнце склонялось, но день былъ по-прежнему ясный, свѣтлый, пригожій.

Вмѣстѣ съ Димой и Анечкой, въ свою очередь, мы вышли изъ дома, совершили небольшую прогулку по Набережной, зашли въ Лѣтній Садъ, посидѣли на скамьѣ у памятника Крылова, полюбовались на гарцующихъ амазонокъ и всадниковъ.

Двѣ барышни, въ обществѣ молодыхъ офицеровъ въ бѣлыхъ съ алымъ околышемъ конногвардейскихъ фуражкахъ, на крупныхъ вороныхъ лошадяхъ, съ рубленой по модному, на англійскій манеръ, рѣпицей, мелькали сквозь

зелень листвы на верховой дорожкѣ, со смѣхомъ и веселыми восклицаніями подымали коней въ галопъ и скрывались за поворотомъ.

Черезъ десять минутъ, шумная кавалькада появлялась съ противоположной стороны и снова скакала передъ нами.

Между прочимъ, въ ближайшіе дни, съ разрѣшенія Евдокіи Валерьяновны, мы условились заѣхать въ манежъ Боссе, гдѣ я обѣщалъ Анечкѣ дать нѣсколько уроковъ верховой ѣзды, настоящей, тонкой ѣзды, по всѣмъ правиламъ Школы.

Анечка въ восторгѣ отъ этого плана...

Въ саду было людно и шумно.

Аллеи были наполнены гуляющей публикой.

Молодые люди и дѣвушки, статскіе и военные, подростки и дѣти — текли широкимъ потокомъ, смѣялись, рѣзвились, бѣгали взапуски... На скамьяхъ, съ вязаньемъ въ рукахъ, сидѣли бонны, гувернантки и няньки, подлѣ дѣтскихъ колясочекъ... Пожилые читали газеты или вели между собой разговоръ... Старички грѣлись на солнцѣ, дремали, кормили мякишемъ воробьевъ... На уединенныхъ аллеяхъ сидѣли юныя парочки, вздыхали, шопотомъ роняли слова, мечтательно глядѣли на небо, розовѣвшее огнями заката...

Ахъ, какъ вспоминается мнѣ этотъ день, со всѣми подробностями, до мельчайшихъ деталей, навѣки запечатлѣнныхъ въ мозгу!... Майское настроеніе пѣло въ моей душѣ, съ минуты на минуту готово было прорваться ликующимъ гимномъ, звенящей фанфарой, торжествующей пѣснью любви!..

Держа ручку Анечки, я лукаво заглядывалъ ей въ глаза, умышленно обрывалъ фразы на полусловѣ, наслаждаясь смущеніемъ дѣвушки, съ трепетомъ предвкушая минуты, когда останусь съ нею наединѣ.

Нѣсколько разъ, подъ различными предлогами, я пытался удалить Димку. Онъ стѣснялъ меня въ значительной степени. Но маленькій пажикъ жалобно хныкалъ,

строилъ уморительныя гримасы, и, какъ нарочно, не отходилъ ни на шагъ.

Все сильнѣе сжималъ я тонкую ручку, съ нѣжными жилками, со слегка заостренными розоватыми ноготками, и продолжалъ вести эту волнующую, невыразимую, восхитительную игру:

— Анечка, я хочу вамъ сказать...

Анечка робко подымала на меня ясные голубые глаза и тотчасъ ихъ опускала. Въ нихъ свѣтилась радость и трепетъ влюбленности, тайна смутныхъ предчувствій, сладость очарованія. Краска заливала ея пылавшее личико и золотой локонъ дрожалъ у моей щеки.

Вскорѣ мы поднялись и направились къ дому...

Вечеръ прошелъ въ той же семейной, никѣмъ не тревожимой обстановкѣ.

Евдокія Валерьяновна, Дима и Анечка сидѣли вмѣстѣ но мною въ гостиной, перебрасывались шутливыми фразами, вспоминали балъ въ Морскомъ Корпусѣ, послѣдній абонементный спектакль въ Маріинскомъ театрѣ, царскій парадъ на Марсовомъ Полѣ.

Потомъ Анечка присѣла за рояль и сыграла мою любимую вещь — „Пробужденіе Весны“ Баха.

Я глядѣлъ на ея бѣлокурое, слегка похудѣвшее личико, укрытое въ тѣни абажура, и мысли мои перенеслись въ недавнее прошлое.

Я вспомнилъ почему-то вечеръ на Стрѣлкѣ, мраморную скамью у пруда, тихій весенній закатъ, мое вырвавшееся признаніе...

Сердце мое забилось.

Сладкое чувство охватило сознаніе...

Точно солнечный лучъ заигралъ въ немъ и согрѣлъ своимъ жгучимъ прикосновеніемъ...

Къ девяти часамъ пришелъ графъ и Алексѣй Николаевичъ Протозановъ.

Мы сѣли вчетверомъ за карточный столъ и сыграли нѣсколько партій въ бриджъ. Я игралъ крайне разсѣянно, дѣлалъ много ошибокъ, вызывалъ недоумѣніе партнеровъ и, съ великимъ удовлетвореніемъ, закончилъ игру.

Потомъ перешли въ столовую.

Ужинъ затянулся на безконечное время... Примѣрно только во второмъ часу разошлись... Побесѣдовать съ Анечкой наединѣ мнѣ такъ и не удалось...

И вотъ тутъ, когда я подошелъ къ Евдокіи Валерьяновнѣ, поцѣловалъ ей руку и, пожелавъ спокойной ночи, готовъ былъ направиться въ свою комнату, графиня задержала мою руку въ своей рукѣ и сказала:

— Жоржикъ, мнѣ надо съ вами поговорить!

Я отвѣсилъ поклонъ и послѣдовалъ за Евдокіей Валерьяновной...

33.

Мы перешли въ будуаръ.

Въ изящной, съ тонкимъ вкусомъ убранной комнатѣ было, какъ всегда, тепло и уютно. Въ каминѣ сухо потрескивали дрова. Отъ большого китайскаго фонаря, подвѣшеннаго къ потолку тремя бронзовыми цѣпями, излучался мягкій, нѣжный, успокоительный свѣтъ.

Пригласивъ меня сѣсть, Евдокія Валерьяновна остановилась передъ столикомъ краснаго дерева, достала граненый флакончикъ съ золотой пробочкой и втянула въ себя цѣлебный эфиръ.

Несомнѣнно начиналась мигрень.

— Георгій Петровичъ, мнѣ надо съ вами серьезно поговорить! — нѣсколько взволнованнымъ голосомъ, переходя почему-то на офиціальный тонъ, повторила Евдокія Валерьяновна. — Дѣло касается серьезныхъ вещей!... Мнѣ крайне тяжело начинать эту бесѣду!.. Но это моя обязанность!

Я недоумѣвающе раскрылъ глаза.

— Ахъ, вы не догадываетесь, о чемъ идетъ рѣчь? —

съ легкой усмѣшкой спросила Евдокія Валерьяновна, садясь въ свою очередь и нервно постукивая отточенными ноготками по гладкой поверхности столика. — Очень жаль!... Въ такомъ случаѣ, я вамъ все объясню!

Евдокія Валерьяновна на минуту остановилась, вздохнула и произнесла:

— Надѣюсь, вы не будете отрицать, что ваши отношенія къ Анечкѣ перешли всѣ границы?... Что вы сдѣлали съ Анечкой?.. Она увлечена вами!.. Она потеряла голову!.. Она таетъ на нашихъ глазахъ!... Этому необходимо положить конецъ!

Смущенный, взволнованный въ свою очередь, захваченный врасплохъ неожиданнымъ нападеніемъ, я продолжалъ сидѣть въ креслѣ, съ смутнымъ предчувствіемъ ожидая дальнѣйшихъ словъ.

— Георгій Петровичъ, я повторяю еще разъ, что мнѣ крайне тяжело касаться подобной темы! — продолжала графиня. — Но, какъ мать, я должна стать на защиту моихъ дѣтей!.. Это мое право!.. Мой долгъ!.. Моя святая обязанность!

Я сдѣлалъ попытку подняться.

— Погодите, Георгій Петровичъ! — предупредила меня Евдокія Валерьяновна и сама приподнялась съ кушетки. — Я должна вамъ высказать все!... Съ полною откровенностью!.. До мелочей!.. Попрошу одну минуту вниманія!..

Евдокія Валерьяновна выразительно взглянула на меня, прикоснулась снова къ флакончику съ англійской солью и продолжала:

— Съ нѣкоторыхъ поръ, примѣрно уже мѣсяцъ тому назадъ, я стала наблюдать, что ваши отношенія къ Анечкѣ становятся на рискованный путь!.. Ваши продолжительныя бесѣды наединѣ, ваши прогулки, ваши знаки вниманія носятъ слишкомъ интимный характеръ!... Это игра съ огнемъ!... Долго-ли вскружить голову неопытной дѣвушкѣ?

Графиня на минуту остановилась и продолжала тѣмъ же нервнымъ, взволнованнымъ голосомъ:

— Я не хочу подозрѣвать васъ въ какихъ-либо преступныхъ намѣреніяхъ!.. Надѣюсь, на это вы не способны?.. Но вы увлекаете Анечку!.. Вы компрометируете мою дочь!.. Она принимаетъ все за чистое золото!... Это не можетъ такъ продолжаться!.. Этому необходимо положить конецъ!.. Вѣдь съ васъ, passez moi le mot, какъ съ гуся вода!.. Дѣвушка находится въ иномъ положеніи!.. Свѣтъ осуждаетъ ея поступки, продиктованные, можетъ быть, лучшими чувствами!.. Мой другъ, вы зашли далеко!.. Мнѣ все известно!.. Эти нѣжныя письма!.. Эти поцѣлуи, которыми вы обмѣниваетесь!.. Эти объятія!.. Mon Dieu!.. Mon Dieu!..

Евдокія Валерьяновна всплеснула руками и, въ изнеможеніи, опустилась на кушетку...

34.

Въ полномъ смущеніи, алый какъ обшлагъ мундира, устремивъ глаза на коверъ съ красивымъ рисункомъ, въ стилѣ французскаго гобелена, я продолжалъ сидѣть въ креслѣ.

Все это было такъ неожиданно...

Мысли мои порхали по всѣмъ направленіямъ...

Молчаніе становилось невыносимымъ...

Я понялъ, наконецъ, что наступила моя очередь говорить.

— Что я скажу?

Я долженъ согласиться со словами графини... Она совершенно права!.. Она имѣла основаніе высказать все то, что говорила... Съ самою рѣзкою откровенностью, съ полнотой, не допускающей никакихъ отговорокъ...

Въ самомъ дѣлѣ, случайное знакомство съ молодой дѣвушкой перешло у меня въ дружбу... Дружба, въ силу

цѣлаго ряда причинъ, перешла во взаимное увлеченіе... Отъ увлеченія же въ могучее чувство, имя которому — любовь.

Я не вижу въ этомъ, однако, ничего преступнаго?

Наоборотъ, не есть-ли это величайшее счастье, выпадающее на долю отдѣльнаго человѣка?

Какое несказанное блаженство ощущаю я отъ общества Анечки, отъ ея словъ, ея улыбки, выраженія глазъ, благоуханія ея волосъ!

Какъ измѣнился мой внутренній міръ и какъ я самъ во многихъ отношеніяхъ перемѣнился!

Я сталъ чище, скромнѣе, порядочнѣе. Я ушелъ отъ многихъ соблазновъ, которые еще такъ недавно меня искушали, которымъ я уплатилъ болѣе нежели щедрую дань.

Я отрясъ прахъ отъ всей этой грязи — буйныхъ попоекъ, карточнаго азарта, разнузданныхъ оргій съ женщинами легкаго поведенія.

Моя любовь къ Анечкѣ преобразила меня, извлекла изъ той бездны, въ которой я находился, озарила новымъ волшебнымъ свѣтомъ, наполнила мою душу яркимъ, невыразимымъ очарованіемъ.

Я сталъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ...

Анечка, въ свою очередь, видитъ въ этой любви ниспосланное ей судьбой огромное счастье.

Какія свѣтлыя грезы наполняютъ ея головку!.. Какъ сверкаютъ ея глаза!.. Какъ дышитъ и волнуется ея маленькая дѣвичья грудь!..

Я виноватъ, можетъ быть, въ томъ, что скрываю свое сердечное чувство, что не обнаружилъ его передъ близкими, храню словно тайну и не выразилъ въ офиціальной формѣ?

Можетъ быть, наконецъ, въ томъ, что въ недостаточной степени подумалъ о будущемъ?

Кто изъ влюбленныхъ загадываетъ впередъ?

Мы счастливы своимъ настоящимъ и намъ нѣтъ дѣла до будущаго.

Будущее придетъ само собой!

Но если необходимо, я сейчасъ же, безъ малѣйшаго промедленія, заполню этотъ пробѣлъ!.. Я сдѣлаю это съ чистой совѣстью, отъ всего сердца, въ полномъ соотвѣтствіи съ моимъ желаніемъ!

Рано или поздно наша тайна должна быть раскрыта.

Можетъ быть, хорошо, что она уже обнаружена?.. Что, вотъ сейчасъ, будетъ поставленъ предѣлъ всѣмъ подозрѣніямъ, превратнымъ догадкамъ, недостойнымъ предположеніямъ?

А матушка, вмѣсто одной, получитъ сразу двѣ свадьбы!

То-то будетъ сюрпризъ?

Для оригинальности, ихъ можно будетъ сыграть въ одинъ день!

Я не выдержалъ и внутренно улыбнулся.

Образъ Анечки, въ одно мгновенье, выросъ передъ моими глазами.

Съ неожиданной силой онъ влилъ въ меня бодрость, увѣренность, мужество.

Мнѣ представилась Анечка въ подвѣнечномъ нарядѣ— въ бѣломъ кружевномъ платьѣ съ длинной подвѣнечной фатой, съ вѣточкой флердоранжа на бѣлокурой головкѣ, со своею любимою жемчужною ниточкой на тоненькой шейкѣ, свѣтлая, ясная, невыразимо-прелестная въ своей цѣломудренной чистотѣ, радостно-взволнованная и, въ то же время, смущенная, стыдливо зардѣвшаяся подъ восхищенными взорами...

Я поднялся съ кресла, подошелъ къ графинѣ и твердымъ, слегка срывающимся на отдѣльныхъ словахъ голосомъ, произнесъ:

— Глубокоуважаемая Евдокія Валерьяновна!... Я не буду оправдываться!.. Все, что вы изволили мнѣ сказать, — чистая правда, не требующая никакихъ объясненій!.. На низкіе поступки я не способенъ!.. Я люблю Анечку и прошу у васъ ея руки!

Я остановился, ожидая отвѣта.

Но вмѣсто отвѣта, Евдокія Валерьяновна посмотрѣла на меня какимъ-то страннымъ, опустошеннымъ взглядомъ, откинулась на подушку дивана и засмѣялась...

35.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, Евдокія Валерьяновна продолжала лежать на кушеткѣ, прикрывъ платочкомъ глаза, содрогаясь отъ нервнаго смѣха.

Я продолжалъ стоять въ недоумѣніи.

Наконецъ, смѣхъ прекратился.

— Георгій Петровичъ, благодарю васъ за честь! — произнесла офиціальнымъ тономъ графиня. — Ахъ, дѣти, дѣти! — снова засмѣялась она, сдѣлавъ рукою неопредѣленный жестъ. — Какъ они неисправимы!.. Какъ милы и, одновременно, какъ забавны въ своихъ рѣшеніяхъ!

Евдокія Валерьяновна пригласила меня сѣсть и сказала:

— Жоржикъ, вы меня тронули!.. Я никогда не сомнѣвалась въ томъ, что вы порядочный человѣкъ!.. Но вы молоды!.. Ахъ, какъ еще молоды!.. Вамъ нѣтъ еще двадцати!.. Ваша жизнь въ будущемъ!.. Вся ваша жизнь впереди!.. Не смѣшите же меня вашимъ признаніемъ!

При этихъ словахъ я почувствовалъ себя уязвленнымъ.

— Евдокія Валерьяновна! — произнесъ я, вскочивъ съ кресла, и голосъ мой затрепеталъ отъ волненія. — Я не шучу!.. Я повторяю вамъ, что люблю Анечку и готовъ назвать ее своею невѣстой, въ будущемъ — своею женой!.. Черезъ три мѣсяца я выхожу въ офицеры!.. Это время пролетитъ незамѣтно!

Евдокія Валерьяновна на минуту задумалась.

— Милый Жоржикъ! — сказала она уже болѣе спокойнымъ и ласковымъ тономъ. — Я цѣню ваши чувства, ваши благородныя побужденія, ваше искреннее желаніе загладить свой маленькій промахъ!.. Но что дѣлать?.. Какъ быть?.. Это же невозможно!

— C'est impossible! — воскликнула Евдокія Валерьяновна и всплеснула руками.

— Почему impossible? — въ изумленіи, слегка дрогнувшимъ голосомъ, спросилъ я. — Я люблю Анечку!.. Анечка любитъ меня!.. Михаилъ Николаевичъ и вы относитесь ко мнѣ, какъ къ родному!.. Я буду работать!.. Вы имѣете средства и, съ своей стороны, не откажете Анечкѣ помогать!

Я остановился и замолчалъ...

Тутъ произошло нѣчто совершенно для меня неожиданное.

Всплеснувъ еще разъ руками, Евдокія Валерьяновна издала крикъ и, упавъ на диванъ, затряслась всѣмъ тѣломъ.

— Мы нищіе! — то рыдая, то содрогаясь въ какомъ-то нервномъ припадкѣ, кричала Евдокія Валерьяновна. — Мы нищіе!... Поймите, мы нищіе!.. Мы раззорены!.. Жоржикъ, милый Жоржикъ, спасите насъ!.. Все была ложь!.. Домъ!.. Графское!.. Капиталъ!.. Ничего больше нѣтъ!.. Все идетъ съ молотка!.. Ужасъ!.. Ужасъ!

Я стоялъ въ оцѣпенѣніи.

— Мы нищіе, поймите, мы нищіе! — сквозь истерическія рыданія, ломая руки, продолжала стонать Евдокія Валерьяновна. — Ничего больше нѣтъ!.. Все обманъ!.. Намъ придется выйти на улицу!.. Намъ придется уѣхать, скрыться изъ Петербурга!.. Мы совершенно раззорены!.. Боже, какой ужасъ!.. Какой позоръ!

Я стоялъ пораженный, взволнованный до глубины души, охваченный величайшимъ недоумѣніемъ...

Потомъ, въ моемъ сознаніи мелькнулъ рядъ догадокъ, намековъ, предположеній.

Я вспомнилъ тетушкины слова...

Я представилъ себѣ загадочное поведеніе графа Михаила Николаевича, его постоянное пребываніе въ клубѣ, его поѣздки въ теченіе лѣтняго времени заграницу, въ Монте-Карло, въ Біаррицъ, въ Трувиль...

Я вспомнилъ подавленное настроеніе Евдокіи Валерьяновны... Ея странный, нервный, какой-то искусственный смѣхъ... Новые припадки мигрени...

Теперь кое-что начинало становиться мнѣ яснымъ...

Я налилъ изъ графина стаканъ воды и подалъ Евдокіи Валерьяновнѣ. Она достала платокъ, намочила въ водѣ, приложила къ пылавшему лбу.

Мало-по-малу она успокоилась.

— Евдокія Валерьяновна! — произнесъ я, пытаясь, въ свою очередь, казаться спокойнымъ, но голосъ мой невольно дрожалъ. — Это не измѣнитъ моего рѣшенія!.. Это не нарушитъ моего слова!.. Я люблю Анечку и готовъ для нея на всѣ жертвы!.. Я выйду въ армію!.. Я буду работать!.. Потомъ я поступлю въ академію!.. У меня есть извѣстныя средства!.. Мы какъ-нибудь проживемъ!

И я замолчалъ.

— А что съ нами будетъ? — съ горькой усмѣшкой воскликнула Евдокія Валерьяновна, содрогаясь въ рыданіяхъ и заливаясь снова слезами. — Что будетъ съ Димочкой, съ графомъ, со мной?.. Неужели вы думаете и насъ содержать на ваши сто рублей?.. Георгій Петровичъ, понимаете ли вы, что говорите?.. Отдаете ли себѣ въ этомъ отчетъ?.. Вы должны отказаться отъ Анечки!.. Въ Анечкѣ наше спасеніе!.. Анечка выйдетъ за Ивана Клементьевича!.. Это будетъ такъ!.. Это уже рѣшено!..

36.

Всю ночь, до разсвѣта, я не смыкалъ глазъ. Тысяча мыслей роились въ моей головѣ, скакали, переплетались между собой, образовавъ гигантскій клубокъ, въ которомъ нельзя было отыскать ни конца, ни начала...

На разсвѣтѣ я поднялся съ кровати, одѣлся, подошелъ къ спящему Димочкѣ, поцѣловалъ его въ лобъ.

Потомъ, на цыпочкахъ, прошелъ по длинному коридору и остановился передъ комнатой Анечки.

Я тихо отворилъ дверь.

Солнечный лучъ, пронизавъ кисейную занавѣску, весело игралъ на стѣнѣ. Въ освѣщенномъ солнцемъ углу, обернувшись въ мою сторону и свѣсивъ голую, съ моимъ браслетикомъ, ручку съ кровати, спала Анечка. Ея бѣлокурые локоны разметались по всей подушкѣ, ротикъ былъ полуоткрытъ, маленькая обнаженная грудь спокойно дышала.

Я стоялъ и шепталъ:

— Прощай, моя радость!..

— Прощай, мое счастье!..

— Прощай, моя золотая царевна!..

Сердце мое стучало.. Если она проснется, я скажу ей нѣсколько словъ. Если нѣтъ...

Я ждалъ.

Минута шла за минутой.

Необходимо было торопиться.

Анечка продолжала спать...

Тогда я прикрылъ снова дверь, тихими шагами прошелъ въ будуаръ, досталъ изъ бювара листокъ почтовой бумаги и написалъ:

Многоуважаемая
Евдокія Валерьяновна!

„Ваше желаніе будетъ исполнено. Простите меня за причиненное огорченіе и примите глубокую благодарность за гостепріимство.“

Въ передней я нацѣпилъ шашку, накинулъ шинель, въ послѣдній разъ обвелъ взоромъ комнату, беззвучно открылъ дверь и вышелъ...

Майское утро обвѣяло меня сразу своимъ дыханіемъ. Я двигался медленно по Моховой, пересѣкъ улицу, еще разъ взглянулъ на сѣрый, мрачный, непривѣтливый особнякъ, въ которомъ оставлялъ свою душу.

Потомъ, тою же медленною походкой, направился въ Лѣтній Садъ.

На просыпавшихся улицахъ уже начиналось движеніе. Дворники чистили и скребли тротуары. Проходили молочницы съ жестяными бидонами. На углахъ стояли и зѣвали городовые. Съ грохотомъ открывались бакалейныя и винныя лавки, булочныя, мясныя, табачные магазины...

Въ Лѣтнемъ Саду было тихо, пустынно.

Майскій воздухъ былъ тепелъ и чистъ. Солнце золотило верхушки деревьевъ, играло на свѣжей листвѣ, на усыпанныхъ гравіемъ влажныхъ дорожкахъ, на зеленыхъ газонахъ. На клумбахъ, окропленныхъ утреннею росой, сверкали цвѣты, алѣли красные маки, бѣлѣли розы, синѣли анютины глазки.

Я прошелъ на боковую аллею и присѣлъ на скамью.

Вчера я сидѣлъ на ней вмѣстѣ съ Анечкой... Былъ такой же солнечный день... Такъ же чирикали воробьи... Такъ же кивали зелеными листьями клены...

Что это — сонъ или дѣйствительность?

Ахъ, если бы это былъ сонъ!

Тогда я снова провелъ бы съ Анечкой цѣлый день, вотъ здѣсь, въ этомъ саду, на этой самой скамейкѣ...

Можетъ быть, это еще возможно?

Не сдѣлалъ ли я роковую ошибку?

На мгновенье мелькнула мысль вернуться на Моховую, уничтожить записку, предать все забвенію, какъ будто ничего не случилось.

Я снова увижу Анечку... Я снова буду жать ея ручку, бесѣдовать съ ней, смотрѣть въ ея голубые глаза...

Я взглянулъ на часы.

— Поздно! — прошепталъ я и поднялся...

Когда я вышелъ на Невскій проспектъ, городъ уже проснулся. Тотъ же яркій солнечный день заливалъ огненнымъ свѣтомъ панели и мостовыя, игралъ на крышахъ домовъ, сверкалъ на роскошныхъ витринахъ магазиновъ, на золотыхъ куполахъ храмовъ. Городская толпа сновала по тротуарамъ, звенѣли звонки, катились пролетки, коляски, кареты.

Машинально, точно въ бреду, не обращая вниманія на

струившуюся вокругъ меня жизнь, я медленно шелъ по Садовой...

Вотъ показался Рижскій проспектъ и Могилевская улица...

Потомъ — Египетскій мостъ, съ тяжелыми, красными, такими знакомыми, привставшими на могучихъ лапахъ сфинксами...

Наконецъ, передо мною Новопетергофскій проспектъ и зданіе Школы съ длиннокрылымъ орломъ на фронтонѣ...

Я вошелъ въ дежурную комнату и явился съ рапортомъ къ офицеру.

Штабсъ-ротмистръ Пономаревъ посмотрѣлъ на меня съ нескрываемымъ изумленіемъ. Его длинный, съ красными прожилками носъ издалъ загадочный звукъ, раскрылись сонные мутные блѣдноголубые глаза, ротъ опустился.

— Черкесовъ, что съ вами? — спросилъ „Балалайка“, и участливо взялъ за плечо.

— Я нездоровъ! — медленно произнесъ я. — Разрѣшите оставить билетъ!

„Балалайка“ снова взглянулъ на меня, выразительно покачалъ головой и засвистѣлъ:

— Фью-фью-фью!.. Ловко!.. Гдѣ это вы успѣли съ утра такъ зарядиться?.. Здорово!.. Это я понимаю!.. Однако, батенька, ложитесь-ка спать!.. Никого нѣтъ!.. Никто васъ не потревожитъ!.. Спокойной ночи!

Я поднялся на среднюю площадку, вошелъ въ третій взводъ, остановился передъ своей койкой.

Во взводѣ не было никого.

Въ коридорѣ раздавались шаги дневальнаго.

Скинувъ мундиръ и снявъ сапоги, я прилегъ на кровать.

Я пытался еще разъ привести въ ясность создавшееся положеніе. По-прежнему, мысли мои скакали, путались, переплетались между собой. Все смѣшалось въ невообразимый хаосъ, и только одно стало опредѣленнымъ:

— Все кончено!

Я почувствовалъ припадокъ гнетущей тоски...

Я ощутилъ невыразимую боль, которая пронизала мое сознаніе...

Вокругъ меня все неожиданно потемнѣло...

Тогда я медленно поднялся съ кровати, досталъ изъ стола ключъ и подошелъ къ пирамидѣ.

Зарядивъ винтовку однимъ патрономъ, я снова легъ на койку, приложилъ стволъ къ лѣвой сторонѣ груди и большимъ пальцемъ ноги нажалъ спускъ...

37.

Дни стояли голубые и ясные.

Уже съ утра солнце заливало комнату своимъ сверкающимъ чистымъ дыханіемъ, дрожало на бѣлыхъ, выкрашенныхъ масляной краскою стѣнахъ, и только къ полудню исчезало въ противоположномъ углу. А на смѣну появлялся отраженный свѣтъ отъ оконъ сосѣдняго дома, и снова на стѣнахъ и потолкѣ трепеталъ огненный лучъ.

Ночи шуршали мышами и темнотой.

Вѣрнѣе, это была не темнота, а сѣрыя, блѣдныя сумерки. Онѣ казались безконечными, словно вѣчность, эти бѣлыя петербургскія ночи. Онѣ наполняли душу томленіемъ, горечью, тупой мучительной болью, пока снова не приходилъ день...

У окна, неподалеку отъ койки, стоитъ старшій врачъ, докторъ Гриммъ. Онъ взволнованъ и, съ озабоченнымъ видомъ, бесѣдуетъ съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, въ темныхъ очкахъ, съ длинной рыжеватою бородой.

— Не считаете ли нужнымъ, коллега, перевозку больного въ военную клинику?.. Меня безпокоитъ температура!

Человѣкъ въ темныхъ очкахъ на минуту задумывается.

— Хмъ-хмъ!.. Въ сущности, не вижу необходимости! — отвѣчаетъ онъ, оглаживая свою сѣдѣющую рыжеватую

бороду. — Нервный шокъ, нѣкоторая потеря крови, ослабленіе сердечной дѣятельности!.. Процессъ протекаетъ вполнѣ нормально!.. Все въ порядкѣ!.. Да, конечно, если не послѣдуетъ осложненій!.. Во всякомъ случаѣ, коллега, прошу ставить меня въ извѣстность!.. Хмъ-хмъ!

И доктора уходятъ...

На смѣну появляется сидѣлка и классный фельдшеръ Христопсонъ, тотъ самый Христопсонъ, который поставляетъ юнкерамъ водку. Въ прошломъ году, по случаю его свадьбы, эскадронъ собралъ для него, по подписному листу, свыше пятисотъ рублей.

— Бѣдняга Христопсонъ!

Какъ-то, попавшись съ водкой начальнику училища, онъ едва не вылетѣлъ со службы.

— Христопсонъ, я тебя, каналья, сожму! — кричалъ на него Павелъ Адамовичъ, потрясая отобранною бутылкой. — Негодяй!... Ты у меня запищишь!

Христопсонъ бухался въ ноги, лизалъ кожаныя ботфорты, ревѣлъ бѣлугой, клялся именемъ жены и новорожденнаго младенца...

Появляется штабсъ-ротмистръ Гиппіусъ.

Борисъ Александровичъ, склонивъ ко мнѣ свое безусое, юное, розовое лицо, освѣдомляется о здоровьѣ, спрашиваетъ, не нужно ли чего?.. Несчастный случай съ каждымъ можетъ произойти!.. Не слѣдуетъ придавать ему большого значенія и волноваться!

На прощанье съ улыбкой, киваетъ мнѣ головой и уходитъ...

Пріѣзжаетъ тетушка Марія Васильевна.

Она цѣлуетъ меня въ лобъ, вынимаетъ платокъ и, утеревъ имъ глаза, садится на стулъ, рядомъ съ койкой.

Она привозитъ мнѣ различныя сласти — мое любимое печенье „Микадо“, персики, виноградъ, крупныя французскія сливы. Съ великою нѣжностью смотритъ въ глаза, снова извлекаетъ платокъ, гладитъ рукою по волосамъ и, на прощанье, осѣняетъ крестомъ...

Появляется командиръ эскадрона.

— Здравствуйте, Черкесовъ! — говоритъ полковникъ Константинъ Адамовичъ Карангозовъ и пытливо, острыми кавказскими глазами, всматривается въ мое лицо. — Вва!.. Ну, я вижу, вы совсѣмъ молодцомъ!.. Несчастный случай не будетъ имѣть послѣдствій!.. Слава Богу!.. Слава Богу!.. Но, какъ же это, дюша мой, вы такъ неосторожно обращаетесь съ огнестрѣльнымъ оружіемъ?.. А еще капралъ?.. Ну, поправляйтесь, поправляйтесь скорѣй!.. Черезъ двѣ недѣли выступать въ лагери!

И командиръ эскадрона, еще разъ взглянувъ на меня, выходитъ изъ комнаты...

Заглянули Громовъ и Дробышевскій.

— Здравствуй, Атосъ! — говоритъ Громовъ и пожимаетъ руку. — Э, да ты, братъ, уже совсѣмъ здоровъ!.. Елки-палки!.. Видъ у тебя блестящій!.. Отощалъ, правда, изрядно, ну да что за бѣда?.. Не забудь — въ субботу прощальная „скрипка“!.. Никакихъ испанцевъ!.. Отказа не принимаю!.. Вотъ когда дернемъ на совѣсть!.. Устроимъ монплезиръ съ удовольствіемъ!

Дробышевскій садится на край кровати и, съ любопытствомъ, оглядывается вокругъ.

—А здѣсь, братъ, лучше, чѣмъ въ венерическомъ!—замѣчаетъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія. — Принципіально!.. Прямо комфортъ!.. Я бы ничего не имѣлъ отдохнуть здѣсь недѣльку-другую!

— Ахъ, Черкесовъ! — продолжаетъ Дробышевскій уже другимъ тономъ, и лицо его принимаетъ какое-то блаженное выраженіе. — Ты не можешь себѣ представить, съ кѣмъ я познакомился?.. Чудная дѣвочка!.. Я влюбленъ!.. Я страдаю!.. Представь!.. Семнадцать лѣтъ!.. Свѣжа, какъ огурчикъ!.. При этомъ — цѣлочка!.. Девяносто шестой пробы!.. Честное благородное слово! Пароль д'оннеръ!.. Кррасота!

Друзья уходятъ, и я остаюсь снова съ своими мыслями.

— Несчастный случай!

Эта фраза не выходитъ у меня изъ головы.

Такъ вотъ въ какой формѣ начальство рѣшило представить докладъ на высочайшее имя?..

Зачѣмъ понадобилось искажать истину?..

Вѣроятно, чтобы спасти меня еще разъ, какъ спасъ этотъ неудачный, глупый, скандальный выстрѣлъ.

Ахъ, мнѣ все равно, рѣшительно все равно!..

38.

По случаю постройки новыхъ бараковъ, Школа выступаетъ въ лагери позже обыкновеннаго.

Вторая половина мая уже на исходѣ.

Такъ же, какъ въ прошломъ году, эскадронъ, при походной сѣдловкѣ, съ полнымъ вьюкомъ, съ кобурами, съ переметными сумами, съ недоуздкомъ и фуражнымъ арканомъ, строится на дворѣ, вытягивается длинной колонной справа по-шести, проходитъ широко распахнутыя ворота и поворачиваетъ налѣво, къ Балтійскому вокзалу.

Черезъ полчаса городъ уже назади.

Фыркаютъ кони, звенятъ стремена и мундштучныя цѣпки, стучатъ приклады винтовокъ, бодро разносится школьная пѣсенка:

„По дорожкѣ красносельской,
Ѣдетъ эскадронъ гвардейскій,
Эскадронъ лихой...
Снѣга бѣлаго бѣлѣе,
Блещутъ наши портупеи,
Шашки боевой!...“

Впереди, на темногнѣдомъ жеребцѣ, ѣдетъ командиръ эскадрона, полковникъ Константинъ Адамовичъ Карангозовъ.

За нимъ, въ четырехъ шагахъ, держится штабъ-трубачъ, на бѣломъ старенькомъ „Атаманѣ“, славномъ участникѣ русско-турецкой войны.

Потомъ слѣдуетъ эскадронъ.

За эскадрономъ, на бурыхъ, рыжихъ, гнѣдыхъ маштачкахъ, съ лѣсомъ пикъ надъ головами, двигается казачья сотня.

Потомъ тянется школьный обозъ, лазаретная линейка, походная кухня, вахмистръ Бѣлявскій съ заводными лошадьми и „штатскими изъ манежа".

И наконецъ, ковыляя на трехъ лапахъ, плетется старый эскадронный песъ „Мохначевъ", въ качествѣ арьергарда...

Эскадронъ двигается перемѣннымъ аллюромъ, то шагомъ, то рысью — и вотъ уже Лигово, съ короткою остановкой и спѣшиваніемъ, съ легкимъ утреннимъ завтракомъ, извлекаемымъ изъ переметныхъ сумъ и кобурь:

„Нашъ полковникъ приказалъ
Сдѣлать въ Лиговѣ привалъ,
Бутерброды ѣсть!..".

Еще нѣсколько верстъ — и уже маячитъ впереди Дудергофъ, съ зеленой шапкой лѣсовъ, съ бѣлыми дачками, съ голубой поверхностью озера...

Авангардный лагерь остался тотъ же, безъ измѣненія.

Тѣ же конюшни, та же столовая подъ навѣсомъ, окруженная жиденькой рощицей, тотъ же эскадронный буфетъ братьевъ Русановыхъ. Тѣ же офицерскіе флигеля и та же передняя линейка, выходящая на военное поле, съ караульнымъ помѣщеніемъ и грибомъ дневальнаго на правомъ флангѣ.

Только построены новые помѣстительные бараки, высокіе и сухіе, съ досчатымъ поломъ, съ массой свѣта и воздуха.

И начинается лагерная жизнь...

Какъ и въ прошломъ году, прежде всего начинаются съемки, инструментальныя и глазомѣрныя. Послѣднія юнкера старшаго класса производятъ верхомъ.

Мы носимся по ближайшимъ окрестностямъ, прово-

димъ на планшетахъ желѣзныя, шоссейныя и проселочныя дороги, рисуемъ гати, мосты, населенные пункты.

Иногда, въ шутку, разыгрываемъ какого-нибудь пѣхотнаго юнкера:

— Эээ... Па-а-сюшьте, молодой чеаекъ, вамъ не попалась моя катушка съ горизонталями?..

— Pardon, тысячу извиненій, будьте любезны указать, гдѣ находится деревня Кипрегель?..

— Merçi!.. Благодарю васъ!..

И давъ шпоры коню, уносимся вскачь...

Послѣ съемокъ начинаются полевыя поѣздки.

Я попалъ въ партію къ полковнику Михаилу Васильевичу Алексѣеву.

Онъ считается почему-то свирѣпымъ руководителемъ. Отчасти, можетъ быть, благодаря своей внѣшности Это уже достаточно пожилой офицеръ генеральнаго штаба, средняго роста, сутулый, съ некрасивымъ скуластымъ лицомъ, на которомъ, точно пуговка, сидитъ маленькій носъ и такія же маленькія, прикрытыя стеклами, слегка раскосыя глазныя щелки.

Въ первый же день онъ насъ насмѣшилъ.

Въ составѣ десяти человѣкъ, партія выстроилась верхомъ у офицерскаго флигеля, въ ожиданіи руководителя. Тутъ же, посѣдланый казеннымъ сѣдломъ, удерживаемый подъ уздцы вѣстовымъ, стоитъ бурый меринъ „Текстъ“ — самое кроткое четвероногое существо изъ всего эскадрона.

Алексѣевъ вышелъ изъ флигеля, окинулъ насъ поверхъ очковъ суровымъ взглядомъ и поздоровался. Потомъ посмотрѣлъ на своего буцефала, осторожно похлопалъ его по плечу и сказалъ:

— Нѣтъ, господа!.. Я тороплюсь!.. Разъѣзжайтесь-ка на участки, а провѣрю я васъ пѣшкомъ!

Алексѣевъ не любилъ верховой ѣзды и къ конскому крупу относился съ большимъ недовѣріемъ.

Въ полдень мы собрались въ назначенной намъ деревнѣ.

Къ указанному часу подошелъ Алексѣевъ, просмотрѣлъ наши задачи и потомъ, еще въ теченіе часа, пилъ съ нами молоко и велъ дружескую бесѣду.

Это былъ исключительный человѣкъ по своей скромности, простотѣ, обаятельности, сердечности, по своему неутомимому трудолюбію, по своимъ глубокимъ познаніямъ.

Мы оцѣнили его очень быстро, полюбили всею душой и называли, между собой, не иначе, какъ ласкательной кличкой — „Алешей"...

Въ ближайшій воскресный день состоялось „открытіе навигаціи".

Дудергофское озеро покрылось лодочками, шлюпками, челноками, нарядными яхточками, съ разноцвѣтными флагами на кормѣ и на мачтахъ... Гремѣлъ торжественный маршъ изъ „Аиды"... Наши сосѣди, пушкари-михайловцы, произвели троекратный салютъ изъ орудій...

И началась лѣтняя жизнь...

Моя рана почти совсѣмъ затянулась. Остался только глубокій рубецъ, подъ лѣвымъ соскомъ, съ неровными розовыми краями.

Какъ ни странно, но мой поступокъ не унизилъ меня во мнѣніи окружающихъ. Всѣ по-прежнему относятся ко мнѣ съ уваженіемъ. Никто, ни однимъ словомъ, не намекаетъ мнѣ о случившемся, тѣмъ болѣе, не пристаетъ съ нежелательными разспросами.

Только начальникъ училища, Павелъ Адамовичъ Плеве, имѣлъ со мной, по этому поводу, небольшой разговоръ. Онъ пріѣхалъ какъ-то въ лагери, вызвалъ меня изъ барака и, въ теченіе получаса, гулялъ со мной по передней линейкѣ.

— Да, конечно!.. Несчастный случай! — говорилъ Павелъ Адамовичъ, по привычкѣ похлопывая пальцами правой руки по кулаку лѣвой и задумчиво глядя передъ собой. — Разумѣется, несчастный случай!.. Но подумали ли вы, портупей-юнкеръ Черкесовъ, о вашей матушкѣ?.. Вспомнили ли вы о ней въ эту минуту?.. Если бы вспомнили,

повѣрьте, несчастнаго бы случая не произошло!.. Мой другъ, запомните мои слова!

Я былъ растроганъ и едва не прослезился.

Послѣ бесѣды съ Павломъ Адамовичемъ, я нѣсколько измѣнилъ создавшееся у насъ о немъ мнѣніе...

39.

Если рана моя затянулась, то осталась другая, которая продолжаетъ причинять мнѣ мучительныя страданія, которая еще долго будетъ терзать мое сердце.

Образъ Анечки стоитъ каждый день передъ моими глазами.

Я вижу бѣлокурое личико, то улыбающееся и вспыхивающее румянцемъ, то задумчивое, блѣдненькое, печальное, останавливающееся на мнѣ съ молчаливымъ укоромъ.

И сердце мое готово разорваться на части...

Мнѣ извѣстно отъ тетушки Маріи Васильевны, что Анечка заболѣла... Что въ серединѣ мая, по совѣту врачей, графиня Евдокія Валерьяновна, захвативъ Анечку, уѣхала съ ней заграницу... Что сейчасъ Анечка находится въ Санъ-Ремо, окруженная внимательными заботами мачехи и Ивана Клементьевича... Что силы ея, мало-по-малу, возстанавливаются и есть надежда на выздоровленіе...

Какъ презираю я себя за свою слабость, трусость, позорное малодушіе!

Съ какой легкостью отрекся я отъ своего счастья!

Какимъ неудачнымъ образомъ вышелъ изъ создавшейся обстановки!

Я обязанъ былъ смѣло принять брошенный вызовъ, преодолѣть, чего бы это ни стоило, всѣ препятствія и выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы.

Это было единственное достойное и правильное рѣшеніе!

Это былъ мой нравственный долгъ!..

Я размышляю о происшедшемъ, воскрешаю въ памяти ходъ событій, дѣлаю различные выводы.

Ну, хорошо.

Допустимъ, что я не сдался бы такъ легко и моя борьба, въ самомъ дѣлѣ, увѣнчалась успѣхомъ?

Я сталъ бы женихомъ Анечки и, въ этомъ положеніи, могъ бы считать себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по выходѣ въ офицеры, я бы съ ней обвѣнчался.

Это было бы еще большимъ счастьемъ...

Моихъ скромныхъ средствъ хватило бы на насъ обоихъ. Безъ сомнѣнія, матушка оказала бы мнѣ единовременную поддержку. Я хорошо знаю, что свыше ста рублей она не въ состояніи мнѣ давать. Кромѣ меня, у нея на рукахъ еще двое. Жанчикъ учится и не требуетъ пока особыхъ расходовъ. Но Валечка выходитъ замужъ, нуждается въ приданомъ и такъ же, какъ я, въ опредѣленномъ ежемѣсячномъ содержаніи.

Могъ ли я, хотя на минуту, предположить, что дѣла графа Михаила Николаевича находятся въ столь запутанномъ состояніи?

Домъ заложенъ...

Графское заложено и перезаложено...

Кромѣ долговъ, нѣтъ ничего...

Правда, благодаря своему имени и служебному положенію, графъ пользуется крупнымъ кредитомъ. Но кто знаетъ, можетъ быть этотъ кредитъ уже виситъ на волоскѣ, и, въ ближайшемъ будущемъ, семью ожидаетъ настоящая катастрофа?

Конечно, смѣшно предполагать, чтобы я могъ содержать семью на свои ничтожныя средства.

Это люди избалованные, привыкшіе къ роскоши и расточительной жизни.

Графъ не въ состояніи отказаться отъ своего клуба и очередной поѣздки на заграничный курортъ. Евдокія Валерьяновна, въ свою очередь, должна поддерживать соотвѣтствующій образъ жизни, съ періодическими пріема-

ми, выѣздами въ свѣтъ, приглашеніями къ высочайшему Двору. Дима мечтаетъ о Кавалергардахъ.

Все это требуетъ значительныхъ средствъ.

И вотъ, женившись на Анечкѣ, я въ самомъ дѣлѣ ставлю ихъ всѣхъ въ тяжелое, безвыходное, невыносимое положеніе...

Между тѣмъ, создается выходъ изъ этого положенія.

По счастливой случайности, графъ встрѣчаетъ богатаго человѣка, знакомится съ нимъ, вводитъ въ свой домъ. Иванъ Клементьевичъ увлекается Анечкой и во имя любви къ Анечкѣ готовъ спасти семью отъ денежнаго крушенія.

Съ этою цѣлью, какъ мнѣ извѣстно, онъ даетъ графу милліонъ рублей.

Иванъ Клементьевичъ Разуваевъ, крупный волжскій хлѣбопромышленникъ, не принадлежитъ, по своему происхожденію, къ высшему кругу.

Болѣе того, онъ даже не дворянинъ.

Его бракъ съ Анечкой представляетъ собой то, что принято называть „мезальянсомъ".

Вдобавокъ, Анечка его не любитъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, если говорить откровенно, Иванъ Клементьевичъ вовсе не дурной человѣкъ и, со своими огромными средствами, сумѣетъ создать Анечкѣ красивую жизнь.

Можетъ быть, въ будущемъ, она со всѣмъ примирится?

Анечка приносится въ жертву, но спасенія я не вижу.

Такъ угодно судьбѣ!

Кто знаетъ, можетъ быть Евдокія Валерьяновна права въ своемъ рѣшеніи?..

Я пытаюсь убаюкать себя подобными разсужденіями, выводами, аргументами здраваго смысла.

Но душа моя неспокойна.

— Прости меня, моя радость, мое счастье, моя золотая царевна!..

А дни текутъ своимъ чередомъ.

Они бѣгутъ, одинъ за другимъ, полные радости, смѣха, солнечнаго огня, бѣгутъ, какъ бѣгутъ облака въ голубомъ небѣ.

Что имъ до мучительныхъ думъ, горькихъ мыслей, жалкихъ человѣческихъ переживаній?..

Утромъ — строевое ученье, фланкировка, рубка, галопъ на красносельскихъ просторахъ... Въ полдень — боевая стрѣльба... Вечеромъ — мирныя бесѣды въ „чайныхъ компаніяхъ“, прогулки на челнокѣ, пѣсни, шутки, лунныя серенады, приказъ „по курилкѣ“ за № I...

Эскадронъ въ сборѣ.

Собраніе происходитъ въ одномъ изъ порожнихъ сѣнныхъ сараевъ, возлѣ конюшенъ.

Махальные и дозоры разставлены на всѣхъ подступахъ, на всѣхъ наблюдательныхъ пунктахъ... Ярко пылаютъ свѣтильники... Сверкаютъ цвѣтныя драгунки, гусарскія и уланскія шапки, бѣлыя фуражки кирасирской дивизіи...

Въ сосредоточенномъ и величавомъ спокойствіи выступаетъ главный священнослужитель, имѣя по бокамъ двухъ архангеловъ, въ качествѣ ассистентовъ, двухъ славныхъ „маіоровъ“, съ обнаженными шашками въ положеніи „на-караулъ“:

— Трррепещи, молодежь!

Пунктъ за пунктомъ, фраза за фразой мѣрно струится изъ жреческихъ устъ, сопровождаемая одобрительными кликами и возгласами „корнетовъ“...

„На променадахъ по Невскому прошпекту... Дефилируя мимо пѣхотныхъ училищъ... Бесѣдуя на ассамблеяхъ съ молодыми особами женскаго пола...“

Но гаснутъ внезапно огни.

Глухо, точно изъ мрачной бездны, вылетаетъ рифмованная поэма объ арапѣ, филинѣ, Дудергофѣ...

Жутко, зловѣще, таинственно...

Четкою барабанною дробью несется навстрѣчу пѣсенка о „капралѣ“...

„Капралъ,
Капралъ,
Капралъ, капралъ, капралъ!...“

Ночь проходитъ и загорается румяный разсвѣтъ...

И вспыхиваетъ яркій огонь...

И гремитъ буйнымъ хоромъ, изъ ста двадцати глотокъ, знаменитая пѣсня:

„Пора начать намъ „Звѣріаду“,
Собрались звѣри всѣ толпой!...“

40.

Демонъ тоски продолжаетъ терзать мое бѣдное сердце и, чтобы отвлечь себя отъ тяжелыхъ воспоминаній, я начинаю топить горе въ винѣ.

Каждый день, передъ обѣдомъ, я направляюсь въ баракъ перваго взвода, захожу къ Громову и, вмѣстѣ съ нимъ, выпиваемъ по баночкѣ водки.

Я не пьянѣю, но чувствую возбужденіе, притокъ какихъ-то особыхъ, подымающихъ настроеніе, силъ, желаніе пѣть, куралесить, рѣзвиться, скакать верхомъ, сломя голову, по военному полю.

Громовъ чрезвычайно доволенъ нашей возобновившейся дружбой и, бывало, иногда говоритъ:

— Елки-палки!.. Что, братъ, и тебя разобрало?.. Пить или не пить, сказалъ Гамлетъ!... А помнишь, какъ философствовалъ?.. Водка — зло!... Водка — ядъ!.. Ты

роешь себѣ могилу!.. Ха-ха-ха! Нѣтъ, Атосъ, по моему мнѣнію, сейчасъ ты сталъ гораздо умнѣе!

Онъ чокается со мной и хохочетъ...

Кромѣ того, я началъ курить. Къ этому пріохотилъ меня Дробышевскій.

Каждый разъ, когда мы встрѣчаемся, онъ протягиваетъ мнѣ свой серебряный, украшенный золотыми жетонами, монограммами и цвѣтными каменьями портсигаръ и предлагаетъ небрежнымъ тономъ:

— Прррa-шу!.. Аррро-матныя!

Онъ беретъ папиросу въ ротъ, стоитъ съ протянутымъ портсигаромъ, скалитъ, по обыкновенію, зубы, сыплетъ пословицами, шарадами, прибаутками:

„Что у улана на грудяхъ,
То у гусара — на ..дяхъ!“

— Черкесовъ, тебѣ положительно необходимо развлечься! — говоритъ Станиславъ Станиславовичъ. — Кромѣ шутокъ, ты начинаешь меня безпокоить!.. Ну, хочешь, поѣдемъ къ дѣвочкамъ?.. Я покажу тебѣ замѣчательный номеръ!.. Прямо на ять!.. Съ ума сойти!.. Честное благородное слово, пароль д'оннеръ!.. Ха-ха-ха-ха!

Онъ продолжаетъ стоять съ портсигаромъ, цинично хохочетъ, кривляясь, съ ужимками, напѣваетъ опереточные куплеты:

„Красотки,
Красотки,
Красотки кабарэ —
Вѣру-си, Маню-си, Таню-си!..“

— Черкесовъ, поѣдемъ къ фифкамъ!.. Поѣдемъ къ пупсикамъ!.. Повѣрь, отличное средство!.. Принципіально!.. Какъ рукой сниметъ всю твою меланхолію! — убѣждаетъ Станиславъ Станиславовичъ, затягивается и, выпуская колечками дымъ, повторяетъ:

— Прррa-шу!... Аррро-матныя!.. Дюбекъ высшаго качества, фабрики Майкапаръ!

„Безъ женщины мужчина —
Что безъ паровъ машина,
Что безъ прицѣла пистолетъ,
Что безъ шампанскаго буфетъ!..“

Первое время я отказывался или бралъ папиросу больше для вида, закуривалъ и, сдѣлавъ двѣ-три затяжки, швырялъ на землю.

Мало-по-малу, однако, втянулся.

Сейчасъ я выкуриваю не менѣе двадцати папиросъ въ день...

Но зато въ отношеніи картъ я несокрушимъ, какъ гранитъ.

Какъ ни пытались меня соблазнить Фрэдъ, Вонлярлярскій, „маіоръ“ Зубаловъ, я остался вѣренъ себѣ и не нарушилъ данной мной клятвы.

— Что съ тобой? — въ изумленіи спрашивалъ „Душа Общества“. — Какая возжа попала тебѣ подъ хвостъ?.. Неужели не жаль проигранныхъ денегъ?.. Не понимаю тебя, mon cher!.. Рѣшительно не понимаю!.. Вѣдь ты однимъ штоссомъ вернешь все обратно?.. Чудакъ эдакій!.. Шампетръ!.. Суасантъ нефъ!

Потомъ, пристально посмотрѣвъ мнѣ въ глаза, взмахивалъ безнадежно рукой и отходилъ прочь...

Между тѣмъ, время бѣжитъ.

Уже давно начались эскадронные сборы и только теперь мы въ состояніи оцѣнить нашего новаго эскадроннаго командира, полковника Константина Адамовича Карангозова.

„Плѣшакъ“ былъ тяжелъ, грузенъ, неповоротливъ.

Константинъ Адамовичъ легокъ, подвиженъ и быстръ, какъ породистый аргамакъ.

„Плѣшакъ“ былъ инертенъ и вялъ. Его хриплый, визгливый лай не былъ созданъ для кавалерійской команды.

Константинъ Адамовичъ горячъ, какъ пламя вулкана, а его рѣзкій голосъ звенитъ, какъ труба.

Сидя на своемъ темногнѣдомъ жеребцѣ, кровномъ, статномъ, тонконогомъ арабѣ, онъ подскакиваетъ галопомъ къ поджидающему его эскадрону, здоровается и, сдѣлавъ заѣздъ, взмахиваетъ своею кривой азіатскою шашкой, съ георгіевскимъ темлякомъ.

— За мной! — командуетъ лихой кавказскій полковникъ и, въ теченіе часа, носится съ нами, на самыхъ рѣзвыхъ аллюрахъ, по красносельскому полю.

Онъ не признаетъ ни шага, ни рыси, ни спѣшиванія, ни состоянія конскихъ тѣлъ.

Онъ знаетъ только два основныхъ положенія:

1. Остановку.

2. Съ мѣста въ карьеръ — маршъ-маршъ!..

Какъ взводный, я держусь позади, въ замкѣ своего взвода. Это огромное преимущество. У меня нѣтъ сосѣдей, никто меня не безпокоитъ, не сжимаетъ колѣней, не бьетъ прикладомъ въ бокъ. Я наблюдаю только за взводомъ и держу равненіе по линіи четырехъ замыкающихъ вахмистровъ.

Кромѣ того, какъ взводный, я освобожденъ отъ винтовки. Моя ключица получаетъ заслуженный отдыхъ.

Эскадронное ученье производится каждый день, не взирая ни на какую погоду, на стремительныхъ и рѣзвыхъ аллюрахъ, съ преодолѣніемъ препятствій, канавъ, заборовъ, лѣсныхъ кручъ и болотныхъ пространствъ, съ паденіями, растяженіями сухожилій, вывихами, съ переломами реберъ и ногъ.

Взводные командиры, каждый по-своему, подаютъ примѣръ.

— Атт-четливо! — звонко кричитъ „богъ ѣзды", ротмистръ Давыдъ Давыдовичъ, поднявъ кверху свой призовой стэкъ, украшенный золотой рукоятью. Онъ даетъ шпоры горячему жеребцу и лихо, гигантскимъ прыжкомъ, перелетаетъ черезъ канаву.

Борисъ Александровичъ Гиппіусъ, сидя на ворономъ „Игрунѣ", подходитъ къ препятствію широкимъ размѣреннымъ кентеромъ и беретъ его съ полнымъ спокой-

ствіемъ, безъ всякихъ усилій, не отдѣляясь отъ сѣдла ни на одинъ дюймъ.

Малиновый штабсъ-ротмистръ Ковако уже за нѣсколько корпусовъ суетитъ свою караковую кобылу, дергаетъ поводомъ, перепрыгиваетъ канаву какъ-то бочкомъ, зажатый въ общей кучѣ.

— Коррроче и въ шенкеляхъ! — рычитъ „Балалайка“ и сыплетъ ругательствами. Онъ круто, точно вкопанный, останавливается передъ препятствіемъ, цокаетъ на сиваго мерина и, послѣ ряда неудачныхъ попытокъ, переползаетъ канаву воровскимъ способомъ, на цыганскій манеръ...

По слухамъ, предстоитъ смотръ великаго князя, августѣйшаго генералъ-инспектора кавалеріи.

Интересно, назоветъ ли онъ насъ и теперь „всадниками безъ головы“?

Есть основанія думать, что великій князь останется нами доволенъ.

Это не только наше предположеніе.

Того же мнѣнія держатся и наши взводные командиры — Давыдъ Давыдовичъ, „Балалайка“, Борисъ Александровичъ, штабсъ-ротмистръ Ковако.

Послѣдній продолжаетъ, между прочимъ, поддерживать со мной дружбу.

Вотъ онъ выходитъ изъ офицерскаго флигеля, въ бѣломъ, туго накрахмаленномъ кителѣ, съ гусарскими гомбочками вмѣсто пуговицъ, при лядункѣ, перевязи и шашкѣ, въ гусарскомъ кушакѣ съ болтающимися серебряными кистями, въ плотно обтягивающихъ его ляжки и выпуклый задъ малиновыхъ чакчирахъ, самодовольный, раздушенный и напомаженный, нарядный какъ какаду, какъ фазанъ, какъ райская птица, гордый и важный, какъ королевскій павлинъ.

— Черкесовъ!.. Другъ!.. — хохочетъ штабсъ-ротмистръ и хлопаетъ меня по плечу. — Ну, скажи мнѣ, въ послѣдній разъ, по совѣсти, безъ шутокъ, только не ври...

Антръ ну!.. Какъ ты меня находишь? Красивъ я или нѣтъ?

Юрій Александровичъ покатывается отъ хохота:

— Ха-ха-ха-ха!.. Какъ ты сказалъ?.. Самый красивый на землѣ и на небѣ?.. Ха-ха-ха-ха!.. Спасибо тебѣ, спасибо!.. Ты тоже красивый!.. Лихой!.. Отчетливый!.. Пистолетъ!... Выходи въ мой полкъ!

По дорогѣ въ дежурную комнату, онъ оборачивается и привѣтливо дѣлаетъ ручкой...

Время бѣжитъ, и уже намѣчена предварительная разборка вакансій.

Я предполагаю выйти въ армію, въ одинъ изъ полковъ кавказской кавалерійской дивизіи:

„И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ,
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ...“

Я часто задумываюсь надъ этими строками... Онѣ отвѣчаютъ моему настроенію... Меня привлекаетъ природа, горы, дѣвственные лѣса... Тамъ витаетъ духъ лермонтовской романтики... Передъ моимъ взоромъ проходятъ тѣни Печорина, Грушницкаго, княжны Мэри...

Наконецъ, вдали отъ столицы, я развѣю тоску...

41.

Однажды, послѣ обѣда, я спустился къ купальнѣ, прыгнулъ въ челнокъ и сильными ударами веселъ погналъ его на противоположный берегъ озера.

Передо мной, во весь ростъ, стояла темнозеленая шапка горы, съ кудрявыми елями, съ высокими лиственницами и соснами, съ миніатюрными дачками, раскинувшимися по склонамъ.

Внизу бѣлѣлъ желѣзнодорожный вокзалъ, съ буфетомъ, съ отдѣльными столиками, примостившимися въ про-

хладной тѣни трельяжа. На самой вершинѣ горы курилось неподвижное облако.

По направленію къ Киргофу, на запотѣвшихъ гнѣдыхъ лошадяхъ, съ пиками за плечомъ, со свистомъ, гикомъ и пѣснями, тянулась сотня Лейбъ-Казаковъ...

Тихъ и тепелъ былъ день.

Солнце склонялось.

Длинные косые лучи, точно застывшіе въ какомъ-то оцѣпенѣніи, мягко ложились на воду, на прибрежные камыши, въ которыхъ крякали утки. Время отъ времени, вспугиваемыя всплесками веселъ, онѣ срывались, кружились надъ озеромъ и подымались къ вечерѣющимъ небесамъ.

Гдѣ-то, въ главномъ лагерѣ, играла военная музыка... Со стороны военнаго поля доносились звуки стрѣлковыхъ рожковъ... На ближайшей луговинѣ кричалъ дергачъ:

— Деръ-деръ!.. Деръ-деръ!..

Пахло мятой, водой, свѣжимъ скошеннымъ сѣномъ...

Въ этихъ звукахъ и запахахъ, въ этихъ краскахъ догорающаго заката, было не мало идиллическаго очарованія... Ихъ гармоническое сочетаніе дѣйствовало точно нѣжная неподкупная ласка и, одновременно, будило печаль... Какъ будто вѣяли крылья какихъ-то далекихъ воспоминаній... Какъ будто порхала чья-то одинокая тоскующая душа...

„И скучно, и грустно, и некому руку подать...“

Я поднялъ весла и опустилъ ихъ концы на дно челнока. Скользя по теченію, челнокъ сталъ медленно подаваться въ сторону Виллозей, потомъ закружился на одномъ мѣстѣ и приткнулся къ стѣнѣ камыша...

Въ камышѣ послышался смѣхъ.

Въ густомъ тростникѣ, образовавшемъ родъ маленькой укрытой лагуны, стояла бѣлая лодка.

Въ лодкѣ, заложивъ руки за спину, круто поднявъ высокую, выпуклую, хорошо развитую грудь, устремивъ

на меня вызывающій взоръ, стояла дѣвушка, лицо которой показалось знакомымъ.

Она была въ легкой пунцовой блузкѣ. Короткая юбка того же цвѣта обнажала полныя ножки. На красивой головкѣ, съ цѣлой копной густыхъ, черныхъ, курчавящихся волосъ, лихо сидѣлъ алый беретъ.

Въ эту минуту она напоминала русалку, ундину, морскую сирену, только что разставшуюся съ водяною стихіей и, по какимъ-то соображеніямъ, накинувшую одежды на обнаженное тѣло.

— Черкесовъ, здравствуйте! — раздался звонкій, слегка насмѣшливый голосокъ. — Не узнаете?

Дѣвушка выгнала лодку изъ камыша и стала рядомъ.

Привычнымъ движеніемъ поправила кудри, обдернула на груди блузку и снова, съ веселой улыбкой, повернулась ко мнѣ:

— Такъ и не узнаете?.. Ай, какъ стыдно!.. А еще сидѣли рядомъ за ужиномъ!.. Помните?.. Зимой? У Громова?.. На вечеринкѣ?.. Ха-ха-ха-ха!

Дѣвушка засмѣялась и сверкнула двумя рядами плотныхъ бѣлыхъ зубовъ.

— Маруся Кудлашка? — протянулъ я не совсѣмъ увѣреннымъ тономъ. — Маруся? — повторилъ я.

— Ну, да, конечно! — снова засмѣялась дѣвушка въ аломъ беретѣ. — Черкесовъ, садитесь ко мнѣ!.. Поболтаемъ!

Я не заставилъ себя упрашивать.

Милый и простой тонъ, смѣющееся такъ ласково личико молодой дѣвушки, ея непосредственная манера, возбудили во мнѣ симпатію. Вдобавокъ, я все еще продолжалъ находиться въ томъ полуподавленномъ, меланхолическомъ настроеніи, когда участіе даже посторонняго человѣка облегчаетъ душевную боль.

Привязавъ челнокъ къ кормѣ, я пересѣлъ въ лодку.

— Я люблю наше озеро! — сказала Маруся и мечтательно посмотрѣла вокругъ. — Взгляните, какъ хорошо!.. Чудно!.. Безумно!.. Вода горитъ точно золото!.. Кругомъ тишина!.. Кувшинки цвѣтутъ!.. Рыбки плаваютъ!..

Птички летаютъ!.. Я каждый день катаюсь теперь на лодкѣ!.. Хотите, будемъ кататься вмѣстѣ?

Я улыбнулся.

— Черкесовъ, голубчикъ, въ самомъ дѣлѣ, доставьте мнѣ удовольствіе! — сказала Кудлашка и ласково посмотрѣла въ глаза. — Вы мнѣ нравитесь!.. Вы особенный человѣкъ!.. Вы совсѣмъ не похожи на остальныхъ!

— Откуда вы это знаете? — спросилъ я небрежнымъ и нѣсколько сухимъ тономъ, оправляя на себѣ гимнастерку и стягивая ее туже ремнемъ.

Кудлашка захохотала:

— Ахъ, я знаю про васъ очень многое!.. Знаю всѣ ваши секреты!.. Знаю, что вы были влюблены!.. Знаю, что стрѣлялись изъ за женщины!.. Это красиво!.. Это шикарно!.. Мнѣ безумно нравятся романтическіе мужчины!

Маруся наклонилась ко мнѣ и спросила:

— Скажите мнѣ, кто она была?.. Брюнетка или блондинка?.. Дама изъ общества или артистка или, можетъ быть, такая же дѣвочка, какъ я?.. Ахъ, изъ за насъ никто не будетъ стрѣляться!.. Это уже навѣрно!

Кудлашка опустила глаза и на минуту задумалась:

— Ну, если не хотите, не будемъ больше объ этомъ говорить!.. Я знаю, это вамъ больно!.. Это васъ можетъ разстроить!.. Черкесовъ, хотите я спою вамъ одну пѣсенку?.. „Пора начать намъ „Звѣріаду“, собрались звѣри всѣ толпой..“ Ха-ха-ха-ха!.. Вы не думайте, я знаю ее всю наизусть!.. Со всѣми подробностями!.. Меня научила Шурка Звѣрекъ!.. Мы съ ней большія подруги!.. Она живетъ сейчасъ въ Царскомъ!.. Вы съ ней знакомы?.. Хотите, я васъ съ ней познакомлю?.. Она милая!.. Она вамъ понравится!..

Кудлашка занимала меня въ теченіе всей прогулки.

Не умолкая ни на минуту, она мнѣ разсказывала о Школѣ и о нашихъ традиціяхъ... Объ общихъ знакомыхъ, и о своей жизни... Разсказывала о своемъ желаніи поступить на сцену и стать артисткой... Смѣялась, шутила,

брызгала мнѣ въ лицо водой, угощала папиросами и шоколадомъ.

По ея словамъ, она уже давно хотѣла со мной познакомиться и, узнавъ, что я буду на громовской вечеринкѣ, тотчасъ откликнулась на приглашеніе. Но я не обратилъ на нее, якобы, никакого вниманія и это ее огорчило.

— Черкесовъ, теперь вы отъ меня не уйдете! — хохотала Кудлашка. — Мнѣ безумно нравятся романтическіе мужчины!.. Голубчикъ, доставьте мнѣ удовольствіе!.. Будемъ вмѣстѣ кататься на лодкѣ!.. Правда?

Я молчалъ.

Но болтовня молодой дѣвушки меня занимала.

Я охотно слушалъ ея бесѣду, невольно улыбался отъ ея веселыхъ словечекъ, отъ наивныхъ признаній, отъ звонкаго смѣха, дрожавшаго надъ водой... Въ камышахъ она обыкновенно купается... Тамъ никто ее не видитъ и не тревожитъ...

Когда солнце стало совсѣмъ склоняться, я взялся за весла.

Отъ Дудергофа повѣяло свѣжестью.

Вдали показался дымокъ и, сверкая пылавшими стеклами, длинной лентой пробѣжалъ вечерній поѣздъ. Въ ресторанѣ зажглись огоньки. Такіе же огоньки неожиданно поползли по горѣ. Со стороны главнаго лагеря по прежнему доносилась военная музыка.

Играли изъ „Пиковой Дамы"...

Уже стало совсѣмъ темно, когда мы причалили къ дудергофскому берегу. Маруся взяла съ меня обѣщаніе посѣтить ее, какъ нибудь, на ея дачѣ и провести съ нею день.

Скоро начнутся дожди...

Нужно пользоваться хорошей погодой...

Мы разстались друзьями. На прощанье я пожалъ ручку. Кудлашка послала мнѣ воздушный поцѣлуй и, скрываясь въ сумракѣ ночи, звонко кричала:

— Черкесовъ, смотрите же, не забывайте!..

42.

Великій князь Николай, августѣйшій генералъ-инспекторъ конницы, произвелъ смотръ въ субботу.

Эскадронъ, съ полнымъ вьюкомъ, при походной сѣдловкѣ, уже въ восемь часовъ утра былъ выведёнъ на военное поле, подошелъ къ Лабораторной Рощѣ и сталъ фронтомъ въ направленіи на Дудергофъ.

Съ этой точки былъ ясно виденъ весь Авангардный лагеръ, а Красное Село лежало, какъ на ладони.

День былъ ясный, тихій, безоблачный.

Однако, не взирая на утренній часъ, воздухъ былъ душенъ, насыщенъ парами, накаленъ солнечнымъ зноемъ. Въ западной части неба накоплялись тяжелыя багровыя тучи и, на подобіе отдаленныхъ ударовъ пушекъ, грохотали громовые раскаты. Время отъ времени, пробѣгалъ вѣтерокъ и клонилъ долу, точно морскія волны, заколосившуюся рожь и овсы.

Все предвѣщало грозу...

Эскадронъ спѣшился и, держа лошадей въ поводу, ожидалъ прибытія великаго князя. Командиръ эскадрона и взводные офицеры, взволнованные предстоящимъ смотромъ еще въ большей степени нежели юнкера, обходили ряды, осматривали сѣдловку, пригонку оружія и амуниціи, давали послѣднія указанія. Впереди, на сытой, гладкой, отливающей червоннымъ золотомъ „Золушкѣ", безпокойно поблескивая стеклышками очковъ, съ куцой обнаженной „селедкой" въ рукѣ, сидѣлъ начальникъ Школы, генералъ-маіоръ Павелъ Адамовичъ Плеве.

Ожиданіе было чрезвычайно томительно.

Уже прошло не менѣе часа, зной становился все болѣе ощутительнымъ и пропекалъ тѣло черезъ легкую ткань гимнастерки. Лошади нервно били копытами по землѣ, отмахивались хвостами, то здѣсь то тамъ заливались горячимъ нетерпѣливымъ ржаньемъ.

Наконецъ, примѣрно къ десяти часамъ, со стороны Краснаго Села показалась конная группа, въ составѣ десятка двухъ всадниковъ.

— Великій князь!.. Ѣдетъ! — послышались голоса.

Тотчасъ раздалась команда „по конямъ, садись!“, сверкнули клинки, эскадронъ подравнялся и замеръ. Начальникъ училища, взявъ шашку „подъ-высь“, весь какъ-то сжавшись въ крошечный, неуклюжій комочекъ, поскакалъ навстрѣчу короткимъ галопомъ.

Эскадронъ, съ волненіемъ, слѣдилъ за этой картиной.

Къ величайшему изумленію, конная группа остановилась, потомъ нерѣшительно сдѣлала нѣсколько десятковъ шаговъ и неожиданно шарахнулась вразсыпную.

Тутъ только мы замѣтили, что это былъ никто иной, какъ вахмистръ Бѣлявскій и „штатскіе изъ манежа“, возвращавшіеся съ проѣздки.

Между тѣмъ, Павелъ Адамовичъ, по близорукости, продолжалъ мчаться съ поднятой для салюта шашкой. Штабсъ-ротмистръ Гиппіусъ далъ шпоры „Игруну“ и кинулся его догонять, крича во все горло:

— Ваше превосходительство, назадъ!.. Ошибка!.. Назадъ!

Эскадронъ покатывался отъ хохота...

Великій князь произвелъ смотръ ровно въ полденъ.

Онъ прибылъ на военное поле въ сопровожденіи двухъ адъютантовъ и штабъ-трубача. Широкимъ махомъ, сидя на огромномъ, мышастаго цвѣта, семивершковомъ гунтерѣ, онъ подскочилъ къ эскадрону внезапно, укрытый Лабораторной Рощей, и своимъ неожиданнымъ появленіемъ спуталъ всѣ планы.

— Здорово, Школа! — звонкимъ и рѣзкимъ, точно труба, голосомъ обратился великій князь къ эскадрону, слегка склонившись къ лукѣ и широко разставивъ свои длинныя, какъ циркуля, ноги. Галопомъ описавъ полукругъ, онъ перевелъ гунтера въ шагъ, остановилъ, поздоровался съ подъѣхавшимъ къ нему дробной рысцой Павломъ Адамовичемъ и началъ смотръ.

Эскадронъ представлялъ Константинъ Адамовичъ Карангозовъ.

Онъ лихо подлетѣлъ къ великому князю съ рапортомъ, получилъ отъ него рядъ указаній и тѣмъ же аллюромъ вернулся назадъ. Черезъ минуту, командиръ эскадрона скомандовалъ:

— Справа по одному, на двѣ лошади дистанціи, ррысью... М-а-а-ршъ!

Вытянувшись длинной кишкой, эскадронъ затрусилъ передъ великимъ княземъ, зоркимъ проницательнымъ окомъ слѣдившимъ за нашей посадкой и управленіемъ. Великій князь былъ видимо въ дурномъ настроеніи. Нервнымъ движеніемъ онъ барабанилъ стэкомъ по голенищу своего гусарскаго сапога и, время отъ времени, кидалъ короткія фразы:

— Скверно!

— Отвратительно!..

— Какъ курица, на яйцахъ сидятъ! — слышались рѣзкія замѣчанія и все сильнѣй гулялъ камышевый стэкъ. Павелъ Адамовичъ, держа руку подъ козырекъ, съ виноватымъ видомъ что-то докладывалъ. Константинъ Адамовичъ Карангозовъ, слегка волнуясь, шпорилъ темногнѣдого араба. Адъютанты переглядывались между собой и улыбались.

Настроеніе эскадрона упало.

Гроза надвигалась съ обѣихъ сторонъ.

Все ближе доносились громовые раскаты и все суровѣй и рѣзче звенѣлъ голосъ великаго князя. Онъ подымалъ стэкъ, размахивалъ имъ по воздуху передъ самымъ носомъ Павла Адамовича и продолжалъ кидать короткія, сухія, какъ ударъ бича, односложныя фразы:

— Отвратительно!

— Изъ рукъ вонъ плохо!

— Вольные наѣздники!

— Ковбои Техаса!

— Всадники безъ головы!..

Константинъ Адамовичъ Карангозовъ не даромъ, однако, заслужилъ репутацію браваго кавалерійскаго начальника.

Его мужество въ сраженіяхъ съ турками, увѣнчавшее его бѣлымъ крестомъ, не уступало отнюдь хладнокровію, стойкости, безстрашію передъ очами начальника. Другой, будучи на его мѣстѣ, давно бы потерялъ сердце, растерялся и скисъ. Замѣчанія великаго князя только подлили масло въ огонь. Самолюбіе стараго боевого кавказца было уязвлено.

Онъ подъѣхалъ къ построившемуся вновь эскадрону, сказалъ нѣсколько одобрительныхъ словъ и снова влилъ въ насъ увѣренность въ своихъ силахъ. Всего нѣсколько словъ, бодрыхъ, твердыхъ и смѣлыхъ — и настроеніе поднялось въ одно мгновенье.

— Эскадронъ, смирно! — раздалась команда полковника Карангозова.

— Шашки въ но-жны!

— Портупей-юнкеръ Черкесовъ на ординарцы къ его императорскому высочеству!

— Эскадронъ, полевымъ галопомъ, за мной...

— Ма-а-ршъ!

Молніей сверкнулъ на солнцѣ кривой азіатскій клинокъ съ георгіевскимъ темлякомъ — и круто, съ мѣста, рванулъ эскадронъ, поднявъ за собой облако пыли, лязгнувъ жестко стременами, шашками, мундштучными цѣпками. Выскочивъ на бугоръ, эскадронъ тотчасъ скрылся за скатомъ.

Одновременно, давъ шпоры „Экватору", я вынесся изъ строя и подлетѣлъ съ рапортомъ къ великому князю...

Онъ стоитъ отъ меня всего въ какихъ нибудь пяти шагахъ, широко раздвинувъ въ сѣдлѣ длинныя ноги, опираясь рукой о луку англійскаго сѣдла, стройный и худощавый, въ темносиней венгеркѣ съ золотыми шнурами, съ алой лейбъ-гусарской, заломленной на затылокъ фуражкой. Его сухое надменное породистое лицо, съ рыжеватой бородкой и подкрученными кверху усами, его холодные жесткіе стальные глаза смотрятъ на меня съ нескрываемымъ изумленіемъ. Онъ пытается словно воскресить что-то въ своей богатой памяти, спрашиваетъ себя и не находитъ отвѣта.

Тогда онъ поворачивается къ Павлу Адамовичу, указываетъ на меня камышевымъ стэкомъ и получаетъ какое-то объясненіе. Великій князь вторично пронизываетъ меня въ упоръ суровымъ внимательнымъ взглядомъ, неопредѣленно киваетъ нѣсколько разъ головой и переводитъ взоръ въ сторону несущагося вскачь эскадрона...

На этотъ разъ, нужно признаться по совѣсти, эскадронъ оказался на подобающей ему высотѣ. Юнкера Школы вполнѣ оправдали оказанное имъ довѣріе и не осрамили эскадроннаго командира. Со стороны были прекрасно видны всѣ эволюціи — быстрое вытягиваніе взводной колонны, крутые повороты налѣво и направо-кругомъ, „восьмерка" на полевомъ галопѣ, молніеносное построеніе фронта и, наконецъ — атака на полномъ карьерѣ.

Двѣнадцать разъ ураганомъ леталъ я впередъ и назадъ, передавая отъ имени великаго князя новыя приказанія. Двѣнадцать разъ эскадронъ исполнялъ ихъ безъ единой осѣчки, на широкихъ рѣзвыхъ аллюрахъ, соблюдая сомкнутость, равненіе, интервалы, дистанцію.

Голосисто заливались разгоряченные кони и облака пыли носились за эскадрономъ, по временамъ укрывая его совершенно отъ взоровъ...

Суровое лицо великаго князя стало значительно мягче. На тонкихъ сжатыхъ губахъ зазмѣилась предательская улыбка. Онъ даже произнесъ, въ сторону адъютантовъ, нѣсколько одобрительныхъ фразъ и, въ заключеніе, обернувшись, бросилъ штабъ-трубачу:

— Коноводы!

Звонко запѣла надъ самымъ ухомъ труба и серебристая дробь сигнала, выражающая благодарность начальника, зарокотала по военному полю:

„Коноводы поскорѣй
Подавайте намъ коней!..."

Издалека, въ отвѣтъ, донесся радостный ревъ эскадрона:

— Рады стараться, ваше императорское высочество!..

Великій князь вынулъ изъ кармана золотой портсигаръ и закурилъ папиросу. Выпустивъ клубами дымокъ, подалъ руку Павлу Адамовичу, козырнулъ и тронулъ шенкелями коня.

На мгновенье его взоръ снова остановился на мнѣ:

— Ординарецъ, спасибо за службу!.. Лихо, точно, отчетливо!.. Молодецъ!.. Гдѣ я съ вами имѣлъ честь познакомиться? — неожиданно задаетъ онъ вопросъ.

— На мосту Поцѣлуевомъ, ваше императорское высочество!

Великій князь усмѣхнулся.

— Нахалъ! — произнесъ генералъ-инспекторъ конницы, усмѣхнулся вторично и, шутливо погрозивъ стэкомъ, поднялъ коня въ галопъ...

Тучи несутся все ниже...

Громовой ударъ, точно залпъ стопушечной батареи, потрясаетъ военное поле...

Водяные бичи низвергаются съ неба и, въ одно мгновенье, просѣкаютъ насквозь...

43.

Тантъ Мари еще не уѣхала на кислыя воды и продолжаетъ оставаться пока въ столицѣ. Иногда только, время отъ времени, навѣщая своихъ друзей, выѣзжаетъ въ Царское, въ Гатчину, въ Петергофъ.

Въ одно изъ воскресеній я ее посѣтилъ.

Марія Васильевна крѣпко обняла меня, поцѣловала, усадила рядомъ съ собой.

— Георгій, ну какъ твое здоровье? — озабоченно спросила меня тетушка. — По моему мнѣнію, ты выглядишь не хорошо!.. Похудѣлъ, поблѣднѣлъ, спалъ снова съ лица!.. Бѣдный мой мальчикъ!.. Все не можешь еще позабыть Анечки?.. Понимаю тебя, мой дружокъ!.. Ну, дастъ Богъ, все образуется!.. На все воля Божья!

Тантъ Мари вынула платокъ, и, на минуту, приложила къ глазамъ.

— Господи, кто бы подумалъ, что дѣла графа такъ пошатнулись? — продолжала Марія Васильевна. — Вотъ ужъ истинно точно громъ посреди чистаго неба!.. Евдокія Валерьяновна, передъ отъѣздомъ, разсказала мнѣ все!.. Плакала она, бѣдная, убивалась!.. Винила во всемъ не столько графа, сколько себя!.. А тебя-то какъ сожалѣла — и передать невозможно!.. Чудная женщина!.. Рѣдкая женщина!.. Такихъ нынче днемъ съ огнемъ не сыскать!

Тантъ Мари на минуту задумалась:

— А кто, по существу, во всемъ виноватъ?.. Какъ ты полагаешь, мой другъ?.. Да онъ же, его сіятельство, добрѣйшій Михаилъ Николаевичъ!.. Видите-ли, для него наши профессора не годятся?.. Наши минеральныя воды ничего не стоютъ по сравненію съ заграничными?.. Нашъ климатъ для него вреденъ?.. Вотъ оно какъ?... Придумалъ себѣ болѣзнь и катаетъ по французскимъ да по итальянскимъ курортамъ!.. Замѣсто того, чтобы въ Графскомъ сидѣть да хотя бы однимъ глазкомъ за хозяйствомъ присматривать, такъ нѣтъ же, лучше денежки въ карты просвистывать!.. Въ рулетку, въ баккара, въ шменъ-де-феръ!.. Что ты скажешь?.. Въ послѣдній-то разъ, какъ оказывается, сто тысячъ оставилъ?.. Шутка сказать — сто тысячъ рублей?

Я молчалъ.

— Вотъ, мой дружокъ, гдѣ корень-то зла притаился!.. Деньги счетъ любятъ, сколько бы ихъ не было! — продолжала Марія Васильевна и снова на минуту задумалась. — Да, кстати! — неожиданно обратилась ко мнѣ тантъ Мари. — Давно хотѣла тебя спросить!.. Все забывала!.. Коня ты себѣ купилъ?

— Какъ же, тетушка, какъ же! — отвѣтилъ я, не сморгнувъ глазомъ. — Кобылу „Заиру“!.. Чудныхъ кровей!.. Выѣздки идеальной!.. Темногнѣдая, пяти вершковъ, четырехъ съ половиною лѣтъ отъ роду!.. Завода графини Браницкой!..

— Адскій шикъ!.. Крррасота! — воскликнулъ я съ

горькой усмѣшкой и, повернувшись къ тетушкѣ, добавилъ:

— Вы оказали мнѣ огромное одолженіе!.. Я этого никогда не забуду!

— Ну, а насчетъ полка?.. Чай, намѣтилъ уже?.. Куда думаешь выходить?

— Вотъ этого, тетушка, опредѣленно сказать не могу!.. На предварительной разборкѣ записалъ Нижегородскій драгунскій Его Величества полкъ!.. Надо полагать туда и выйду!

— Въ армію? — спросила, съ изумленіемъ, тантъ Мари.

Я утвердительно кивнулъ головой...

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, опустивъ голову, Марія Васильевна сидѣла въ полномъ молчаніи. На ея крупномъ лицѣ, съ сѣдѣющими бровями, съ тяжелымъ двойнымъ подбородкомъ и бородавкою на лѣвой щекѣ, заиграло какое-то особое выраженіе. Глубоко вздохнувъ, она перевела взоръ на меня и спросила:

— Однако, почему же въ армію?.. Ты вѣдь права-то имѣешь?

Я улыбнулся.

— Права-то у меня, тетушка, есть!.. Не хватаетъ кое-чего другого!.. На сто рублей въ гвардіи не проживешь!.. Матушка больше этой суммы давать не можетъ!.. У нея на рукахъ Жанчикъ и Валечка!.. Это я тоже имѣю въ виду!

— Да, наконецъ, — продолжалъ я, — почему не выйти мнѣ въ армію?.. Нижегородскій драгунскій полкъ — блестящій полкъ!.. Георгіевскій штандартъ съ широкими лентами!.. Двойныя георгіевскія петлицы!.. Шестнадцать серебряныхъ трубъ!.. Какъ вамъ это понравится?.. Полкъ стоитъ на Кавказѣ!.. Будете пріѣзжать на кислыя воды — будемъ съ вами встрѣчаться!

Марія Васильевна улыбнулась.

— Эхъ, и зеленъ же ты, какъ погляжу! — покачавъ головой, произнесла тантъ Мари. — Онъ все про штандартъ, да про трубы съ петлицами!.. Словъ нѣтъ, кто осудитъ боевыя-то ваши отличія?.. Кровь проливали за родину!.. Храбро сражались въ бояхъ!.. Это вѣрно!.. А вотъ о будущемъ ты не подумалъ!.. Въ арміи карьеры не сдѣлаешь!... Будешь тянуть лямку всю жизнь!.. Такъ-то, мой другъ!

Я молчалъ.

Тетушка, въ свою очередь, замолчала.

— Ну, а если, допустимъ, я бы положила тебѣ еще отъ себя сто рублей? — нѣсколько растягивая слова, спросила тантъ Мари. — Ты бы могъ служить въ гвардіи?

Эти слова были столь неожиданны, что первое время я не зналъ, что отвѣтить. Потомъ, овладѣвъ собой, произнесъ слегка взволнованнымъ голосомъ:

— Безъ сомнѣнія, тетушка!.. При этихъ условіяхъ, я бы могъ выйти въ гвардейскій полкъ!

— Мы объ этомъ еще потолкуемъ! — сказала Марія Васильевна и направилась со мною въ столовую...

44.

Съ каждымъ днемъ, „волненіе производства“ охватываетъ насъ все сильнѣе.

Мы заняты теперь этимъ серьезнымъ вопросомъ, думаемъ только о немъ, и все остальное, само собой разумѣется, отходитъ на второй планъ.

Почти совсѣмъ прекратился юнкерскій цукъ, тѣмъ болѣе, что утратилъ свое значеніе. „Звѣри“ вполнѣ добросовѣстно усвоили всѣ традиціи, лихо отдаютъ честь, изучили до мелочей формы, отличія, стоянки кавалерійскихъ полковъ, на зубокъ знаютъ всю „Звѣріаду“.

Понятно, время отъ времени, мы ихъ подтягиваемъ. Но это дѣлается больше для шутки, отъ нечего дѣлать, чтобы „звѣри“ не распускались. Если выйти на перед-

нюю линейку, время отъ времени, еще раздаются грозныя восклицанія:

— Трррепещи, молодежь!

— Видъ веселый, но безъ улыбокъ!

— Молодой баронъ Нолькенъ, разскажите исторію вашей первой любви?

— Молодой Церетели, что такое прогрессъ?

— Прогрессъ есть константная эксибиція секулярныхъ новаторовъ и тенденція коминденціи...

— Правильно, молодой!

— Молодой Замараевъ, разскажите „Стоянку Ямбургскаго полка“?

Это забавное, не совсѣмъ приличное стихотвореніе, согласно традиціи, каждый долженъ знать наизусть.

Ямбургскій драгунскій полкъ — отличный строевой полкъ.

Но благодаря своей ужасной стоянкѣ, не пользуется успѣхомъ при разборкѣ вакансій. Въ этотъ полкъ выходятъ, по преимуществу, юнкера другихъ кавалерійскихъ училищъ — Елисаветградскаго и Тверского.

„Сѣрый день мерцаетъ слабо,
Я гляжу въ окно...“

Такъ начинается это знаменитое стихотвореніе, принадлежащее перу не Михаила Юрьевича Лермонтова, а другого, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ поэта.

Въ немъ встрѣчаются весьма удачныя строфы. Попадаются и такія, которыя, при всемъ желаніи, нельзя произнести вслухъ. Имѣются и вполнѣ невинныя строчки:

„Стоитъ стрижена березка,
Баба креститъ лобъ.
И соплей объ землю хлестко
Бьетъ прохожій попъ!..“

Это любимое стихотвореніе Дробышевскаго, которымъ онъ, первое время, допекалъ молодежь. За малѣй-

шую ошибку поворачивалъ налѣво-кругомъ, раздавалъ щедро наряды, приказывалъ явиться взводному вахмистру...

Очень насмѣшила насъ исторія съ „Балалайкой“ и Волкушонкомъ.

Волкушонокъ — „штатскій изъ манежа“, маленькій жалкій уборщикъ, съ вѣчно гноящимися глазами, забитый. затрепанный до послѣдней возможности.

„Балалайка“, въ сопровожденіи дежурнаго эстандарта, дѣлалъ какъ-то ночной обходъ конюшенъ и поймалъ Волкушонка, занимавшагося непотребствомъ. Онъ накрылъ его въ ту минуту, когда Волкушонокъ, зайдя въ станокъ къ кобылѣ „Красоткѣ“, взобрался на табуретку и...

По существующему закону, подобное преступленіе карается каторжными работами.

„Балалайка“, однако, ограничился тѣмъ, что накричалъ на бѣднаго Волкушонка, изругалъ самыми сочными выраженіями изъ своего лексикона и, закативъ ему оплеуху, на другой день, подъ какимъ-то предлогомъ выгналъ вонъ.

Все же эта исторія получила огласку и дала намъ поводъ лишній разъ посмѣяться...

Особыхъ новостей нѣтъ.

Въ газетахъ много пишутъ объ отважномъ полетѣ, на воздушномъ шарѣ, шведскаго инженера Андре, съ цѣлью отыскать сѣверный полюсъ. Это насъ, въ сущности, мало трогаетъ, по той причинѣ, что „Сѣверный Полюсъ“ давно нами отысканъ.

Пишутъ что-то о предстоящей войнѣ между испанцами и американцами. Но это такъ далеко, что едва-ли въ состояніи возбудить особенный интересъ.

Вводится винная монополія.

Это должно заинтересовать и порадовать Громова, такъ какъ водка, по слухамъ, станетъ въ полтора раза дешевле.

Наконецъ, вводится золотая валюта.

Это должно огорчить Дробышевскаго, такъ какъ дѣвочки станутъ въ полтора раза дороже...

Время бѣжитъ и каждый часъ приближаетъ насъ къ тому завѣтному дню, когда мы надѣнемъ, наконецъ, золотые и серебряные погоны съ двумя корнетскими звѣздочками.

По вечерамъ, сидя съ Громовымъ и Дробышевскимъ передъ баракомъ, мы ведемъ продолжительныя бесѣды на эту тему.

Вотъ сейчасъ, три однокашника, „Три Мушкетера" — Атосъ, Портосъ и Арамисъ, мы еще находимся вмѣстѣ.

Вспоминаемъ кадетскій корпусъ...

Боже, какимъ унылымъ, какимъ далекимъ кажется намъ это время!...

Вспоминаемъ два года, проведенные въ „славной гвардейской Школѣ"... Милыя, свѣтлыя воспоминанія!... Все промелькнуло, какъ праздникъ, точно сказочный сонъ!..

Черезъ полтора мѣсяца будемъ произведены въ офицеры и разлетимся во всѣ концы...

Дробышевскій перебираетъ струны гитары, мечтательно закатываетъ глаза, бормочетъ:

„А помнишь, какъ бывало,
Ты пѣсни мнѣ пѣвала
Въ заката тихій часъ,
Въ заката тихій часъ?.."

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ мы этого дня, когда смѣнимъ, наконецъ, бѣлую гимнастерку на офицерскій мундиръ... Когда вступимъ, по настоящему, въ ряды императорской арміи, на путь воинской славы, доблести, великолѣпныхъ подвиговъ на поляхъ сраженій.

Ахъ, если бы только къ этому времени подоспѣла какая нибудь война!

Съ турками, съ австріяками, съ нѣмцами, со всѣмъ міромъ!

Какія думы, какія грезы и чувства не наполняютъ наши молодыя сердца?..

Съ волненіемъ ожидаемъ мы этого дня и, одновременно, сожалѣемъ о предстоящей разлукѣ.

Это неизбѣжно!.. Это неотвратимо!

Какъ обидно, что мы не можемъ выйти всѣ трое въ одинъ полкъ!..

„И мчались мы куда-то,
Откуда нѣтъ возврата,
Куда дороги нѣтъ,
Куда дороги нѣтъ!..“

Благодаря добротѣ тетушки Маріи Васильевны, которая опредѣленно рѣшила мнѣ помогать, передо мной открывается широкій выборъ.

Я могу выйти въ гвардію.

Конечно, для Кавалергардовъ корни моего родословнаго древа недостаточно глубоки. Служба въ Конной Гвардіи и въ Лейбъ-Гусарахъ требуетъ значительныхъ средствъ.

Я начинаю склоняться въ сторону кирасирской бригады.

Это сравнительно скромныя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, старыя, боевыя, заслуженныя части, основанныя еще Петромъ Великимъ. Мнѣ нравится ихъ стоянка — Царское Село и Гатчина. Мнѣ нравится ихъ блестящая форма — золотая каска съ двуглавымъ орломъ, тяжелая рыцарская кираса, бѣлый мундиръ, длинный кирасирскій палашъ.

Я видѣлъ бригаду, въ послѣдній разъ, на майскомъ парадѣ.

Она произвела на меня роскошное впечатлѣніе.

Тантъ Мари совѣтуетъ мнѣ выходить въ синіе Кирасиры, шефомъ которыхъ состоитъ вдовствующая императрица...

45.

До производства остается всего одинъ мѣсяцъ.

Уже давно „дежурятъ“ у насъ полки и, каждый день, на дверяхъ барака прикрѣпляется широкій плакатъ, на которомъ выводится крупными печатными буквами:

„Сегодня дежурнымъ назначается 30-ый драгунскій Ингерманландскій полкъ!“

Завтра дежурнымъ будетъ — 29-ый драгунскій Одесскій... Послѣзавтра — 28-ой драгунскій Новгородскій... Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаемъ мы того дня, когда дежурнымъ будетъ назначенъ — 1-ый лейбъ-драгунскій Московскій!..

Изъ Главнаго Штаба прислали, наконецъ, вакансіи

На дняхъ состоялась окончательная разборка.

Въ порядкѣ старшинства выпускныхъ балловъ, причемъ портупей-юнкера имѣютъ преимущество передъ другими, каждый изъ насъ знакомится со спискомъ и противъ желаемаго полка ставитъ свою фамилію.

Происходятъ интересныя сцены.

Въ одни полки нѣтъ вовсе вакансій.

Въ другіе, наоборотъ, имѣются въ большомъ количествѣ.

Одни юнкера не могутъ выйти въ гвардейскій полкъ по недостатку балловъ.

Другіе — по недостатку средствъ.

Между отдѣльными юнкерами происходятъ споры, торгъ, уговоры, просьбы уступить тотъ или другой полкъ. Иногда приходятъ къ взаимному соглашенію. Въ отрицательныхъ случаяхъ приходится подчиниться судьбѣ...

Бѣдняга Дробышъ-Дробышевскій, мечтавшій два года о гусарскомъ мундирѣ Гродненскаго полка, принужденъ выйти въ армію.

Ахъ, какъ мечталъ онъ о зеленомъ доломанѣ, расши-

томъ серебряными филитрановыми шнурами, о малиновыхъ чакчирахъ съ серебрянымъ галуномъ, о парадномъ, опушенномъ бобровымъ мѣхомъ ментикѣ, о пышной бобровой шапкѣ съ бѣлымъ султаномъ и о кривой сверкающей саблѣ, съ легкой, мелодичной, ни съ чѣмъ не сравнимою музыкой волочащейся по землѣ!..

Станиславъ Станиславовичъ не натянулъ „гвардейскаго“ балла.

Но это его не обезкуражило.

Онъ не теряетъ надежды выйти въ гвардію впослѣдствіе, съ „прикомандированіемъ“.

Станиславъ Станиславовичъ пробѣжалъ списокъ, усмѣхнулся и записался въ 41-ый драгунскій Ямбургскій полкъ, въ тотъ самый полкъ, о стоянкѣ котораго такъ добросовѣстно распѣвалъ въ теченіе года:

„А-*а-афицеръ выходитъ въ Ямбургцы,*
Въ Ямбургцы,
Въ Ямбургцы!..“

Сашка Громовъ никогда не имѣлъ въ виду гвардіи. Честолюбивыми соображеніями онъ не руководствуется. О карьерѣ не помышляетъ. Ему важно находиться поближе къ своему орловскому имѣнію и, по этой причинѣ, онъ записался въ 51-ый драгунскій Черниговскій полкъ.

Что касается меня, я опредѣленно остановился на Кирасирахъ Ея Величества.

Положеніе осложняется тѣмь обстоятельствомъ, что вакансій прислано три, а записалось насъ четверо. При этомъ, младшій изъ насъ по балламъ, сынъ вліятельнаго, имѣющаго большія связи лица, записался по высочайшему повелѣнію.

Создавшееся, въ данномъ случаѣ, положеніе можетъ разрѣшить только полкъ.

Кромѣ того, въ соотвѣтствіи съ установленною въ гвардейскихъ частяхъ традиціей, мы обязаны, предварительно выхода, представиться обществу офицеровъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, вноситъ большую неопредѣленность...

Мой пріятель, взводный капралъ четвертаго взвода, Борисъ Сильверсванъ, озабоченъ не меньше меня.

Мы сидимъ у входа въ баракъ, на ступеняхъ крыльца, выходящаго на военное поле, и дѣлимся соображеніями.

Какъ разрѣшить этотъ вопросъ?.. Какъ отыскать удовлетворяющее всѣхъ насъ рѣшеніе?.. Нѣтъ сомнѣнія, что одинъ изъ четырехъ кандидатовъ будетъ забаллотированъ?

Что дѣлать въ этомъ случаѣ?

Остается единственный выходъ — Кавказъ!..

Борисъ на минуту умолкаетъ, задумывается и машинально, какъ бы про себя, начинаетъ импровизировать:

— Я ѣхалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса... Вся поклажа моей телѣжки состояла изъ одного чемодана, который до половины былъ набитъ путевыми записками о Грузіи... Большая часть изъ нихъ, къ счастью для васъ, потеряна, а чемоданъ съ остальными вещами, къ счастью для меня, остался цѣлъ...

Борисъ останавливается и продолжаетъ:

— Ужъ солнце начинало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я въѣхалъ въ Койшаурскую долину... Осетинъ-извозчикъ неутомимо погонялъ лошадей и во все горло распѣвалъ пѣсни... Славное мѣсто эта долина!.. Со всѣхъ сторонъ неприступныя горы, красноватыя скалы, обвѣшанныя зеленымъ плющомъ... Послушай, Черкесовъ! — обращается ко мнѣ Борисъ и въ его голосѣ звучитъ нота раздраженія и досады. — Я всетаки своего права уступать не намѣренъ!.. Это мое окончательное рѣшеніе!.. У меня всѣ преимущества!.. Если меня не примутъ почему либо въ полкъ, я подаю рапортъ на высочайшее имя!

Я пытаюсь его успокоить, но чувствую, что мои аргументы не имѣютъ ни увѣренности, ни силы. Я нахожусь точно въ такомъ положеніи и сознаю, что въ вопросѣ о принятіи въ полкъ играютъ роль не столько служебныя преимущества, сколько обстоятельства иного рода.

И мы расходимся...

А служба течетъ прежнимъ порядкомъ.

Днемъ мы заняты эскадронными сборами, развѣдкой, сторожевкой, подготовкой къ смотру, стрѣльбой изъ винтовокъ и глазомѣрнымъ опредѣленіемъ разстояній. Вечеръ находится въ нашемъ распоряженіи. На лучшихъ ѣздоковъ эскадрона возложена доѣздка молодыхъ лошадей.

Уже прошли скачки на „Императорскій Призъ“ и на „Кубокъ Главнокомандующаго“...

Уже прошла „Заря съ церемоніей“ и высочайшій объѣздъ красносельскаго лагеря...

Впереди остаются маневры и царскій парадъ...

Однажды вечеромъ, находясь въ меланхолическомъ настроеніи, я вспомнилъ о Марусѣ Кудлашкѣ и рѣшилъ покататься съ нею по озеру.

Очередную проѣздку молодой лошади можно было поручить училищному берейтору.

Я разыскалъ у конюшенъ Бѣлявскаго и, посуливъ ему три цѣлковыхъ на чай, попросилъ меня замѣнить.

— Напрѣетъ мнѣ за васъ, господинъ Черкесовъ! — важно произнесъ вахмистръ, по привычкѣ покручивая усы и щелкая хлыстомъ по ботфортамъ. — Отъ его высокоблагородія командира эскадрона напрѣетъ!.. Ну, да ладно!.. Эй ты, холера! — крикнулъ онъ вѣстовому, державшему мою лошадь. — Давай сюды „Охвелію!.. Свынячая морда!..

Я спустился къ купальнѣ, прыгнулъ въ челнокъ и направился къ камышамъ.

Тихо опускался бронзовый вечеръ...

Заходящее солнце прощальными поцѣлуями прикасалось къ водѣ...

Сладкая грусть была разлита въ природѣ...

„Если жизнь тебя обманетъ —
Не печалься, не сердись,
Въ часъ унынія смирись...“

вспомнились мнѣ почему-то слова поэта, и такимъ правдивымъ, такимъ значительнымъ и глубокимъ показался ихъ смыслъ.

„Сердце будущимъ живетъ,
Настоящее уныло,
Все мгновенно, все пройдетъ,
Что пройдетъ, то станетъ милымъ!..“

Въ теченіе часа и болѣе я катался по озеру, но отыскать Маруси не могъ...

Уже ползли сумерки, когда я причалилъ къ купальнѣ.

Свѣжій вѣтерокъ разносилъ запахъ камыша и луговыхъ травъ... Изъ конюшенъ доносилось сонное фырканье лошадей...

Когда я вышелъ на берегъ и обернулся — сливая дачные огоньки съ мерцавшими звѣздами, черной шапкой темнѣлъ Дудергофъ...

46.

Гатчина отмѣнно хороша зимою, въ добрую рождественскую пору, когда заваленная по самую маковку снѣгомъ, сверкаетъ на солнцѣ своей пушистою шубой.

Но и лѣтомъ не лишена она поэтическаго очарованія.

Весь городокъ точно утонулъ въ бѣлыхъ и лиловыхъ сиреняхъ, въ зеленыхъ елочкахъ, въ кленовыхъ аллеяхъ. Кругомъ вьются уютныя улички, раскинуты дачки, нарядные домики, барскіе усадебные хоромы, а въ центрѣ лежитъ старинный паркъ Пріоратъ, съ небольшимъ озеромъ и замкомъ съ высокими башенками, въ которомъ проживалъ нѣкогда гросмейстеръ мальтійскаго ордена графъ Литта.

А дальше виднѣются желтые массивы кирасирскихъ казармъ и примыкающій едва не вплотную величественный царскій дворецъ, со своимъ знаменитымъ „Звѣринцемъ“, съ Егерской Слободой, съ псарнями и псарями, ловчими, доѣзжачими, со всею царской охотой и ея начальникомъ, свѣтлѣйшимъ княземъ Голицынымъ...

Намъ не пришлось даже брать извозчиковъ.

Станція балтійской желѣзной дороги расположена въ двухъ шагахъ отъ полка.

Пройдя такъ называемую Бомбардирскую Слободу, мы сразу увидѣли памятникъ императору Павлу Петровичу, въ видѣ высокаго обелиска, увѣнчаннаго характерной фигурой, въ треуголкѣ, въ прусскомъ камзолѣ, съ тростью въ рукѣ. У памятника, сверкая начищенной каской, стоялъ часовой.

Рядомъ виднѣлся садикъ, обнесенный ажурной рѣшоткой.

Въ глубинѣ бѣлѣлъ особнякъ, красивое каменное двухъэтажное зданіе, въ которомъ помѣщался полковой клубъ. А за нимъ тянулись свѣтло-желтые корпуса четырехъ эскадроновъ, съ бѣлыми надписями на синемъ полѣ, полковой штабъ, учебная и трубаческая команды, конюшни, манежи, гауптвахта, кузница, церковь, полковой околодокъ...

Насъ ожидали.

На открытой террасѣ, выходящей въ садикъ полкового собранія, съ цвѣточными клумбами и на диво выметенными дорожками, уже находилось человѣкъ до пятнадцати офицеровъ, одни въ сюртукахъ, другіе въ однобортныхъ вицъ-мундирахъ кирасирской дивизіи. Во всю ширину балкона стоялъ обѣденный столъ, съ сервированною закуской, графинчиками съ водкою и виномъ, съ большой серебряной чашей для крюшона или шампанскаго.

Офицеры уже издали глядѣли на насъ и улыбались.

Мы подошли, представились, обмѣнялись рукопожатіями. Насъ усадили тотчасъ за столъ. Мы сидѣли въ разныхъ углахъ, окруженные со всѣхъ сторонъ, пили вино, отвѣчали на задаваемые вопросы, старались держаться съ подобающей скромностью. Насъ угощали съ большою любезностью, чокались съ нами, шутили, смѣялись.

Портупей-юнкеръ Случевскій произвелъ впечатлѣніе своимъ гигантскимъ ростомъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ выше всѣхъ едва-ли не головой и, по внѣшнему виду, отвѣчалъ типу полка исключительнымъ образомъ.

Офицеры смѣялись:

— Ну, васъ придется зачислить сразу въ эскадронъ Ея Величества!.. Вы будете самый высокій во всей кирасирской дивизіи!.. Пожалуй, повыше самого графа Комаровскаго изъ Конной Гвардіи!..

Его заставляли приподыматься, надѣвали на голову кирасирскую каску съ гренадой и, глядя на саженную фигуру, въ изумленіи разводили руками.

Весьма повезло „Замкни Току“ — душкѣ-Анатолю, портупей-юнкеру Сахарову.

Офицеры тотчасъ разыскали ему столовое серебро его отца, служившаго въ полку лѣтъ тридцать тому назадъ. По старинной традиціи, съ выходомъ въ полкъ, каждому офицеру пріобрѣтается столовый приборъ, на которомъ вырѣзается его фамилія и годъ производства.

Борисъ Сильверсванъ и я щегольнули тремя нашивками взводнаго капрала. Кромѣ того, весьма выгодное впечатлѣніе произвела моя призовая офицерская шашка.

Завтракъ продолжался нѣсколько часовъ.

Офицеры держали себя очень просто, ухаживали за нами, какъ внимательные хозяева, на перебой угощали закусками, потчивали водкою и виномъ, вели пріятельскую бесѣду.

Потомъ кто-то позвалъ трубачей.

Потомъ появился хоръ балалаечниковъ четвертаго эскадрона.

Послѣ завтрака повели осматривать полковое собраніе...

Оно было недавно отстроено и считалось однимъ изъ наряднѣйшихъ въ полкахъ гвардейской конницы.

Въ бѣломъ парадномъ двухсвѣтномъ залѣ висѣлъ портретъ Основателя, императора Петра I, въ натуральный ростъ, въ широкой золотой рамѣ. По карнизу зала шли лѣпныя надписи — Полтава, Лѣсная, Пирна, Берлинъ, Бородино, Лейпцигъ, Феръ-Шампенуазъ, Парижъ.

Въ роскошной комнатѣ шефа полка, въ такъ называемой „комнатѣ императрицы", съ тонкой орѣховой мебелью, обитой въ цвѣтъ полка синимъ шелкомъ, глядѣли со стѣнъ изображенія вдовствующей императрицы Маріи Феодоровны, покойной государыни Маріи Александровны и другихъ вѣнценосныхъ полковниковъ, шефовъ полка — императрицы Анны Іоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II Алексѣевны.

На другихъ стѣнахъ висѣли портреты служившаго когда-то въ полку покорителя Кавказа, фельдмаршала князя Барятинскаго, и старыхъ полковыхъ командировъ — полковника Яна Портеса и принца Ангальтъ-Бернбургскаго, генераловъ — князя Семена Волконскаго, Толстого, Дашкова, генералъ-поручика Ивана Михельсона, барона Розена, Жадовскаго, Хрущова, графа Протасова-Бахметьева, Гревса, Арапова, Лермонтова, Боборыкина и прочихъ.

Прекрасное впечатлѣніе производила гостиная, съ цѣнными портьерами и коврами, съ тяжелой, обитою тисненою кожею мебелью, глубокими креслами и диванами, съ бронзовой арматурой, канделябрами, люстрами, съ полковыми альбомами въ дорогихъ кожаныхъ переплетахъ и „золотой книгой" съ автографами высочайшихъ особъ.

Столовая была въ голландскомъ стилѣ.

Потолокъ былъ забранъ массивными дубовыми балками. Въ одномъ изъ простѣнковъ бѣлѣлъ каминъ. Мебель была сработана изъ, обтянутаго прочною кожей, того же темнаго тяжелаго дуба. Въ примыкающей буфетной комнатѣ была широкая мраморная стойка, а въ глубинѣ — выложенный раковинами бассейнъ, со струею фонтанчика, съ плескавшимися форелями, лососками и налимами.

Наверху находилась читальня съ библіотекою и съ зерцаломъ... Обширная, съ широкимъ окномъ въ залу, бильярдная комната... Помѣщеніе для дежурнаго офицера, съ мягкими турецкими отоманками и карточными столами...

Все это создавало впечатлѣніе изысканнаго комфорта,

порядка, уюта и благолѣпія, освященныхъ вѣяніемъ исторической старины...

Окруженные офицерами, мы побывали въ манежахъ, въ конюшняхъ, въ помѣщеніяхъ эскадроновъ и снова вернулись въ собраніе.

На террасѣ, за тѣмъ же столомъ, былъ сервированъ дессертъ — чай, кофе, фрукты, ликеры... Попеременно играли балалаечники и трубачи... Гремѣлъ хоръ полковыхъ пѣсенниковъ:

„Чудный мѣсяцъ плыветъ надъ рѣ-кою,
Все въ объятьяхъ ночной тиши-ны,
Ничего мнѣ на свѣтѣ не на-а-до —
Любоваться твоей кра-со-той!..“

Настроеніе было живое, непринужденное...

Передъ отъѣздомъ, когда простившись съ любезно принимавшими насъ офицерами, мы уже готовились покинуть собраніе, старшій полковникъ, Ипполитъ Алексѣевичъ Еропкинъ, высокій, стройный, точно корнетъ, съ грубоватымъ и жесткимъ солдатскимъ лицомъ, пригласилъ насъ въ „комнату императрицы“ и произнесъ:

— Господа юнкера!.. Вы произвели отличное впечатлѣніе!.. Но ваканцій, къ сожалѣнію, три!... Каждый изъ васъ получитъ отъ меня письмо!

И протянувъ свою огромную лапу, отпускаетъ домой...

47.

Сегодня — день величайшаго торжества.

— Боже, какая радость, какое великое счастье!..

Ну, само собой разумѣется, я уже влюбленъ въ полкъ. Я очарованъ не только пріемомъ, но рѣшительно всѣмъ, начиная отъ этого милаго садика передъ офицерскимъ собраніемъ, кончая золотой пуговицей на сюртукѣ старшаго полковника.

Какъ хороша будущая полковая квартира — этотъ тихій идиллическій городокъ, потонувшій въ сиреняхъ, въ зеленой хвоѣ, въ густой листвѣ липъ, кленовъ, каштановъ, находящійся всего въ часовомъ разстояніи отъ столицы!..

Какъ ласкаетъ взоръ это мягкое сочетаніе синяго и бѣлаго цвѣта съ золотомъ, которое выражено во всемъ — на погонахъ, на офицерскихъ и солдатскихъ фуражкахъ, на шелковой мебели клуба, на переплетахъ книгъ полковой библіотеки, даже въ надписяхъ передъ входами въ эскадроны, въ конюшни, въ манежи!..

Что за прелесть господа офицеры, мои будущіе командиры, сослуживцы, друзья — полковникъ Еропкинъ, ротмистръ Авенаріусъ и Дроздъ-Боначевскій, поручики Гулькевичъ и князь Кольцовъ-Масальскій, корнеты Араповъ, Крыловъ и Свѣчинъ, Лазаревъ и Корвинъ-Круковскій, Максимовичъ, фонъ Шведеръ, Пржевальскій, братья Талюша и Палюша Мордвиновы!

А люди, эти черноволосые молодые гиганты, по преимуществу изъ южныхъ губерній великаго царства россійскаго?..

А лошади, эти огромные, рыжіе, широкозадые, отливающіе атласомъ слоны?..

Прислушайтесь къ музыкѣ фразы?.. Какъ красиво и гордо она звучитъ:

„Лейбъ-Гвардіи Кирасирскій Ея Величества полкъ“...

Но одновременно меня охватываетъ тревога.

— Что сулитъ рокъ?

— Попаду-ли я въ число трехъ счастливыхъ избранниковъ, передъ которыми откроются двери полка?

Я волнуюсь невыразимо...

И вотъ, ровно черезъ недѣлю, въ тотъ послѣобѣденный часъ, когда я кончалъ доѣздку „Офеліи“, изъ настежь распахнутыхъ воротъ конюшни выбѣжалъ дежурный, портупей-юнкеръ Случевскій.

Въ его долговязой фигурѣ, на его безусомъ, безцвѣтномъ, слегка одутловатомъ отъ пьянства лицѣ, я прочелъ выраженіе нескрываемаго восторга. Въ рукахъ онъ держалъ бѣлый пакетъ, размахивалъ имъ по воздуху и кричалъ:

— Черкесовъ, урррa-а!... Я принятъ въ полкъ!.. Урррa-а!

Онъ подбѣжалъ ко мнѣ и сунулъ въ руку пакетъ:

— Это письмо для тебя!.. Ну, читай!.. Читай же скорѣй!

Сидя верхомъ на кобылѣ, я вскрылъ торопливо конвертъ... Буквы прыгали у меня передъ глазами... Трижды прочелъ я записку, на которой мощной полковничьей рукой, привыкшей сжимать бичъ и эфесъ тяжелаго кирасирскаго палаша, была выведена короткая фраза:

„Интересующій васъ вопросъ рѣшонъ въ вашу пользу.“
Полковникъ Еропкинъ.

Я облегченно вздохнулъ, снялъ фуражку и перекрестился...

— Ну, а какъ „Замкни Токъ“? — спросилъ я, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Принятъ! — отвѣтилъ Случевскій.

На мгновенье я задумался:

— Значитъ, Борисъ...

— Перо! — захохоталъ Случевскій и добавилъ:

— Ну, да что ему горевать!.. Богатый жукъ!.. Если желаетъ, можетъ выйти въ гусары!

Мы пожали другъ другу руки и расцѣловались...

Часы отстукиваютъ свой ходъ и бѣгутъ дни, одинъ за другимъ, и все томительнѣй ожиданіе.

Правда, досуги заполнены лихорадочной суетой и сладкими, необычными, волнующими заботами. Каждый день, съ окончаніемъ строевыхъ занятій, цѣлыя пачки „корне-

товъ“ переплываютъ на лодкѣ озеро, садятся на дудергофской станціи въ поѣздъ и уносятся въ Петербургъ.

У лучшихъ столичныхъ портныхъ — у Доронина, Брунста и Норденштрема, примѣряются мундиры, колеты, доломаны, ментики, сюртуки, шьются шинели, рейтузы, чакчиры...

У Шмелева и Мѣщакинова заказываются сапоги — походные изъ юфти, шагрени и хрома, парадные изъ блестящаго французскаго лака...

У школьнаго поставщика Херкуса шьются цвѣтныя фуражки...

У знаменитаго Савельева, на Казанской, пріобрѣтаются, цѣлыми дюжинами, венгерскія шпоры, скаковыя, бальныя, корибуты...

Работаютъ извѣстные на всю русскую конницу сѣдельные мастера Вальтеръ и Кохъ...

У придворнаго поставщика оружія Шафа заказываются драгунскія шашки, уланскія и гусарскія сабли, кирасирскія шпаги и палаши...

У Фокина, Скосырева, Жегалова заказываются офицерскія вещи — каски съ золотыми и серебряными орлами, кирасы, вальтрапы, бобровыя шапки, кивера и драгунки армейскихъ полковъ, кавалерійскія перевязи, лядунки и портупеи, погоны и эполеты, шарфы и темляки, гусарскія ташки съ царскими вензелями...

Часы бѣгутъ.

Все отступаетъ на второй планъ передъ этими лихорадочными заботами, въ ожиданіи послѣдняго дня.

Это будетъ — семидесятый выпускъ изъ Школы!..

А служба?

Да службы уже, въ сущности, нѣтъ никакой.

По инерціи, еще продолжаются кое-какія занятія. А по вечерамъ, подъ навѣсомъ столовой, гремятъ трубачи, исполняя, по заказу, марши кавалерійскихъ полковъ.

Въ баракахъ, въ эскадронномъ буфетѣ, въ столовой и на передней линейкѣ, по всему Авангардному лагерю, раз-

носятся веселыя пѣсенки, бренчитъ гитара, звенитъ хохотъ и смѣхъ:

„Кто сивуху пьетъ безъ мѣры —
Это Конногренадеры!“

„Лейбъ-Гусары пьютъ одно
Лишь шампанское вино!“

„Кто въ Старушкахъ знаетъ толкъ —
Кирасирскій синій полкъ!“

Цукъ окончательно прекращенъ.

Передъ нами уже не „звѣри“, лохматые, косматые и хвостатые, не сугубые вандалы, сарматы и скифы, а наши доблестные наслѣдники, хранители лермонтовскихъ завѣтовъ, священныхъ школьныхъ традицій...

Проходитъ одинъ только день.

И на дверяхъ барака виситъ завѣтный плакатъ:

„Сегодня дежурнымъ назначается
I-ый лейбъ-драгунскій Московскій полкъ!“

48.

Дождь лилъ всю ночь. Къ утру онъ прекратился, но сырой промозглый туманъ висѣлъ надъ полями, а небо было закутано хмурою, сѣрою, безнадежною тканью.

Однако, мало по малу, кое-гдѣ заголубѣли просвѣты и, съ каждой минутой, темнозеленая шапка горы становилась все болѣе явственной.

Когда эскадронъ, тщательно обходя огромныя лужи, сталъ приближаться къ Лабораторной Рощѣ, неожиданно посвѣтлѣло и первый лучъ, пронизавъ тонкую пелену, разбѣжался по красносельскому полю.

Къ этому времени, со стороны главнаго лагеря, подъ трескъ барабановъ, пѣнье стрѣлковыхъ рожковъ и музыку

полковыхъ хоровъ, уже стягивались густыя массы пѣхоты, тянулись длинныя линiи батарей съ зарядными ящиками, скакали одиночные всадники, гремя бубенцами, съ круто отвернутыми на бокъ головами пристяжекъ, летѣли троечныя запряжки.

Конница подходила со всѣхъ сторонъ.

Изъ Кавелахтъ показалась голова гвардейскихъ Драгунъ... Изъ Виллозей шли Лейбъ-Казаки... Огибая съ противоположной стороны Дудергофское озеро, тянулись голубой лентой казаки-Атаманцы...

Со стороны Русскаго Капорскаго, бѣлымъ пятномъ, приближались Гусары... Съ Шунгоровскихъ высотъ спускались Лейбъ-Уланы и Конные Гренадеры... Наконецъ, изъ Краснаго Села, сомкнутымъ тяжелымъ квадратомъ, подходила кирасирская дивизiя...

Примѣрно къ десяти часамъ утра туманъ разсѣялся, небо стало принимать праздничный видъ и день, казавшiйся совсѣмъ безнадежнымъ, неожиданно засверкалъ солнечными огнями...

Эскадронъ, спѣшившись, стоялъ на правомъ флангѣ конницы, неподалеку отъ Лабораторной Рощи, закрытый густою колонной пѣхоты.

Гдѣ-то раздавались команды, кто-то съ кѣмъ-то здоровался, сверкали штыки, гремѣла музыка полковыхъ маршей. Эскадронъ трижды садился верхомъ, извлекалъ изъ ножонъ шашки и снова слѣзалъ съ коней.

Прошло еще не мало времени, пока, наконецъ, части не стали на точно указанныя имъ штабами мѣста, пока въ послѣдовательномъ порядкѣ, окруженные свитой, не объѣхали фронтъ начальники дивизiй, командиръ гвардейскаго корпуса, августѣйшiй главнокомандующiй.

Эскадронъ снова садился и снова слѣзалъ.

Вскорѣ, со стороны Краснаго Села, показалась группа всадниковъ съ развѣвающимися значками, среди которыхъ ярко полыхало желтое пятно императорскаго штандарта съ чернымъ двуглавымъ орломъ. Группа направилась къ

ближайшему фланту войскъ, сразу все смолкло и только голосистое ржаніе лошадей разливалось по военному полю.

Потомъ послышались знакомые звуки царскаго гимна. Они наростали, приближались съ каждымъ мгновеньемъ и, наконецъ, передаваясь отъ полка къ полку, зарокотали густыми бархатными октавами. И по всему полю, то затихая, то вспыхивая съ удвоенной силой, прокатилось „ура!“

Высочайшій объѣздъ продолжался не менѣе часа.

Только къ полудню Царскій Валикъ, съ высокимъ шатромъ посерединѣ, украшенномъ цвѣтами и лавровыми деревьями, сталъ наполняться избранными гостями — фрейлинами и придворными дамами, военными атташе иностранныхъ державъ, представителями дипломатическаго корпуса, чинами императорскаго двора, высшими сановниками, послами, министрами, великими княгинями и княжнами.

Бѣлая, какъ снѣгъ, четверка, въ упряжкѣ à la Daumont, съ жокеями въ алыхъ фракахъ и бѣлыхъ лосинахъ, плавно остановилась у Валика и обѣ императрицы, въ бѣлыхъ кружевныхъ платьяхъ, по убранной ковромъ лѣстницѣ, поднялись къ шатру...

Начинается какой-то сложный маневръ.

По свѣдѣніямъ, на Царскомъ Валикѣ находится президентъ французской республики и государь желаетъ показать высокому гостю боевое искусство и мощь своей арміи.

Части разводятся на-короткѣ. Снова производятся какія-то перестроенія. Пѣхота выбрасываетъ широкія цѣпи и перебѣжками ведетъ наступленіе. Раздаются свистки и команды. Артиллерія выѣзжаетъ на позицію, закутывается облакомъ дыма, гремитъ орудійными залпами:

— Бахъ-бахъ-бахъ!..

Однако, сознаніе какъ-то скудно воспринимаетъ эти

эффектныя батальныя сцены. Мысли сосредоточены на другомъ и все происходитъ какъ бы въ туманѣ.

Эскадронъ переходитъ съ мѣста на мѣсто, заѣзжаетъ то правымъ плечомъ, то лѣвымъ, поворачиваетъ повзводно налѣво-кругомъ, спѣшивается, снова садится, пересѣкаетъ пѣхотныя цѣпи, пропускаетъ несущуюся вскачь конную батарею, наконецъ, обнаживъ шашки, стремительно мчится на кого-то въ атаку, обдавая сосѣдей фонтанами жидкой грязи...

И вотъ издалека, сквозь топотъ и ржанье коней, побѣдные кличи, бряцанье оружія и грохотъ винтовочныхъ залповъ, доносятся звуки отбоя:

— Та-та-та!.. Та-та-та!.. Та-та-та!..

— Трубачъ, труби отбой!..

И начинается церемоніальный маршъ.

Снова зарокотала команда, блеснули офицерскія шашки, сверкнула щетина штыковъ и, густыми сомкнутыми колоннами, подъ музыку полковыхъ маршей, начала прохожденіе гвардейская пѣхота.

Развѣвались знамена, сверкали штыки, гремѣлъ глухой раскатъ барабановъ:

— Трамъ-тамъ-тамъ!.. Трамъ- тамъ- тамъ!..

Потомъ потянулись гвардейскія батареи, съ тяжелыми длинными пушками, съ передками, съ зарядными ящиками, влекомыми тремя парами долгогривыхъ, грудастыхъ, широкозадыхъ коней.

Хоръ трубачей кирасирской дивизіи подхватилъ „гвардейскій походъ“ и начался парадъ кавалеріи:

— Трамъ-трамъ!..

— Тр-дамъ, тр-дамъ, тр-дамъ!..

Эскадронъ Школы проходитъ развернутымъ строемъ передъ сидящимъ на сѣромъ конѣ императоромъ, передъ царскимъ шатромъ, съ обѣими императрицами и стоящимъ между ними высокимъ, стройнымъ, уже пожилымъ, но элегантнымъ мужчиной, со слегка серебрящимися усами

и головой, въ черномъ фракѣ съ голубой андреевской лентой, эффектно выдѣляющейся на бѣломъ фонѣ жилета.

Въ рукѣ онъ держитъ блестящій цилиндръ, которымъ, улыбаясь, время отъ времени, размахиваетъ по воздуху въ видѣ привѣтствія.

Это президентъ французской республики — Феликсъ Форъ.

„Оля сдѣлай ручкой,
Таня сдѣлай книксъ,
Къ намъ пріѣхалъ добрый
Дядюшка Феликсъ!...“

Оглашая поле ржаніемъ лошадей и топотомъ безчисленныхъ ногъ, сверкая клинками шашекъ, бѣлымъ сукномъ фуражекъ и моремъ пестрыхъ вьющихся флюгеровъ, на рослыхъ гнѣдыхъ, вороныхъ, караковыхъ и рыжихъ коняхъ, проходятъ, одинъ за другимъ, полки тяжелой кирасирской дивизіи.

Они проходятъ рысью, по-эскадронно, на эскадронной дистанціи.

За ними, крутымъ наметомъ, летитъ казачья бригада — Лейбъ-Казаки и Атаманцы.

За казаками, поднявъ лошадей въ галопъ, скачетъ легкая кавалерія — Конные Гренадеры, Лейбъ-Уланы, Драгуны.

Его высочество генералъ-маіоръ принцъ Луи-Наполеонъ Бонапартъ уклоняется отъ дефилированія передъ президентомъ французской республики и полкъ Лейбъ-Уланъ ведетъ старшій полковникъ.

Наконецъ, на бѣлыхъ, горячихъ коняхъ, точно снѣгъ въ лѣтній день, проносятся передъ царскимъ шатромъ Лейбъ-Гусары...

Церемоніальный маршъ законченъ и дальнѣйшее протекаетъ съ необыкновенною быстротой.

Эскадронъ снова подводится къ Царскому Валику и спѣшивается. Господа „корнеты“, передавъ своихъ ко-

ней молодежи, пристраиваются къ пажамъ и выпускнымъ юнкерамъ военныхъ училищъ.

Наступаетъ послѣдній актъ.

Флигель-адъютанты уже обходятъ ряды и вручаютъ каждому высочайшій приказъ... Высочайшій приказъ отъ тринадцатаго августа за № 225... Въ этомъ приказѣ, чернымъ по бѣлому, уже отпечатаны наши фамиліи...

Со стороны Царскаго Валика, окруженный дежурствомъ, лицами свиты, великими князьями и высшими генералами, отдѣляется императоръ, улыбающійся, радостно настроенный, оживленный, въ алой, надѣтой слегка набекрень гусарской фуражкѣ, въ бѣломъ кителѣ, перетянутомъ крестъ-на-крестъ золотой перевязью и шашечной портупеей, въ низенькихъ гусарскихъ ботикахъ съ золотыми розетками.

Не спѣша, онъ обходитъ ряды, пріостанавливается, задаетъ вопросы, смѣется... Потомъ отходитъ назадъ, благодаритъ за блестящій смотръ и яснымъ, громкимъ, хорошо слышнымъ голосомъ, съ ласковою улыбкою, произноситъ:

— Поздравляю васъ, господа, съ производствомъ въ офицеры!

И въ это мгновенье, чтобы украсить торжественную минуту, скрытый за легкимъ облачкомъ, огненный глазъ запылалъ на голубомъ небѣ...

Поле оглашается кликами...

Высоко въ воздухъ летятъ фуражки...

Сердце ликуетъ...

„Экваторъ" несетъ меня въ послѣдній разъ.

Полнымъ карьеромъ, во весь махъ, онъ уже приближается къ бѣлѣющимъ школьнымъ баракамъ... На передней линейкѣ онъ останавливается...

Я слѣзаю съ коня, угощаю кусочкомъ сахара, въ послѣдній разъ треплю его по гладкой вороной шеѣ, цѣлую въ храпки, въ мягкія безволосыя губы:

— Прощай, мой вѣрный пріятель, честно и благородно таскавшій меня два года на своей могучей спинѣ!

— Прощай, славный товарищъ, заработавшій мнѣ когда-то почетную юнкерскую награду!

— Прощай, дружище!..

49.

Къ семи часамъ вечера, какъ было условлено, собрались въ большой залѣ ресторана Дононъ.

Мягко струился матовый свѣтъ фонарей. Длинный столъ, уставленный всевозможной закуской — осетриной, балыками, икрой, паштетами изъ дичи и заливными, сардинами, омарами, маіонезами и салатами, сочными окороками и бѣлыми ломтями индѣйки, графинчиками съ водкой — бѣлоголовкой, бутылками съ рябиновкой и смирновкой, съ хересомъ, мадерой, портвейномъ, бѣлымъ и краснымъ виномъ, стоялъ посреди залы.

Свѣтъ отражался въ зеркалахъ, сверкалъ на золотѣ и серебрѣ новенькихъ офицерскихъ мундировъ, уланокъ, гусарскихъ венгерокъ. Со всѣхъ сторонъ слышались возгласы, звяканье шпоръ, веселыя восклицанія:

— Здорррово, гвардія!

— Здорово, Ямбургцы!

— Здорово, Нѣжинцы!

— Здравствуйте, господинъ корнетъ!

— Здравія желаю, ваше благородіе!..

Потомъ шумъ внезапно умолкъ и кто-то скомандовалъ громко, отчетливо, на весь залъ:

— Сми-и-рна!.. Гас-па-да аффи-церы!..

Съ малиновой фуражкой въ рукѣ, съ бѣлымъ крестикомъ въ петлицѣ Нижегородскаго сюртука, улыбаясь, кланяясь на обѣ стороны и какъ бы слегка присѣдая на каждомъ шагу, мягкой эластичной походкой вошелъ Константинъ Адамовичъ Карангозовъ.

Его тотчасъ окружили, пожимали руку, съ напускной важностью представлялись, называя полкъ, чинъ и фамилію:

— 3-го драгунскаго Сумскаго полка корнетъ Кириковъ!

— 19-го драгунскаго Кинбурнскаго полка корнетъ Мятлевъ!

— 26-го драгунскаго Бугскаго полка корнетъ Пленъ!...

Вскорѣ сѣли за столъ.

Въ центрѣ сидѣлъ командиръ эскадрона, имѣя по правую руку бывшаго эскадроннаго вахмистра, князя Леонида Елецкаго, въ мундирѣ улана Его Величества. Тутъ же сидѣлъ бывшій взводный капралъ перваго взвода, рослый, видный, щеголеватый, конногвардеецъ Вася Бискупскій. Неподалеку отъ него виднѣлся взводный второго взвода, тоненькій смуглолицый Сергѣй Юматовъ, въ эффектной венгеркѣ Гродненскаго полка.

Остальные сидѣли безъ опредѣленнаго плана, по способности, гдѣ какъ придется, какъ кому вздумается. Одна группа тянулась къ центру, другіе тянулись къ Давыду Давыдовичу, третьи взяли на свое попеченіе „Балалайку", Борю Гиппіуса, гусарскаго штабсъ-ротмистра Коваку...

Шумный товарищескій обѣдъ кипѣлъ огнемъ и весельемъ.

Спеціально приглашенный струнный оркестръ игралъ увертюру изъ „Легкой Кавалеріи", потомъ изъ „Евгенія Онѣгина", „Карменъ", „Нормы".

Когда подали шампанское и разлили вино по бокаламъ, Константинъ Адамовичъ позвонилъ въ блюдечко и поднялся:

— За Державнаго Вождя Русской Арміи, Государя Императора...

Всѣ встали съ мѣстъ.

Музыка заиграла гимнъ.

Крики „ура!" мѣшались со звономъ бокаловъ...

Потомъ пили за „славную гвардейскую Школу", за Константина Адамовича Карангозова — героя русско-турецкой войны и любимаго командира, пили за господъ офи-

церовъ Школы, за традиціи, за отдѣльныхъ лицъ, за полки русской конницы.

Почтили вставаніемъ память славнѣйшаго корнета — Михаила Юрьевича Лермонтова.

Кто-то затянулъ „Чарочку“ и чаша съ виномъ загуляла по залѣ:

„Чарочка моя,
Серебряная,
На золотомъ блюдѣ поставленная...“
Кому чару пить,
Кому выпивать —
Свѣту Константину Адамовичу!...“

Потомъ, главный тулумбашъ, Гродненскаго полка корнетъ Шмидтъ, сверкнувъ шнурами венгерки, поднялся съ мѣста, сдѣлалъ рукою знакъ — и мгновенно погасъ электрическій свѣтъ.

Въ наступившемъ мракѣ раздался тягучій басъ, спѣвшій вступительное четверостишіе — о Дудергофѣ, арапѣ, филинѣ... Со всѣхъ концовъ, точно мелкою барабанною дробью, ему отвѣтили „пѣсенкой о капралѣ“... И дружнымъ хоромъ, изо всѣхъ шестидесяти шести глотокъ, грянула знаменитая пѣсня:

„Пора начать намъ „Звѣріаду“,
Собрались звѣри всѣ толпой!...“

Снова сверкнулъ огонь, наполнилъ мягкимъ свѣтомъ зеркальную залу и снова зазвенѣли стаканы.

Еще долго не расходились, обносили „чарочкой“ столъ, пили на брудершафтъ съ лихимъ Давыдомъ Давыдовичемъ и маленькимъ „рипапуйкой“ Лишинымъ, съ Глѣбомъ Богимскимъ, съ Ковакой, съ „пичужкой-пташечкой“ — Сашей Сорокинымъ, съ милымъ Боренькой Гиппіусомъ:

„Выпьемъ мы за Борю,
Борю дорогого,
А пока не выпьемъ,
Не нальемъ другого!...“

„Балалайка“, охмѣлѣвшій, какъ змій, лизалъ тарелку съ пломбиромъ и когда къ нему подходили съ виномъ, огрызался и ревѣлъ хриплымъ голосомъ:

— Коррроче и въ шенкеляхъ!..

Мало-по-малу, ряды стали, однако, рѣдѣть.

Уже многіе покинули прощальную товарищескую пирушку, одни сознательно, изъ желанія выполнить намѣченную программу вечера по всѣмъ пунктамъ, другіе, въ нѣкоторомъ помутнѣніи мыслей, въ силу явной необходимости.

Ко мнѣ подошелъ Громовъ и Дробышевскій.

Оба были сильно на взводѣ, но держались еще на ногахъ.

— Ат-тосъ, кку-да ѣд-демъ? — спросилъ меня Громовъ, икнувъ и уставившись хмѣльнымъ взглядомъ. — Пить или не пить, сказалъ Гамлетъ?... Елки-палки!... Я кажется насвистался!..

Мнѣ было все равно.

Дробышевскій предложилъ на Крестовскій.

По его мнѣнію, это самый „аристократическій“ садъ.

— Дуй!

Накинувъ шинели, мы вышли изъ ресторана, усѣлись втроемъ на лихача и помчались.

Лихачъ погналъ рысака во всю прыть.

— Цокъ-цокъ-цокъ! — цокали стальныя подковы по мостовой и во всѣ стороны, какъ свѣтлячки, сыпались искры...

50.

Въ саду было полно.

Ярко пылали, на фонѣ темнаго неба, фонари, транспаранты, разноцвѣтные лампіоны, красивыми огненными гирляндами перекидывавшіеся изъ одного края въ другой.

Жужжалъ рой человѣческихъ голосовъ.

По всѣмъ направленіямъ мелькали офицерскія фуражки, котелки, цилиндры, соломенныя шляпы мужчинъ. Въ струящемся потокѣ, подъ перекрестнымъ огнемъ мужскихъ взоровъ, цвѣтными пятнами сверкали пестрые туалеты женщинъ, молодыхъ и красивыхъ, оголенныхъ или почти оголенныхъ, со смѣлыми, вызывающими улыбками.

Въ этотъ день столичное общество привлекаетъ въ садъ не столько программа, сколько желаніе взглянуть, какъ веселятся корнеты, принять участіе въ ихъ торжествѣ, завязать рядъ интересныхъ знакомствъ...

Звенѣлъ смѣхъ...

Бренчали сабли и кирасирскіе палаши...

Съ эстрады, окаймленной сплошнымъ моремъ свѣтового пожара, звучала румынская музыка...

Мы сѣли за отдѣльный столикъ, возлѣ эстрады, и потребовали вина.

Кто знаетъ, быть можетъ, въ послѣдній разъ сидятъ „Три Мушкетера“ за дружескою пирушкой?...

Завтра мы разлетимся во всѣ концы!...

Увидимся ли, встрѣтимся ли, когда-либо, кто знаетъ?..

На сцену, въ коротенькихъ юбочкахъ, изъ-подъ которыхъ выглядывали отдѣланные кружевомъ панталончики, въ маленькихъ, лихо вздѣтыхъ на бокъ шляпкахъ фасона „Марія-Антуаннетъ“, въ бѣлыхъ парикахъ, въ ленточкахъ, съ бѣлыми кружевными зонтиками въ рукахъ, выпорхнуло шесть молодыхъ дѣвушекъ.

Ставъ полукругомъ, онѣ запѣли модную пѣсенку.

Пропѣвъ четыре куплета, взялись за руки и, въ тактъ, подымая ноги выше головы, обнажая море бѣлаго, пѣнящагося, дразнящаго чувственность кружева, бросили бойкій рефренъ:

„Въ Парижѣ, въ Парижѣ,
Мужчины хороши,
Любовь тамъ нашу цѣнятъ
И любятъ отъ души!..“

На смѣну вышла каскадная пѣвица, стройная, рослая, черноволосая, въ унизанномъ блестками, глубоко вырѣзанномъ темномъ костюмѣ, эффектно выдѣлявшемъ высокую полную грудь.

Окинувъ публику привычной улыбкой, пославъ отдѣльный кивокъ знакомымъ, она соединила между собой пальцы рукъ, приложила ихъ къ груди и, опустивъ скромно глаза, запѣла низкимъ красивымъ голосомъ:

„Разъ мамаша, въ день рожденья,
Подарила мнѣ имѣнье,
Очень милое на взглядъ —
Былъ въ немъ крошка-водопадъ...“

Въ публикѣ засмѣялись... Кто-то закричалъ „браво!“.. Раздались рукоплесканія...

— Классная женщина! — произнесъ одобрительно Дробышевскій, и въ глазахъ его загорѣлись острые огоньки. — Тысяча и одна ночь... Клянусь!.. Что вы скажете, дѣтки?

Онъ вытащилъ портсигаръ, протянулъ его мнѣ со словами „прррошу, арррoматныя, дюбекъ высшаго качества!“ и продолжалъ отпускать по адресу пѣвицы лестныя фразы:

— Классная женщина!.. Прямо на ять!.. Есть за что подержаться!

Громовъ хлопалъ бокалъ за бокаломъ.

Я закурилъ папиросу и, обернувшись, разсѣянно глядѣлъ на эстраду...

— Здорово, однополчанинъ!.. И ты здѣсь?

Къ нашему столику, вихляющей, не вполнѣ увѣренною походкой, мотая изъ стороны въ сторону тяжелый кирасирскій палашъ и задѣвая имъ по ногамъ сидящихъ, подходилъ Случевскій.

Онъ былъ сильно пьянъ.

На его одутловатомъ лицѣ бродило блаженное выраженіе. Бѣлая фуражка была сдвинута на затылокъ. Огромная саженная фигура была туго затянута въ одно-

бортный съ голубыми кантами вицъ-мундиръ, о девяти золотыхъ пуговицахъ.

Онъ тяжело рухнулъ на стулъ и закричалъ:

— Эй, люди!.. Вина!..

Среди прогуливающейся публики мы замѣтили еще нѣсколькихъ друзей... Хорошенькая князя Андроникова, въ синей уланкѣ... Гасю Андреева, съ его пушистыми выхоленными усами, одѣтаго въ драгунскій мундиръ... Долгоносаго Рогулю, въ коротенькомъ, обшитомъ узкимъ серебрянымъ галуномъ, петанлерчикѣ Крымскаго коннаго полка...

Со всѣхъ сторонъ сверкали огни, звучала музыка, звенѣлъ женскій смѣхъ.

А съ эстрады, заглушаемые густыми взрывами хохота, точно журчащій ручей, лились игривые двусмысленные куплеты:

„Водопадъ мой, водопадъ,
Въ немъ вся жизнь моя, отрада,
Пусть мильоны мнѣ сулятъ,
Не отдамъ я водопада.
Пусть зовутъ меня смѣшной,
Я нисколько не стыжуся,
Водопадъ всегда со мной,
Водопадомъ я горжуся!..“

Грохотъ рукоплесканій покрылъ заключительныя слова:

— Браво, Калакуцкая!

— Биссъ!.. Браво!.. Биссъ!

— „Водопадъ!“.. Еще разъ!

„Водопадъ“!.. „Водопадъ“!.. Водопадъ“!..

На эстраду выбѣжала француженка.

Это была уже достаточно пожилая особа, съ помятымъ, густо накрашеннымъ и напудреннымъ лицомъ, на которомъ, точно два черныхъ орѣха, сидѣли круглые, наглые, бѣгающіе глаза.

Ея желтое, костлявое, съ выдающимися ключицами тѣло, было заключено въ оригинальный костюмъ, какое-то странное сочетаніе африканской экзотики съ кабареточной экстравагантностью. На черныхъ блестящихъ волосахъ сидѣла огромная шляпа, съ цѣлымъ каскадомъ развѣвающихся во всѣ стороны желтыхъ страусовыхъ перьевъ.

Кривляясь, какъ большая черная обезьяна, она сдѣлала знакъ дирижеру и, тонкимъ, визгливымъ, срывающимся на верхнихъ нотахъ голосомъ, запѣла парижскую шансонетку.

Она размахивала руками, бѣгала по всей сценѣ, иногда, обернувшись спиною къ публикѣ, высоко приподымала длинный хвостъ юбки и, на мгновенье, показывала задъ. Продолжая пѣть, время отъ времени, худой костлявой рукой, затянутой до плеча въ черную перчатку, манила къ себѣ кого-либо изъ сидящихъ за столиками мужчинъ:

„C'est toi,
Je te vois,
Mon ami, si doux, si tendre,
Alexandre,
Alexandre!..“

— Сашка, она тебя зоветъ! — захохоталъ Дробышевскій.

Въ самомъ дѣлѣ, обернувшись въ нашу сторону, француженка глядѣла на Громова и манила его рукой.

Мы захохотали.

Сидѣвшая поблизости публика, въ свою очередь, засмѣялась.

Громовъ смутился.

— Вотъ стерва! — произнесъ онъ тяжелымъ хмѣльнымъ угрожающимъ басомъ. — Я ее вовсе не знаю!.. Ей Богу!.. Въ первый разъ вижу!

— Пошли ей бокалъ! — подзадоривалъ Дробышевскій. — Принципіально!.. Это будетъ классъ!.. Честное, благородное слово!... Пароль д'оннеръ!

Къ намъ подсѣли Андрониковъ, Рогуля, Гася Андреевъ.

Снова потребовали вина.

Захлопали пробки.

На эстрадѣ, въ бѣлыхъ, расшитыхъ чернымъ шнуромъ безрукавкахъ, появились румыны, съ цимбалами, скрипками и прочими инструментами.

Попойка была въ разгарѣ.

Я не былъ пьянъ. Отъ вина, отъ музыки, отъ веселаго смѣха женщинъ кружилась только слегка голова и сладкій туманъ застилалъ, на минуту, сознаніе...

Я перевелъ взоръ съ эстрады и оглянулся на садъ.

Попрежнему, на широкой, залитой огнями садовой площадкѣ, въ полутемныхъ аллеяхъ, бродили по всѣмъ направленіямъ отдѣльныя парочки, разносились шумныя восклицанія, густой хохотъ мужчинъ, звонкій смѣхъ и визгъ женщинъ.

Передо мной мелькнула дѣвушка, въ широкой бархатной шляпѣ, съ алою розою у корсажа.

Я провелъ рукой по глазамъ, точно не вѣря себѣ, на мгновенье прищурился и улыбнулся. Знакомый образъ тотчасъ вызвалъ рядъ милыхъ воспоминаній.

— Кудлашка!

Я всталъ изъ-за стола и выбѣжалъ въ садъ.

Маруся уже издали увидѣла меня и, въ свою очередь, направлялась ко мнѣ.

— Черкесовъ, здравствуйте! — сказала Кудлашка съ восхищенной улыбкой и протянула руку. — Поздравляю васъ съ монаршею милостью!.. Голубчикъ!.. Я такъ рада!.. Безумно!.. Вотъ такъ встрѣча!.. Вы давно здѣсь?.. Я только что пріѣхала!

Она оглядѣла меня сверху до низу.

— Ну, теперь вы совсѣмъ красавчикъ! — сказала Кудлашка, засмѣявшись и сверкнувъ двумя рядами плотныхъ бѣлыхъ зубовъ. — Гатчинскій кирасиръ!.. Влюбиться можно!.. Впрочемъ, я уже давно въ васъ влюблена!.. Не вѣрите?.. Честное слово!

Я улыбнулся и взялъ ее за руки.

— Кудлашка, пойдемъ въ залу! — произнесъ я. — Выпьемъ бокалъ вина!.. Можетъ быть, хочешь поужинать?.. Я сижу тамъ съ друзьями!

Маруся оглянулась и поморщилась:

— Они пьяные!.. А кромѣ того, ужинать я не хочу!.. Ну, такъ и быть, посижу четверть часа!.. Нужно чокнуться за „славную Школу", за традиціи, за новыхъ корнетовъ!

Черезъ минуту мы сидѣли за общимъ столомъ.

Кудлашка пила съ нами вино, смѣялась, чокалась, забавляла насъ своей милою болтовней, грозила пальчикомъ и надувала капризно губки, если кто-либо позволялъ себѣ игривую шутку и вольности.

Хлопали пробки, визжали скрипки румынъ, шурша юбками и обдавая ароматомъ острыхъ духовъ, проходили женщины, съ жемчугами на оголенныхъ шеяхъ и бюстахъ, съ золотыми браслетами, съ брилліантовыми перстнями на пальцахъ...

Совершенно охмѣлѣвшій Случевскій обводилъ залъ блуждающимъ взоромъ, съ явнымъ неудовольствіемъ останавливалъ его на оживленной, смѣющейся публикѣ и, время отъ времени, дѣлалъ попытки подняться.

Наконецъ, съ усиліемъ оторвавшись отъ стула, поднялся во весь свой гигантскій ростъ и, гремя палашомъ, шатающейся походкой подошелъ къ сосѣднему столику, за которымъ сидѣло двое молодыхъ статскихъ и дама.

Мы не успѣли его удержать.

— Кто сказалъ гробъ? — произнесъ онъ, добавивъ непечатную фразу и, не ожидая отвѣта, легкимъ ударомъ ладони нахлобучилъ одному изъ сидѣвшихъ котелокъ по самыя уши.

Дама взвизгнула.

Оба статскихъ вскочили съ мѣстъ, оживленно жестикулируя, требуя объясненій.

— М-молчи, ершъ! — мрачно процѣдилъ Случевскій и принялъ угрожающую позицію. Мы кинулись къ нему

и схватили за руки. Публика насторожилась, въ ожиданіи скандала.

Отъ ближайшаго столика поднялся дежурный плацъ-адъютантъ, штабсъ-ротмистръ князь Вяземскій. Торопливо подбѣжавъ къ намъ на своихъ толстыхъ, короткихъ ногахъ, онъ сказалъ нѣсколько словъ и предложилъ перейти въ кабинетъ.

Было жарко...

Рябило въ глазахъ...

Туманъ стлался все сильнѣй и сильнѣе...

51.

Золотой лучъ ударилъ въ окно, разбѣжался, заигралъ на стѣнѣ пестрыми зайчиками — желтыми, красными, фіолетовыми.

Изъ окна доносились отдаленные шумы города — дребезжанье пролетокъ, свистки пароходовъ, перезвоны колоколовъ...

Я проснулся и, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, съ изумленіемъ оглядывался по сторонамъ.

Я лежалъ въ мягкой двуспальной постели, среди такихъ же мягкихъ подушекъ, укрытый алымъ шелковымъ одѣяломъ.

Въ сравнительно небольшой комнатѣ было чисто, опрятно, уютно. На полу, во всю ширину, лежалъ алый, пушистый коверъ съ оранжевыми цвѣточками. Такой же коверъ, меньшихъ размѣровъ, висѣлъ на противоположной стѣнѣ, спускаясь къ низенькому дивану съ парою мягкихъ креселъ.

На подоконникѣ стояли горшочки съ геранью, съ душистымъ горошкомъ, съ томными альпійскими цикламенами.

Въ углу былъ виденъ платяной шкафъ.

Рядомъ, покрытый цвѣтною скатертью, стоялъ столъ, съ небольшимъ овальнымъ зеркаломъ, съ женскими бездѣлушками — гранеными флакончиками изъ-подъ духовъ,

металлическими коробочками, гребенками, ленточками, шелковыми моточками, незаконченнымъ рукодѣльемъ.

На маленькомъ ночномъ столикѣ, у изголовья кровати, дымился кофейникъ и лежала ваза съ бисквитами.

Я продолжалъ, съ недоумѣніемъ, разглядывать обстановку, не отдавая себѣ отчета...

Неожиданно раздался стукъ въ дверь и вошла Кудлашка.

— Черкесовъ, вы уже проснулись? — засмѣялась она. — Ну, вотъ и отлично!.. Кирасирчикъ, какъ спали?.. Что снилось на новосельи?.. Ха-ха-ха-ха!

Я приподнялся съ подушекъ.

— Кудлашка, что это значитъ? — спросилъ я. — Какъ я сюда попалъ?

Маруся снова захохотала:

— Очень просто!.. Всѣ вы перепились и стали даже скандалить!.. Пришлось васъ развезти по домамъ!.. Я взяла на свое попеченіе васъ!.. Что же мнѣ оставалось съ вами дѣлать?.. Ха-ха-ха-ха!

Она присѣла ко мнѣ на кровать, погладила меня по волосамъ и сказала:

— Голубчикъ!.. Я вышла только на одну минутку!.. Надо было купить свѣжихъ булочекъ!

Маруся встала и подошла съ пакетомъ къ столу.

— Но, позволь?.. Какъ же такъ? — продолжалъ я недоумѣвать. — Кто же меня раздѣлъ?

Кудлашка покатилась со смѣха.

— Какъ кто? — сказала она. — Кто привезъ, тотъ и раздѣлъ.. Я же васъ и раздѣла!

Маруся порылась въ шкафу, достала двѣ фарфоровыя чашечки, налила кофе и снова присѣла ко мнѣ на кровать. Точно ребенка, она угостила меня свѣжимъ, еще теплымъ калачикомъ и снова налила кофе.

Замѣтивъ на стулѣ мою фуражку, вскинула ее на голову, и лихо, по военному, отдала честь:

— Здравія желаю, господинъ кирасиръ!

— Ахъ, Кудлашка, Кудлашка! — улыбнулся я. — Ну, что ты надѣлала?.. Какъ все это забавно!.. Неужели я, въ самомъ дѣлѣ, былъ пьянъ?

— Какъ слонъ! — снова покатилась Кудлашка.

Ея хорошенькое лукавое личико, съ копной густыхъ, курчавыхъ, черныхъ, какъ смоль, волосъ не переставало мнѣ улыбаться. Меня начинала дразнить ея стройная, красиво уширявшаяся къ бедрамъ фигурка, выпуклая, хорошо развитая грудь, полныя ножки въ тонкихъ ажурныхъ чулкахъ.

— Кудлашка! — тихимъ голосомъ позвалъ я.

Маруся, распахнувъ настежь окно, перегнувшись, смотрѣла на улицу. Городскіе шумы стали сразу болѣе рѣзкими и вмѣстѣ съ ними въ комнату ворвалось вѣяніе лѣтняго дня.

Маруся обернулась и подошла ко мнѣ:

— Честь имѣю явиться!.. Что прикажете, господинъ корнетъ?

— Кудлашка, не дурачься! — улыбнулся я. — Садись ко мнѣ ближе!

Она сѣла рядомъ со мной и нагнулась къ моему лицу. Черная прядь прикоснулась къ моей щекѣ, обдавъ крѣпкимъ, острымъ запахомъ женскаго тѣла.

Я схватилъ ее за плечи и привлекъ къ себѣ.

Кудлашка, со смѣхомъ, прильнула къ моей груди и зарыла лицо въ подушку. Дрожащими пальцами я шарилъ по горячему тѣлу дѣвушки, разстегивалъ пуговки на ея блузкѣ, срывалъ тесемки на юбкѣ.

— Погодите! — сказала Кудлашка. — Я сама!.. Отвернитесь только на минутку!

Я закрылъ глаза...

Черезъ минуту Кудлашка стояла передо мной въ одной сорочкѣ.

Ея зардѣвшееся отъ смущенія личико глядѣло на

меня съ подкупающей нѣжностью, ласковостью, покорностью.

Я схватилъ ее за руку и, однимъ движеніемъ, бросилъ въ постель.

Обвивъ мою шею, Кудлашка цѣловала меня въ губы, въ щеки, въ глаза. Ея бѣлая плотная грудь то бурно приподымалась, то опускалась.

Горячее дыханіе затуманило мою голову.

— Черкесовъ, я люблю тебя! — шептала Кудлашка, покрывая меня поцѣлуями. — Ты будешь мой?.. Я никому тебя теперь не отдамъ!.. Ты вѣдь еще невинный?.. Правда, ты не имѣлъ еще никого?.. Милый!... Родименькій мой!

Я сорвалъ съ нея сорочку.

Впервые я увидѣлъ передъ собой обнаженную женщину, въ непосредственной близости, молодую, прекрасную, полную свѣжести и задора, трепещущую въ моихъ рукахъ, точно подстрѣленная голубка.

Копна черныхъ густыхъ волосъ обрамляла улыбавшуюся мнѣ головку... Два безстыжихъ полушарія бѣлой груди, съ розовыми, какъ лепестки, сосками, касались моего тѣла... Дальше шла чистая, дѣвичья, чуть закруглявшаяся, словно чаша, линія живота... Еще дальше... темный пушистый клубокъ и бѣлыя полныя ножки съ маленькими ступнями...

И грубо обхвативъ дѣвушку, я съ силой привлекъ къ себѣ...

52.

Скорый поѣздъ уноситъ меня на югъ.

Я сижу въ купэ перваго класса одинъ. Сквозь зеркальныя стекла мелькаютъ поля, луга, перелѣски. Какъ птицы пролетаютъ верстовые столбы. Мелькаютъ полустанки и станціи. Хрипло, простуженнымъ голосомъ, звенятъ звонки, проносится гулъ встрѣчнаго поѣзда, а колеса выстукиваютъ мелкую дробь:

— Трахъ-тахъ!.. Трахъ-тахъ!..

И въ тактъ этой колесной симфоніи, звучатъ знакомыя рифмы и слышанный гдѣ-то мотивъ:

— На югъ!.. На югъ!..

Въ моемъ распоряженіи двадцать восемь дней отпуска. Цѣлый мѣсяцъ я проведу въ обществѣ дорогой матушки, брата, сестры, которые, какъ и въ прошломъ году, вѣроятно, съ нетерпѣніемъ меня поджидаютъ.

О, теперь они увидятъ передъ собой не скромнаго юношу, въ безкозыркѣ и бѣленькой гимнастеркѣ, стянутой лосинымъ ремнемъ!.. Передъ ними будетъ стоять корнетъ, настоящій гвардейскій корнетъ!...

И меня охватываетъ невыразимая радость...

Въ Любани скорый поѣздъ дѣлаетъ пятиминутную остановку.

Я выхожу изъ купэ и направляюсь къ буфету.

За столомъ, склонившись надъ стаканомъ чая, сидитъ какой-то юнкеръ. При моемъ появленіи, онъ вскакиваетъ, какъ на пружинѣ, широко раскрываетъ глаза и отдаетъ честь.

Я небрежно отмахиваюсь и подхожу къ стойкѣ.

Когда я возвращаюсь обратно, юнкеръ вскакиваетъ вторично.

— Прошу не безпокоиться, молодой человѣкъ! — растягивая слова, роняю я небрежнымъ тономъ и снова забираюсь въ купэ...

— Трахъ-тахъ, трахъ-тахъ! — звенитъ металлическая симфонія и снова, съ изумительной четкостью, проносится рой пережитыхъ дней, мыслей, воспоминаній.

Безконечной вереницей, одинъ за другимъ, проходятъ образы Дробышевскаго, Громова, „Души Общества“ — барона Фрэда... Вотъ милая тантъ Мари, розовый пажикъ, графиня Евдокія Валерьяновна...

Словно чайка въ туманѣ, промелькнуло бѣлокурое личико Анечки... Промелькнуло — и снова исчезло...

И я не почувствовалъ ни боли, ни муки...

Только, какъ легкое облачко, пролетѣла тихая грусть, овѣявъ меня еле уловимымъ дыханіемъ...

Я исцѣлился отъ своей сантиментальной любви!...

На мгновенье, мысли переносятся къ „славной гвардейской Школѣ“, къ старинному зданію съ длиннокрылымъ николаевскимъ орломъ на фронтонѣ, къ „корнетской“ лѣстницѣ, къ „лермонтовскому“ углу, къ средней площадкѣ съ портретами императоровъ...

И въ тактъ колесной симфоніи звучитъ милая, родная, безконечно знакомая пѣсня:

„Пора начать намъ „Звѣріаду“,
Собрались звѣри всѣ толпой!..“

Огненный лучъ пронизываетъ стекло, крадется по стѣнкѣ купэ, поджигаетъ висящую на крюкѣ голубую фуражку съ бѣлой тульей, ярко золотитъ эфесъ длиннаго кирасирскаго палаша...

Я улыбаюсь и уношусь въ новый міръ, широко распахивающій передо мной свои таинственныя врата, призывающій къ новымъ радостямъ, къ новому счастью, къ новымъ, еще неизвѣданнымъ зорямъ...

Конецъ.

КРАТКІЙ СПИСОКЪ.

1. ЛЕРМОНТОВЪ, Михаилъ Юрьевичъ. Юнкеръ Школы. Лб. Гв. Гусарскаго Его Величества полка. Поручикъ. Убитъ на поединкѣ 15 іюля 1841 г. †
2. МАХОТИНЪ, Николай Петровичъ. Лб. Гв. Семеновскаго полка, Генеральнаго Штаба, генералъ-отъ-инфантеріи. Главный Начальникъ Военно-Учебныхъ Заведеній. †
3. ПЛЕВЕ, Павелъ Адамовичъ. Начальникъ Школы. Лб. Гв. Уланскаго Его Величества полка. Генеральнаго Штаба, генералъ-отъ-кавалеріи. Командующій войсками Московскаго военнаго округа, командующій 5-ой арміей Кавалеръ ордена св. Георгія. †
4. АЛЕКСѢЕВЪ, Михаилъ Васильевичъ. Профессоръ, лекторъ Школы. 64-го пѣх. Казанскаго полка. Генеральнаго Штаба, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи. Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Кавалеръ ордена св. Георгія. †
5. СУХОМЛИНОВЪ, Николай Александровичъ. Командиръ эскадрона. Лб. Гв. Уланскаго Его Величества полка. Генералъ-отъ-кавалеріи. Степной генералъ-губернаторъ. †
6. ДЕДЮЛИНЪ, Владиміръ Александровичъ. Лекторъ Школы. Лб. Гв. Уланскаго Его Величества полка. Генеральнаго Штаба, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи. Дворцовый комендантъ. †
7. КАРАНГОЗОВЪ, Константинъ Адамовичъ. Командиръ эскадрона. 44-го драгунскаго Нижегородскаго Его Величества полка. Генералъ-лейтенантъ. Одесскій военный губернаторъ. Кавалеръ ордена св. Георгія. Убитъ революціонерами въ 1905 году. †

8. ЛОПУХИНЪ, Дмитрій Александровичъ. Адъютантъ Школы. 44-го драгунскаго Нижегородскаго Его Величества полка. Генеральнаго Штаба генералъ-маіоръ. Командиръ Лб. Гв. Конногренадерскаго полка. Кавалеръ ордена св. Георгія. Убитъ въ кампаніи 1914 года. †

9. ДИТЕРИХСЪ, Давыдъ Давыдовичъ. Офицеръ Школы. Ротмистръ Лб. Гв. Конногренадерскаго полка. Свѣдѣній нѣтъ.

10. КОВАКО, Юрій Александровичъ. Офицеръ Школы. Штабсъ-ротмистръ, Лб. Гв. Гродненскаго гусарскаго полка. Свѣдѣній нѣтъ.

11. ПОНОМАРЕВЪ, Владимиръ Петровичъ. Офицеръ Школы. Штабсъ-ротмистръ 48-го драгунскаго Украинскаго полка. Свѣдѣній нѣтъ.

12. ГИППІУСЪ, Борисъ Александровичъ. Офицеръ Школы. Штабсъ-ротмистръ Лб. Гв. Конногренадерскаго полка. Свѣдѣній нѣтъ.

---

1. АВАЛОВЪ, князь. 15 др. Александр. п. Свѣдѣній нѣтъ.
2. АЛЬБРЕХТЪ. Лб. Гв. Конн. п. Ротмистръ. Въ эмигр.
3. АНДРЕЕВЪ. 30 др. Ингерманланд. п. Свѣдѣній нѣтъ.
4. АНДРОНИКОВЪ, князь. Лб. Гв. Уланскаго Ея Величества п. Полк. Въ эмиграціи.
5. БАБКИНЪ. Лб. Гв. Конногренадер. п. Свѣдѣній нѣтъ.
6. БАРАТОВЪ, князь. Лб. Гв. Гродн. гус. п. Корнетъ. †
7. БЕЗОБРАЗОВЪ. 27. др. Кіевскаго п. Въ эмиграціи.
8. БЕХТѢЕВЪ. Свѣдѣній нѣтъ.
9. БИСКУПСКІЙ. Лб. Гв. Коннаго п. Ген. Маіоръ. Кав. св. Георгія. Въ эмиграціи.
10. БЛАНКЪ. 3 др. Сумскаго полка. Свѣдѣній нѣтъ.
11. БОРИСЪ ВЛАДИМИРОВИЧЪ, великій князь. Лб. Гв. Гус. Его Велич. п. Въ эмиграціи.
12. БУЛАЦЕЛЬ. 30 др. Ингерман. п. Полков. Въ эмиграціи.
13. БУТУРЛИНЪ. Кавалергард. Ея Вел. п. Въ эмиграціи.

14. БѢЛОГОРСКІЙ. 26. др. Бугскаго п. Поручикъ. Убитъ въ кампаніи 1904 г. †.
15. ВЕЛИГОНОВЪ. Лб. Гв. Драгунскаго п. Поручикъ. †
16. ВЕШНЯКОВЪ. Лб. Гв. Уланск. Ея Вел. п. Поруч. †.
17. ВОЛЫНСКІЙ. Лб. Гв. Кирасирскаго Его Величества п. Шт. ротмистръ. †.
18. ВОЛЬСКІЙ. Лб. Гв. Кирасирск. Его Велич. п. Разстр. больш. въ 1918 г. †.
19. ГАТОВСКІЙ. Лб. Гв. Гродн. гус. п. Ген. Штаба. Полковникъ. Въ СССР.
20. ГЕССЪ де КАЛЬВЕ. 50 др. Иркутск. п. Земск. нач. †.
21. ГОЛУБОВЪ. 1 лб. др. Москов. п. Ротм. Свѣдѣн. нѣтъ.
22. ГОЛѢЕВСКІЙ. 36 др. Ахтырскаго п. Ген. Штаба Ген. Маіоръ. Въ эмиграціи.
23. ГРЕВСЪ. Лб. Гв. Гусар. Е. В. п. Ген. Маіоръ. Въ эмигр.
24. ГРУИЧЪ. Сербской королевск. конницы генералъ.
25. ГРЮНВАЛЬДЪ. Лб. Гв. Конногренадерск. п. Корнетъ. Поконч. самоубійствомъ. †.
26. ГУДИМА. 32 др. Чугуевскаго п. †.
27. ГЮББЕНЕТЪ. 52 др. Нѣжинскаго п. †.
28. ДАВЫДОВЪ. Лб. Гв. Уланск. Ея Вел. п. Въ эмиграціи.
29. ДАНИЛЕВСКІЙ. 30 др. Ингерман. п. Въ эмиграціи.
30. ДЕМБИНСКІЙ-ПІОРО. 51 др. Черниговскаго п. Земскій начальникъ. Свѣдѣній нѣтъ.
31. ДЕМЬЯНОВИЧЪ. 9 др. Елисаветград. п. Въ эмиграціи.
32. ЕЛЕЦКІЙ, князь. Лб. Гв. Уланскаго Его Величества п. Полковникъ. Въ эмиграціи.
33. ЗАРУБАЕВЪ. 41 др. Ямбургскаго п. Корнетъ. †.
34. ЗАМАРАЕВЪ. Лб. Гв. Гродненск. гус. п. Ротмистръ. †.
35. ЗБЫШЕВСКІЙ. Лб. Гв. Кирасирскаго Ея Величества п. Ротм. Убитъ въ камп. 1915 г. †.
36. ЗУБАЛОВЪ. 26 др. Бугскаго п. Унт.-оф. Свѣд. нѣтъ.
37. ЗУБОВЪ. Лб. Гв. Кирас. Его Велич. п. Свѣдѣн. нѣтъ.
38. ИВАНОВЪ. Коллежскій регистраторъ. Свѣдѣн. нѣтъ.
39. ИКСКЮЛЬ, баронъ. Лб. Гв. Кирас. Е. Вел. п. Полк. †.
40. ИЛОВАЙСКІЙ. Лб. Гв. Гродненскаго гус. п. Сконч. въ эмиграціи †.

41. ИЛЬЕНКО. Лб. Гв. Гродненскаго гус. п. Полк. Кав. св. Георгія. Погибъ въ СССР. †.
42. КАРЦОВЪ. Лб. Гв. Гродн. гус. п. Корнетъ. Покончь. самоубійствомъ. †.
43. КАШМЕНСКІЙ. Лб. Гв. Гродненскаго гус. п. Полковн. Свѣдѣній нѣтъ.
44. КИРИКОВЪ. 3 др. Сумскаго п. Свѣдѣній нѣтъ.
45. КОЗЛОВСКІЙ. 50. др. Иркутск. п. Поручикъ. Убитъ въ кампаніи 1904 г. †.
46. КОЛОГРИВОВЪ. 50 др. Иркутскаго п. Корнетъ. Убитъ въ 1900 г. †.
47. КРАМАРЕВЪ. Лб. Гв. Конногрен. п. Полк. Въ эмигр.
48. КРИВЦОВЪ. Лб. Гв. Кирасир. Его Велич. п. Разстр. больш. въ 1918 г. †.
49. КУНИЦКІЙ. 37 др. Воен. Орд. п. Ген. польской службы въ отставкѣ.
50. ЛАЗАРЕВЪ. Лб. Гв. Гродн. гус. п. Полковн. Кав. св. Георгія. Въ СССР.
51. ЛЕВИЗЪ офъ МЕНАРЪ I. Лб. Гв. Кирасир. Его Вел. п. Въ эмиграціи.
52. ЛЕВИЗЪ офъ МЕНАРЪ II. Лб. Гв. Кирасир. Его Вел. п. Погибъ въ СССР. †.
53. ЛИНДЕРЪ. Лб. Гв. Уланск. Ея Велич. п. Въ эмиграціи.
54. ЛУТОВИНОВЪ. Лб. Гв. Драгунскаго п. Новгор. губ. предв. двор. Свѣдѣній нѣтъ.
55. МЕНДЪ, баронъ. Лб. Гв. Конногренадер. п. Въ эмигр.
56. МОЛАСЪ. 39 др. Нарвскаго п. Поруч. Свѣдѣн. нѣтъ.
57. МЯТЛЕВЪ. 19 др. Кинбурнск. п. Поручикъ. †.
58. НАСОНОВЪ. 19 др. Кинбурнскаго п. Въ эмиграціи.
59. НЕВѢРОВСКІЙ. 22 др. Астраханскаго п. Свѣд. нѣтъ.
60. НЕТТЕЛЬГОРСТЪ, баронъ. Лб. Гв. Драгунскаго п. Полковникъ. Въ эмиграціи.
61 НОВОСИЛЬЦОВЪ. Лб. Гв. Коннаго п. Въ эмиграціи.
62. НОЛЬКЕНЪ, баронъ. Свѣдѣній нѣтъ.
63. ОЗНОБИШИНЪ. 1 лб. др. Московскаго п. Свѣд. нѣтъ.
64. ОФРОСИМОВЪ. 52 др. Нѣжинскаго п. Земскій нач. Свѣдѣній нѣтъ.

